

Маршалы Наполеона

Р. П. Данн-Паттисон

Napoleon's Marshals

R. P. Dunn-Pattison

Электронная книга проекта "Гутенберг" о маршалах Наполеона

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Титул: Маршалы Наполеона

Автор: Р. П. Данн-Паттисон

Дата выхода: 23 ноября 2010 [Электронная книга № 34400]

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Стивен Гиббс, Моти Бен-Ари и команда онлайн-редакторов по адресу <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА" ***

МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА

МАРШАЛ НЕЙ, ПРИКРЫВАЮЩИЙ ОТСТУПЛЕНИЕ
С КАРТИНЫ ИВОН В ВЕРСАЛЕ

МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА

АВТОР Р. П. ДАНН-ПАТТИСОН, МАГИСТР медицины

ПОКОЙНЫЙ ЛЕЙТЕНАНТ АРГАЙЛЛ И ГОРЦЫ САЗЕРЛЕНДА, А КОГДА-ТО ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
КОЛЛЕДЖА МАГДАЛИНЫ В ОКСФОРДЕ

С ДВАДЦАТЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

МЕТНУЕН & СО.
ЭССЕКС-СТРИТ, 36, WC
ЛОНДОН

Содержание

	СТРАНИЦА
ВВЕДЕНИЯ	ix
КРАТКИЙ ОБЗОР МАРШАЛОВ	XVIII
I. ЛУИ АЛЕКСАНДР БЕРТЬЕ, МАРШАЛ, ПРИНЦ ВАГРАМА, СУВЕРЕННЫЙ ПРИНЦ НЕВШАТЕЛЯ И ВАЛАНЖЕНА	1
II. ИОАХИМ МЮРАТ, МАРШАЛ, КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ	23
III. АНДРЕ МАССЕНА, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ РИВОЛИ, ПРИНЦ ЭССЛИНГА	49
IV. ЖАН БАТИСТ ЖЮЛЬ БЕРНАДОТ, МАРШАЛ, ПРИНЦ ПОНТЕ-КОРВО, КОРОЛЬ ШВЕЦИИ	72
Против ЖАНА ДЕ ДЬЕ НИКОЛЯ СУЛЬТА, МАРШАЛА , ГЕРЦОГ ДАЛМАЦИИ	93
VI. ЖАН ЛАНН, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ МОНТЕБЕЛЛО	117
VII. МИШЕЛЬ НЕЙ, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ ЭЛЬХИНГЕНСКИЙ, КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ	141
VIII. ЛУИ НИКОЛЯ ДАВУ, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ АУЭРШТЕДТСКИЙ, ПРИНЦ ЭКМЮЛЬСКИЙ	162
IX. ЖАК ЭТЬЕН ЖОЗЕФ АЛЕКСАНДР МАКДОНАЛЬД, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ ТАРЕНТСКИЙ	183
X. ОГЮСТ ФРЕДЕРИК ЛУИ ВИЕСС ДЕ МАРМОН, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ РАГУЗСКИЙ	200
XI. ЛУИ ГАБРИЭЛЬ СУШЕ, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ АЛЬБУФЕРСКИЙ	219
XII. ЛОРАН ГУВИОН СЕН-СИР, МАРШАЛ	231
XIII. БОН АДРИАН ЖАННО ДЕ МОНСИ, МАРШАЛ, герцог КОНЕЛЬЯНО	245
XIV. ЖАН БАТИСТ ЖУРДЕН, МАРШАЛ	251
XV. ШАРЛЬ ПЬЕР ФРАНСУА ОЖЕРО, МАРШАЛ, герцог КАСТИЛЬОНЕ	259
XVI. ГИЙОМ МАРИ АНН БРЮН, МАРШАЛ	268
XVII. АДОЛЬФ ЭДУАРД КАЗИМИР ЖОЗЕФ МОРТЬЕ, МАРШАЛ,	

герцог ТРЕВИЗО	278
XVIII. ЖАН БАТИСТ БЕССЬЕР, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ ИСТРИИ	286
XIX. КЛОД ВИКТОР ПЕРРЕН, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ БЕЛЛУНО	296
XX. ЭММАНУЭЛЬ ДЕ ГРУШИ, МАРШАЛ	305
XXI. ФРАНСУА КРИСТОФ КЕЛЛЕРМАН, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ ВАЛЬМИ	316
XXII. ФРАНСУА ЖОЗЕФ ЛЕФЕВР, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ ДАНЦИГА	322
XXIII. НИКОЛЯ ШАРЛЬ УДИНО, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ РЕДЖО	333
XXIV. ДОМИНИК КАТРИН ДЕ ПЕРИНЬОН, МАРШАЛ	344
XXV. ЖАН МАТЬЕ ФИЛИБЕР СЕРЮРЬЕ, МАРШАЛ	349
XXVI. КНЯЗЬ ЖОЗЕФ ПОНЯТОВСКИЙ, МАРШАЛ	354

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

МАРШАЛ НЕЙ, ПРИКРЫВАЮЩИЙ ОТСТУПЛЕНИЕ
(С картины Ивон в Версале. Фото Neurdein)

Фронтиспис

ЛИЦЕВАЯ СТРАНИЦА

АЛЕКСАНДРА БЕРТЬЕ, ПРИНЦА ВАГРАМСКОГО (С гравюры по мотивам картины Пажу сына)	4
ИОАХИМА МЮРАТА, ВПОСЛЕДСТВИИ КОРОЛЯ Неаполя (С картины Жерара в Версале. Фото Neurdein)	24
АНДРЕ МАССЕНА, ПРИНЦ ЭССЛИНГСКИЙ	51
ЖАН БАТИСТ БЕРНАДОТТ, КОРОЛЬ ШВЕЦИИ (С гравюры по картине Илера ле Дру)	74
ЖАН ДЕ ДЬЕ СУЛЬТ, ГЕРЦОГ ДАЛМАТИНСКИЙ (С литографии Дельпеша по картине Руйяра)	96
ЖАН ЛАНН, ГЕРЦОГ МОНТЕБЕЛЛО (С гравюры Амеде Моле)	120
МИШЕЛЬ НЕЙ, ПРИНЦ МОСКВА (С гравюры по картине Ф. Жерара)	142
ЛУИ НИКОЛЯ ДАВУ, ПРИНЦ ЭКМЮЛЬСКИЙ (С гравюры по картине Готеро)	167
ЖАК ЭТЬЕН МАКДОНАЛЬД, ГЕРЦОГ ТАРЕНТСКИЙ (С литографии Дельпеша)	184

ОГЮСТ ДЕ МАРМОН, ГЕРЦОГ РАГУЗСКИЙ (С гравюры по картине Мунере)	202
ЛУИ ГАБРИЭЛЬ СУШЕ, ГЕРЦОГ АЛЬБУФЕРСКИЙ (С гравюры Полле)	220
ГУВИОН СЕН-СИР, граф (С гравюры по картине Ж. Герена)	233
ЖАН БАТИСТ ЖУРДЕН (По рисунку Амбруаза Тардые)	252
ШАРЛЬ ПЬЕР ОЖЕРО, ГЕРЦОГ КАСТИЛЬОНЕ (С гравюры Руотта)	260
БРЮН (С гравюры по картине Ф. Дж. Харриет)	268
АДОЛЬФ ЭДУАРД МОРТЬЕ, ГЕРЦОГ ТРЕВИЗСКИЙ (С гравюры по картине Ларивьера)	280
ЭММАНУЭЛЬ ДЕ ГРУШИ, МАРКИЗ (С гравюры по картине Руйяра)	306
ФРАНСУА КРИСТОФ КЕЛЛЕРМАН, ГЕРЦОГ ВАЛЬМИ (С гравюры по картине Ансио)	318
НИКОЛЯ ШАРЛЬ УДИНО, ГЕРЦОГ РЕДЖО (С гравюры по картине Робера ле Февра)	332

Введение

Печально, но поучительно помнить, что, по мнению того, кого природа наградила величайшим интеллектом, который когда-либо видел мир, эгоизм и своекорыстие лежат в основе всех человеческих поступков. "Ибо, - как сказал Наполеон, - в честолюбии заключается главная движущая сила человечества, и человек прилагает все свои лучшие силы пропорционально своим надеждам на продвижение". Следовательно, именно на основе этой циничной гипотезы, с полным пренебрежением к тем высшим стремлениям к самопожертвованию и самоконтролю, которые возвышают человека над простым скотом, корсиканский авантюрист пробрался через моря крови к трону Франции, а затем попытался, уничтожив миллион человеческих существ, возложить на свое чело императорскую корону Западной Европы. Несмотря на громко звучащие фразы и конституционную ловкость рук, никто лучше Наполеона не знал, что только мечом он завоевал свою империю и только мечом может ее сохранить. Увлеченный исследователем истории, он не зря снова и снова читал и перечитывал труды Цезаря и размышлял о достижениях Карла Великого и карьере Кромвеля. Проблема, которую ему предстояло решить, заключалась в том, как скрыть от своих приближенных, что его династия

держится исключительно на их мечях, так тесно связать их честь с его собственным состоянием, чтобы они всегда были лояльны; так распределить его милости, чтобы его слуги никогда не стали настолько могущественными, чтобы угрожать его собственному положению. Именно с этой целью в то время, когда он захватил для себя императорскую корону, он восстановил старую роль маршала Франции, откровенно признавшись Редереру, что причина, по которой он осыпал наградами своих лейтенантов, заключалась в том, чтобы обеспечить себе собственное достоинство, поскольку они не могли возражать против этого, когда оказывались обладателями таких высоких титулов. Но с хитростью змеи, отдавая одной рукой, он другой забирал. Он установил количество маршалов на уровне шестнадцати в действующем списке и добавил еще четырех для тех, кто был слишком стар для действительной службы. Следовательно, в его власти было вознаградить двадцать голодных претендентов, в то время как он лишал отдельных людей их славы, поскольку каждый Маршал делил свое достоинство с девятнадцатью другими. Также он ясно сказал им, что, каким бы высоким ни казалось их положение другим, для него они все еще были простыми слугами, созданными им и зависящими в своем положении только от него. "Помните, - сказал он, - что вы солдаты только тогда, когда находитесь в армии. Титул маршала - это всего лишь гражданское отличие, которое дает вам почетное звание при моем дворе, которое вам причитается, но оно не несет в себе никакой власти. На поле боя вы генералы, при дворе вы дворяне, принадлежащие государству благодаря гражданскому положению, которое я создал для вас, когда даровал вам ваши титулы". 19 мая 1804 года в *Газетт* появилась первая публикация о маршалах. В действующем списке было четырнадцать человек, а в Сенате - четыре почетных маршала. Два батона были удержаны в качестве награды за будущую службу. Первоначальными четырнадцатью были Бертье, Мюрат, Монси, Журден, Массена, Ожеро, Бернадотт, Султ, Брюн, Ланн, Мортье, Ней, Даву и Бессьер; в то время как в списке выбывших были Келлерманн, Лефевр, Периньон и Серюрье. Список вызвал большое удивление и недовольство. С одной стороны, были такие, как Массена, которые принимали поздравления с ворчанием и "Да, один из четырнадцати". С другой стороны, были такие люди, как Макдональд, Мармон, Виктор и многие другие, которые считали, что их следовало включить в список. Изучение имен вскоре объясняет, как был сделан выбор. За исключением Журдана, который был слишком великим солдатом, чтобы его можно было обойти, все те, кто не мог забыть свои республиканские принципы, были исключены. Массена получил свой батон как величайший солдат Франции. Бертье, Мюрат и Ланн завоевали их не только своей личной преданностью, но и своими талантами. Султ, Ней, Даву и Мортье были выбраны Наполеоном из числа приближающихся людей, которые в лагерях Армии океана быстро оправдывали свой выбор. Бессьер был включен в список, потому что он никогда не выиграл бы его позже, но его собачья преданность сделала его бесценным подчиненным. Ожеро и Бернадотт получили свои батоны, чтобы заставить их молчать. Имена Монси, Брюна, Келлермана, Периньяна и Серюрье были тесно связаны со славными подвигами республиканских армий, и поэтому, хотя они были всего лишь удачливыми посредственностями, они были включены в первое творение, в то время как Лефевр, республиканец из республиканцев, ныне находящийся под обаянием власти Наполеона, был включен в список в качестве поводья для преследования крайних членов своей партии. Во время первого создания "Великих солдат Республики" Моро был заклеен как предатель; Гош, Марсо, Клебер, Десо и Пишегрю были мертвы; Карно, организатор победы, был добровольным изгнанником; в то время как такие стойкие клинки, как Леклерк, Ришпанс, Лекурб, Макдональд, Виктор, Сен-Сир и Сюше, все были более или менее в опале. К концу Империи смерть и необходимость награждения за заслуги пополнили список маршалов, пока император не пожаловал всего двадцать шесть батонов. В 1808 году Виктор был восстановлен в

благосклонности и получил свой батон. После Ваграма приз получили Макдональд, Удино и Мармон, в то время как Испанская война принесла его Сюше, а русская кампания - Сен-Сиру. В 1813 году польский принц Понятовский получил свою дубинку на поле Лейпцига, а последним, в 1815 году, Груши был назначен на одну из вакансий, вызванных отказом многих маршалов отречься от своей верности бурбонам.

В наполеоновской армии была популярна поговорка о том, что каждый рядовой носил в своем ранце маршальский батон, и ранняя история многих из этих маршалов подтверждает эту поговорку. Но в то время как Революция снесла все барьеры и открыла высшие чины для талантов, какими бы скромными они ни были по своему происхождению, история маршалов доказывает, что рожденных небом солдат мало и что военное искусство, за исключением одного из миллиона, может быть приобретено только годами терпеливого труда в подчиненном положении. Из генералов революционных армий только четверо, Моро, Мортье, Сюше и Брюн, не имели предварительной военной подготовки, и из этих четверых только Моро и Сюше претендовали на величие. Грубые неграмотные генералы первых лет войны вскоре доказали, что они никогда не смогут подняться выше науки сержанта-строевика. Как только дисциплина и организация были восстановлены, не осталось места для такого генерала, как доблестный Макар, который, собираясь идти в атаку, обычно кричал: "Смотрите, я собираюсь одеться как зверь", после чего снимал с себя все, кроме кожаных штанов и сапог, а затем, подобно какому-нибудь огромному волосатому павиану, со странными ругательствами и воплями вел своих всадников на врага. Требовался более высокий типаж, чем этот Макар, который не мог понять, что, поскольку офицер может рисовать горы, он не обязательно может снять мерку с человека для пары сапог.

Из двадцати шести маршалов девять занимали должности от генерал-лейтенанта до поручика в старой королевской армии, один был польским принцем, бывшим австрийским офицером, в то время как один окончил артиллерийское училище, но отказался принять офицерское звание; одиннадцать начинали жизнь рядовыми на старой службе, и из них девять дослужились до звания сержанта; а четверо не имели предыдущей военной подготовки. Следует также помнить, что уровень сержантского звания в королевской армии незадолго до революции был чрезвычайно высок. Реформы Сен-Жермена и популярность американской войны привлекли в ряды высшего класса новобранцев, в результате чего власти смогли ввести тесты, и ни один рядовой не мог дослужиться до звания капрала или от капрала до сержанта, не сдав экзамена. Далее, поскольку офицеры старого режима оставляли всю организацию, дисциплину и контроль в руках унтер-офицеров и редко, если вообще когда-либо, посещали свои роты либо в казармах, либо на плацу, унтер-офицеры, во всем, кроме фактического звания, были действительно чрезвычайно хорошо подготовленными офицерами. Именно этот класс действительно спас Францию, когда старые офицеры эмигрировали, а неспособные политики в Париже сделали все возможное, чтобы развалить армию. Следовательно, без ущерба для службы сержант мог в один прекрасный день спокойно выполнять приказы своего ротного офицера, а на следующий день в звании подполковника командовать своим батальоном.

Военному искусству можно по-настоящему научиться только в полевых условиях, и офицеры французской армии приобрели такой опыт, какой не выпадал ни одной другой нации со времен Тридцатилетней войны. В условиях непрерывных боев зимой и летом на каждой границе военные знания легко приобретались теми, кто имел возможность их приобрести, и молодые бригадные генералы, прослужившие всего три года в офицерском звании, прошли через опыт,

который редко выпадает на долю офицеров с тридцатилетним стажем службы. Цикл войн казался бесконечным. С того дня, как в 1792 году Франция объявила войну Австрии, и до капитуляции Парижа в 1814 году, за исключением года заключения мира в Амьене, война продолжалась. Все началось с беззаботного вторжения Австрии и Пруссии во Францию в сентябре 1792 года, которое закончилось канонадой при Вальми, когда Дюмурье и Келлерман с остатками старой королевской армии показали такой смелый бой, что союзники, которые никогда не ожидали, что будут сражаться, пали духом и разбежались по домам. Австро-прусское вторжение утвердило смертный приговор королю, и Франция, находящаяся в руках республиканских энтузиастов, выступила с толпой старых солдат и добровольцев проповедовать доктрину равенства людей и братства народов. Но монархи Европы были полны решимости сражаться за свои короны, и распушенность французских солдат и эгоизм этих пророков новой доктрины равенства вскоре вызвали отвращение у жителей долины Рейна; так что армии революционной черни были загнаны во Францию, и в течение двух лет она была занята на каждой границе, стремясь изгнать врага со своей земли. Именно в эти годы возникла новая французская армия. Добровольцы были объединены в бригады старых регулярных батальонов, ряды поддерживались в полном составе за счет призыва всех годных к ношению оружия, а некомпетентные и несчастные были отсеяны гильотиной. К 1795 году Франция освободила свою собственную землю и выковала оружие, с помощью которого она могла отомстить державам, пытавшимся аннексировать ее территорию в час ее деградации. Рейн теперь стал ее восточной границей. Но Австрия, чей эрцгерцог был императором Священной Римской империи, не хотела отдавать захваченные у нее провинции; поэтому с 1795 по 1797 год в верховьях Дуная и в Италии представители феодальных эпох боролись с новой демократией. Именно проявление великого военного таланта Бонапарта решило исход событий. На Дунае австрийцы обнаружили, что под превосходным руководством эрцгерцога Карла они способны нанести поражение лучшим французским войскам под командованием таких способных генералов, как Журден и Моро. Но военный гений Бонапарта преодолел всякое сопротивление, и когда наступил мир, практически вся Италия была присоединена к владениям Франции. К несчастью для мира в Европе, правители Франции отведали крови. В захваченных провинциях они нашли средство вести войну, не ощущая последствий, поскольку богатый грабеж Италии оплачивал военные расходы. Но, как бы ни были благодарны Директора Бонапарту за то, что он таким образом открыл им способ обогатиться за счет Европы, они справедливо увидели в нем угрозу своей собственной власти и с радостью позволили ему отправиться с миссией в Египет. Из Египта вернулся Бонапарт, взял бразды правления в свои руки и спас Францию от слабоумия ее правителей, а битвой при Маренго обеспечил ей все, что она потеряла в его отсутствие. К несчастью для Франции, неугомонные амбиции ее нового правителя не были удовлетворены восстановлением Западной империи и возрождением славы Карла Великого, но он жаждал обширных заморских владений, включающих Америку и Индию. Поэтому он нашел в Великобритании непримиримого врага, постоянно сколачивающего против него европейские коалиции. Чтобы скрыть свою неудачу в борьбе за господство на море у его владычицы, Наполеон обратил свой гнев на Австрию, и вскоре она, запуганная, лежала у его ног после катастрофы при Ульме и битвы при Аустерлице. Падение Австрии произошло из-за летаргии и колебаний дворов Берлина и Санкт-Петербурга. Но как только с Австрией было покончено, Пруссия и Россия понесли наказание за то, что оказывали ей тайную или открытую помощь. Первой буря обрушилась на Пруссию. Одним махом на поле Йены прославленная военная монархия великого Фридриха развалилась на куски, как глиняный сосуд. Из Пруссии непобедимые французские легионы проникли в Польшу, и после Эйлау и Фридланда силы

Пруссии и России больше не могли противостоять врагу в полевых условиях. Царь, ослепленный величием Наполеона, бросил своего союзника Пруссию и в Тильзите подружился с великим завоевателем. В июне 1807 года казалось, что Европа лежит у ног Наполеона, но в Португалии уже были посеяны семена его гибели. Португальский монарх, союзник Великобритании, бежал при одном приближении единственного маршала императора. Очевидная вялость жителей Пиренейского полуострова и непопулярность испанских бурбонов побудили Наполеона возвести своего брата на трон Испании. Это была роковая ошибка, ибо, хотя испанский народ мог презирать своего короля, он безмерно гордился своей национальностью. Впервые в своем опыте корсиканцу пришлось столкнуться с силами нации, а не правительства. Случайное поражение французской армии при Байлене стало сигналом к всеобщему восстанию на всем полуострове, и не только на нем, но и к началу национального движения против французов в Австрии и Германии. Англия с радостью воспользовалась возможностью нанести вред своему врагу и послала помощь народу Испании. Австрия предприняла еще одну попытку осаждения со своим завоевателем, но потерпела поражение при Ваграме. Ваграму следовало бы научить императора, что его войска больше не были непобедимы, как раньше, но, будучи слепым к этому уроку, он все еще пытался господствовать над Европой и пренебрежительно относился к своему единственному другу, царю. Следовательно, в 1812 году, все еще пытаясь завоевать Испанию, он оказался вынужден воевать с Россией. Результат был ужасающим; из полумиллиона солдат, вошедших в Россию, вернулись всего семьдесят тысяч. Пруссия и Австрия сразу же предприняли попытку восстановить свою независимость. Наполеон, ослепленный яростью, отказался прислушаться к голосу разума и в октябре 1813 года потерпел поражение от союзников при Лейпциге. Даже тогда он мог бы спасти свой трон, но он по-прежнему отказывался прислушиваться к союзникам, которые в 1814 году вторглись во Францию, и после кампании, в ходе которой император проявил почти сверхчеловеческие способности, наконец, благодаря численному перевесу они захватили Париж. После этого французские войска отказались больше сражаться за императора. Таков краткий очерк того, что называется Революционными и наполеоновскими войнами, лучшей школой, которую когда-либо видел мир для обучения оружейному делу.

КРАТКИЙ ОБЗОР МАРШАЛОВ

Имя.	Родился.	Маршал.	Титулы.	Умер.	Возраст.
Бертье	Ноября. 20,	19 мая,	принц Невшательский	аварии,	62
- Луис Александр	1753	1804	и Валанжин, князь Ваграмский, декабря. 31, 1809	1 июня 1815	
Мюрат, Иоахим	Марта. 25, 1767	"	князя, февраля. 1, 1805;	выстрелил в Пиццо, октября. 13, 1815	48

			Великий Герцог Берга, марта. 15, 1806; Король Неаполя, августа. 1, 1808		
Монсей,	31 июля,	"	герцог Конельяно,	естественные причины,	88
Бон Адриен	1754		2 июля 1808	20 апреля 1842	
Жанно де - Журдан,	29 апреля,	"	граф Мар. 1, 1808	естественные причины,	71
Жан Батист	1762			ноября. 1833	
Массена, Андре	6 мая,	"	герцог Риволийский,	естественные причины,	61
	1756		24 апреля 1808; князь эсслингский, января. 31, 1810	4 апреля 1817	
Ожеро,	Октября. 21,	"	герцог	естественные причины,	59
Шарль Пьер	1757		Кастильоне, 26 апреля 1808	12 июня 1816	
Франсуа Бернадот,	января. 26,	"	князь	естественные причины,	81
Жан Батист Жюля	1763		Понте-Корво, 5 июня 1806; наследный принц Швеции, августа. 21, 1810; Король, Февраля. 18, 1818	марта. 8, 1844	
Сульт, - Жан-де -	Мар. 29,	"	герцог Далмации,	естественные причины,	82
Дье Николя	1769		29 июня 1808	ноября. 26, 1851	
Брюн, Гийом	13 Мая,	"	Граф Мар. 1, 1808	убил	52
Мари-Анн	1763			в Авиньон, августа. 2, 1815	
Ланн, Жан	апрель 11, 1769	"	герцог Монтебелло, 15 июня 1808	умер от ран, в Вене	40

Мортье, Адольф	февраля. 13,	"	герцог Тревизо,	31 мая 1809 убит	67
Эдуард Казимир Иосиф	1768		2 июля 1808	адская машина в Париже, 28 июля 1835	
ней, Мишель	января. 10,	"	герцог Elchingen,	снятый в Париже,	46
	1769		- 5 мая 1808; князь Moskowa, марта. 25, 1813	декабря. 7, 1815	
Даву,	10 мая,	"	герцог Auerstädt,	естественные причины,	53
Луи Николя	1770		2 июля 1808; князь Eckmühl, ноября. 28, 1809	1 июня 1823	
Bessières, Жан Батист	Августа. 6, 1768	"	герцог Истрийский, 28 мая 1809	погибли в Лютцен, 1 мая, 1813	45
Келлермана,	28 мая,	"	Граф,	естественные причины,	85
Франсуа Кристоф	1735		марта. 1, 1808; герцог Вальми, 2 мая 1808	Септ. 13, 1820	
Lefèbvre,	октября. 15,	"	Граф,	естественные причины,	65
Франсуа Жозеф	1755		марта. 1, 1808; , герцог Данциг, сентябрь. 10, 1808	Септ. 14, 1820	
Периньон,	31 мая,	"	Граф,	естественные причины,	64
Доминик Кэтрин де Serurier,	1754		сентября. 6, 1811	декабря. 25, 1818	
Жан Матье Филибер	декабря. 8, 1742	"	Граф, марта. 1, 1808	естественные причины, декабря. 21, 1819	77

Виктор,	Декабря. 7,	13 июля,	герцог Беллуно,	естественные причины,	77
Виктор Клод - Перен	1764	1807	сентября. 10, 1808	марта. 1, 1841	
Макдональд	Ноября. 17,	12 июля,	князь Таренто,	естественные причины,	75
Жак	1765	1809	декабря. 9, 1809	сентября. 7, 1840	
Этьен Жозеф Александр					
Удино,	25 апреля,	"	Граф,	естественные причины,	80
Николя Шарль,	1767		2 июля 1808; герцог Реджио, 14 апреля 1810	Септ. 13, 1847	
Мармон, Огюст	20 июля,	"	князем Рагузы,	естественные причины,	78
Фредерик Луи	1774		28 июня 1808	23 июля 1852	
Viesse де			апрель 14, 1810		
суше,	марта. 2,	8 июля,	Граф,	естественные причины,	56
Луи Габриэль	1770	1811	24 июня 1808; герцог Альбуфера, января. 3, 1813	Ян. 3, 1826	
Гувьон Сен-Сира,	13 апреля,	августа 27,	графа 3 мая 1808	естественные причины,	66
Лоран	1764	1812		марта. 17, 1830	
Понятовского,	7 Мая,	Октября. 17,	—	утонул	51
- Джозеф принц	1762	1813		в Эльстер, октября. 19, 1813	
Ворчливый,	Октября. 23,	17 апреля,	Граф,	естественные причины,	81
Эммануэль де	1766	1815	января. 28, 1809	29 мая 1847	

МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА

Я

ЛУИ АЛЕКСАНДР БЕРТЬЕ, МАРШАЛ, ПРИНЦ ВАГРАМСКИЙ, СУВЕРЕННЫЙ ПРИНЦ НЕВШАТЕЛЯ И ВАЛАНЖИНА

Быть довольным тем, что всегда играешь второстепенную роль, видеть, как вся честь и известность достаются другому, и в то же время преданно скрывать себя и работать во славу друга, означает безупречный характер и непреклонность цели, на которые мало кто может претендовать. Никто не сомневается, что, если бы не Наполеон, Бертье, каким бы хорошим бизнесменом он ни был, никогда не смог бы достичь той славы, которой он достиг; однако часто забывают, что без этого замечательного слуги более чем сомнительно, смог бы великий император добиться всех своих самых блестящих успехов. Бертье, управляемый гениальным умом, был бесценным инструментом. Разбираясь в управлении армией почти с пеленок, он обладал даром составлять приказы настолько ясные, что никто не мог ошибиться в их значении. Его память была потрясающей, а физическая выносливость такой, что он, казалось, никогда не нуждался в отдыхе. Но, прежде всего, он один, казалось, был способен угадать мысли своего великого учителя еще до того, как они были высказаны, и эта удивительная интуиция научила его, как из нескольких разрозненных высказываний разгадать самые смелые концепции Наполеона и проработать детали в упорядоченном совершенстве. Наполеон называл своего верного Ахата гусенком, которого он превратил в орла, но история утверждает, что задолго до того, как имя Бонапарта стало известно за воротами военной академии в Бриенне, Бертье зарекомендовал себя как многообещающий штабной офицер; в то время как до того, как молодой корсиканец впервые встретился с ним в Италии, будущий генерал-майор Великой армии разработал ту совершенную систему организации, которая позволяла завоевателю Италии контролировать каждое движение и вибрацию в армии, быть в курсе событий, как только они происходили, и быть абсолютно уверенным в успехе. отправка и выполнение его приказов.

Александр Бертье прослужил двадцать три года в старой королевской армии до того, как в 1789 году вспыхнула Революция. Родившийся 20 ноября 1753 года, в возрасте тринадцати лет он получил звание инженера благодаря заслугам своего отца в подготовке карты королевских охотничьих лесов. Но мальчик вскоре покинул старый полк своего отца, поскольку хорошо знал, что высшие командования в армии редко, если вообще когда-либо, выпадали на долю научного корпуса. Когда в 1780 году французское правительство решило направить экспедиционный корпус для оказания помощи восставшим колониям в их борьбе с Великобританией, Бертье, после службы в пехоте и кавалерии, был принят на службу штабс-капитаном в армию Нормандии. Стремясь попасть на действительную службу, он сразу же подал заявление о прикомандировании к экспедиции и предложил, если не найдется места для дополнительного капитана, сложить с себя звание младшего лейтенанта. Благодаря мощному семейному влиянию и послужному списку его желание было удовлетворено, и в январе 1781 года он оказался во французских войсках в Америке, нанятым в штаб генерала графа де Рошамбо. Вернувшись из Америки в 1783 году с заслуженной репутацией храбреца и способного человека, капитан Бертье был одним из офицеров, посланных в Пруссию под

командованием маркиза де Кюстина для изучения военной организации великого Фридриха. Постоянно работая в штабе, он имел то преимущество, что служил бригадным майором в большом учебном лагере в Сент-Омере в 1788 году и в том же году получил в награду за свои заслуги крест Святого Людовика. В 1789 году он был объявлен подполковником и начальником штаба барона де Безенваля, командовавшего войсками вокруг Парижа.

Когда после взятия Бастилии Лафайет взялся за организацию Национальной гвардии, он сразу вспомнил о своем старом товарище по американским временам и назначил Бертье помощником генерального квартирмейстера. Бертье нашел, что эта должность ему очень подходит; вдохновленный либеральными идеями, которые он приобрел в Америке, он отдался работе всем сердцем. Вскоре его талант организатора получил широкое признание; многие видные офицеры обратились с просьбой принять его под свое командование, и после нескольких кадровых назначений в 1791 году ему было поручено организовать и инструктировать тридцать батальонов добровольцев, расквартированных между Соммой и Маасом. Когда в 1792 году началась война, он был направлен в звании генерал-майора и начальника штаба к своему старому другу Рошамбо, а когда граф сложил с себя командование, Бертье был специально оставлен преемником Рошамбо, Лакнером. Но Революция, хотя и дала ему шанс, едва не привела к его падению. Его близкие связи со знатью старой королевской армии, его мужество в защите тетушек короля и его семейные связи привели к тому, что он стал "подозреваемым". Напрасно руководители на фронте жаловались на абсолютный беспорядок в своих войсках, на необходимость более подготовленных штабных офицеров и на их желание воспользоваться услугами блестящего солдата, который приобрел свой опыт во время войны в Америке и в мирное время в Пруссии. Напрасно Кюстин писал военному министру: "Именем Республики пришлите ко мне Бертье, чтобы помочь мне в моих затруднениях", напрасно комиссары армии сообщали, что "Бертье завоевал уважение и доверие всех добрых патриотов". Тщетными были также доблесть и способности, которые он проявил в кампании против роялистов в Вандее. Неспособная Бушотта, подруга жестокого, тупоголового Эбера, оскорбителя королевы, разрушителя армии, объявила, что его преданность Республике не была искренней, и одним росчерком пера отправила его в отставку; таким образом, в течение всего 1793 года французская армия была лишена службы офицера, который благодаря своим организаторским способностям стоил пятидесяти тысяч генералов-мясников.

В 1795 году, с падением якобинцев, Бертье был восстановлен в своем звании и направлен начальником штаба к Келлерману, командующему Альпийской армией, и еще до конца года штабная работа армии Келлермана стала образцом для всех армий Республики. Когда в марте 1796 года Бонапарт был назначен командующим итальянской армией, он сразу же назначил Бертье начальником штаба, и с того дня до апреля 1814 года Бертье редко, если вообще когда-либо покидал будущего императора, служа ему с терпением и жизнерадостностью, которые, казалось, не нарушали ни недоброжелательность, ни пренебрежение. Хотя начальнику штаба было больше сорока двух лет и он был на шестнадцать лет старше своего нового начальника, он все еще находился в расцвете своих мужских сил. Невысокий, коренастый и атлетически сложенный, его фигура свидетельствовала об огромной физической силе, в то время как волевое подвижное лицо под копной густых вьющихся волос с первого взгляда свидетельствовало о его умственных способностях.

Заядлый спортсмен, он спокойно проводил все свое свободное время в охоте. Тяжелые физические упражнения и подвиги на выносливость доставляли ему удовольствие. Усталости

он никогда не знал, и однажды, как говорили, провел в седле тринадцать дней и ночей. С незнакомыми людьми и чиновниками он был молчалив и суров, но за его отчужденностью скрывались сердечность и природная искренность, и многие бедные офицеры или вернувшиеся эмигранты получали тайную помощь из его кошелька. Несмотря на то, что он от природы обладал сильным характером, его привязанность и уважение к своему великому полководцу стали доминирующей нотой в его карьере; на самом деле, можно почти сказать, что в последующие годы его личность до такой степени слилась с личностью Наполеона, что он был неспособен видеть действия императора в их надлежащей перспективе. С их первой встречи Бонапарт правильно угадал впечатление, которое он произвел на своего нового штабного офицера, и стремился усилить свое влияние на него. Между тем он был в восторге от него, он писал в Директорию: "У Бертье есть таланты, активность, мужество, характер — все говорит в его пользу". Бертье, со своей стороны, был вполне доволен; как он сказал другу, который спросил его, как он может служить человеку с таким характером: "Помни, что однажды будет здорово стать вторым после Бонапарта". Так что эти двое превосходно сработались.

АЛЕКСАНДР БЕРТЬЕ, ПРИНЦ ВАГРАМСКИЙ
С ГРАВЮРЫ По КАРТИНЕ ПАДЖУ СЫНА

Бонапарт держал в своих руках передвижение войск, руководство стычками и сражениями, комиссариат, дисциплину и все коммуникации с правительством. Бертье имел полную свободу действий в организации и содержании генерального штаба, штаба штаб-квартиры и передаче приказов, подлежащих проверке Бонапартом; он также должен был переводить в письменную форму все устные приказы, и он один нес ответственность за их обнародование и исполнение.

Именно его способность детально проработать и свести к ясным, доходчивым приказам малейший намек на своего командира, который, как позже сказал Наполеон, "был большой заслугой Бертье и имел неоценимое значение для меня. Никто другой не смог бы заменить его." Благодаря замечательной системе Бертье, Бонапарт поддерживал связь со всеми подразделениями своего командования. Один из первых принципов, изложенных в положении о персонале, гласил: "Для пользы службы жизненно важно, чтобы армейская корреспонденция была чрезвычайно быстрой и регулярной, чтобы нельзя было пренебрегать ничем, что могло бы способствовать достижению этой цели". Чтобы обеспечить регулярность связи, командирам дивизий и офицерам, командовавшим небольшими колоннами, было приказано не реже двух раз в день являться в штаб. При каждой дивизии, в дополнение к штабу дивизии, имелись офицеры, откомандированные из штаба штаба. Все важные депеши должны были отправляться в двух экземплярах; во времена большой опасности командующие офицеры должны были посылать до восьми разных ординарцев, каждый с копией депеши.

Но Бертье доказал свою полезность своему начальнику не только как организатор и передатчик приказов. При Лоди он проявил свое личное мужество среди отряда героев, которые форсировали мост, и Бонапарт воздал ему должное, написав в своих донесениях: "Если бы я был обязан упомянуть всех солдат, отличившихся в тот замечательный день, я был бы обязан упомянуть всех карабинеров и гренадеров авангарда и почти всех офицеров штаба; но я не должен забывать мужественного Бертье, который в тот день играл роль артиллериста, рядового и гренадера". В Риволи, в дополнение к своим штабным обязанностям, Бертье командовал центром армии и сражался с упорством выше всяких похвал. К концу кампании 1796 года он доказал, что является таким же великим начальником штаба, каким Бонапарт был великим полководцем. Несомненно, верно, что до начала кампании армия сама по себе обладает причинами своей будущей победы или поражения, и армия Италии с ее массами восторженных ветеранов и руководящим гением Бонапарта была обречена нанести поражение австрийцам с их вялыми людьми и некомпетентными старыми генералами; но без рвения, активности и преданности, которые Бертье передал всему генеральному штабу, успех не мог быть таким внезапным или таким полным.

После Леобена завоеватель Италии нанял своего верного друга в многочисленные дипломатические миссии в связи с аннексией Корфу и правительством Цизальпинской республики. Тем временем он поддерживал с ним тесную связь по поводу предполагаемого высадки в Англии и возможной экспедиции на Восток. Бертье, если вообще кому-либо, Бонапарт доверял свои тайные замыслы, ибо знал, что может сделать это в безопасности. Соответственно, в 1798 году, сочтя вторжение в Англию невозможным в данный момент, он убедил Директорию направить Бертье в Италию в качестве главнокомандующего, его целью было дать ему возможность собрать средства для египетской экспедиции. Из Италии Бертье прислал своему бывшему командиру самое подробное описание всего важного, но тот счел задачу трудной и неподходящей для себя и попросил его "как можно скорее отозвать меня. Я гораздо больше предпочитаю быть вашим адъютантом, чем здешним главнокомандующим. Тем не менее он выполнил свой приказ и двинулся маршем на Рим, чтобы перевести бриллианты на сумму в восемь миллионов франков, украденные у папы, на счет армии. Из Рима он вернулся с казной, хорошо набитой для египетской экспедиции, но оставив после себя армию, наполовину взбунтовавшуюся из-за нехватки жалованья; слепая преданность Бонапарту скрыла это несоответствие от его глаз.

Как в Италии в 1795 году, так и в Египте Бертье был правой рукой Бонапарта, методичным, неутомимым и заслуживающим доверия. Но даже его железный каркас едва ли мог выдержать напряжение трехлетней непрерывной действительной службы, непрекращающуюся офисную работу днем и ночью и испытания непривычного климата. После битвы при Пирамидах он заболел и перед сирийской экспедицией подал заявление о возвращении во Францию. Недобрые друзья намекали, что он тосковал по своей любовнице, мадам Висконти, но Бонапарт, зная, что не это, а простое перенапряжение привело к ухудшению его здоровья, дал ему желанный отпуск и сделал все приготовления к его возвращению домой. Однако в момент отъезда любовь Бертье к своему шефу пересилила его жажду отдыха, и, несмотря на плохое самочувствие, он отозвал заявление об отставке и отправился с армией в Сирию. Как всегда, у него нашлось много работы, поскольку даже перед лицом неудачной экспедиции Бонапарт решил управлять Египтом так, как если бы французская оккупация была навсегда; и Бертье, в дополнение к его обычной работе, было приказано отредактировать тщательно выполненную карту на основе полной съемки страны.

Именно Бертье Бонапарт впервые сообщил о своем намерении покинуть Египет и вернуться во Францию, а также о своей решимости свергнуть Директорию. Либерал по натуре, но, по сути, человек метода и приверженец дисциплины, начальник штаба был вполне согласен с идеями своего командира о возрождении Франции и преданно поддерживал его во время *государственного переворота* 18 Брюмера. После этого Первый консул назначил своего друга военным министром, и эта должность дала полный простор его талантам. Все административные службы должны были быть немедленно реорганизованы, пограничные крепости расквартированы и приведены в состояние обороны, а армия, прикрывающая границы, снабжена продовольствием, денежным довольствием, снаряжением и подкреплениями, в то время как формирование секретной резервной армии было задачей, которая сама по себе заняла бы все внимание обычного человека; фактически, безопасность Франции зависела от этой армии. Следовательно, поскольку, согласно конституции, Первый консул не мог сам принять командование на местах, в апреле 1800 года он перевел Бертье из Военного министерства во главе этого важнейшего подразделения. Не всем известно, что идея перехода через Альпы через перевал Сен-Бернар на самом деле возникла у Бертье и впервые была спроецирована им еще в 1795 году. Таким образом, в течение двух месяцев Бертье работал над тем, что на самом деле было его собственной идеей. Временами даже его мужественное сердце дрогнуло, как тогда, когда он написал Первому консулу: "Мой долг - пожаловаться на положение этой армии, на которую вы справедливо потратили столько процентов и которая парализована, потому что может полагаться только на свои штыки, из-за нехватки боеприпасов и средств для транспортировки артиллерии". Непрестанный труд был наконец вознагражден; но когда Резервная армия вышла на австрийские линии коммуникаций, Первый консул явился лично, и, хотя номинально командовал Бертье, он снова занял свою должность начальника штаба. Безропотно он позволил Бонапарту пожинать всю славу Маренго, ибо знал, что без Первого консула, какими бы превосходными ни были его собственные силы, им не хватило бы той движущей силы, которая одна учит людей добиваться победы. После Маренго Бертье был направлен чрезвычайным послом в Мадрид, "чтобы всеми возможными средствами убедить Испанию объявить войну Португалии, союзнице Англии". Результат этой миссии был в высшей степени успешным; был составлен специальный договор, и Испания продала Луизиану Франции. К октябрю посол снова вернулся в Париж на свой старый пост военного министра — пост, который он непрерывно занимал во время мира и войны до августа

1807 года. Должность была нелегкой, поскольку даже в короткие мирные годы она включала в себя руководство экспедицией в Сан-Доминго, оборону Италии, реорганизацию армии и перевооружение артиллерии, в дополнение к обычной рутинной официальной работе. Более того, поскольку основы консульства базировались на армии, было важно, чтобы армия была боеспособной и довольной, и, следовательно, французским солдатом того времени не пренебрегали, как в других странах, в мирное время. Военный министр постоянно напоминал офицерам, командовавшим войсками, что "французский солдат - это гражданин, находящийся под действием военного закона", а не изгой или крепостной, чье благополучие и комфорт никого не волнуют.

При создании империи Бертье, как и многие другие, получил награду за свою верность Наполеону. Его осыпали почестями. Первым, кто получил маршальский батон, он был последовательно назначен сенатором по праву сановника Империи, великим офицером дворца и великим егерем короны, в то время как на коронации он нес императорский глобус. Но хотя император таким образом оказал ему честь и обращался с ним как со своим самым надежным наперсником, государственные заботы в некоторой степени отдалили Наполеона от тесной близости со своим старым товарищем. В то же время маршал незаметно отделился от своих бывших товарищей по оружию своим высоким званием и должностью, которые, хотя и делали его скорее слугой, чем другом императора, также заставляли его считаться начальником, которому подчинялись те, кто раньше был ему равен. Всегда отличавшийся строгой дисциплиной и никогда не пропускавший мимо ушей нарушение приказов, маршал, озвучивая приказы императора, постепенно начал проявлять суровость ко всем подчиненным и не щадил ни принцев, ни маршалов, когда считал, что благо службы требует, чтобы им сделали выговор и показали их долг. Настолько сильным было чувство субординации в армии и желание хорошо держаться рядом с Наполеоном, что даже вспыльчивый Мюрат обращал внимание на приказы и выговоры, подписанные Бертье от имени императора.

Между тем работа военного министра увеличивалась день ото дня. Организация Армии океана и надзор за ней значительно облегчили его работу, которой сильно мешали инспекционные визиты в сопровождении императора или дальние экспедиции к границам и в Италию на коронацию в Милане.

3 августа 1805 года император произвел маршала в генерал-майоры и начальники штаба Океанской армии, а сам принял командование армией и провел грандиозный смотр ста тысяч человек. Все думали, что настал момент для вторжения в Англию. Только Бертье и, возможно, Талейран знали, что ближайшей добычей была Австрия, а не Англия, и весь август генерал-майор был занят разработкой маршрутов сосредоточения различных корпусов в долине Дуная; в то же время в качестве военного министра он отвечал за надзор за всеми войсками, оставшимися во Франции, и за гарнизонами в Италии, Бельгии, Голландии и Ганновере. Следовательно, ему пришлось разделить свой персонал на две части, одну из которых он взял с собой на поле боя, другая осталась в Париже под началом помощника, который был способен управлять обычной рутинной, но который должен был передавать все сложные проблемы военному министру на местах. Даже во время поездки к границе напряжение не спадало; во время путешествия император отдавал приказы, которые приходилось дополнять и выписывать во время коротких остановок для еды и отдыха. Днем генерал-майор путешествовал в карете императора; ночью он всегда спал с ним под одной крышей, чтобы быть готовым в любой момент, в полной военной форме, получить его приказы, расширить их и продиктовать своим

клеркам. Все знали, когда генерал-майор волновался, потому что у него была привычка грызть ногти, принимая решение или пытаясь решить проблему, но в остальном он никогда не проявлял никаких признаков чувств, и независимо от того, устал он или обеспокоен случайными вспышками гнева императора, он продолжал свою работу с методичной точностью автомата. Принадлежность к генеральному штабу, когда Бертье был генерал-майором, не была ложем из роз, не местом для золотой молодежи, потому что при командовании Наполеона и руководстве Бертье, если часто шли бои, оставалось много писанины; если днем были скачки верхом, то ночью приходилось часами упорно переписывать приказы и не было возможности отложить перо, пока все дела не были закончены. Благодаря этой превосходной штабной работе амбициозные планы Наполеона были точно выполнены, австрийцы были полностью захвачены демонстрацией в Шварцвальде, французские колонны перерезали их коммуникации на Дунае, и Мак был вынужден сдаться в Ульме. Но Ульм был только началом кампании, и даже после Аустерлица Наполеон преследовал врага с мрачной решимостью. В этом был один из секретов его успеха, поскольку, как писал Бертье Сульту, "Мнение императора таково, что на войне ничего по-настоящему не достигается, пока остается что-то, чего еще можно достичь; победа не является полной, пока еще можно добиться большего успеха".

После Прессбургского мирного договора, 27 декабря 1805 года, Наполеон уволился из армии и вернулся в Париж, оставив генерал-майора командовать Великой армией с приказом эвакуировать завоеванную территорию, когда австрийцы выполнят условия мирного договора; но император сохранил реальный контроль, и каждый день в Париж должен был отправляться курьер с подробным отчетом о каждом событии, и каждый день из Парижа прибывал курьер со свежими приказами и инструкциями. Ибо Наполеон не допускал ни малейшего отклонения от своих приказов: "Строго выполняйте приказы, которые я вам даю, - писал он, - точно выполняйте свои инструкции. Я один знаю, чего я хочу". Тем временем генерал-майор все еще был военным министром и должен был руководить всеми наиболее важными делами Военного министерства; в то же время он также находил время для редактирования официальной истории кампании 1805 года и наблюдения за составлением карты большей части австрийских владений. Работа была огромной, но Бертье никогда не сдавался, и император выразил свою признательность за его усердие, когда 30 марта 1806 года он даровал ему княжество Невшатель с титулом принца и герцогини, чтобы он оставался в полном владении и под сюзеренитетом для себя, своих наследников и преемников, с одним условием, что он должен жениться. Он добавил, что страсть принца к мадам Висконти длилась слишком долго, что это не подобает сановнику Империи, и что сейчас ему пятьдесят лет, и ему следует подумать о том, чтобы произвести на свет наследника своих почестей. У принца-маршала никогда не было времени лично посетить свое княжество, но он послал одного из своих близких друзей, генерала Дутайлиса, позаботиться о благополучии своих новых подданных, и в меру своих возможностей он следил за тем, чтобы ими хорошо управляли, в то время как к императорской гвардии был добавлен батальон отборных войск из Невшателя. Но, приказывал он или не приказывал, принц так и не смог освободиться от оков своей любовницы, и Наполеон дал ему мало свободного времени, чтобы найти подходящую партнершу, так что только после Тильзита, во время короткой паузы перед войной на Пиренейском полуострове, Бертье наконец женился. Его избранницей была принцесса Елизавета, дочь Вильгельма, герцога Баварского, брата короля. Она вышла замуж со всей подобающей торжественностью в марте 1808 года, и хотя военные обстоятельства не давали ей возможности часто видаться со своим мужем, между ними существовала привязанность, как также между Бертье и его тестем, герцогом Баварским. Все

трудности были сглажены тем фактом, что со временем принцесса сама прониклась симпатией к мадам Висконти.

К сентябрю 1806 года Великая армия покинула Австрию, и принц-маршал надеялся вернуться в Париж, когда внезапно император сообщил ему о вероятности кампании против Пруссии. 23-го числа поступили четкие приказы с указанием пунктов сбора; на следующий день штабные письма с подробными инструкциями для каждого корпуса были разработаны и отправлены. Сам Наполеон прибыл в Вюрцбург 2 октября и обнаружил, что его армия сосредоточена, но испытывает недостаток в припасах. Сначала его гнев вспыхнул против начальника штаба, но минутное размышление доказало ему, что в Германии недостаточно транспорта, чтобы собрать людей и припасы за отведенное им время, и он полностью оправдал Бертье, который упорным трудом сумел за три дня собрать припасы, достаточные для начала тридцатидневной кампании, которая началась у Йены и завершилась переправой французских войск через Вислу. Новая кампания весной 1807 года сопровождалась дополнительными трудностями: не существовало карт округа, и топографический отдел штаба выбивался из сил, чтобы восполнить этот недостаток. Тем временем, во время остановки после Пултуска, генерал-майор был занят переодеванием и переоснащением армии и поспешным переброской подкреплений; в то время как в дополнение к работе Военного министерства ему приходилось руководить французскими войсками в Италии и Неаполе. После Тильзита, как и после Прессбурга, Наполеон поспешил обратно во Францию и оставил принца Невшательского договариваться о выводе Великой армии, и только 27 июля Бертье наконец вернулся в Париж.

Принц вернулся более чем когда-либо ослепленный гением императора; даже Эйлау не научил его, что силы его кумира имеют пределы. Но когда более восьмисот тысяч человек были приведены в боевую готовность, когда дивизии и армейские корпуса были разбросаны от Атлантики до Немана, от Любека до Бриндизи, одному человеку было невозможно быть одновременно начальником штаба и военным министром. Соответственно, 9 августа император назначил генерала Кларка военным министром и, чтобы показать, что это не было пренебрежением к его старому другу, в тот же день он назначил принца Невшательского вице-констеблем Франции. В течение следующих трех месяцев Бертье мог наслаждаться почестями в своем доме в Гросбуа или в своем почетном качестве в Фонтенбло, но в ноябре император увез его с собой в Италию с инспекционной поездкой. В течение всего этого отпуска в Италии принц был занят проработкой деталей предстоящей кампании в Испании, и именно испанские проблемы прервали его медовый месяц, поскольку 2 апреля он должен был отправиться с императором в Байонну. С самого начала принц предупредил императора, что вопрос снабжения лежит в основе всех трудностей в Испании; но Наполеон цеплялся за свою идею, что война должна поддерживать войну, и Бертье знал, что безнадежно пытаться выбросить навязчивую идею из его головы, и, все еще веря в его всемогущество, он думал, что все будет хорошо. Между тем, по мере того как шло лето, внимание принца занимала не только Испания, поскольку необходимо было организовать завоевание Дании и тщательно нанести на карту перевалы в Силезии и Богемии ввиду военных действий с Пруссией или Австрией. В начале августа Бертье находился в Сен-Клу, готовясь усилить Даву в Силезии из-за растущей враждебности Австрии, когда 16-го числа пришло известие, что Жозефу пришлось эвакуировать всю страну к западу от Эбро. Но Наполеон и Бертье не могли прийти ему на помощь до окончания имперской встречи в Эрфурте в сентябре. Однако, достигнув Испании, магия личности императора вскоре восстановила силу и престиж французского оружия. И все же принц-маршал не мог скрыть от самого себя, что все было не так, как раньше; характер

Наполеона был более неуверенным, и маршалы, страдая от выговоров, не собирались вместе. Когда император вернулся во Францию, упустив "возможность преподать англичанам хороший урок", он оставил Бертье здесь на две недели, "чтобы убедиться, что король Жозеф все правильно понимает". Но неприятности были неизбежны, поскольку сам император нарушал свой собственный канон важности "единоначалия", номинально оставляя Джозефа командовать всеми войсками в Испании, но в то же время возлагая ответственность за маршалов на себя через генерал-майора.

В 1809 году Наполеон совершил еще одну серьезную ошибку. Он рассчитал, что Австрия не сможет продвинуться вперед до 15 апреля, и соответственно в начале марта отправил Бертье принять временное командование Великой армией с инструкциями приказать Даву сосредоточиться в Ратисбоне, а Массене - в Аугсбурге. Его идея заключалась в том, что позже будет достаточно времени, чтобы отдать приказ о сосредоточении на любом фланге или в центре. Но австрийцы были готовы на целых две недели раньше, чем он рассчитывал. Генерал-майор держал его в курсе каждого движения противника и указывал на опасную изоляцию Даву. Император все еще не верил, что австрийские приготовления продвигаются так далеко; и депеша из Парижа, написанная 10 апреля, которая прибыла в штаб в Донауверте 11-го, приказывала генерал-майору удержать Даву в Ратисбоне и перенести туда свою собственную штаб-квартиру, "и это несмотря на все, что может случиться". К несчастью, семафорная депеша, отправленная несколькими часами позже, когда Наполеон действительно разобрался в ситуации, сбилась с пути и так и не достигла Бертье. Принц Невшательский так же ясно, как и любой другой, понимал опасное положение Даву; сам герцог Экмюльский считал, что генерал-майор пытается испортить ему карьеру, обрекая его на неминуемое поражение; депрессия охватила весь французский корпус. Но после многих лет слепой преданности своему великому начальнику Бертье не смог заставить себя нарушить четкие приказы, подчеркнутые выражением "несмотря ни на что", и великая катастрофа была предотвращена прибытием Наполеона, который немедленно приказал Даву отступить, а Массене наступать. На самого Бертье обрушилась вся ярость императорского гнева. Но вскоре туча рассеялась, ибо Бертье был незаменим, как всегда, и даже более того, когда после неудачи при Асперн-Эсслинге пришлось приложить огромные усилия, чтобы поторопить войска из всех доступных источников. В конце кампании император справедливо вознаградил своего лейтенанта, провозгласив его принцем Ваграмским.

Наполеон снова оставил Бертье, чтобы организовать вывод армии, и только 1 декабря принц Ваграмский вернул себе Париж и взял в свои руки нити кампании на полуострове. Его пребывание там было недолгим, поскольку к концу февраля он снова вернулся в Вену, на этот раз не в качестве генерал-майора победоносной армии, а в качестве Чрезвычайного посла, который должен был просить руки эрцгерцогини Марии Луизы для своего господина, императора Наполеона, и сопровождать ее в ее новый дом. В течение следующих двух лет принц оставался дома в Гросбуа или на службе в Фонтенбло, но, несмотря на большое семейное счастье, он был сильно обеспокоен ужасной испанской войной. Никто так ясно не понимал, что нужно приложить все усилия, чтобы сокрушить англичан, но он был бессилён убедить императора, и ему приходилось в полной мере переносить все трудности, возникающие из-за нарушения "единства командования". Никто лучше его не понимал, какие безнадежные трудности возникнут, когда Наполеон приказал ему написать: "Король будет командовать армией.... Гвардия не является частью армии". В довершение ко всем этим неприятностям становилось все более и более очевидным, что Германия пронизана тайными обществами и что

война с Россией неизбежна. Поэтому в январе 1812 года он со вздохом облегчения получил приказ отвернуться от Испании и возобновить свои функции генерал-майора Великой армии. Не то чтобы он желал дальнейшей действительной службы; как и многие другие солдаты императора, он не доверял дальнему походу в Россию и опасался за честь и безопасность Франции. Уже на шестидесятом году жизни он мало что мог лично выиграть от войны. Как он сказал Наполеону: "Что хорошего в том, что вы дали мне доход в шестьдесят тысяч фунтов стерлингов в год, чтобы подвергать меня пыткам Тантала? Я умру здесь со всей этой работой. Самый простой рядовой счастливее меня". Император, зная позицию многих своих маршалов и сам ощущая напряжение этого грандиозного предприятия, был необычайно раздражителен. Вследствие этого отношения в штабе часто были натянутыми, и маршалы были разгневаны суровыми выговорами, которым они подвергались. Из-за того, что ведущие приводы вышли из строя, машина работала не очень гладко: не было ничего, кроме трения и напряжения. Маршалы были склонны приписывать свой позор недоброжелательству Бертье, а не вспыльчивости Наполеона. Особенно это касалось Даву, который с 1809 года подозревал, что Бертье желает погубить его репутацию. Соответственно, принц Экмюльский приписал череду выговоров, обрушившихся на его голову, махинациям генерал-майора, а не, как это было в действительности, ревности Наполеона к нему, потому что люди предсказывали, что он станет королем Польши. Это недоразумение было самым прискорбным, поскольку помешало Бертье добиться примирения между Даву и императором. Следовательно, Наполеон был вынужден все больше и больше доверять советам опрометчивого, непостоянного короля Неаполя. Участь генерал-майора на протяжении всей кампании была самой плачевной. Работая день и ночь, чтобы руководить организацией огромных сил численностью в шестьсот тысяч человек; ему не доверяли его бывшие товарищи; император обвинял его во всех неудачах, в чем бы ни заключалась вина, ему приходилось мириться с самыми горькими оскорблениями и, работая так, как не мог работать ни один другой человек, терпеть такие насмешки, как: "Ты не только никуда не годишься, но и мешаешь". Все, что пошло не так, "было ошибкой генерального штаба, который так организован, что ничего не предвидит", будь то недостатки подрядчиков или поджог их собственных домов. журналы от русских. Но что больше всего разожгло гнев Наполеона против начальника генерального штаба, так это то, что Бертье, имея перед собой "парадные штаты", подчеркивая огромные потери армии, постоянно твердил об опасности наступления на Москву. Отношения между ними стали настолько натянутыми, что на протяжении последней части продвижения они больше не встречались за трапезами. Но в часы отступления старая дружба возобновилась. Бертье не имел злого умысла и проявил свою храбрость, сражаясь с врагом с мушкетом и штыком; и однажды вместе с Бессьером, Мюратом и Раппом он спас императора от сотни казаков.

Когда Наполеон оставил армию в Вильно, он оставил генерал-майора, чтобы помочь неаполитанскому королю вывести остатки Великой армии. Маршируя пешком по глубокому снегу, с обмороженными пальцами и носом, крепкий шестидесятилетний ветеран переносил усталость не хуже самых выносливых молодых людей в расцвете сил; и в дополнение к физической усталости от марша ему приходилось выполнять всю административную работу и нести моральную ответственность за то, что осталось от армии; ибо король Неаполя, не думавший ни о чем, кроме как о спасении собственной короны, когда трудности возросли, последовал примеру Наполеона и покинул свой пост. После этого генерал-майор взял на себя инициативу выдвинуть принца Евгения в качестве преемника Мюрата. Но в конце концов его

здоровье пошатнулось, и император сам написал принцу Евгению, чтобы тот отправил старого воина домой.

Бертье прибыл в Париж 9 февраля, сильно подорванный здоровьем; но его замечательное телосложение вскоре позволило ему восстановить силы, и к концу марта он снова усердно работал, помогая императору импровизировать армию. С его полным знанием этих сил никто так не был поражен успехами при Лютцене и Бауцене, как Бертье, и никто так настойчиво не советовал императору принять условия союзников во время перемирия; но его советы были напрасны. Затем последовала ужасная катастрофа под Лейпцигом, несомненно, вызванная боязнью Бертье действовать без прямого приказа императора. Инженерный офицер, которому было поручено подготовить линию отступления, доложил, что одного моста через Эльстер недостаточно. Генерал-майор, зная, что император желает скрыть от союзников любые признаки отступления, ответил, что он должен ждать приказов императора, поэтому, когда после трехдневных боев отступление больше нельзя было откладывать, катастрофа была неизбежна.

Однако, несмотря ни на что, император отказался признать себя побежденным и к началу 1814 года снова был готов выступить на поле боя, хотя к этому времени союзники вторглись во Францию. Преданный, как всегда, Бертье работал изо всех сил; но он снова навлек на себя гнев императора, умоляя его принять условия, предложенные ему в Шатийоне. Тем не менее, когда пришел конец и Наполеон отрекся от престола, Бертье остался на его стороне, и только когда император освободил своих маршалов от присяги, 11 апреля он прислал заявление о своем присоединении к новому правительству. Когда все, кроме Макдональда, покинули павшего императора, Бертье остался в Фонтенбло, руководя выводом остатков армии и принимая меры для формирования гвардии, которая должна была сопровождать Наполеона на Эльбу. Но хотя Бертье оставался с ним до того дня, как тот отправился на Эльбу, он отказался разделить его изгнание, и в то время Наполеон был достаточно великодушен, чтобы понять, что из-за своего возраста и заботы о своих детях он не мог ожидать такой жертвы.

До сих пор принц оказывал все, чего могли требовать от него честь и привязанность. Но, к несчастью для его славы, вместо того, чтобы уйти в частную жизнь, он прислушался к молитвам своей жены, которая остро переживала потерю своего титула "Светлейшей принцессы". Именно по ее желанию он продолжал часто бывать при дворе Бурбонов и фактически принял звание капитана одной из новых рот королевской гвардии. Это, а также тот факт, что Бертье, как старший из маршалов, повел своих товарищей-маршалов на встречу с королем в Компьень, привело к тому, что Наполеон и империалисты сочли принца Ваграмского предателем. Более того, принц-маршал теперь видел в Наполеоне возмутителя спокойствия в Европе, поэтому, когда император внезапно вернулся с Эльбы, он покинул Францию и удалился в Бамберг, во владения своего тестя.

Принято считать, что Бертье покончил с собой, но медицинские данные показывают, что его падение, вероятно, было результатом головокружения, вызванного диспепсией. Несчастный случай произошел 1 июня. Он наблюдал за дивизией русских войск, проходившей через город, и был очень огорчен этим зрелищем, и услышал, как кто-то пробормотал: "Моя бедная страна!" Всегда интересовавшийся солдатами, он забрался на стул на балконе перед окнами детской, чтобы лучше видеть войска, и при этом потерял равновесие и упал на землю.

На данный момент о трагической смерти маршала говорила вся Европа, но только на данный момент, поскольку судьба мира зависела от результатов великой битвы, которая была неминуема в Бельгии. Если бы принц Ваграмский был там, более чем возможно, что чаша весов пала бы иначе, чем на самом деле; ибо именно безразличная штабная работа Сульта и плохое составление приказов привели французов к проигрышу кампании. В этом Наполеон был так твердо убежден, что никогда не мог стереть это из своей памяти; снова и снова было слышно, как он говорил: "Если бы Бертье был здесь, я бы никогда не столкнулся с этим несчастьем". Император, несмотря на то, что в 1814 году он сказал Макдональду, что Бертье никогда не сможет вернуться, был убежден, что он вернется, и сказал Раппу, что он уверен, что тот вернется к нему. Именно эта неспособность вернуться так озлобила павшего императора против принца Ваграмского и привела к тем жестоким нападкам на его репутацию, которым он дал волю на острове Святой Елены. Более того, Наполеон, столь великий во многих вещах, был настолько ревнив к собственной славе, что мог быть невыразимо скуп. Даже в первые годы, когда он услышал, как люди хвалят работу Бертье в 1796 году, он сказал своему секретарю Буррьену: "Что касается Бертье, с тех пор как вы работаете со мной, вы видите, кто он такой — он болван". На острове Святой Елены, забыв о своих прежних мнениях, "Бертье обладает своими талантами, активностью, мужеством, характером — все говорит в его пользу". Забыв, что он сам учил Бертье быть властным, он высмеял его довольно напыщенную манеру поведения, сказав: "Ничто так не властно, как слабость, которая чувствует, что ее поддерживает сила. Посмотрите на женщин". Бертье, с его восхитительно ясным умом, великолепными физическими данными, методическими способностями и амбициями, сделал бы себе имя в любой профессии. Он, несомненно, предпочел быть вторым после Наполеона; он служил ему с преданностью, которую сам Наполеон не мог понять, и он завоевал любовь и уважение своего великого полководца, несмотря на эгоизм натуры корсиканца. "Я действительно не могу понять, - сказал Наполеон Талейрану, - как между мной и Бертье установились отношения, которые кажутся дружескими. Я не предаюсь бесполезным сантиментам, а Бертье настолько неинтересен, что я не знаю, почему я вообще должен заботиться о нем, и все же, когда я думаю об этом, он мне действительно нравится". "Это потому, что он верит в вас", - сказал бывший епископ и чтец человеческих душ. Именно эта вера в Наполеона со временем овладела разумом принца Ваграмского, убила его собственную инициативу и стала причиной его промахов в 1809 году и под Лейпцигом, превратив его в машину, которая просто повторяла приказы императора. "Месье Маршал, император приказывает". "Месье, благодарить вы должны не меня, а императора". Эти избитые фразы больше, чем что-либо другое, символизировали границы карьеры, которые Маршал намеренно обозначил для себя. В глазах Бертье это был не упрек, а свидетельство его собственных принципов, "что он никогда не отдавал приказов, никогда не писал депеш, которые каким-либо образом не исходили от Наполеона". Именно это, с некоторой долей правды указывая на его заметные неудачи, позволило Наполеону сказать о нем на острове Святой Елены: "Его характер был нерешительным, недостаточно сильным для главнокомандующего, но он обладал всеми качествами хорошего начальника штаба: полное владение картой, большое мастерство в разведке, скрупулезность при отправке приказов, великолепная способность с величайшей простотой представлять самое сложное положение армии".

ИОАХИМ МЮРАТ, МАРШАЛ, КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Конюх, семинарист, маршал, король, Мюрат занимает неоспоримое положение принца Гасконского: вздорный, настойчивый, амбициозный и тщеславный, он превосходит самого Д'Артаньяна в своем непомерном самомнении. Йоахим Мюрат, третий сын владельца гостиницы La Bastide Fortunière в верхнем Керси, родился 25 марта 1767 года. С самого раннего детства Иоахим был любителем лошадей и завсегдатаем конюшен; но его родители преследовали более высокие цели в отношении своего яркого, улыбчивого, умного любимца и предназначили его для священничества. Молодого семинариста высоко ценили наставники колледжа Сен-Мишель в Каоре и отцы-лазаристы в Тулузе; но ни священник, ни мать по-настоящему не поняли его лихого характера, и одним февральским утром 1787 года Иоахим тихонько выскользнул из дверей семинарии и записался в Арденнских егерей, которые в тот момент были расквартированы в Тулузе. Два года спустя этот многообещающий новобранец, не угодив военным властям, был вынужден покинуть службу в мрачных предчувствиях. Должность помощника портнихи была плохой заменой для молодого солдата, который считал кавалерийскую службу в королевской армии недостаточно лихой, но Революция дала выход, которым Мюрат быстро воспользовался. В течение трех лет будущий король обращался к деревенской аудитории Керси с речью о беззакониях касты и равенстве всех людей; так что, когда в феврале 1792 года Ассамблея призвала добровольцев для "Конституционной гвардии" Людовика XVI, что могло быть лучше для национальной гвардии Монфокона, чем выдвинуть кандидатуру Иоахима Мюрата, красивого бывшего сержанта арденнских егерей?

В Париже Иоахим вскоре обнаружил, что королевский путь к успеху лежит через громкое обвинение всех вышестоящих офицеров в отсутствии патриотизма. Вскоре не было более наглого обвинителя, чем Мюрат. В течение года он вышел из состава "Конституционной гвардии" и к апрелю 1793 года получил звание капитана 12-го егерского полка. Тем временем генерал д'Уре де Молан выбрал его адъютантом. Не имея опыта службы, он был обязан своим назначением в основном своему тщеславию и приятной внешности. Голубоглазый, с орлиным носом и улыбающимися губами; с длинными каштановыми кудрями, ниспадающими на его хорошо поставленную голову; наделенный огромной физической силой, проявляющейся в его сильных, гибких руках и длинных ногах всадника с плоскими бедрами, он представлял собой самый совершенный тип смельчака, лихого кавалериста. Умеренный республиканский генерал д'Уре де Молан был ему некоторое время полезен, но молодой гасконец понял, что дни экстремиста не за горами; соответственно, он вступил в союз с авантюристом по имени Ландри, который собирал отряд головорезов, целью которых была добыча, а не боевые действия. Конвент, который разрешил Ландри создать этот корпус патриотически настроенных защитников страны, принял его назначение Мюрата исполняющим обязанности подполковника. Но вскоре они поссорились, потому что Мюрату хватило наглости попытаться заставить этих патриотов сражаться, а не просто искать добычу. Следствием этой ссоры стало то, что в начале 1794 года он оказался обвиненным как бывший дворянин. Заключенный в тюрьму в Амьене и представший перед Комитетом общественной безопасности, он в порыве республиканского энтузиазма сменил свое имя на Марат. Но это не спасло его, и он был обязан своей жизнью депутации от своего родного Керси, которая доказала как его скромное происхождение, так и его высокий республиканский характер.

ИОАХИМ МЮРАТ, ВПОСЛЕДСТВИИ КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ
С КАРТИНЫ ЖЕРАРА В ВЕРСАЛЕ

13-я Вандейская стала поворотным моментом в жизни Мюрата, поскольку в тот день он впервые встретился со своим будущим начальником, молодым генералом Бонапартом, и привлек его

вниманием, что виртуозно спас пушки в Саблоне от рук роялистов. Будущий император всегда знал, когда награждать за заслуги, и, получив назначение командовать армией в Италии, сразу же выбрал его своим адъютантом. До сих пор он почти не служил на войне. Но кампания 1796 года доказала, что суждения Бонапарта были здравы, поскольку к концу года Мюрату больше не было необходимости трубить в свою собственную трубу. В короткой кампании против сардинцев он проявил свой талант командира кавалерии, проявив свои способности в атаках при Дего и Мондови. У него не было причин роптать на то, что его не оценили по достоинству, поскольку его генерал выбрал его для того, чтобы он доставил в Париж известия об этой победоносной кампании и о триумфальных переговорах Чераско. Он вернулся из Парижа в мае в звании бригадного генерала как раз вовремя, чтобы принять участие в форсировании реки Минчо и лишить Килмейна некоторых почестей. Главнокомандующий по-прежнему прикреплял его к штабу и постоянно привлекал к специальной службе. Его предприятия были многочисленны и разнообразны — неделю назад он находился в Генуе со специальной дипломатической миссией, неделю или две спустя возглавил неудачную атаку на великую крепость Мантуя, затем командовал правым крылом армии, прикрывавшей осаду, он проявил себя как никогда находчивым и отважным. Но осенью 1796 года он попал под сильное неудовольствие своего начальника, поскольку в Милане и Монтебелло Жозефина проявила слишком большую благосклонность к молодому кавалерийскому генералу. Соответственно, Мюрат без зазрения совести интриговал с Баррасом против своего шефа. Но его славное поведение при Риволи вновь вернуло ему расположение, и Бонапарт доверил ему пехотную бригаду в наступлении на Вену, а позже и деликатную независимую миссию на Вальтеллине. Но Мюрат, в отличие от Ланна, Мармона и Дюрока, еще не был незаменим для Бонапарта и, соответственно, остался при Итальянской армии, когда генерал с триумфом вернулся в Париж. Главным образом благодаря восторженному отчету Массены о своей службе в Римской кампании в конце 1797 года он был выбран в качестве одного из нештатных офицеров египетской экспедиции.

До сих пор Мюрату еще не удавалось выделиться среди своих товарищей по оружию. Массена, Ожеро, Серюрье и Лаарп оставили его далеко в тылу, но Египет должен был дать ему шанс доказать свою состоятельность и показать, что он не только лихой офицер, но и командир кавалерии первого ранга. Он возглавлял кавалерию авангарда в походе вверх по Нилу и присутствовал при битве при Пирамидах и взятии Каира. Но пока что кампания, вместо того чтобы принести ему новые почести, едва не принесла ему позора; ибо он присоединился к партии ворчунов и был одним из тех, кому был адресован знаменитый выговор: "Я знаю, что некоторые генералы бунтуют и проповедуют восстание ... пусть они позаботятся. Я так же высоко стою над генералом, как и над барабанщиком, и, если потребуется, я сделаю первый выстрел так же быстро, как и второй".

27 июля 1798 года Мюрат был назначен губернатором провинции Калиуб, расположенной к северу от Каира; для поддержания порядка среди своих беспокойных подданных все его силы состояли из батальона пехоты, двадцати пяти кавалеристов и трехфунтовой пушки. Его губернаторство было лишь частью работы, которую требовал от него Бонапарт, поскольку он постоянно находился в отъезде, организуя и ведя легкие колонны по суше или реке, изматывая арабов и распуская мамлюков, прочесывая страну, собирая огромные запасы зерна и крупного рогатого скота, перевооружая кавалерию — доказывая, что в прошлом был мастером иррегулярной войны. Он так хорошо выполнял свою работу, что главнокомандующий назначил его командовать всей кавалерией сирийского экспедиционного корпуса. Благодаря его

умелому управлению своими всадниками марш через Палестину обошелся французам с небольшими потерями. Во время осады Акко он командовал силами прикрытия и проводил разведку повсюду. Его имя вызывало такой страх, что вся турецкая армия бежала от него на берегах Иордана, оставив свой лагерь и огромную добычу в руках французов. Но хотя он таким образом уничтожил силы подкрепления, Акра, снабженная английским флотом, все еще держалась, и Бонапарту пришлось отступить в Египет.

Именно при Абукире Мюрат укрепил свою репутацию великого полководца. Турецкий генерал не позаботился о том, чтобы оставить правый фланг своей первой линии на берегу моря, и Мюрат, воспользовавшись случаем, обрушился на незащищенный фланг всей тяжестью своей кавалерии и сбросил несчастных турок в воду. После этого с помощью артиллерийской батареи центр второй линии турецкой армии был прорван, и французская кавалерия, ворвавшись в брешь, снова быстро расправилась с врагом, а их предводитель собственноручно захватил в плен турецкого командующего. Бонапарт в своем донесении отдал должное своему подчиненному. "Победа в основном принадлежит генералу Мюрату. Я прошу вас назначить его дивизионным генералом: его кавалерийская бригада добилась невозможного". Сам Мурат был очень огорчен ранением в лицо, так как боялся, что это может испортить его внешность; однако вскоре он с удовлетворением написал своему отцу: "Врачи говорят мне, что я нисколько не буду обезображен, поэтому скажите всем молодым леди, что даже если Мурат частично утратил свою внешность, они не обнаружат, что он утратил часть своей храбрости на войне за любовь".

Его недовольство было прощено, Мюрат покинул Египет в числе избранных последователей, в верности которых Наполеон был уверен; его особая миссия состояла в том, чтобы перетянуть кавалерию на сторону своего вождя. Именно он вместе с Леклерком 18 Брюмера ворвался в Оранжерею во главе гренадеров и вышвырнул депутатов. Первый консул щедро вознаградил его, назначив инспектором Консульской гвардии, а еще позже, отдав предпочтение своему сопернику Ланну, выдал его замуж за свою сестру Каролину. Мюрат познакомился с Каролиной Бонапарт в Монтебелло во время итальянской кампании 1796 года и сразу был поражен ее красотой. Как и у многих других кавалеров, у него было пламя в каждой стране, или, скорее, в каждом городе, который он посещал. Но к 1799 году веселый гасконец понял, что пора заканчивать сеять свой дикий овес, поскольку судьба предлагала ему шанс, который выпадает на долю немногих смертных. К этому времени стало ясно, что звезда Первого консула находится в зените. Его семья уже пожинала плоды его успеха. Честолюбие, гордость и любовь были нитями сети, которые привлекли усердного Мюрата к Каролине. Как шурин Первого консула, Иоахим чувствовал себя в безопасности от своего непримиримого соперника Ланна. В довершение к этому успеху он знал, что победитель Монтебелло напрягал все свои нервы, чтобы заполучить этот самый приз. Более того, сама Фортуна была благосклонна к его сватовству. Бонапарт предложил руку Каролины великому генералу Моро, но будущий победитель при Гогенлиндене отказался присоединиться к корсиканскому триумфу. Чтобы скрыть свое замешательство, Первый консул был рад отдать руку своей сестры одному из своих самых доблестных офицеров, тем более что тем самым он раз и навсегда избавился от навязчивого страха интриги между ним и Жозефиной. Соответственно, 25 января 1800 года Мюрат и Каролина были объявлены президентом кантона Плейи мужем и женой в храме. Хотя Каролина привезла с собой всего сорок тысяч франков, она отстаивала то, что было еще лучше, - огромные возможности.

Медовый месяц Мюрата был прерван кампанией Маренго. В апреле он отправился в качестве генерал-лейтенанта, командующего кавалерией, в Резервную армию в Дижоне. Как только корпус Ланна, захватив Иврею, обеспечил прорыв в Италию, кавалерия смогла приступить к выполнению своей роли и с непреодолимой силой пронеслась по равнинам Ломбардии, форсировала переправы через реку и 2 июня вошла в Милан. Оттуда Первый консул отправил своих всадников захватить Пьяченцу, важный мост через реку По, ключевой узел австрийских коммуникаций. Мюрат с небольшим отрядом переправился через реку примерно на двадцати небольших гребных лодках и, бросившись вперед, захватил мост на южном берегу и таким образом обеспечил не только мирную переправу своих войск, но и захват города и огромных австрийских складов. При Маренго кавалерия действовала отдельными бригадами, и решающий удар в битве выпал на долю младшего Келлермана, чья блестящая атака решила исход дня в пользу французов. В депешах упоминалось только, что "одежда генерала Мюрата была изрешечена пулями".

До сих пор Мюрат всегда командовал подчиненными; его большой мечтой было стать главнокомандующим независимой армией. Его жена Каролина и невестка Джозефина были постоянны в своих попытках добиться для него этого отличия от Первого консула. Но только в конце 1800 года им это удалось; и то лишь частично, поскольку в декабре генерал-лейтенант был назначен командующим наблюдательным корпусом, штаб-квартира которого находилась в Милане и в обязанности которого входило наводить ужас на Тоскану и Папскую область. Его кампания в центральной Италии более примечательна его попытками освободиться от контроля генерала Брюна, главнокомандующего итальянской армией, чем какими-либо блестящими маневрами. Тоскана и Папская область были легко завоеваны, и неаполитанский король был только рад купить мир в Фолиньо. Италия лежала у ног французского генерала, но что было наиболее отрадно, после успешных переговоров с неаполитанским королем Первый консул молчаливо принял титул, который его шурин присвоил себе как главнокомандующий Неаполитанской армией. Мюрат был удовлетворен тем, что в его подчинении находились генерал-лейтенант Сульт, три дивизионных генерала и четыре бригадных генерала. На данный момент его гасконское тщеславие было удовлетворено, в то время как его гасконская жадность была утолена значительными взятками от всех завоеванных стран полуострова. К "главнокомандующему" присоединились во Флоренции в мае 1801 года его жена Каролина и маленький сын Ахилл, родившийся в январе, которого он нашел "очаровательным, у него уже было два зуба". В столице Тосканы Мюрат серьезно прочитал жителям историческую лекцию об их науке, цивилизации и великолепии их государства при Медичи. Лето он провел, посещая водные достопримечательности Италии. В августе Первый консул назначил его командующим войсками Цизальпинской республики, и он сохранял этот пост в течение следующих двух лет, его штаб находился в Милане, время от времени он совершал поездки в Париж и Рим и в целом был доволен своим положением, за исключением случайных ссор с Мельци, президентом Итальянской Республики. Их юрисдикции пересекались, и гасконец ни перед кем не играл второй скрипки, кроме своего великого шурина.

В январе 1804 года первый консул отозвал Мюрата в Париж, назначив его комендантом войск первой военной дивизии и Национальной гвардии и губернатором города. Целью Бонапарта было не столько угодить своему шурина, сколько укрепить себя. Он сосредоточивал свою семью, клан и всех своих самых верных последователей в готовности к великому событию - провозглашению Империи. Таких людей, как Ланн, чьи взгляды были республиканскими, благоразумно держали в стороне от зарубежных миссий; но Мюрат, как знал Бонапарт, был

податливым инструментом. Еще в 1802 году он горячо поддерживал Конкордат, и кардинал Консальви повторно освятил его брак; и оба, Каролина и Иоахим, бесконечно предпочитали быть членами императорской семьи императора Франции, а не просто родственниками преуспевающего генерала и первого консула Французской Республики. Они также были готовы подчиняться приказам будущего императора и оказывать ему социальную помощь, устраивая пышные приемы, и их резиденция в Париже, отель "Телюссон", стала центром роскошных развлечений. Пока Мюрат расхаживал в небесно-голубом комбинезоне, усыпанном золотыми блестками, изобретал новую униформу и покупал дорогие эгретки для своего басби, его жена проявила свой вкус в стиле рококо, обставив свою гостиную красным атласом с золотом, а спальню - розовым атласом и кружевом олд-пойнт. Они получили свою награду. Через пять дней после провозглашения Империи, после яростной сцены, Наполеон уступил титул императорского высочества своей сестре с горькими словами: "Послушать вас, так люди подумали бы, что я лишил вас наследия покойного короля, нашего отца". Тем временем губернатор Парижа получил свой маршальский жезл, а в феврале следующего года был произведен в сенаторы, принцы и гранд-адмиралы Франции.

Разрыв Амьенского мира никак не повлиял на жизнь губернатора Парижа; в течение двух лет он наслаждался этой должностью со всеми ее возможностями для показухи. Но в августе 1805 года приближающаяся война с Австрией заставила императора призвать на свою сторону своего самого блестящего кавалерийского командира. В том же месяце он отправил его путешествовать инкогнито под именем полковника Бомона для обследования военных дорог в Германии, и особенно для изучения дорог, сходящихся вокруг Вюрцбурга, и пригодности этого города в качестве передового плацдарма армии, действующей на Дунае. Из Вюрцбурга Мюрат поспешно проехал через Нюрнберг, Ратисбон и Пассау до отеля river Inn, возвращаясь через Мюнхен, Ульм, Шварцвальд и Страсбург. Сразу же по его возвращении император назначил его "наместником Империи и комендантом в свое отсутствие" всех войск, расквартированных вдоль Рейна, и тех корпусов Великой армии, которые достигли этой реки раньше него. Когда война действительно разразилась, обязанностью Мюрата было замаскировать со своей кавалерией в Шварцвальде поворот других корпусов Великой армии, которые наносили удар в тыл Австрии. Как только поворот был завершен, принцу было поручено командование левым крылом армии, в которое входили его собственная кавалерийская дивизия и корпуса Ланна и Нея. Несмотря на то, что Мюрат был превосходным командиром кавалерии в полевых условиях, у него не хватало ума для великих комбинаций. Вместо того чтобы воспользоваться советами этих способных солдат, Ланна и Нея, он тратил свое время на ссоры с ними. Соответственно, он держал свои войска на противоположном берегу Дуная, в результате чего, несмотря на блестящие действия Нея при Эльхингене, две австрийские дивизии под командованием эрцгерцога Фердинанда бежали из Ульма. Принц Мюрат, однако, исправил свою ошибку, блестяще преследуя сбежавших австрийцев, и упорной верховой ездой и боями захватил в плен добрую половину отряда эрцгерцога.

Стремительность, настойчивость и напористость, несомненно, являются полезными чертами характера командира кавалерии, и он получил их по заслугам. Но его ревность и тщеславие часто сбивали его с пути истинного. Во время наступления вниз по Дунаю, в своем желании присвоить себе славу захвата Вены, он полностью потерял связь с русскими и австрийцами, которые отступили за Дунай у Кремса, и поставил императора в опасное положение, оставив непобежденных русских на фланге его линии коммуникаций. Но принц быстро загладил свою опрометчивость. Уловка, с помощью которой он и Ланнес захватили мост под Венной,

несомненно, была дискредитирующей с точки зрения морали. Было прямой ложью сообщить австрийскому командующему, что было заключено перемирие и мост передан французам. Но факт остается фактом: Мюрат спас императора и французскую армию от трудной и дорогостоящей операции по форсированию широкого Дуная перед лицом союзников. Несколько дней спустя тщеславие принца на некоторое время отложило нанесение решающего удара, поскольку, хотя он так успешно блефовал с врагом, он не мог понять, что они могут обмануть его, и, поверив их рассказам о перемирии, он позволил союзникам вырваться из лап Наполеона в Холлабрунне. При Аустерлице принц-маршал покрыл себя славой. Командуя левым крылом, умело поддерживаемый Ланном, он обрушил всю тяжесть своей кавалерии на русских, продемонстрировав в полной мере эффективность своевременной серии атак на разбитую пехоту и дав мастерский урок искусства переформирования дезорганизованных всадников, используя сплоченные ряды пехоты Ланна, из-за которых он снова и снова выходил в восстановленном порядке, чтобы обрушиться на поколебленные ряды противника. Под Аустерлицем он проявил себя с лучшей стороны. Его старая ссора с Ланном была на время забыта; его лейтенанты Нансути, д'Отпуль и Себастьяни были слишком низкооплачиваемы, чтобы вызвать у него какую-либо ревность. Действия на левом фланге в основном вела кавалерия, в которой быстрота взгляда и принятия решений были всем, где ошибку можно было исправить, лично атаковав во главе штаба или сказав несколько яростных слов в адрес слегка деморализованного полка. Быстрота действий и уверенность в себе, которая на поле боя никогда не чувствовала себя побежденной, были причиной успеха Мюрата.

Неизменной политикой Наполеона было обезопасить долину Рейна, чтобы австрийцы никогда больше не смогли угрожать Франции. Для достижения этой цели он основал Рейнскую конфедерацию, объединив все небольшие Рейнские государства в конфедерацию, Протектором которой он сам был, и привязав правителей отдельных государств к своей династии либо браком, либо наградами. В рамках этого плана император выделил Мюрату и Каролине герцогства Клевское и Бергское, объединив их в одну провинцию под названием Великое герцогство Берг. Таким образом, сын гасконского трактирщика стал в 1806 году Иоахимом, принцем и великим адмиралом Франции и великим герцогом Бергским. Он удостоился этой чести не как Мюрат, блестящий генерал кавалерии, а как принц Иоахим, шурин императора Наполеона. Великий герцог и великая герцогиня, однако, недолго прожили в своей столице Дюссельдорфе; они бесконечно предпочитали Париж. В их глазах Берг был всего лишь ступенькой к высшим достижениям, источником прибыли и предлогом для самоутверждения за счет своих соседей. Великий герцог доверил внутреннее управление герцогством своему старому другу Агару, который хорошо служил ему в Италии и позже стал графом Мосбургским. Любое процветание, которым пользовался великий герцог, было полностью обусловлено финансовыми возможностями Агара. Мюрат, однако, держал международные дела в своих руках. Как министр иностранных дел, просто взяв то, что хотел, он значительно расширил границы своего герцогства. Но, как и все сателлиты Наполеона, он постоянно находил свое положение унижительным, ибо, несмотря на его слезы и молитвы, ему постоянно приходилось видеть, как его герцогство приносится в жертву Франции. Бесполезно было жаловаться на то, что Наполеон забрал крепость Везель, которая была передана Великому герцогству по особому договору королем Пруссии, ибо, как мудро спросила его королева Гортензия, "Кто на самом деле заключил этот договор? Кто отдал ему герцогство, крепость и все остальное?"

В сентябре 1806 года второй и последний визит Мюрата в Дюссельдорф был внезапно прерван началом прусской кампании. Накануне битвы при Йене его кавалерия преодолела сорок миль и

прибыла как раз вовремя, чтобы нанести врагу решающий удар на следующий день, обратив его в бегство в Веймаре. Затем последовало знаменитое преследование по Пруссии, в ходе которого Мюрат захватил первоклассные крепости кавалерийскими полками и пехотные дивизии кавалерийскими эскадронами и завершился захватом Блюхера и всей прусской артиллерии на берегу Балтики в Любеке. Но хотя его кавалерия таким образом стерла с лица земли прусскую армию, война затянулась, поскольку, как и в 1805 году, на поле боя вышли русские. В ноябре император отправил своего шурина командовать французским корпусом, который сосредоточивался вокруг Варшавы. Великий герцог прочитал в этом приказе мысль о том, что ему суждено стать королем возрожденной Польши; соответственно, он с триумфом въехал в Варшаву в фантастическом мундире, красных кожаных сапогах, тунике из золотой ткани, перевязи для меча, сверкающей бриллиантами, и огромной шапке из богатого меха, украшенной дорогими перьями. Поляки встретили его с энтузиазмом, и Мюрат поспешил написать императору, что "поляки желали стать нацией под властью иностранного короля, данного им вашим Величеством". В то время как великий герцог мечтал о своей польской короне, климат победил французские войска, и когда император прибыл на фронт, принцу пришлось отказаться от своих королевских устремлений. Но, несмотря на свое разочарование, он все еще был слишком французом и солдатом, чтобы позволить своему личному негодованию взять верх над долгом перед императором, и он продолжал надеяться, что своей смелостью и успехом все еще сможет завоевать польскую корону. При Эйлау он проявил свою обычную храбрость и великолепный талант командира кавалерии, когда спас разбитый корпус Ожеро успешной атакой более двенадцати тысяч сабель. В битве при Гейльсберге прославленный кавалерист легкой кавалерии Ласаль спас ему жизнь, но несколько минут спустя великий герцог смог самостоятельно заявить о своем уходе, спасая Ласалья из гущи русской атаки. К несчастью для Мюрата, предполагаемый союз с Россией раз и навсегда вынудил Наполеона отказаться от всякой мысли о возрождении королевства Польского, и когда будущий король прибыл в сопровождении польского почетного караула и в своем фантастическом мундире, его встретили едкие слова императора: "Иди и надень свою настоящую форму; ты похож на клоуна".

После Тильзита разочарованный великий герцог вернулся в Париж, где его не менее амбициозная жена интриговала с Жозефиной, Талейраном и Фуше, чтобы добиться назначения ее мужа преемником Наполеона на случай, если случайности кампании приведут к смещению императора. Но Наполеон не собирался умирать, не оставив потомства. Благодаря щедрости своего шурина Мюрат смог пренебречь полумиллионом своих подданных в Берге и по-королевски тратить свои доходы в Париже. Но в начале 1808 года его честолубие вновь воспламенилось надеждой на корону — не возрожденную королевскую власть в Польше, а древний скипетр Испании. Наполеон решил, что Пиренеи больше не должны существовать, а Португалия и Испания должны стать французскими провинциями, управляемыми его собственными марионетками. Жюно уже владел Португалией; казалось, что для изгнания бурбонов из Мадрида требовалось лишь энергичное движение. Семейные ссоры уже вызвали революцию в Испании. Карл бежал из королевства, оставив трон своему сыну Фердинанду. Оба обратились к Наполеону; следовательно, появился достойный предлог для отправки французской армии в Испанию. 25 февраля Мюрат был отправлен за несколько часов до этого с приказом принять верховное командование всеми французскими корпусами, которые сосредоточивались в Испании, захватить крепости Пампелуна и Сан-Себастьян и со всей скоростью наступать на Мадрид, но ему не дали ни малейшего представления о том, какова могла быть скрытая цель императора. Однако ему было приказано ежедневно информировать

императора о состоянии общественного мнения в Испании. Принц Иоахим очень скоро понял, что король Карл всеми отвергнут, что премьер-министр, принц Мира, крайне непопулярен и что Фердинанд слаб и нерешителен: казалось, что он последует примеру короля Португалии и сбежит в колонии, когда французская армия приблизится к его столице. Единственной тревожной чертой ситуации было постоянное уничтожение небольших групп французских солдат и жестокое убийство всех отставших. 23 марта французская армия вошла в Мадрид. Все было спокойно. Тем временем бывший король Карл удалился в Байонну, и по приказу императора туда же был отправлен Принц Мира, после чего король Фердинанд, опасаясь, что Наполеон может встать на сторону его отца, поспешил во Францию. В Байонне оба претендента на испанский престол отказались от своих прав перед императором, в то время как в Мадриде Мюрат, вопреки всякой надежде, играл королевскую роль и умирал жителей боями быков и великолепными празднествами. До сих пор испанцы, хотя и были встревожены, ждали, чтобы увидеть, были ли французы друзьями, как они заявляли, или на самом деле тайными врагами. Кризис разразился 2 мая, когда французские войска были вынуждены эвакуироваться из Мадрида из-за ярости населения в связи с попыткой похищения маленького принца дона Франсиско. Мюрат в полной мере проявил свое неукротимое мужество, яростно сражаясь не только за своего императора, но и за корону, которую он считал своей. Поистине горькими были его чувства, когда он получил письмо, датированное тем роковым днем, 2 мая, в котором сообщалось, что Иосиф должен стать королем Испании и что он может выбрать своим королевством либо Португалию, либо Неаполь. Заливаясь слезами, он принял Неаполь, но удар был настолько жестоким, что его здоровье пошатнулось, и вместо того, чтобы поспешить в свое новое королевство, ему пришлось провести лето, попивая воду в Барежесе; его чувствительные гасконские чувства были полностью сломлены разочарованием, и на данный момент он был физически и морально разбит.

Мюрат не спешил начинать свое правление, и его подданные не проявляли особого желания увидеть своего нового правителя. Но когда король Иоахим Наполеон прибыл в Неаполь, чтобы присвоить ему новый титул, его приняли с неожиданной теплотой. Новый монарх, обладавший яркой индивидуальностью и приятной внешностью, сразу же покорила сердца своих непостоянных подданных-южан. Иосиф был расчетливым и холодным, Иоахим - напыщенным и вспыльчивым. Неаполитанцы никогда по-настоящему не заботились о своих бурбонских соверенах. Некоторые представители знати из корыстных побуждений цеплялись за старую династию, но большую часть знати мало заботило, кто ими правит, пока не ущемлялись их привилегии. Среди среднего класса была сильная партия, принявшая доктрины Французской революции. Низший класс был праздным и ленивым и готов был служить любому монарху, который обращался к ним с показухой. Люди, которые действительно владели ключом к сердцам массы населения, были духовенством. Джозеф, с его либеральными идеями, пытался освободить людей от клерикального рабства. Иоахим, однако, со своими южными инстинктами отказался отказать себе в использовании такого мощного рычага и быстро завоевал расположение своих новых подданных. С того момента, как он прибыл в Неаполь, новый король решил, если не править Неаполем для неаполитанцев, то, по крайней мере, делая вид, что делает это, править Неаполем для себя, а не для Наполеона. Поэтому неудивительно, что перед концом 1808 года возникли трения, которые еще больше усилились из-за интриг Талейрана и Фуше. Эти министры, твердо убежденные в том, что Наполеон никогда не вернется с войны в Испании, решили, что в случае его смерти они объявят Мюрата его преемником, а не установят регентство для юного сына Луи Наполеона, короля Голландии.

Стремясь завоевать расположение своих подданных, Иоахим сразу же призвал к себе на помощь Агара, который так успешно управлял финансами Великого герцогства Берг. Финансовые трудности Неаполя были очень велики, и королю приходилось связывать с Агаром утонченного корсиканца Саличетти, который так сильно способствовал возвышению Наполеона. Налоги в Неаполе были высокими, поскольку неаполитанцам приходилось изыскивать деньги для войны со своей старой династией, которая угрожала им с Сицилии при поддержке английского флота. Чтобы обезопасить королевство от сицилийцев и англичан, необходимо было содержать большую неаполитанскую армию численностью в тридцать тысяч человек вместе со вспомогательными силами из десяти тысяч французов. Более того, неаполитанцам приходилось платить за то, чтобы иметь такого короля, как Иоахим, и королевую-консорт, как Каролина. Только королевскому двору требовалось 1 395 000 дукатов в год. Чтобы покрыть эти огромные расходы, министрам приходилось изобретать всевозможные способы сбора денег. Регулярного налогообложения, монополий, ипотечных кредитов и займов едва хватало на обеспечение бюджета. Тем не менее, королю удалось сохранить свою популярность, и он по-своему попытался улучшить участь своих подданных. Он ввел Кодекс Наполеона. Он основал военное училище, артиллерийский и инженерный колледжи, военно-морской колледж, колледж инженеров-строителей и политехническую школу. Он также учредил начальные школы в каждой коммуне и основал Нормальную школу для подготовки учителей. Он расширил штат университета и основал Обсерваторию и ботанический сад в Неаполе. Он попытался примирить неаполитанскую знать, постепенно увольняя своих французских министров и офицеров и назначая на их место неаполитанских дворян. В то же время он отменил феодальные сборы и таможи. Он также пытался развивать промышленность, оказывая ей покровительство. Прежде всего, строгими мерами своего министра Маньеса он установил мир во внутренних районах страны, разрушив организованную систему флибустьеров и разбойников. Со временем он обнаружил, что духовенство и монахи были слишком тяжелым бременем для его королевства, и в ущерб своей популярности ему пришлось сократить количество епархий и приходов и упразднить религиозные ордена.

С самого начала новый король осознал тот факт, что его королевство всегда будет обложено высокими налогами, а его трон ненадежен до тех пор, пока бурбоны, поддерживаемые англичанами, удерживают Сицилию. Таким образом, его план кампании состоял в том, чтобы изгнать врага с небольших островов, а затем потребовать помощи французских войск и предпринять решительные действия против Сицилии. В октябре 1808 года с помощью хорошо спланированной экспедиции он захватил остров Капри и вынудил английского командующего сэра Хадсона Лоу капитулировать. Однако только осенью 1810 года он был готов к великой экспедиции. Полагаясь на традиционную ненависть жителей Мессины к бурбонам, он собрал значительные силы в проливах и выжидал до того момента, когда после сильного шторма английский флот еще не появился на дорогах Мессины. Вечером 17 сентября он отослал свой авангард из двух тысяч человек на восьмидесяти небольших лодках. Кавеньяк, командующий этим отрядом, захватил важные деревни Санто-Стефано и Санто-Паоло. Но в критический момент командир французской дивизии, действуя в соответствии с приказом императора, отказался позволить своим войскам переправиться. Прежде чем удалось принять новые меры, английский флот вновь появился на сцене, и Кавеньяк со своими войсками был, таким образом, принесен в жертву напрасно. Иоахим, как показало время, так и не простил императору провала его заветного плана.

К началу 1812 года предстоящая русская кампания отодвинула на второй план все остальные вопросы. Мюрат, который искренне умолял разрешить ему принять участие в австрийской кампании 1809 года, был рад служить лично. Но как король Неаполя он отказался послать дивизию численностью в десять тысяч человек на подкрепление Великой армии, "как француз и солдат он объявил себя до мозга костей подданным императора, но как король Неаполя он стремился к совершенной независимости". Именно это двоякое отношение с того момента, как Мюрат стал королем, омрачило отношения между ним и Наполеоном. Но, тем не менее, как только он воссоединился с императором в Данциге, он отбросил все свои королевские устремления и стал верным и лихим командиром кавалерии.

Во время наступления на Москву кавалерия ужасно страдала от трудностей постоянной разведки и нехватки припасов, но, несмотря на это, Мюрат убеждал императора не останавливаться в Смоленске, а двигаться дальше, поскольку, по его мнению, русские становились деморализованными. Не проходило и дня без какого-нибудь сражения, в котором неаполитанский король демонстрировал свою смелость и талант лидера. Несмотря на это, Наполеон, разгневанный постоянными побегами русских, заявил, что если бы Мюрат только преследовал Багратиона в Литве, он бы не сбежал. Этот упрек подтолкнул неаполитанского короля к еще большим подвигам, и его фигура была так хорошо известна врагу, что казаки постоянно приветствовали его криками "Ура, ура, Мюрат!" В битве при Москве он и Ней полностью разгромили русских, и если бы Наполеон бросил в бой гвардию, русская армия была бы уничтожена. Несмотря на потери во время кампании, когда французы эвакуировали Москву, у Мюрата оставалось еще десять тысяч конных войск, но к тому времени, когда армия достигла Березины, там оставалось всего восемнадцать сотен кавалеристов с лошадьми. Когда император дезертировал из Великой армии, он оставил командование неаполитанскому королю с приказом собрать армию в Вильно. Но Мюрат увидел, что переформировать там армию невозможно, и соответственно приказал отступить за Неман, рубеж, который, как он вскоре обнаружил, удержать было невозможно. 10 января 1813 года пришло известие о том, что пруссаки действительно перешли на сторону врага. Казалось, что Наполеон погиб, и Мюрат тут же дезертировал из армии и со всей поспешностью отправился в Италию, думая только о том, как спасти свою корону.

Король прибыл в Неаполь, полный решимости сохранить свою корону и не допустить вмешательства императора. Но, несмотря на это, он не мог определиться с каким-либо определенным направлением действий. Он боялся, что англичане и русские вторгнутся в его страну, но, с другой стороны, его старая привязанность к Наполеону и какая-то тайная вера в его конечный успех помешали ему прислушаться к коварному совету австрийского посланника, которого дальновидный Меттерних немедленно отправил в Неаполь. Если бы Наполеон в своем послании не восхвалял поведение принца Евгения в ущерб неаполитанскому королю, если бы он только удостоил каким-либо ответом на настойчивые письма короля, в которых тот спрашивал, по-прежнему ли он доверяет своему старому товарищу и лейтенанту, Мюрат всей душой бросился бы в бой на стороне своего старого друга. Но в апреле Наполеон уехал из Парижа к армии в Германии, не прислав ни строчки в ответ на эти умоляющие письма. Тем временем 23 апреля пришло письмо от полковника Коффина, в котором предлагалось заключить соглашение между английским и неаполитанским правительствами или, по крайней мере, торговое соглашение. Вслед за этим Мюрат послал офицеров вступить в переговоры с лордом Уильямом Бентинком, который представлял английское правительство на Сицилии. Все лето продолжались переговоры, но Мюрат, несмотря на гарантии неаполитанского трона,

которые предлагали англичане, не мог полностью порвать со своим императором и благодетелем. И все же Наполеон в своей слепоте, вместо того чтобы попытаться примирить своего шурина, позволил стать порочащим его, появляться в *Moniteur*. Тем не менее Мюрат, в сущности, был человеком Наполеона. Воодушевленный успехом императора при Лютцене и Бауцене, хотя он и отказался позволить неаполитанским войскам присоединиться к Итальянской армии под командованием принца Евгения, в августе он поспешил присоединиться к французской армии в Дрездене. Там между зятями произошло примирение. Но после поражения при Лейпциге король Иоахим попросил разрешения вернуться в свои владения и получил его.

Его присутствие было необходимо дома, потому что в Италии тоже шла война против Франции. Принцу Евгению пришлось отступить на линию Адда, а отступление тироля открыло союзникам проходы на полуостров. Мюрату в спешке пришлось оставить свою карету, занесенную снегом на Симплонском перевале, и отправиться верхом в Милан, где он остановился всего на несколько часов, чтобы написать депешу императору, которая практически предсказывала его дезертирство. Он заявил, что если бы ему, а не Эжену, поручили оборону Италии, он немедленно выступил бы на север из Неаполя с сорока тысячами человек. Он действительно никогда не забывал пренебрежения, нанесенного ему статьей в *Moniteur* после русской кампании, и он был готов пожертвовать даже своим королевством, если бы только мог отомстить своему врагу Евгению. Поскольку Наполеон не удовлетворил его просьбу, он решил унижить Эжена и в то же время спасти свою корону, вступив в переговоры с врагом. Добравшись до Неаполя, он обнаружил, что его жена, которая до сих пор была непреклонной сторонницей французов, полностью изменила свою политику и теперь была привержена союзу с Австрией. Король всегда был непостоянен, тщеславие всегда руководило его поведением: королева всегда была решительной, ею руководили исключительно холодные, расчетливые амбиции. С австрийцами сразу же начались переговоры. Король возразил, "что он ничего так сильно на свете не желает, как объединиться с союзными державами". Он пообещал, что присоединится к ним с тридцатитысячным войском при условии, что ему будет гарантирован неаполитанский трон и что он получит Римские государства в обмен на Сицилию. Тем временем он отдал приказ дня своей армии, заявив, что неаполитанские войска должны использоваться только в Италии. Это, конечно, не связывало его ни с Наполеоном, ни с австрийским союзом. Тем временем император отправил Фуше попытаться привязать своего шурина к Франции, но этот выдающийся двурушник просто посоветовал неаполитанскому королю двигаться на север, в долину реки По, со всеми своими войсками, и там подождать и посмотреть, будет ли лучше помочь французам или войти во Францию с союзниками и, возможно, в Тюильри в качестве императора.

Иоахим Наполеон спокойно занял Рим и продвинул свои войска к По, используя французские склады, но все еще ведя переговоры с австрийцами, и, в то же время, возлагая надежды на чисто итальянскую партию. Ибо национальная партия Рисорджименто упорно стремилась воспользоваться этой возможностью, чтобы объединить Италию и изгнать иностранца, и никто не казался более способным проводить их политику, чем популярный король Неаполя. Австрийцы польстили надеждам "молодой Италии", заявив в своей прокламации, что они вошли в Италию только для того, чтобы освободить ее от ига чужеземцев и помочь королю Неаполя в создании независимого итальянского королевства. Мюрат все еще колебался на краю пропасти. Еще 27 декабря он написал императору, предлагая разделить Италию на два королевства, чтобы он управлял всем полуостровом к югу от реки По, а остальную часть страны

оставить Евгению. Три дня спустя прибыл австрийский посланник с предложениями союзников. Но он еще не мог определиться, и, кроме того, англичане еще не гарантировали ему Неаполь. Однако в январе эти гарантии были даны, и против своей воли ему пришлось подписать договор. Едва текст был готов, как он начал переговоры с принцем Евгением. Он использовал все уловки, чтобы предотвратить столкновение между французскими и неаполитанскими войсками. Когда началась кампания, его войска покинули свои позиции при первом же выстреле, в то время как сам он позаботился о том, чтобы не выходить на фронт до тех пор, пока не поступит известие об отречении Наполеона.

Но поведение Мюрата всех оттолкнуло. Французы ненавидели его за двуличие; союзники подозревали его в предательстве, а партия Рисорджименто смотрела на него как на причину своего подчинения иностранцу; ибо австрийская победа не принесла Италии единства и независимости, а лишь укрепила оковы старого режима. В течение оставшейся части 1814 года судьба неаполитанского короля была крайне незавидной. Восстановленные бурбоны Франции и Испании считали его разорителем дома Бурбонов Сицилии. Россия не была стороной, гарантировавшей его королевство. Англия ничего так не желала, как его изгнания. Только Австрия поддержала его, поскольку она была главной стороной договора; но Меттерних ждал, что он допустит какую-нибудь оговорку, которая могла бы послужить предлогом для разрыва этого договора. Даже папа отказался от взятки, которую предложил ему король, когда он предложил восстановить Марши в обмен на получение папской инвеституры. В отчаянии Мюрат снова вступил в переговоры с итальянской партией. В Ломбардии планировалось всеобщее восстание, но оно провалилось, поскольку австрийцы получили известие о предполагаемой уступке Милана. С жестокой хитростью они распространили слух, что король Неаполя продал секрет. С этого момента у Мюрата больше не было надежды. Иностранцы, итальянцы, священники, карбонарии и масоны - все отвернулись от него.

Такова была ситуация, когда 8 марта 1815 года король услышал, что Наполеон покинул Эльбу. Как обычно, он вел двойную игру. Он сразу же отправил сообщение в Англию, что будет хранить верность, и в то же время послал агентов на Сицилию, чтобы попытаться поднять восстание против бурбонов. Как только пришло известие о приеме Наполеона во Франции, он выступил во главе сорокатысячного войска, думая, что вся Италия поднимется за него. Но итальянцы не доверяли непостоянному королю; австрийские войска уже были мобилизованы, и, соответственно, в начале мая неаполитанская армия бежала домой раньше своих врагов. Популярность короля Иоахима сошла на нет. Принятие конституции не вызвало энтузиазма в народе. Город за городом открывали врагу свои ворота. Соппротивление было безнадежным, поэтому в ночь на 19 мая король Неаполя с несколькими сотнями тысяч франков и своими бриллиантами в сопровождении горстки личных друзей бежал морем в Канны. Но император отказался принять перебежчика, хотя на острове Святой Елены он горько раскаивался в этом поступке, сетуя, "что при Ватерлоо Мюрат мог принести нам победу. Для чего нам это было нужно? Разбить три или четыре английских квадрата. Мюрат был как раз тем человеком, который подходил для этой работы." После Ватерлоо бедный король бежал от Белого террора и некоторое время прятался на Корсике. Там союзники выдали ему охранную грамоту и разрешили поселиться в Австрии. Но свергнутый монарх не смог побороть своего тщеславия. Он по-прежнему считал себя незаменимым для Неаполя. Около четырехсот корсиканцев пообещали последовать за ним туда. Флибустьерская экспедиция отправилась в путь на трех небольших кораблях 28 сентября. Поднялся шторм и рассеял армаду, но, несмотря на это, 7 октября экс-король решил высадиться в Пиццо. Одетый в парадную форму, под крики "Да

здравствует наш король Иоахим", несчастный приземлился в сопровождении двадцати шести человек. Он был немедленно арестован, 13 октября предстал перед военным трибуналом, приговорен к смертной казни и казнен несколько часов спустя.

Иоахим Мюрат встретил свою смерть как солдат. Как он писал своей жене, его единственным сожалением было то, что он умер далеко, не увидев своих детей. Смерть была тем, чего он добивался, высаживаясь в Пиццо, ибо он, должно быть, знал, насколько невозможно для него завоевать королевство с двадцатью шестью людьми. И все же он предпочел умереть в попытке вернуть себе корону, чем провести бесславную старость пенсионера на милости своих врагов. Мюрат умер так же, как жил, храбро, но тщеславно, выкрикнув свои последние слова: "Солдаты, выполняйте свой долг: стреляйте в мое сердце, но пощадите мое лицо".

Король Неаполя был полностью обязан своим возвышением счастливому браку с сестрой императора; в противном случае он, несомненно, никогда бы не достиг такого высокого положения, поскольку Наполеон действительно не любил его и не доверял ему, и по-настоящему знал о его способностях. "Он был паладином, - сказал император на острове Святой Елены, - на поле боя, но в Кабинете министров не имел права принимать решения. Он любил, я бы скорее сказал, обожал меня; он был моей правой рукой, но без меня он был ничем. В бою он был, возможно, самым храбрым человеком в мире; предоставленный самому себе, он был слабоумным, лишенным здравого смысла". Мюрат был чистым кавалерийским командиром. Его любовь к лошадям, его интуитивное понимание того, сколько именно он может требовать от своих всадников, его безрассудная храбрость, его прекрасное владение мечом, его лихие манеры пленили французскую кавалерию и позволили ему "достичь невозможного". Вопреки общепринятому мнению, Наполеон считал, "что кавалерия, если ею руководят столь же храбрые и решительные люди, всегда должна разбивать пехоту". Следовательно, мы находим, что при Аустерлице, Йене и Эйлау решающий удар дня был нанесен в каждом случае огромными отрядами численностью около двадцати тысяч человек под командованием Мюрата, чей гений заключался в его способности управлять этими огромными кавалерийскими формированиями на поле боя и в упорстве, с которым он цеплялся за разбитого врага и преследовал его. Но это была общая сумма его военных способностей. Он не имел ни малейшего представления об использовании других родов войск и так и не приобрел даже самых элементарных знаний о стратегии. Когда ему доверили что-либо вроде командования смешанной группой войск, он оказался полным неудачником. Перед Ульмом он чуть не разрушил комбинацию Наполеона, не сумев вступить в контакт с противником. Во второй половине кампании 1806 года он безнадежно потерпел неудачу в борьбе с русскими к востоку от Вислы. При отступлении через Неман он доказал свою абсолютную неспособность реорганизовать разбитые силы. Как король, Мюрат был полон добрых намерений по отношению к своему народу, но его расточительность, тщеславие, нерешительность стоили ему короны. Как человек он был щедр и необычайно храбр. Во время русской кампании он обычно вызывал казаков на поединки один на один, а когда побеждал их, отсылал прочь с какой-нибудь медалью или сувениром о себе. Он был хорошим мужем, жил в мире и дружбе со своей женой и чрезвычайно любил своих детей. Его недостатков было множество; он был по натуре чрезвычайно ревнив, особенно к тем, кто вставал между ним и Наполеоном, и он опускался до всего, что могло причинить вред его соперникам, Ланну и принцу Евгению. Его горячая южная кровь приводила его к многочисленным ссорам. Несмотря на крайнее высокомерие, в глубине души он был моральным трусом и перед упреками императора едва осмеливался открыть рот. Но его главным недостатком, из-за которого он получил и потерял свою корону, было

тщеславие. Тщеславие, работающее на честолюбии и неустойчивом характере, является ключом ко всей его карьере. Его откровенное якобинство, его интриги с Жозефиной, его заигрывания с директорами, его коварное обращение со своими коллегами-маршалами, его недовольство своим Великим герцогством, его хитрые сделки в Испании, его система правления в Неаполе, его противодействие планам Наполеона, его лицемерие и дезертирство, его почти театральная храбрость и сама его смерть не были вызваны ничем, кроме экстравагантного тщеславия.

III

АНДРЕ МАССЕНА, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ РИВОЛИ, ПРИНЦ ЭССЛИНГСКИЙ

Андре Массена, "хитрейший из итальянцев", родился в Ницце 6 мая 1758 года, где его отец и мать вели крупный бизнес кожевенников и производителей мыла. После смерти отца, когда Андре был еще совсем маленьким мальчиком, его мать сразу же снова вышла замуж. После этого Андре и две его сестры были усыновлены их дядей Огюстеном, который предложил своему племяннику место в своем бизнесе. Но беспокойная, вспыльчивая натура Андре не могла смириться с мыслью о постоянном монотонном существовании на кожевенном заводе и мыловарне, поэтому в возрасте тринадцати лет он сбежал из дома и поступил юнгой на корабль; в качестве юнги он совершил несколько плаваний по Средиземному морю и однажды пересек Атлантику в Кайенну. Но, несмотря на его любовь к приключениям, жизнь моряка вскоре начала надоедать, и 18 августа 1775 года, в возрасте семнадцати лет, он поступил на службу во французский королевский итальянский полк. Там он попал под влияние своего дяди Марселя, который был старшиной полка; благодаря его советам и заботе он добился быстрых успехов в своей профессии и получил хорошее образование в полковой школе. В последующие годы маршал часто говорил, что ни один шаг не доставлял ему столько хлопот и не доставлял такого удовольствия, как повышение в звании до капрала; как бы то ни было, повышение пришло быстро, и, прослужив менее двух лет, он стал сержантом 15 апреля 1777 года. Четырнадцать лет Массена служил в Королевской итальянской армии, но в конце концов с отвращением ушел в отставку. Согласно уставу, офицерский чин был недостижим для тех, кто не был благородного происхождения, и офицеры полка испытывали сильную неприязнь к сержанту, которого полковник постоянно ставил в пример, говоря им: "Ваше незнание строевой подготовки позорно; ваши подчиненные, Массена, например, могут управлять батальоном гораздо лучше, чем любой из вас". Выйдя в отставку, Массена жил в Ницце. Чтобы занять свое время и заработать на жизнь, он присоединился к своему двоюродному брату Бавастро и занимался крупным контрабандным бизнесом как по морю, так и по суше; таким образом, он приобрел то глубокое знание ущелий и перевалов Приморских Альп, которое сослужило ему такую хорошую службу в многочисленных кампаниях революционных войн, в то время как необходимость следить за превентивными людьми и, таким образом, скрывать свои собственные передвижения в значительной степени развила его активность, находчивость и смелость. Его операции были настолько успешными, что вскоре он оказался в положении, когда мог

потребовать руки мадемуазель Ламарр, дочери хирурга, обладавшей значительным приданым. Когда разразились революционные войны, семья Массена обосновалась в Антибе, где они вели честную торговлю оливковым маслом и сухофруктами; но респектабельное будничное существование не могло удовлетворить беспокойную натуру бывшего сержанта, и в 1791 году он подал прошение о присвоении звания младшего лейтенанта в жандармерии, и следует предположить, что, руководствуясь принципом "заставь вора ловить вора", из него вышел бы отличный полицейский. Именно в этот момент вторжение европейских монархов во Францию заставило всех патриотически настроенных французов подчиниться призыву к оружию. Массена с радостью покинул свой магазин, чтобы служить адъютантом добровольцев Var. Его военные знания, прямая и гордая осанка, острая речь и абсолютная уверенность в себе во всех трудностях вскоре покорили его товарищей, и уже в звании подполковника, командующего вторым батальоном, он двинулся к границе навстречу врагу. Худощавый и худощавый, ниже среднего роста, с очень выразительным итальянским лицом, красивым ртом, орлиным носом и черными сверкающими глазами, Массена с самого начала внушал доверие всем, кто с ним встречался; но только когда его увидели в действии, величие его качеств можно было оценить наилучшим образом. Как сказал о нем Наполеон на острове Святой Елены, "Массена был в своей лучшей форме среди огня и беспорядка сражения; грохот пушек прояснял его мысли, придавал ему пронизательность и веселье.... Посреди мертвых и умирающих, под градом пуль, которые обрушивались на него со всех сторон, Массена всегда был самим собой, отдавая приказы и распределяя свои действия с величайшим спокойствием и здравомыслием. Вот ты и видишь истинное благородство крови. Находясь в седле с утра до ночи, абсолютно нечувствительный к усталости, готовый в любой момент взять на себя ответственность за свои действия, он вернулся из первой кампании на Ривьере в звании генерал-майора. Во время осады Тулона он командовал "Лагерем фуршей", в который входила артиллерийская рота под командованием Бонапарта, и отличился, взяв форты Лартиг и Сен-Катарин, получив таким образом звание генерал-лейтенанта, в то время как его будущий командир все еще был майором артиллерии. В кампании 1794 года именно Массена задумал и осуществил поворотное движение, которое отбросило сардинцев от Коль де Тенда, в то время как участие Бонапарта в боевых действиях состояло всего лишь в командовании артиллерией. Будучи доверенным советником Думербиона, Келлермана и Шерера в течение следующих двух лет, генерал-лейтенант был вдохновителем сменявших друг друга командующих армией Италии. Именно он среди снегов и бурь спланировал и осуществил комбинации, которые принесли Шереру великую зимнюю победу при Лоано, и таким образом впервые открыл французам секрет, которым англичане овладели на море, а Наполеону предстояло овладеть на суше, - прорвать центр противника и обрушиться на одно крыло превосходящими силами. Кампания 1796 года на какое-то время изменила течение военной жизни Массены. Перед орлиным взглядом молодого корсиканца дрогнул даже пылкий итальянец, и из разума офицера, командующего армией, ему пришлось вернуться в положение правой руки и верного исполнителя приказов. Две вещи, однако, компенсировали Массене перемену роли, поскольку Бонапарт щедрой рукой одаривал своих подчиненных сражениями и славой и, прежде всего, поощрял накопление добычи; а душа Массены желала богатства даже больше, чем славы.

АНДРЕ МАССЕНА,

ПРИНЦ ЭССЛИНГСКИЙ

В самом начале кампании Массена совершил ошибку, которая чуть не погубила его карьеру. После разгрома авангарда противника под Каиром, случайно услышав, что австрийские офицеры оставили превосходный обед в соседней гостинице, он и часть его штаба оставили свою дивизию на вершине высокого холма и отправились наслаждаться вкусностями, приготовленными для врага. На рассвете противник попытался неожиданно атаковать французские позиции на холме, и войска, лишенные своего генерала и штаба, оказались в

большой опасности. К счастью, у Массены было время пробиться сквозь австрийских стрелков и вернуться к своему командованию. Его встретили улюлюканьем и насмешками, но с абсолютной невозмутимостью он реорганизовал свои силы и сдержал врага. Но один батальон был изолирован на отроге, откуда, казалось, не было другого пути к отступлению, кроме как под обжигающим фланговым огнем. Массена в одиночку добрался до этого отдельного поста, вскарабкавшись по крутому склону на четвереньках, и, когда он, наконец, добрался до войск, вспомнив свои старые приемы контрабанды, он показал им, как скользить вниз по крутой части холма, и привел их всех в целости и сохранности без единой потери. Эта выходка дошла до ушей Бонапарта, и только большая роль Массены в победе при Монтенотте спасла его от военного трибунала.

Бонапарт в начале кампании закончил письмо с инструкциями своему лейтенанту словами: "Бдительность и блеф - вот козырь", и Массена хорошо усвоил свой урок. Монтенотт, мост Лоди, долгая битва при Кастильоне, две битвы при Риволи и на болотах Арколы, вне всякого сомнения, доказали, что из всех молодых лейтенантов завоевателя Италии никто не обладал проницательностью, активностью и выносливостью Массены. Но пустая лесть не удовлетворила его, ибо еще будучи Лонато, жадным до славы, он считал, что его успех не был полностью признан. В горьком гневе он написал Бонапарту: "Я жалуюсь на ваши донесения о Лонато и Ровередо, в которых вы не воздаете мне той справедливости, которой я заслуживаю. Эта забывчивость разрывает мое сердце и вселяет уныние в мою душу. Я вынужден буду напомнить тот факт, что победа при Сент-Жорже была обусловлена моим характером, моей активностью, моим хладнокровием и моим предвидением". Это откровенное республиканское письмо сильно рассердило Бонапарта, который со времен Лоди лелеял мечты о короне, и, чтобы реализовать это желание, начал восхвалять себя и награждать независимо от заслуг и апеллировать к рядовому, вымещая свое неудовольствие на офицерах. Но блестящее поведение Массены во втором сражении при Риволи на мгновение заглушило всякую злобу, ибо именно Массена спас положение, бросившись к командиру поверженного полка, яростно упрекая его и его офицеров, осыпая их ударами плашмя своей шпаги, а затем ускакал, привел два испытанных полка своей собственной непобедимой дивизии и отбросил нападавших; с этого момента Бонапарт утвердил его в звании "избалованного ребенка победы". В 1797 году Бонапарт наградил своего лейтенанта более солидной наградой, когда выбрал его для доставки депеш в Париж, в которых сообщалось о предварительном заключении Леобенского мирного договора; таким образом, именно в качестве правой руки самого выдающегося генерала Европы итальянец впервые увидел столицу своей новой страны.

На выбор Массены для передачи в Париж вести о мире повлияли не только его престиж и известность. Париж находился в состоянии наполовину подавляемого возбуждения, и были слишком очевидны признаки нестабильности Директории; соответственно, коварный корсиканец, отправляя секретных агентов для продвижения своего дела, позаботился о том, чтобы послать в качестве носителя хороших новостей человека, который, как было хорошо известно, не заботится о политических наградах и который наверняка останется глух к коварным планам тех, кто замыслил восстановить монархию или установить диктатуру и искал суверена или цезаря, как предполагали их политические взгляды. Именно по этим причинам, а также потому, что он устал от жадности и алчности Массены, Бонапарт отказался принять его в число тех, кто был выбран сопровождать его в Египет. Массена ясно видел все тайные интриги столицы и не находил особого удовольствия в своем недавно обретенном достоинстве места

среди древних, поскольку он чрезвычайно боялся реставрации роялистов, и в этом случае он опасался, что "наши почетные раны станут титулами для нашего проскрипции".

Устав от Парижа, в 1798 году он был рад принять командование французским корпусом, оккупировавшим Рим, когда его бывший командир Бертье был отозван для участия в египетской экспедиции. По прибытии в Рим, чтобы принять свое новое командование, он оказался лицом к лицу с мятежом. Войска были в лохмотьях и плохо питались, им месяцами не выплачивали жалованье, а тем временем государственные служащие Директории сколачивали состояния за счет папы, кардиналов и римских князей. Недовольство было настолько широко распространено, что новый генерал немедленно приказал всем войскам, за исключением примерно трех тысяч, покинуть столицу. К сожалению, послужной список Массены не внушал уверенности в чистоте его намерений. Вместо того чтобы подчиниться, офицеры и рядовые провели массовый митинг, чтобы выразить свой протест Директории. В этом документе они обвиняли, прежде всего, агентов, опозоривших имя Франции, и заканчивали словами: "Конечной причиной всего недовольства является прибытие генерала Массены. Солдаты не забыли вымогательства и грабежей, которые он совершал везде, где ему поручалось командование. Венецианская территория, и прежде всего Падуя, - это район, изобилующий доказательствами его безнравственности". Перед лицом таких общественных настроений Массена не нашел ничего иного, как потребовать преемника и отказаться от своего командования.

Но с Бонапартом в Египте и кольцом врагов, угрожающих Франции со всех сторон, Режиссеры, чьи руки были такими же запачканными, как у Массены, едва ли могли пощадить "избалованное дитя победы". Соответственно, в начале 1799 года генерал оказался наделенным важным командованием швейцарской армией. Это была задача, достойная его гения, и он с готовностью согласился на этот пост, но отказался соблюдать условия, которые директора хотели навязать ему, поскольку, согласно их плану, армия Швейцарии должна была войти в состав Рейнской армии под командованием Жубера. Массена подчинился Бонапарту, но у него не было намерения играть вторую скрипку при каком-либо другом командующем, и после нескольких бурных бесед и писем он наконец добился своего. По мере того, как шел год, становилось все более очевидным, что на армию Швейцарии обрушится вся тяжесть нападения коалиции, поскольку Жубер потерпел поражение от эрцгерцога Карла при Штокахе и был отброшен за Рейн, Шерер потерпел поражение в Италии при Маньяно, а к июню русские и австрийцы начали приближаться к Швейцарии. Было ясно, что, если французская армия будет изгнана из Швейцарии, и Рейн, и Приморские Альпы окажутся за поворотом, и враг окажется на сильной позиции, с которой сможет вторгнуться во Францию. Таким образом, на Массену возлагались все надежды Директории. К счастью для Франции, генерал превосходно разбирался в горной войне. Хорошо осознавая трудность поддержания связи между различными участками своей линии обороны, Массена умело снял свои аванпосты, по мере того как противник наступал, с намерением сосредоточить свои войска вокруг Цюриха, тем самым прикрывая все возможные направления наступления. Но в начале лета его трудности еще более усилились из-за восстания швейцарских крестьян; к счастью, однако, эрцгерцог Карл продвигался крайне осторожно, в то время как Городской совет в Вене, неспособный осознать жизненно важную суть проблемы, по глупости отправил свою резервную армию в Италию на подкрепление русским под командованием Суворова. К 5 июня эрцгерцог оттеснил все отдаленные французские колонны и был в состоянии атаковать позиции Цюриха всеми своими силами. Однако благодаря мужеству и присутствию духа Массены атака была отбита, но

численность противника была настолько велика, что ночью французская армия эвакуировала Цюрих, правда, только для того, чтобы отступить на сильную позицию на горе Альбис, скалистом хребте на северной оконечности озера, прикрытую с одного фланга озером, а с другого - рекой Аар. Две армии какое-то время стояли друг напротив друга, слишком измотанные после борьбы, чтобы возобновить боевые действия. Эрцгерцог Карл ожидал прибытия из Италии Суворова, который должен был высадиться на правом фланге Франции у перевала Сен-Готард. Но фортуна, или, скорее, Городской совет в Вене, снова вмешался и спас Францию. Эрцгерцогу Карлу было приказано оставить пятьдесят пять тысяч русских под командованием Корсакова перед Цюрихом и двинуться на север, через Рейн. Протесты были бесполезны; Венский двор просто приказал эрцгерцогу "немедленно исполнить его волю без дальнейших возражений". Но даже сейчас французам угрожала катастрофа, поскольку Суворов начал свое наступление у Сен-Готарда. Но Массена сразу же воспользовался возможностью, предоставленной ему судьбой, противопоставив его такому командиру, как Корсаков, который был настолько поражен собственной гордостью, что считал русскую роту равной австрийскому батальону. 26 сентября, проведя мастерскую серию маневров, основные силы французов застали Корсакова врасплох и обратили его в бегство из Цюриха. Суворов прибыл как раз вовремя, чтобы обнаружить Массену в победоносном строю, зажатою между ним и его соотечественниками, и был вынужден спасаться поспешным отступлением через самые трудные перевалы Альп.

Цюрихская кампания всегда будет изучаться как шедевр оборонительной войны. Умелое использование французским генералом горных перевалов, методы, которые он использовал, чтобы остановить продвижение эрцгерцога на Цюрих, тщательность, с которой он поддерживал связь между своими различными колоннами, умелый выбор позиций в Цюрихе и на горе Альбис, его возвращение к инициативе при каждой возможности и его мастерское вмешательство между Корсаковым и Суворовым, сами по себе дают ему право на высокое место среди великих военачальников истории, и Массена был по праву благодарен законодательным собранием и провозглашен спасителем страны.

Через шесть недель после победы при Цюрихе наступило 18 Брюмера и вступление Наполеона в консульство. Массена, убежденный республиканец, сознавал недостатки Директории, но не мог дать своего искреннего согласия на государственный переворот, поскольку опасался за свободу своей страны. Тем не менее, сказал он, если Франция желает доверить свою независимость и славу одному человеку, она не может выбрать никого лучше, чем Бонапарт. Последний, со своей стороны, стремился сохранить расположение Массены и сразу же предложил ему командование Итальянской армией. Но завоеватель Цюриха предвидел, что все должно быть принесено в жертву славе Первого консула, и только после долгих уговоров, щедрых обещаний и взываний к его патриотизму он принял командование с условием, что "Я не возьму на себя командование армией, обреченной оставаться в обороне. Мои прежние заслуги и успехи не позволяют мне изменить ту роль, которую я до сих пор играл в войнах Республики". Первый консул в ответ дал Массене карт-бланш реквизируют все, что он пожелает, и пообещал ему, что армия Италии будет его первоочередной заботой. Но когда Массена прибыл в Геную, он обнаружил, как и подозревал, что обещания Бонапарта были даны только для того, чтобы их нарушить; ибо он обнаружил, что вверенные его попечению войска были лишь тенью армии, госпитали были переполнены, группы солдат, даже целые батальоны, бросали свои посты и пытались бежать во Францию, а офицеры и генералы были абсолютно неспособны бороться с массой страданий и нужды. Несмотря на своих способных лейтенантов Сульта и

Суше, он не смог противостоять австрийцам на поле боя и после нескольких доблестных боев был отброшен обратно в Геную, где в течение двух месяцев сопротивлялся голоду и нападениям врага. В то время как несчастные жители голодали, войска питались "жалким пайком из четверти фунта конины и четверти фунта того, что называлось хлебом - ужасной смесью испорченной муки, опилок, крахмала, пудры для волос, овсянки, льняного семени, прогорклых орехов и других отвратительных веществ, которым придавала немного крепости небольшая порция какао. Более того, каждая буханка была скреплена маленькими кусочками дерева, без которых она рассыпалась бы в порошок". Восстание, которым угрожали жители, было остановлено приказом Массены открыть огонь по скоплению более пяти человек, а подступы к главным улицам были обстреляны из пушек. И все же он отказывался сдаваться, так как каждый день ожидал услышать грохот пушек армии Первого консула в австрийском тылу. Однажды всеобщие надежды были разбужены отдаленным ревом в горах, но тут же рухнули, обнаружив, что это был гром. Это было просто влияние личности Массены, которое продлевало агонию и поддерживало его авторитет, и солдаты с горькой серьезностью говорили: "Он заставит нас съесть его сапоги, прежде чем сдастся". Наконец накопившиеся ужасы поколебали даже его твердый дух, и 4 июня было достигнуто соглашение о капитуляции. Условия были наиболее благоприятными для французов, но, как сказал английский адмирал лорд Кейт, "Генерал, ваша оборона была настолько героической, что мы ни в чем не можем вам отказать". Однако страдания Генуи были не напрасны, ибо Массена сыграл свою роль и сдерживал основные австрийские силы на десять дней дольше, чем от него требовалось; таким образом, у первого консула было время напасть на линию коммуникаций противника, и можно с уверенностью сказать, что без осады Генуи не было бы Маренго. Массена еще раз продемонстрировал важность личности на войне; как написал ему Бонапарт во время осады: "В такой ситуации, в какой вы находитесь, такой человек, как вы, стоит двадцати тысяч человек". Несмотря на это, на острове Святой Елены император, всегда ревниво относившийся к собственной славе, притворился, что презирует полководческие способности и стойкость Массены в Генуе, и обвинил его в том, что он не перешел в наступление на поле боя, забыв о состоянии своей армии и малочисленности своих войск. Но в данный момент он выразил свою признательность за его заслуги, передав ему командование армией, когда сам удалился в Париж после победы при Маренго. К сожалению, скупость и жадность Массены не смогли противостоять соблазнам должности, и первому консулу пришлось очень скоро отозвать его из Италии и выразить свое неудовольствие, переведя на половинное жалованье.

В течение двух лет опальный генерал размышлял о своих ошибках в отставке и продемонстрировал свое отношение, проголосовав против пожизненного консульства и создания Империи. Подарок в виде маршальского батона мало помирил его с императором, поскольку, как он насмешливо ответил на поздравления Тибо, "О, нас четырнадцать". Император был настолько неуверен в расположении духа своего маршала, что с началом войны с Австрией Массена единственный из всех высших маршалов не имел командования. Но ввиду перспективы тяжелых боев в Италии император не мог позволить себе доверить итальянские дивизии бездарю, и он снова назначил Массену его старым командиром. Австрийцы заняли сильную позицию в Кальдиеро, недалеко от болот Аркола, и французы тщетно пытались выбить их оттуда, но успех императора на Дунае, наконец, вынудил эрцгерцога Иоанна отступить к Австрии. Маршал немедленно начал энергичное преследование и в конечном итоге соединил свои силы с Великой армией к югу от Дуная.

После Прессбургского мирного договора Наполеон отправил Массену завоевывать Неаполь, который он отдал в качестве королевства своему брату Жозефу. С пятьюдесятью тысячами человек маршал пронесся по Италии. Напрасно доблестная королева Каролина вооружала лаццарони; Капуя открыла свои ворота, Гаэта пала после двенадцатидневной бомбардировки, и Иосиф с триумфом вступил в Неаполь. Одна Калабрия оказала упорное сопротивление, и это сопротивление французы навлекли на себя своими жестокостями по отношению к крестьянам, с которыми они обращались как с разбойниками. К сожалению, его успех в Неаполе снова был омрачен его жадностью, поскольку маршал, продавая лицензии торговцам и потворствуя их уклонению от уплаты таможенных сборов, накопил за несколько месяцев после своего прибытия в Неаполь сумму в три миллиона франков. Наполеон узнал об этом от своих шпионов и в письме к нему потребовал взаймы миллион франков. Герцог Риволи ответил, что он самый бедный из маршалов, у него многочисленная семья, которую нужно содержать, и он по уши в долгах, поэтому он сожалеет, что ничего не может прислать ему. К сожалению, император знал, где находится его банк в Ливорно, и поскольку он отказался выдавать треть своей незаконной прибыли, император послал в банк инспектора французского казначейства и комиссара полиции и потребовал, чтобы три миллиона, которые лежали там на его счете, были переданы. Арест был произведен в законной форме; банкир, который ничего не потерял, был обязан его выполнить. Массена, услышав об этом несчастье, пришел в такую ярость, что заболел, но он не осмелился возражать, зная, что был неправ, но он так и не простил императора: его титулы и пенсия никогда не утешали его за то, что он потерял в Ливорно, и, несмотря на его осторожные привычки, иногда можно было услышать, как он говорил: "Я сражался у него на службе, а он был достаточно жесток, чтобы отнять мои небольшие сбережения, которые я вложил в Ливорно".

После того, что он назвал военным променадом в Италии, маршал был призван в начале 1807 года в Великую армию в Польше и командовал одним из армейских корпусов при Пултуске, Остраленке и Фридланде. В 1808 году он получил титул герцога Риволи и пенсию в размере трехсот тысяч франков в год, но, несмотря на это, отлучился от двора. Когда Жозеф получил корону Испании, он попросил своего брата прислать Массену помочь ему в его новой сфере деятельности, но император, полный недоверия, отказался, в то время как сам маршал не имел большого желания служить в Испании. Когда стало ясно, что Австрия собирается снова воспользоваться случаем Испанской войны, чтобы сразиться с Францией, Наполеон поспешил отправить ветерана герцога Риволи в армию на Дунае. При Абенсберге и Экмюле, впервые с 1797 года, он сражался под прицелом самого Наполеона. "Активнее, активнее, витесс", - писал император, и его лейтенант хорошо выполнил его приказ. После пятидневных боев Массена повел авангард к Вене и командовал левым крылом у Асперн-Эсслинга. Стоя на церковном дворе в Асперне, когда вокруг него грохотала картечь, он был в своей стихии; никогда еще его упорство, находчивость и мастерство не проявлялись с такой выгодой. Но, несмотря на его мастерство и мужество его войск, в конце первого дня боев его разбитые силы были выбиты из груды дымящихся руин, которые представляли собой все, что осталось от Асперна. Утром второго дня он отвоевал половину деревни, когда пришло известие, что мост сломан и что он должен сдерживать австрийцев, пока устанавливается сообщение с островом Лобау. Противник, воодушевленный известием об успехе своего плана по разрушению мостов, напряг все силы, чтобы уничтожить французские силы на левом берегу реки, но Массена, Ланн и Наполеон творили чудеса со своими измотанными войсками. Герцог Риволи казался вездесущим: то верхом, то пешком с обнаженным мечом, где бы враг ни наступал, он был там, воодушевляя свои войска, направляя их огонь, спеша на помощь; таким образом, благодаря его

усилиям австрийцы были отброшены, кавалерия и артиллерия благополучно перешли мост, и маршал-ветеран в полночь благополучно доставил остатки арьергарда на остров Лобау, где, измученные усталостью, войска заснули в своих рядах.

Смерть Ланна отбросила Наполеона назад, к герцогу Риволи, который на время стал его доверенным лицом и правой рукой. Массена командовал в Лобау и предпринял все приготовления к переправе перед Ваграмом. Император и его наместник были неутомимы в тщательности, с которой они проводили свои приготовления. Однажды, желая осмотреть австрийские позиции, одетые в сержантские шинели в сопровождении единственного адъютанта в форме рядового, они отправились одни на северный берег острова и сняли свои пальто, как будто хотели искупаться. Австрийские часовые, увидев, как они думали, двух французских солдат, наслаждающихся мытьем, не обратили на них никакого внимания, и таким образом император и маршал смогли определить точное место для наведения мостов. В другой раз, когда они объезжали остров верхом, лошадь маршала угодила ногой в яму и упала, повредив всаднику ногу, так что он не смог снова сесть в седло. Этот прискорбный несчастный случай произошел за несколько дней до битвы при Ваграме, поэтому герцог Риволи отправился в бой лежа в легкой коляске, запряженной четверкой белых лошадей, а его врач рядом с ним менял компрессы на его поврежденной ноге каждые два часа. Во время сражения корпус Массены находился слева от линии фронта. В то время как Даву совершал свой великий переломный маневр, именно герцогу Риволи пришлось выдержать всю ярость атаки австрийцев. В преследовании после битвы он давил на врага своей обычной активностью. Во время последней стычки при Знайме ему едва удалось спастись, потому что едва он успел выйти из кареты, как в нее попало пушечное ядро, а мгновение спустя еще один выстрел убил одну из лошадей.

После Венского мирного договора маршал, новоиспеченный принц Эсслингский, удалился отдыхать в свой загородный дом в Рюэле, но император не смог уделить ему много времени. В апреле 1810 года, в течение восьми месяцев, его снова поспешно отправили на действительную службу, на этот раз в Испанию, где сэр Артур Уэлсли изгнал Сульта из Португалии, а Журдан и Джозеф потерпели поражение при Талавере. Император пообещал принцу Эсслингу девять тысяч солдат для вторжения в Португалию и отдал под его командование Жюно и Нея. Маршал сделал все возможное, чтобы отказаться от этого поста; он знал трудный характер Нея и ревнивость Жюно, и он указал, что было бы лучше реорганизовать армию Португалии под руководством генералов, назначенных им самим. Бертье ответил, что "приказы императора были положительными и не оставляли места для споров. Когда император передал свои полномочия, повиновение стало долгом; какой бы великой ни была гордость герцогов Эльхингена и Абрантеса, у них было достаточно справедливости, чтобы понять, что их мечи не совпадают по стилю с мечом завоевателя Цюриха ". Тем не менее, принц предвидел будущее и обратился к самому императору, но император был непреклонен. "Вы сегодня не в духе, мой дорогой Массена. Ты видишь все черным, себя и свое окружение. Послушать тебя, так можно подумать, что ты наполовину мертв. Твой возраст? Веская причина! Насколько вы сейчас старше, чем в Эсслинге? Ваше здоровье? Разве воображение не играет большую роль в вашей слабости? Вы хуже, чем в Ваграме? Вас беспокоит ревматизм. Климат Португалии такой же теплый и здоровый, как в Италии, и он поставит вас на ноги.... Тогда отправляйтесь в путь с уверенностью. Будьте благоразумны и тверды, и препятствия, которых вы боитесь, исчезнут; вы преодолевали многое похуже ". К несчастью для маршала, его дурные предчувствия оказались правдивее оптимизма императора. По прибытии в Саламанку у него начались неприятности.

Задержки были неизбежны, прежде чем он смог привести в порядок свою неуправляемую команду. Жюно и Ней вели себя открыто презрительно, Ренье медлил и опоздал со своими приготовлениями на три недели. Между тем все, что Массена видел о противнике, которого император в прошлые годы клеймил как "медлительного и неуклюжего англичанина", укрепило его во мнении, что кампания окажется самой трудной из всех, которые он когда-либо предпринимал.

Несмотря ни на что, операция началась блестяще для французов. Сьюдад-Родриго и Алмейда пали без видимых усилий английского командующего по их освобождению. 16 сентября началось вторжение в Португалию. Но потери, болезни и гарнизонная служба уже сократили его войска примерно до семидесяти тысяч человек, и французы находили "врага за каждым камнем"; в то время как, как писал принц Эсслингский, "Мы маршируем по пустыне; женщины, дети и старики все бежали; фактически, нигде нельзя найти проводника". Тем не менее англичане отступали перед ним, и у него создалось впечатление, что они собираются покинуть Португалию без единого удара, хотя он понимал тот факт, что именно огромное превосходство французской кавалерии помешало "генералу сипаев" предпринять какие-либо усилия для освобождения крепостей. Но 26 сентября Массена обнаружил, что англичане остановили свое отступление и ждут, чтобы сразиться с ним на скалистом хребте Бусако. К несчастью для своей репутации, он не провел рекогносцировку позиции и, полностью доверившись отчетам Ней, Ренье и Жюно, которые утверждали, что позиция была гораздо менее опасной, чем выглядела, потерпел тяжелое поражение. После битвы его лейтенанты убеждали его отказаться от вторжения в Португалию; но ветеран отказался от такого робкого совета и, воспрянув духом, вскоре проявил энергию, которая сделала его имя столь известным в Цюрихе и Риволи. Изменив позицию, французы обрушились на Португалию, в то время как англичане поспешно отступали перед ними. Что больше всего беспокоило Массену, так это зловещее дезертирство в сельской местности. Он был хорошо осведомлен о лютой ненависти португальцев и знал, что его солдаты пытали и вешали несчастных жителей, чтобы заставить их раскрыть спрятанные запасы провизии, но только 10 октября, когда французы подошли на расстояние нескольких миль к позициям Торриш-Ведраш, он узнал об огромном укрепленном лагере, который английский командующий так тайно подготовил для своей армии и жителей Португалии. Массена был в ярости и засыпал обвинениями португальских офицеров из своего штаба. "Que diable," he cried, "Wellington n'a pas construit des montagnes." Но никакого предательства не было, просто секрет хранился так хорошо, что вряд ли даже офицер английской армии знал о существовании этой работы, и, как Веллингтон написал министру в Лиссабоне 6 октября: "Я полагаю, что вы и правительство не знаете, где проходят границы". В течение шести недель неукротимый маршал находился перед позицией, надеясь соблазнить англичан атаковать его армию, которая теперь сократилась до шестидесяти тысяч человек. Но Веллингтон, который спланировал этот победоносный ответ на аксиому о том, что война должна питать войну, мрачно сидел за своими позициями, в то время как английская армия, хорошо питавшаяся с моря, наблюдала, как французы корчатся в муках голода. Теперь Массена был воодушевлен, и, как писал его оппонент, "Безусловно, удивительно, что враг смог оставаться в этой стране так долго.... Это экстраординарный пример того, на что способна французская армия". В конце концов даже Массене пришлось признать себя побежденным и отступить к Сантарену. Зима прошла в бесплодных попытках императора и маршала заставить Сульта, д'Эрлона и Ренье сотрудничать для наступления на Лиссабон по левому берегу Тежу. Тем временем, несмотря на все усилия, французская армия сокращалась из-за болезней, дезертирства и бесконечной

усталости. Страна была настолько опасной, что депеша не могла быть отправлена по линиям сообщения без сопровождения в триста человек. Вся сельская местность была настолько лишена провизии, что португальский шпион написал Веллингтону: "Да простят меня Небеса, если я ошибаюсь, полагая, что они съели мою кошку".

К марту 1811 года стало ясно, что французы больше не могут удерживаться в Сантарене; но Массена так искусно расположил войска, что прошло три дня, прежде чем Веллингтон понял, что противник наконец начал отступление. Никогда еще гений маршала не проявлялся так высоко, как во время этого трудного ухода из Португалии. С его армией, уничтоженной голодом и болезнями, с победоносным врагом, постоянно наступающим ему на пятки, с его подчиненными в открытом бунте и маршалом Франции, отказывающимся подчиняться приказам перед лицом врага, он не потерял ни одного орудия, обоза или инвалида. Тем не менее, моральный дух его армии был сильно поколеблен; как он сам писал, "Противнику достаточно показать головы нескольких колонн, чтобы запугать офицеров и заставить их громко заявить, что вся армия Веллингтона в поле зрения". Когда маршал наконец разместил свои измученные войска за крепостями Сьюдад-Родриго и Алмейда, он обнаружил, что его трудностям отнюдь не пришел конец. Император, который "судил о людях только по результатам", написал ему письмо, полное плохо завуалированной критики его операций, в то время как обнаружил, что территория вокруг крепостей теперь перешла в ведение северной армии под командованием Бессьера. Соответственно, ему пришлось обратиться к этому маршалу с просьбой разрешить провести ревизию и снарядить свои войска. Тем временем Веллингтон приступил к осаде Алмейды.

К концу апреля, после энергичной переписки с Бессьером, Массена наконец реорганизовал свою армию и снова был готов выступить против англичан. Усиленный полутора тысячами кавалеристов гвардии под командованием Бессьера, при Фуэнтес д'Оноро он застал врасплох английские войска, прикрывавшие осаду Алмейды; после тщательной разведки на рассвете 5 мая он атаковал и разгромил правый фланг англичан, и если бы не действия Бессьера, который испортил его комбинацию, отказавшись позволить гвардии атаковать, кроме как по его приказу, англичане потерпели бы полное поражение. Массена хотел во что бы то ни стало продолжить сражение на следующий день, но его главные офицеры были категорически против этого. Поддавшись их советам, он, простояв три дня перед позицией, отступил в Сьюдад-Родриго. Не по его вине он потерпел поражение при Фуэнтес д'Оноро; сам Веллингтон признавался, как сильно на него давили, когда писал: "Лорд Ливерпуль был совершенно прав, что не выразил благодарности за битву при Фуэнтесе, хотя это было самое трудное из всего, что мне когда-либо приходилось переживать при величайших шансах. Против нас было сражено почти трое к одному: более четырех к одному кавалеристов; и, кроме того, наша кавалерия не отличалась галопом, в то время как некоторые части вражеской были довольно свежими и в отличном порядке. Если бы Бони был там, мы были бы разбиты".

Вскоре после битвы Массена был заменен Мармоном и удалился в Париж. Встреча с императором была бурной. - Ну, принц Эсслингский, - сказал Наполеон, - вы больше не Массена? Последовали объяснения, и император, наконец, пообещал, что у него снова будет возможность восстановить свою славу в Испании. Но судьба распорядилась иначе. После Саламанки, когда Мармон был отозван, Массена снова отправился в Испанию, но только для того, чтобы заболеть в Байонне и вернуться домой, чтобы попытаться восстановить свое пошатнувшееся здоровье в Ницце. В 1813 и 1814 годах он командовал восьмым военным

округом, в состав которого входила долина Роны, но был уже слишком стар, чтобы принимать решительные меры, и был рад подчиниться бурбонам.

Очень жестоко новое правительство нанесло оскорбление маршалу, отказавшись присвоить ему звание пэра Франции под предлогом того, что он итальянец и иностранец, но, несмотря на это, принц оставался верным в течение первой части "Ста дней" и перешел на сторону Наполеона только тогда, когда обнаружил, что столица и армия признали императора. В Париже император приветствовал его словами: "Ну, Массена, ты хотел служить лейтенантом у герцога Ангулемского и сражаться со мной ... сбросили бы вы меня обратно в море, если бы я дал вам время собрать свои силы? Старый воин ответил: "Да, сир, поскольку я полагал, что большинство французов не отозвали вас". Слабое здоровье помешало маршалу активно служить императору. Но в промежутки между отречением Наполеона и второй реставрацией на долю маршала выпало поддерживать порядок в Париже в качестве губернатора и командующего Национальной гвардией. Новое правительство, чтобы наказать его за помощь, которую он оказал императору, назначило его одним из судей маршала Нея. Это был последний случай, когда принц Эсслинг появился на публике. Подозреваемый властями в предательстве, отягощенный ужасом смерти Нея и убийством его старого друга Брюна, измученный болезнью, после затяжной мучительной болезни завоеватель Цюриха испустил последний вздох в возрасте пятидесяти девяти лет 4 апреля 1817 года. Даже тогда ультрароялисты не могли скрыть своей ненависти к нему. Военный министр Кларк, герцог де Фельтр, его старый товарищ, ныне ставший яростным легитимистом, до сих пор удерживал новый значок маршала, и только угроза зятя Массены, Рейля, возложить на гроб значок, полученный маршалом от императора, в конце концов вынудила правительство прислать эмблему.

Несмотря на то, что Массена был великим солдатом, его герб был испачкан множеством клякс. Его алчность была невыразимо отвратительна, а вместе со скупостью проявлялась склонность к коварству, грубости и злобе. Во время Ваграмской кампании кучер и лакей маршала день за днем возили его в карете в самый разгар боевых действий. Император похвалил этих храбрецов и сказал, что из всех ста тридцати тысяч сражавшихся они были самыми храбрыми. Массена после этого считал своим долгом как-нибудь вознаградить их и сказал одному из своих сотрудников, что собирается выдать каждому из них по четыреста франков. Штабной офицер ответил, что пенсия в четыреста франков избавит их от нужды в старости. Маршал в ярости набросился на своего адъютанта, воскликнув: "Негодяй, ты хочешь разорить меня? Что, ежегодное пособие в четыреста франков! Нет, нет, нет, четыреста франков раз и навсегда"; обращаясь к своим подчиненным, он добавил: "Я скорее увижу, как вас всех перестреляют, и получу пулю в руку, чем обяжу себя выплачивать кому-либо ренту в четыреста франков". Маршал так и не простил адъютанта, который таким образом убеждал его потратить свои деньги. Его суровость также была хорошо известна, и бесчинства французских войск в Швейцарии, Неаполе и Португалии во многом были вызваны его бессердечием; во время кампании в Португалии он фактически позволил отрядам солдат отправиться в поход с явным намерением захватить всех девушек в возрасте от двенадцати до двадцати лет для использования его людьми. Но, не обращая внимания на страдания других, как отец он был нежным и снисходительным. Как он сказал после Ваграма о своем сыне Проспере: "Этот молодой негодяй доставил мне больше хлопот, чем целый армейский корпус"; он так заботился о его безопасности, что на второй день сражения отказался позволить ему занять очередь среди других адъютантов; но молодой Массена был слишком энергичен, чтобы вынести это, и

Наполеон, узнав о случившемся, сурово отчитал маршала. Убежденный республиканец по профессии, временами вспыльчивый и откровенный, он был в глубине души истинным итальянцем и хорошо умел пользоваться тонким искусством лести. В 1805 году, обращаясь к военному министру, он так заканчивает депешу: "Я совершил свой первый поход с Его Величеством, и именно по его приказу я узнал все, что мне известно о торговле оружием. Мы вместе служили в Итальянской армии. Опять же, когда в Фонтенбло он имел несчастье потерять глаз во время охоты на фазанов, он напал на Бертье как на виновника, хотя прекрасно знал, что император был единственным человеком, который стрелял.

Но, несмотря на всю эту подлость и его многочисленные недостатки, его всегда должны помнить как одного из великих солдат Франции, имя, которое всегда вызывает в памяти. И Наполеон, и Веллингтон отдали дань уважения его талантам. На острове Святой Елены павший император сказал, что из всех его генералов принц Эсслинг "был первым", а герцог, обращаясь к лорду Розену из французских военачальников, сказал: "Массена доставил мне больше хлопот, чем кто-либо из них, потому что, когда я ожидал найти его слабым, он обычно каким-то образом умудрялся, чтобы я нашел его сильным". Маршал был прирожденным солдатом. Война была для него источником вдохновения; будучи практически неграмотным, он никогда не изучал ее теоретически, но, как признает один из его недоброжелателей, "Он был прирожденным генералом: его мужество и упорство довершили остальное. В лучшие дни своей военной карьеры он все видел верно, принимал быстрые решения и никогда не позволял неудачам сбить себя с толку". Именно благодаря этому упрямству в сочетании с ясным видением были достигнуты его большие успехи, и упрямая решимость, которую он продемонстрировал в Цюрихе, Лоано, Риволи и Генуе, ничуть не пострадала ни от успеха, ни от старости, что он доказал в Эсслинге, Ваграме и перед позициями Торрес Ведраса. Подобно своему великому полководцу, никто лучше принца Эсслинга не знал, что удачи нужно добиваться, и, как писал ему Наполеон, "Не вам, мой дорогой генерал, я должен рекомендовать проявить смелость". Несмотря на неудачу в своей последней кампании, принц Эсслингский до конца достойно поддерживал свой титул "Избалованного дитя победы".

IV

ЖАН БАТИСТ ЖЮЛЬ БЕРНАДОТТ, МАРШАЛ, ПРИНЦ ПОНТЕ-КОРВО, КОРОЛЬ ШВЕЦИИ

Гасконь всегда была матерью честолюбивых людей, и многих правителей она поставила Франции. Но в 1789 году мало кто из гасконцев даже поверил бы, что не пройдет и двадцати лет, как один гасконец будет восседать на неаполитанском троне Бурбонов, а второй станет наследным принцем Швеции, приемным сыном Дома Васа.

Жан Батист Бернадотт, сын мелкого юриста, родился в По 26 января 1763 года. В возрасте семнадцати лет он поступил на службу в полк Королевской морской пехоты и провел следующие девять лет своей жизни в гарнизонных городах Корсики, Дофине и Прованса. Его первый заметный подвиг произошел в 1788 году, когда в звании сержанта он командовал

подразделением морской пехоты, в обязанности которого входило поддерживать порядок в Гренобле во время беспорядков, предшествовавших началу революции. История гласит, что Бернадотт был ответственен за первое пролитие крови. Однажды, когда толпа грозила выйти из-под контроля, из толпы выбежала женщина и дала сержанту подзатыльник по лицу, после чего вспыльчивый гасконец приказал своим людям открыть огонь. Через мгновение ответ пришел дождем из кирпичей. Пролилась кровь, и с этого момента народ Франции объявил старому режиму войну не на жизнь, а на смерть. Порывистый, щедрый, сердечный и амбициозный, в течение следующих трех лет Жан Батист проводил политику, типичную для всей его карьеры. Готовый в пылу страсти пойти на самые крайние меры, даже стрелять в толпу, в более спокойные моменты полный энтузиазма в защиту прав человека и благополучия своих товарищей; проводя долгие часы, разглагольствуя перед своими товарищами о беззаконии королевской власти и необходимости браться за оружие против всех благородного происхождения, но при этом твердо поддерживая своего полковника, потому что в прежние дни он оказал ему услугу и спас своих офицеров от мятежников, которые угрожали их повесить; используя любую возможность испытать свою судьбу, Бернадотт продолжал свой путь к успеху. Продвижение по службе произошло быстро: в 1792 году он был полковником, в следующем году - бригадным генералом, а несколько месяцев спустя - дивизионным генералом. Своим продвижением он был обязан тому, как обращался со своими людьми. От природы не будучи великим ни как тактик, ни как стратег, он мог выполнять приказы других и, прежде всего, передавать свой огненный характер своим войскам; его успех на поле боя был обусловлен его личным магнетизмом, благодаря которому он вдохновлял других своей уверенностью в себе. Но при всей этой уверенности в себе к его характеру примешивалась странная нотка нерешительности. Снова и снова на протяжении своей карьеры он позволял "я не смею" заменять "я бы хотел". Гасконец до мозга костей, полный хитрости, всегда устремленный в будущее, он временами позволял своему беспокойному воображению придумывать опасности вместо того, чтобы заставлять его показывать ему средства для достижения своей цели. Когда ему предложили пост бригадного генерала, а затем снова назначили дивизионным генералом, он отказался от этого шага, потому что предвидел, что якобинцы будут преследовать жирондистов, что ультраякобинцы свергнут якобинцев и что реакция сметет революционеров, и он боялся, что генералы армии могут разделить судьбу тех, кто их назначил. После своей великолепной атаки при Флерюсе он, наконец, был вынужден принять повышение от Клебера, который подъехал к нему и воскликнул: "Вы должны принять звание бригадного генерала здесь, на поле боя, где вы его действительно заслужили. Если вы откажетесь, вы мне не друг". После этого Бернадотт согласился на этот пост, считая, что при необходимости сможет доказать, что получил его не в качестве политической услуги. В 1794-6 годах Бернадотт находился на постоянной действительной службе в армии Самбры и Мааса, то в долине Рейна, то в долине Дуная. Каждое сражение от Флерюса до Альтенкирхена все больше укрепляло его репутацию в глазах властей и привязанность подчиненных. "Он - Бог армий", - кричали его солдаты, следуя за ним в охваченную огнем зону. Его мужество, индивидуальность и физическая красота очаровывали всех, кто приближался к нему. Высокий, стройный, с копной угольно-черных волос, большим крючковатым носом сокола и темными сверкающими глазами, свидетельствующими о мавританской крови в его жилах, он мог потоком резких слов раздавить зарождающийся бунт и в одно мгновение превратить мятежников в самых верных и преданных солдат. Во время долгих революционных войн он всегда помнил о необходимости подготовки к миру и находил время для самообразования в области истории и политологии. Именно благодаря репутации одного из лучших дивизионных офицеров армии Самбры и Мааса и

немалой политической силе в конце 1796 года Бернадотт был переведен со своей дивизией в Итальянскую армию, которой командовал Бонапарт. С самой первой их встречи возникли трения. Они были похожи на Цезаря и Помпея: "у одного не было превосходства, другой не терпел равных". Бонапарт уже предвидел день, когда Франция ляжет к его ногам; он инстинктивно угадал в Бернадотте возможного соперника. Бернадотт, привыкший к преклонению всех, с кем он соприкасался, почувствовал потерю этого в своем новом командовании, где солдаты и офицеры одинаково не могли думать и говорить ни о ком, кроме завоевателя Италии. И все же ни один из них не мог позволить себе порвать с другим, ни еще не могли предсказать, что принесет будущее, поэтому на фоне редкого потока комплиментов между ними велась тайная и мстительная война. Как главнокомандующий, Бонапарт до поры до времени держал в руках хлыст и мог выразить свою неприязнь суровыми выговорами. "Куда бы ни направилась ваша дивизия, везде нет ничего, кроме жалоб на отсутствие дисциплины". Бернадотт, со своей стороны, стремясь завоевать известность, воззвал бы к "духу" своих солдат на Самбре и Маасе и испортил бы тщательно продуманные комбинации Бонапарта, попытавшись провести фронтальную атаку до того, как итальянские дивизии развернутся. К концу кампании всем стало ясно, что между ними не было прежней любви. После Леобена Бонапарт на данный момент был высшей фигурой во Франции. Как полномочный представитель в Леобене и главнокомандующий "Армией Англии" он мог навязывать Директории свою волю. Бернадотт, испытывая отвращение при виде успеха своего соперника, на некоторое время всерьез подумывал об уходе из общественной жизни или, по крайней мере, из Франции, где его репутация была таким образом омрачена. Среди различных должностей Директория предлагала ему командование итальянской армией, но он отказывался от всех, пока, наконец, не согласился принять должность посла в Вене. Вена была в то время полюсом, вокруг которого вращалась вся европейская политика, и, соответственно, там была большая возможность добиться дипломатической известности. Но едва новый посол прибыл к месту назначения, как услышал о планируемой экспедиции Бонапарта в Египет. Он сразу же решил вернуться во Францию. Он чувствовал, что его возвращение должно быть отмечено чем-то, что могло бы понравиться населению. Соответственно, он принял решение, одновременно простое и эффективное.

ЖАН БАТИСТ БЕРНАДОТТ, КОРОЛЬ ШВЕЦИИ
С ГРАВЮРЫ ПО МОТИВАМ КАРТИНЫ ИЛЕРА ЛЕ ДРЮ

Якобинец в душе, когда его интересы не вступали в противоречие с его принципами, он с самого прибытия в Вену был полон решимости показать князьям и сановникам изнеженной

цивилизации, что французы гордятся своей революцией и не верят ни во что, кроме равенства всех людей; он отказался подчиняться судебным постановлениям и превратил свой дом в клуб немецких революционеров. Его позиция, конечно, вызвала возмущение, и в Вене поднялись серьезные настроения против французского посольства. Поэтому потребовалось лишь немного больше бравады и вывешивания триколора на балконе посольства, чтобы побудить толпу напасть на дом. Как только это произошло, Бернадотт подал жалобу, отказался от своего назначения и уехал во Францию в знак протеста против этого "подлого" посягательства на честь его страны и доктрину равенства людей.

По прибытии в Париж он обнаружил, что Директория потрясена до основания. Сийес, законченный сторонник конституции, видевший необходимость в "человеке с головой и шпагой", радостно приветствовал его; изгнание Пишегрю, смерть Гоша, опала Моро и отсутствие Бонапарта сделали Бернадотта на данный момент самым важным из политических бойцов Революции. Действуя по совету Сийеса, Бернадотт отказался от всех предложенных ему должностей либо в армии, либо в правительстве и стал ждать развития событий. Тем временем он очень сблизился с Жозефом Бонапартом, который познакомил его со своей невесткой Дезире Клари. Клэри были марсельскими купцами, и Дезире уже некоторое время была помолвлена с Наполеоном Бонапартом, который бросил ее, встретив Жозефину. Дезире, очень огорченная таким обращением, приняла Бернадотта, как она сказала позже: "потому что мне сказали, что он был человеком, который мог постоять за себя против Наполеона". Этот брак был мастерским политическим ходом; он сразу же обеспечил Бернадотту поддержку семьи Бонапарт, поскольку Бонапарт по-своему все еще любил Дезире, и в то же время дал Бернадотту партнера, который в глубине души ненавидел Наполеона с такой же злобой, как и он сам. После бедствий в Италии и на Дунае, 2 июля 1799 года, Бернадотт, решив, что время пришло, принял пост военного министра. Он быстро выставил на поле боя новую армию численностью в сто тысяч человек и своими замечательными мерами по обучению новобранцев и сбору военного снаряжения в немалой степени был ответственен не только за цюрихскую победу Массены, но, как признавался сам Наполеон, и за триумф при Маренго.

Срок его полномочий, однако, был коротким, поскольку его коллеги интриговали против него. Сийесу нужен был человек, который свергнет Директорию и установит диктатуру: Баррас кокетничал с бурбонами. Сам Бернадотт громко говорил о безопасности Республики, но у него не хватило смелости прыгнуть вместе с Сийесом или присесть на корточки рядом с Баррасом. Подавленное сомнением, его воображение парализовало его действия, и его личность, которая вспыхивала только в движении, стала тусклой. Все еще доверяя своей репутации и считая себя незаменимым для Директории, он подал в отставку, надеясь таким образом пресечь интриги Сийеса и Барраса. К его удивлению, это предложение было сразу принято, и он обнаружил, что является сущим ничтожеством.

14 сентября Бернадотт подал в отставку, 9 октября Наполеон высадился во Фрежюсе. Во время революции 18 Брюмера Бернадотт оставался на заднем плане. Желая обезопасить Францию путем реорганизации Директории, ненавидя идею диктатуры, завидуя успехам своего соперника, он отказался присоединиться к потоку генералов, которые спешили к ногам завоевателя Италии и Египта. Бонапарт, умевший читать в его душе, как в книге, попытался заманить соперника в свои сети, но гасконец, как всегда, не мог решиться. Сначала он был склонен присоединиться к заговору, но в конце концов отказался и сказал Бонапарту, что, если Директория прикажет ему, он поднимет оружие против тех, кто замышлял заговор против

Республики. Тем не менее, даже в тот богатый событиями день он колебался и появился утром среди других заговорщиков в доме Бонапарта, но не в военной форме, думая таким образом послужить обеим партиям.

В течение нескольких лет, последовавших за учреждением консульства, Бернадот вел бесконечную подпольную войну против Наполеона. Не проходило и года, чтобы его имя не было связано с каким-нибудь заговором с целью свержения Первого консула. Среди них Наполеон был хорошим советчиком, но Бернадотт был слишком хитер, чтобы позволить полностью скомпрометировать себя. Как бы сильно он ни сочувствовал заговорщикам и ни оказывал им посильную помощь, он всегда отказывался подписывать свое имя под каким-либо документом. Соответственно, хотя однажды в багажнике кареты его адъютанта была найдена пачка крамольных прокламаций, обвинение не могло быть предъявлено. В другой раз, когда было доказано, что он одолжил двенадцать тысяч франков заговорщику Черрачи, он мог доказать, что это была цена, которую он заплатил художнику за бюст. Несмотря на то, что против него не могло быть представлено никаких определенных доказательств, первый консул мог легко, если бы захотел, представить фальшивых свидетелей или отдать его под трибунал, как он избавился от герцога Энгиенского. Наполеон ждал своего часа. Он боялся якобинской вспышки, если бы предпринял прямое нападение на него. Кроме того, у Бернадотта был ревностный друг и союзник в лице Жозефа Бонапарта. Поэтому, когда от Наполеона требовали принять суровые меры против своего врага, он всегда отказывался это делать, отчасти из соображений политики, отчасти из-за своей прежней любви к Дезире, а отчасти из-за ужаса перед скандалом в своей семье, который мог ослабить его позиции, когда он захватит императорский трон. Соответственно, он всячески пытался умиротворить своего непокорного подданного и в то же время поставить его на такое положение, при котором он не мог бы причинить политического вреда. Вместе с Брюном и Мармоном он сделал его сенатором. Он предложил ему командование армией Италии, и, когда Бернадотт отказался и потребовал трудоустройства на родине, он назначил его командующим дивизией в Бретани со штаб-квартирой в Ренне. Но первый консул обнаружил, что Ренн, каким бы далеким он ни был, находится слишком близко к Парижу; соответственно, он попытался соблазнить своего якобинского генерала важными постами за границей. Он предложил последовательно посольство в Константинополе, генерал-капитанство в Гваделупе и губернаторство Луизианы, но Бернадотт отказался покидать Францию. Наконец, в начале 1803 года Наполеон назначил его министром в Соединенных Штатах. Трижды эскадра фрегатов готовилась сопровождать нового министра, но каждый раз министр откладывал свой отъезд. Тем временем разразилась война с Англией, и Бернадотт был оставлен во Франции в качестве генерала, внесенного в список невостребованных, благодаря усилиям Жозефа.

При создании империи Наполеон включил имя Бернадотта в число маршалов, отчасти для того, чтобы угодить своему брату Жозефу и поддержать престиж своей семьи, а отчасти, как в случае с Ожеро, Массеной и Журданом, чтобы привлечь на сторону имперского режима стойких республиканцев и якобинцев. На данный момент император достиг своей цели. Бывший якобинец, гордившийся своим новым титулом и наслаждавшийся недавно приобретенным поместьем Гросбуа, на самом деле был благодарен; но все же, как гасконец, он хотел большего и жаловался, что у него недостаточно средств для поддержания своего надлежащего состояния. Наполеон, услышав об этом от Фуше, воскликнул: "Возьмите из государственной казны достаточно, чтобы все исправить. Я хочу, чтобы Бернадотт был доволен. Он только начинает говорить, что полон привязанности ко мне; это может привязать его еще больше". Но

несколько дней спустя маршал раскрыл свои истинные чувства, когда, говоря о Наполеоне Люсьену, сказал: "Славы больше не будет, кроме как в его присутствии, рядом с ним и с его помощью, и, к сожалению, все ради него".

Хотя император и произвел его в почетные чины, в его планы не входило позволять оставаться в Париже человеку, который, как сказал Талейран, "был способен схватить четырех головорезов и при необходимости разделаться с самим Наполеоном, разъяренному зверю, гренадеру, способному на все и на все, человеку, которого любой ценой нужно держать на расстоянии". Соответственно, маршал очень скоро оказался посланным заменить Мортье на посту командующего "Ганноверской армией".

В течение пятнадцати месяцев Бернадот управлял Ганновером, и утонченная вежливость, которую он проявлял как к друзьям, так и к врагам, делала его, как обычно, предметом обожания всех, с кем он соприкасался. Но что бы он ни делал, император по-прежнему подозревал его и дал понять всем, что Бернадотту нельзя доверять и он не солдат. Наполеон всегда заботился о том, чтобы Бернадотт никогда не имел под своим командованием французских солдат. Его войска в 1805 году состояли из баварцев; в 1807 году - из поляков; в 1808 году - из смеси голландцев и испанцев; а в 1809 году - из поляков и саксонцев. Бертье, развивая идеи императора и сам также ненавидя Бернадотта, позаботился о том, чтобы при распределении обязанностей неприятные и неважные задачи ложились на маршала. Несмотря на неполноценность своих войск, Бернадотт, как обычно, отличился в час сражения. При Аустерлице, в критический момент, он увидел, что, если центр не получит мощной поддержки, план Наполеона по захвату русских в ловушку провалится, поэтому, не дожидаясь приказов, он выделил дивизию к северным склонам плато и таким образом существенно помог одержать победу в тот день. Но хотя он был сообразителен и бдителен на поле боя, он никогда не блистал в стратегии. В действиях, которые приводили к битве, он всегда был медлителен и склонен к колебаниям, и его недоброжелатели ухватились за этот недостаток, чтобы объявить, при попустительстве Наполеона, что он был предателем императора и Франции. Инцидент кампании 1806 года дал врагам маршала прекрасную возможность проявить свою неприязнь. Наполеон, думая, что загнал в угол всю прусскую армию в Йене в ночь на 13 октября, послал Бернадоту приказ отступить от Наумбурга и пересечь линию отступления пруссии. Во исполнение этих приказов маршал покинул Наумбург на рассвете 14-го и двинулся в направлении Апольды, которой он достиг, несмотря на плохие дороги, к 4 часам дня и, таким образом, захватил около тысячи пленных. Но Наполеон ошибся в своих расчетах; главные силы пруссии находились не у Йены, а у Ауэрштедта, где они были наиболее отважно атакованы и разбиты Даву, который немедленно послал просить помощи у Бернадотта; но маршал, согласно четкому приказу Наполеона, продолжал свой путь к Апольде. Император, чтобы выразить свою неприязнь к Бернадотту и скрыть свою собственную ошибку, утверждал, что он послал ему приказ отправиться на помощь Даву, но тщательное изучение французских депеш доказывает, что такого документа не существовало; фактически, официальные депеши полностью оправдывают Бернадотта. Перед завершением кампании Наполеону пришлось воздать маршалу заслуженную им похвалу, когда при содействии Сульта и Мюрата он, наконец, вынудил Блюхера сдаться с двадцатью пятью тысячами человек и всей прусской артиллерией в Любеке. В Эйлау неудача вновь постигла Бернадотта, поскольку штабные офицеры, посланные приказать ему выступить на поле боя, были захвачены врагом. Это несчастье дало еще одну возможность его недоброжелателям, и снова император поддержал их ложные обвинения своим авторитетом. Втайне одобряя каждое нападение на маршала, император по семейным

причинам не решался на открытый прорыв. 5 июня 1806 года он провозгласил его принцем Понте-Корво, небольшого княжества в Италии, зажатою между Неаполитанским королевством и Папской областью; причину своего поступка он объяснил в письме своему брату Жозефу, королю Неаполитанскому. "Когда я присвоил Бернадоту титул герцога и принца, это было сделано из уважения к вам, потому что в моей армии много генералов, которые служили мне лучше и на чью преданность я могу больше рассчитывать. Но я подумал, что будет правильно, если шурина королевы Неаполя займет выдающееся положение в вашей стране. Именно по этой причине после заключения Тильзитского мирного договора император подарил принцу обширные владения в Польше и Ганновере.

В промежуток между Тильзитским миром и началом войны с Австрией в 1809 году принц Понте-Корво вернулся к своим обязанностям по управлению Ганновером. Продолжая свою прежнюю политику втирания в доверие ко всем, он возобновил свои старые дружеские отношения со всеми классами общества и завоевал расположение своих соседей в Дании и шведской Померании, проявив обходительность, которая резко контрастировала с жесткими сторонниками дисциплины школы Даву. Такое поведение, однако, не получило одобрения императора, политика которого заключалась в том, чтобы, насаждая континентальную систему, выжимать до смерти ганзейские города, которые были лучшими клиентами Англии.

Маршал был настолько хорошо осведомлен о недовольстве императора и ненависти многих его советников, особенно Бертье, начальника штаба, что фактически попросил перевести его на половинное жалованье в начале кампании 1809 года, но император отклонил его просьбу. Он был полон решимости положить конец непрекращающейся борьбе между ним и Бернадоттом. Битва при Ваграме предоставила ему такую возможность. В первый день сражения маршал в присутствии некоторых своих офицеров сурово раскритиковал методы, принятые императором для переправы через Дунай и нападения на эрцгерцога Карла, хвастаясь, что если бы он командовал, то с помощью научного маневра заставил бы эрцгерцога сложить оружие почти без удара. Какой-то враг рассказал императору об этом хвастовстве. На следующий день корпус Бернадотта был разбит австрийской кавалерией и спасен от полного уничтожения только личным усилием маршала и его штаба, которые основными силами остановили и переформировали толпу беглецов. Император прибыл на место происшествия в тот момент, когда маршалу только что удалось остановить разгром, и саркастически осведомился: "Это тот научный маневр, с помощью которого вы собирались заставить эрцгерцога сложить оружие?" и прежде чем маршал успел ответить, продолжил: "Я отстраняю вас, сэр, от командования армейским корпусом, с которым вы так плохо справляетесь. Немедленно отступайте и покиньте Великую армию в течение двадцати четырех часов; такой растяпа, как вы, мне не нужен. Пылкий темперамент маршала не мог вынести такого обращения, и, соответственно, вопреки всем военным уставам и этикету, он без разрешения императора опубликовал бюллетень, восхваляющий саксонские войска и таким образом преувеличивающий свою собственную значимость. Император был в ярости и разослал остальным маршалам частный меморандум, в котором говорилось, что "независимо от того, что Его Величество лично командовал своей армией, только он один может присвоить степень славы, которой каждый заслужил. Успехами своего оружия его величество обязан французским войскам, а не иностранцам.... Маршалу Макдональду и его войскам принадлежит успех, который принц Понте-Корво приписывает себе". Казалось, что карьера Бернадотта пришел конец.

Император обнаружил, что у него больше нет причин бояться его, и на данный момент решил полностью сокрушить его. Поэтому, когда он услышал, что Кларк отправил принца организовать сопротивление англичанам во Флашинге, он сразу же заменил его Бессьером. Но перспектива заключения брачного союза либо с Россией, либо с Австрией вновь заставила императора задуматься о необходимости избежать скандала и раздора в его собственной семье; соответственно, он решил попытаться умиловить маршала, отправив его своим посланником в Рим. Такому прирожденному интригану, как Бернадотт, Рим казался абсолютным изгнанием, и поэтому, находясь в самом подавленном настроении, он принялся искать предлог отложить свое путешествие, мало думая, что фортуна повернулась к нему лицом и, наконец, вот-вот вознесет его на те высоты, о которых он так долго мечтал. Задолго до этого, в 1804 году, во время основания Империи, он тайно посетил знаменитую гадалку мадемуазель Ленорман, которая сказала ему, что он тоже должен стать королем и царствовать, но его королевство будет за морем. Его безграничное честолюбие, подстегиваемое южными суевериями, питалось этим пророчеством, даже когда разрыв с Наполеоном, казалось, закрыл дверь для всякой надежды.

В мае 1809 года революция в Швеции свергла неспособного Густава IV. и провозгласила королем его дядю Карла, герцога Судермании. Новый король, Карл XIII, был стар и бездетен. Соответственно, вопрос о престолонаследии занимал умы всех людей. В условиях, когда Россия наступала на восток, а Дания - на запад, было важно найти кого-то, вокруг кого все могли бы сплотиться, предпочтительно солдата. Было, конечно, очевидно, что Франция, традиционный союзник Швеции, доминировала в Европе. Соответственно, шведы решили вырвать своего наследного принца из рук Наполеона. Так вот, из всех маршалов Бернадотт больше всего имел дело со шведами. В Гамбурге ему постоянно приходилось улаживать вопросы с померанцами. Во время капитуляции Блюхера в Любеке он с большой вежливостью обращался с некоторыми шведскими пленными. Поэтому советникам шведского короля казалось, что принц Понте-Корво, шурин короля Иосифа, героя Аустерлица, был наиболее подходящим кандидатом, которого они могли найти. Наполеон, однако, пришел в ярость, когда услышал, что прибыла депутация, чтобы предложить Бернадоту должность наследного принца Швеции. Слишком дипломатичный, чтобы отказаться от этого предложения, он сразу же тайно приступил к работе, чтобы подорвать популярность маршала в Швеции, и, делая вид, что оставляет решение за самим Бернадоттом, заверил своих друзей, что маршал никогда не осмелится взять на себя ответственность. Но Наполеон просчитался. Какой-то добрый друг сообщил маршалу о словах императора, и, по признанию самого Бернадотта, именно насмешка "Он никогда не посмеет" побудила его принять предложение Швеции. Прежде чем избранный наследный принц покинул Францию, император попытался поставить ему условие, что он никогда не поднимет против него оружия; но Бернадотт, предвидя будущее, отказался давать какие-либо подобные обещания, и в конце концов император сдался с гневными словами: "Уходите; наши судьбы скоро свершатся!"

Наследный принц взял с собой в Швецию своего старшего сына, которого, как ни странно, по прихоти его крестного отца Наполеона называли Оскаром. Но его жена Дезире не могла оторваться от Парижа, где она собрала круг художников и писателей; ее салон часто посещали такие неугомонные интриганы, как Талейран и Фуше. Какой бы она ни была любительницей удовольствий, веселье Парижа было дыханием ее ноздрей. Соответственно, кронпринцесса осталась как бы заложницей хорошего поведения принца, но на самом деле была шпионкой и тайным распространителем враждебных Наполеону новостей.

Приземлившись в Швеции, наследный принц взял все штурмом. Его приятная внешность, приветливость, огромный авторитет и очевидная любовь к своей новой стране вызвали почти невероятный энтузиазм. Но хотя все казалось таким благоприятным, хитрый гасконец с самого начала предвидел опасности, подстерегавшие его на пути. Наполеон ненавидел его. Россия смотрела на него с недоверием и желала поглотить Швецию. Англия и другие державы не доверяли ему как орудию императора. Соответственно, в тот момент, когда он приземлился в Гетеборге, принц четко определил линию, которой он намеревался следовать, воскликнув: "Я отказываюсь быть ни префектом, ни таможенником Наполеона". Это решение означало полный разворот шведской внешней политики и разрыв отношений с Францией. К счастью для Бернадотта, старый король Карл XIII, был только рад оставить все своему приемному сыну. Поскольку полностью изменить ситуацию в одно мгновение было невозможно, кронпринц удовлетворился тем, что позволил шведам в полной мере ощутить все тяготы попыток навязать континентальную систему. Ибо он знал, какие катастрофические последствия окажет война с Англией для шведской торговли, и предвидел, что его подданные вскоре будут рады принять любую политику, которая могла бы спасти их морскую торговлю. Покашведы постигали безрассудство борьбы с владычицей морей, у кронпринца было время составить свои планы, чтобы, когда настанет момент, выступить вперед как спаситель страны. Было совершенно ясно, что разрыв с Францией должен означать потерю Померании и всякой надежды вернуть утраченные провинции на южных берегах Балтики. Но Бернадотт решил найти в Норвегии *услугу за услугу* для Померании. Заставить Россию, наследственного врага Швеции, заставить ее наследственного союзника Данию передать Норвегию Швеции было бы мастерским дипломатическим ходом, в то время как союз с Россией гарантировал бы шведские границы и принес бы мир с Англией, потому что Россия была на грани разрыва с континентальной системой. Таким образом, шведы завоевали бы Норвегию и восстановили свою морскую торговлю, в то время как наследный принц был бы признан законным наследником королевского дома Васа и больше не считался бы чужаком, простой марионеткой Наполеона.

Успех увенчал усилия ликующего гасконца. Царь, у порога которого маячила перспектива французского вторжения, был безмерно рад найти в Швеции союзника, а не врага. В августе 1812 года он пригласил наследного принца в Россию, и был подписан Обенский мирный договор, по которому Россия обещала оказать Швеции помощь в завоевании Норвегии в качестве платы за ее помощь против Франции; чуть позже был заключен международный договор между Англией и Швецией. Наследный принц вернулся из Обо с чувством облегчения; теперь он не только был принят во внутренний круг законных государей, но и царь фактически добровольно заявил, что в случае падения Наполеона "я с удовольствием увидел бы, как судьбы Франции находятся в ваших руках". Александр зажег пламя, которое никогда не угасало, пока был жив Бернадотт. Остаток его жизни можно было бы охарактеризовать как попытку заполучить корону Франции, за которой последовал период тщетных сожалений о крушении его надежд.

По возвращении в Стокгольм наследный принц обнаружил, что его окружает толпа поклонников-космополитов, самой важной из которых была мадам де Сталь, которая считала его единственным человеком, способным вернуть Франции процветание. Лстецы сравнивали его с Генрихом IV. и подчеркивали тот факт, что он тоже был родом из Беарна. Но во Франции люди проклинали француза-предателя, который собирался обратить свой меч против своей страны, и его имя было вычеркнуто из списка маршалов и из списков сената, в то время как император горько сожалел, что не отправил его изучать шведский язык в Венсен, большую

военную тюрьму. Когда в начале 1813 года, в соответствии со своими договорными обязательствами, наследный принц Швеции высадился в Штральзунде, чтобы принять участие в войне против Наполеона, его положение было трудным. Единственной целью союзников было свергнуть Наполеона, единственной целью наследного принца было стать королем Франции после падения Наполеона. Таким образом, союзникам пришлось разбить французские войска, но наследный принц разрушил бы свои надежды, если бы французские солдаты были разбиты войсками под его командованием. Было ясно, что победить Наполеона можно только при самом тесном сотрудничестве всех союзников. Соответственно, царь и король Пруссии вызвали наследного принца на конференцию в Трахенберг в Силезии и сделали все возможное, чтобы удовлетворить его гордость. Затем был разработан план кампании, и принц вернулся к командованию союзными войсками в Северной Германии. На острове Святой Елены император заявил, что именно Бернадотт показал союзникам, как побеждать, избегая любых конфликтов с самим собой и разбивая маршалов в деталях. С большой горечью он добавил: "Он дал нашим врагам ключ к нашей политике, тактике наших армий и показал им путь к священной земле Франции". Как бы то ни было, его поведение во время кампании оправдывало подозрение, с которым к нему относились друзья и враги. Только три раза армия принца вступала в соприкосновение с силами императора. При Гросберене и Денневице, где сражались и победили его дивизионные офицеры, принц незаметно держался в тылу. Под Лейпцигом он сдерживался так долго, что французская армия едва не обратилась в бегство. Это была насмешка его начальника штаба: "Знаете ли вы, что солдаты говорят, что вы боитесь и не осмеливаетесь наступать?" что, в конце концов, вынудило его вступить в бой. Но, хотя таким образом он оскорбил своих союзников, он не снискал уважения у своих бывших соотечественников. Он всегда верил, что одного его присутствия достаточно, чтобы привлечь французские войска на свою сторону, но его первая попытка должна была разрушить это заблуждение. В Штеттине, во время перемирия, он проник в крепость и попытался соблазнить губернатора, бывшего якобинца и бывшего друга. Когда он покидал город, раздался пушечный выстрел, и пуля просвистела у него над ухом. Он немедленно отправил флаг перемирия, чтобы потребовать объяснений по поводу этого нарушения этикета войны, на что его друг, бывший якобинец, ответил: "Это было просто полицейское дело. Мы подали сигнал, что дезертир убегает, и главная охрана открыла огонь". Несмотря на это предупреждение и многие другие признаки, Бернадотт не понимал, насколько полностью он потерял свое влияние во Франции, и пока союзники наступали на Париж, его секретные агенты были заняты, особенно на Юге Франции, попытками привлечь народ на свою сторону. Надежно держась в тылу вторгшихся армий, он полностью пренебрегал своими военными обязанностями и проводил время, выслушивая донесения никчемных шпионов. Результатом его интриг стало то, что он совершенно потерял связь с развитием событий на фронте, и когда Париж пал, вместо того чтобы быть на месте, он был далеко. Царь, давно недовольный его задержками, больше не настаивал на своем иске и, обнаружив явное желание реставрации династии Бурбонов, согласился на возвращение этого дома. Поэтому, когда наследный принц приехал в Париж, ему не оставалось ничего другого, как изо всех сил поклониться бурбонам и улизнуть домой, чтобы хоть как-то утешиться завоеванием Норвегии. Таким образом, еще раз подтвердилась правота высказывания Сийеса: "Это черный дрозд, который считает себя орлом".

По возвращении домой шведские подданные оказали своему наследному принцу очень теплый прием. Они не знали ни о каких его интригах или отступлениях, они видели в нем только победоносного победителя Наполеона, который своими успешными кампаниями принес

Швеции мир и процветание, своей дипломатией приобрел Норвегию и своим ловким торгашеством добыл двадцать миллионов франков за передачу Франции острова Гваделупа, которым Швеция никогда не владела, и еще двенадцать миллионов за то, что расстался с утраченными померанскими провинциями. Но, несмотря на свою популярность дома, у наследного принца было много поводов для беспокойства за границы. На Венском конгрессе сильная партия поддержала притязания свергнутого Густава IV, и только щедрая помощь царя разгромила этот заговор. Кроме того, позиция Держав ясно показала ему, насколько шатким было положение незваного гостя среди наследственных правителей Европы. Поэтому, когда Наполеон вернулся с Эльбы, принц воскликнул: "Дело бурбонов навсегда проиграно", - и на мгновение подумал о том, чтобы связать свою судьбу с императором. Но внезапное поражение Мюрата послужило предупреждением, и он поспешил предложить союзникам помощь двадцатисты тысячным войском. Хотя внешне наследный принц был согласен с ними, втайне он надеялся на победу Наполеона; своим близким он заявлял, что "Наполеон был первым полководцем всех времен, величайшим человеком, который когда-либо жил, превосходящим Ганнибала, Цезаря и даже Моисея". На чтокронпринцесса, которая наконец воссоединилась со своим мужем в Швеции, ответила: "Вы должны исключить Моисея, который был посланником Бога, тогда как Наполеон - посланник дьявола".

Известие о Ватерлоо вновь вернуло идеи принца в прежнее русло. Несомненно, Франция должна теперь признать, что он один мог спасти ее; но вторая реставрация разрушила его надежды до основания. И все же надежда вечно зарождается в человеческой груди, и Бернадотт год за годом с тревогой наблюдал за развитием французской политики. Даже после революции 1830 года он все еще думал, что Франция может призвать его стать ее правителем, и он никогда не упускал шанса нанести бурбонам вред. Несмотря на эти интриги, за исключением апелляции, поданной в 1818 году против своевольного поведения Четверного союза, вмешавшегося в отношения Швеции и Дании, европейская карьера Бернадотта действительно закончилась с падением Наполеона. Как Карл XIV. он взошел на шведский престол 18 февраля 1818 года, после смерти своего приемного отца. Как король он проводил ту же политику, что и наследный принц, - союз с Россией. Его внутренняя политика была основана на принципе сохранения своей династии любой ценой. С этой целью в Швеции он правил более или менее как благожелательный деспот, как можно меньше консультируясь со своими Генеральными штатами, уделяя наибольшее внимание торговле и промышленности и открывая рудники и водные пути страны. Однако в Норвегии, где Стортинг долгое время пользовался большой властью, он правил как либеральный конституционный монарх, и ему и его преемникам так повезло проводить свою политику, что из всех дипломатических мер, предпринятых на Венском конгрессе, передача Норвегии Швеции дольше всех выдержала испытание временем, и только в 1906 году принцип гражданства был наконец введен в действие в Скандинавии.

Хотя Карл XIV не предпринимал попыток вмешиваться в европейскую политику, европейские князья никогда не могли избавиться от своей неприязни к нему, поскольку он считался единственным выжившим из системы Наполеона. Когда его сыну Оскару пришлось время искать невесту, шведские предложения были с презрением встречены в Дании и Пруссии, и даже в Мекленбурге-Анхальте и Гессен-Касселе. Как прошептал австрийский посланник при шведском дворе своему английскому коллеге, "Вся Европа без сожаления увидела бы гибель этих людей здесь". В результате шведский король был вынужден искать невесту для своего сына из семьи Наполеона, и в конце концов молодой принц женился на дочери Эжена Богарне, бывшего вице-короля Италии, пасынка Наполеона.

Карл XIV, человек сожалений, провел остаток своей жизни, погруженный в воспоминания о прошлом. Он редко вставал допоздна, диктуя свои письма и принимая своих министров в постели. Одевшись, он потратил несколько часов на то, чтобы разобраться в своих личных делах и пересмотреть свои вложения, поскольку до конца боялся, что его могут лишить короны. Вечером он развлекал иностранных представителей и устраивал свои суды, после чего коротал ночные часы со своими близкими друзьями, сражаясь и повторяя свои сражения и доказывая, что он один мог спасти Европу от страданий наполеоновских войн. Он умер 3 марта 1844 года в возрасте восьмидесяти лет, подарив своим подданным драгоценное благо в виде двадцати пяти лет мира.

Несмотря на свою блестящую карьеру, Бернадотт навсегда останется одной из самых жалких фигур в истории. Он осужден как простой оппортунист, человек, который ни разу не обрел покоя в своей душе и который был неспособен понять свое собственное предназначение. Это было настолько верно, что в последние дни своей жизни старый якобинец, ныне коронованный король, действительно верил, что говорил правду, когда говорил, что наряду с Лафайетом он был единственным общественным деятелем, за исключением графа Артуа, который ничуть не изменился с 1789 года. Он не видел противоречия между заявлением своей юности: "что королевская семья - чудовище, которое должно быть искалечено в ее же собственных интересах", и своей речью пожилого человека французскому послу: "Если бы я был королем Франции с армией в двести или триста тысяч человек, я бы показал язык в вашей Палате депутатов". Он был гасконцем до мозга костей, и его язык слишком часто выдавал его самые сокровенные и мимолетные мысли. В какой-то момент он верил и заявлял, что "Наполеона разбили не простые люди ... он был более великим, чем все мы ... величайший полководец, появившийся со времен Юлия Цезаря.... Если бы, подобно Генриху IV, он был Запятнан, он управлял бы империями". Затем, думая о себе как о Сюлли, он серьезно добавлял: "Бонапарт был величайшим солдатом нашего времени, но я превзошел его в организованности, наблюдательности и расчете". И все же при всем этом он обладал многими качествами, которые делают человека великим. Его личный магнетизм был непреодолим, он обладал непревзойденным тактом, острым чутьем на интриги, ясным видением, позволяющим проникнуть в лабиринты политических хитросплетений, и значительной целеустремленностью, подкрепленной чрезвычайно вспыльчивым характером. Откровенный и великодушный, он от природы был склонен к либеральной политике, но его врожденный эгоизм слишком часто брал верх над его великодушными принципами. Именно этот конфликт между его либеральными идеями и его личными интересами вызвал ту роковую нерешительность, которая снова и снова угрожала испортить его карьеру и которая делала его настолько неполноценным по сравнению с Наполеоном. Чтобы получить свою корону, он охотно отказался от своей религии и стал лютеранином; чтобы сохранить свою корону, он был готов пожертвовать своей честью. Как шведский монарх, он больше заботился об интересах своей династии, чем об интересах своих подданных, но был слишком хитер, чтобы показать это на деле. Выдавая себя за короля-патриота и хвастаясь своей любовью к приемной стране, он всегда оставался в душе французом.

Когда в 1840 году останки великого императора были перенесены в Париж, он скорбно воскликнул своему представителю: "Скажите им, что я, который когда-то был маршалом Франции, теперь всего лишь король Швеции".

Против

ЖАНА ДЕ ДЬЕ НИКОЛЯ СУЛЬТА, МАРШАЛА, ГЕРЦОГА ДАЛМАЦИИ

Из всех маршалов Наполеона, пожалуй, ни один не известен англичанам лучше, чем Жан де Дье Сульт. Его долгая служба на полуострове, закончившаяся жестокими боями в Пиренеях и долине Гаронны, и видная роль, которую он играл во французской политике в годы орлеанистской монархии, сделали его имя нарицательным в Англии. Сын мелкого нотариуса из Сент-Аманда, малоизвестного городка в департаменте Тарн, Сульт обладал всем пылом Юга и хитростью и упорством гасконца. Родившийся 29 марта 1769 года, он рано отличился не по годам развитым способностями и быстротой восприятия. Несмотря на косолапость, он решил стать солдатом и в возрасте шестнадцати лет записался в Королевский пехотный полк. Его интеллект позволил ему получить звание сержанта, и в 1791 году он был направлен в качестве младшего лейтенанта и инструктора по строевой подготовке в батальон добровольцев Верхнего Рейна. Несмотря на хромоту и хрупкое телосложение, молодой младший лейтенант обладал телосложением, способным выдержать величайшую усталость и лишения, и, подстегиваемый честолюбием, он никогда не уклонялся от выполнения задания, которое могло бы укрепить его репутацию. Следовательно, вскоре товарищи выбрали его капитаном, и как только началась война, он быстро поднялся по службе. В битве при Кайзерслаутерне, при штурме линий Вайсенбурга и осаде форта Луи он вырвался на фронт благодаря своей храбрости и быстрому перевороту. Но именно битва при Флерюсе раз и навсегда утвердила его репутацию. Сульт к тому времени был полковником и начальником штаба генерала Лефевра. Батальоны доблестного Марсо были отброшены врагом с разгромом, и их предводитель в агонии бросился к Лефевру, требуя четыре батальона резерва, чтобы он мог вернуть себе утраченные позиции. "Отдайте их мне, - воскликнул он, - или я вышибу себе мозги". Сульт спокойно заметил, что тем самым он только еще больше подвергнет опасности свои войска. Марсо, возмущенный упреком молодого штабного офицера, грубо спросил: "А вы кто такой?" "Кто бы я ни был, - ответил Сульт, - я спокоен, чего нет у вас: не убивайте себя, но ведите своих людей в атаку, и вы получите четыре батальона, как только мы сможем их выделить". Едва он произнес эти слова, как австрийцы с яростью обрушились на дивизию Лефевра. В течение нескольких часов вопрос висел на волоске, и в конце концов даже упрямый Лефевр начал подумывать об отступлении. Но Сульт, спокойно окинув быстрым взглядом поле боя, крикнул: "Если я не ошибаюсь в том, что я сужу о второй линии противника, австрийцы готовятся к отступлению". Несколькими мгновениями позже поступил приказ о наступлении от Журдана, главнокомандующего, и благодаря здравому смыслу Сульта дивизии Марсо и Лефевра атаковали врага вместо того, чтобы вести арьергардные действия для прикрытия отхода. После битвы великодушный Марсо разыскал Сульта. "Полковник, - сказал он, - простите прошлое: сегодня вы преподали мне урок, который я никогда не забуду. На самом деле, это вы выиграли битву". Сульту не пришлось долго ждать своей награды, поскольку в 1794 году он был произведен в бригадные генералы.

Во время кампании 1795 года Сульту была доверена легкая колонна из трех батальонов пехоты и шести эскадронов кавалерии, и он постоянно использовался в качестве авангарда или арьергарда. Однажды, прикрывая отступление в Херборне, его небольшой отряд был окружен четырьмя тысячами австрийской кавалерии. Призванный сдаться, он с негодованием отказался

и, построив свою пехоту в две колонны с кавалерией в промежутке между ними, в течение пяти часов отбивал неоднократные атаки вражеской конницы и пробивался обратно к основным силам, не потеряв ни одного орудия и ни одного знамени. Десять дней спустя он дополнил этот триумф, нанеся врагу потери в две тысячи человек в горном сражении при Ратте-Эйге, когда обе стороны изо всех сил пытались овладеть высотами по колено в снегу. Во время кампаний 1796 и 1797 годов Сульт укрепил свою репутацию в маршах, контрмаршах и сражениях в долинах Рейна и Дуная. Но именно в Швейцарии он наиболее прочно заложил фундамент своего будущего успеха, поскольку там он завоевал дружбу и доброжелательность Массены, и именно завоеватель Цюриха первым обратил внимание Бонапарта на безупречные качества будущего герцога Далматинского, сказав первому консулу, что "по рассудительности и храбрости Сульт едва ли кого-то превосходил". В 1800 году Массена взял своего верного подчиненного с собой в Италию в качестве генерал-лейтенанта центра армии. Во время ожесточенной борьбы, которая закончилась тем, что австрийцы загнали французов в Геную, генерал-лейтенант проявил себя с лучшей стороны, выставив себя напоказ так, как он редко делал позже, и продемонстрировав ту стратегическую проницательность и организаторскую силу, которыми он так прославился. Однажды, когда Бельгард загнал его в угол, его призвали сдаться. Австрийский парламентарий указал, что продолжать борьбу было безнадежно, поскольку у него не было ни провизии, ни боеприпасов. На это Сульт ответил: "Со штыками и людьми, которые умеют ими пользоваться, ни в чем нет недостатка", и, несмотря на все усилия противника, с помощью одной только "белой руки" он пробился в Геную. Во время осады он был правой рукой Массены, всегда готовый дать дельный совет, душой каждой вылазки, пока, к несчастью, не был ранен в битве при Монте-Кретто, и взят в плен австрийцами, пленником которых оставался до окончания Маренго.

ЖАН ДЕ ДЬЕ СУЛЬТ, ГЕРЦОГ ДАЛМАЦИИ
С ЛИТОГРАФИИ ДЕЛЬПЕША ПО КАРТИНЕ РУЙЯРА

После учреждения консульства Сульт, политика которого основывалась исключительно на личных амбициях, а не на принципах, сразу же разгадал цели Бонапарта. Благодаря теплоте представлению Массены и его собственной репутации, он был сердечно принят Первым консулом. Его осыпали почестями. Он был одним из четырех доверенных комендантов Консульской гвардии, и когда Наполеон начал организовывать свои силы для борьбы с Англией, он доверил Сульту командование важным армейским корпусом в Булони. Лучший выбор для первого консула был невозможен. Под своей грубой внешностью Сульт скрывал большие деловые способности, проницательность и большой такт. Сообразительный, с тонким,

неугомонным характером, он обладал большой силой характера, а его честолюбие побуждало его к усердию, не знающему ни умственной, ни физической усталости. Но, несмотря на свой холодный вид и сдержанность, он любил застольные удовольствия и страстно любил женщин, в то время как его жена полностью господствовала над ним, и перед ней он трепетал, как ребенок. На войне он обладал острым воображением и проницательностью великого стратега. Его особой сильной стороной было планирование энергичных предприятий. Но он предпочитал направлять, а не руководить. Хотя его храбрость не вызвала сомнений, с возрастом он стал опасаться рисковать своей личностью и не обладал лихими качествами Ланна и Нея. Как администратор он был равен Даву. Получив назначение командовать армейским корпусом в Булони, тридцатипятилетний молодой генерал отбросил все мысли о личном удовольствии и непринужденности и занялся изготовлением боевой машины, которая должна была стать самой совершенной для своего времени. Никогда еще не проявлялось такого внимания к деталям управления и инструктажа, и дисциплина в корпусе в Булони была самой суровой, которой когда-либо подвергались французские войска. Как и следовало ожидать, было много недовольных, и вскоре слухи и жалобы дошли до Первого консула, который сам увещевал своего наместника, говоря ему, что войска погибнут при таком обращении; но его встретили ответом: "Те, кто не выдержит усталости, которой я сам подвергаюсь, останутся на складах; но те, кто выдержит это, будут пригодны для завоевания мира". Сульт был прав в своей оценке, ибо, несмотря на требования, которые он предъявлял к их выносливости, он завоевал их любовь и восхищение; слабые и ворчуны отступили, и когда была объявлена война, его корпус выступил на фронт - отряд отборных людей, абсолютно доверяющих своему командиру. Несмотря на то, что он никогда не командовал независимо, не было ничего удивительного, когда его включили в число маршалов, поскольку его блестящий послужной список, избрание командующим гвардией, успех в Булони и благосклонность, которую долгое время оказывал ему Первый консул, выделили его как одного из будущих людей. Кампания 1805 года стала свидетельством справедливости выбора императора. Часто говорили, и действительно, сам Веллингтон отдавал должное этому изречению, что Сульт был прежде всего стратегом, а не тактиком, но при Аустерлице он продемонстрировал ту спокойную способность распознавать признаки конфликта и то знание того, когда и где нанести удар, которое впервые привело его на фронт во времена Флерюса. Ему было поручено командование центром, несмотря на мольбы своих подчиненных и даже приказ императора, он отказывался начинать атаку до тех пор, пока не увидит, что русский левый фланг безнадежно скомпрометирован. Благодаря его ясности предвидения, начав свою атаку, он не только снял все сомнения в этом вопросе, но и полностью сокрушил русских. Их левый фланг был окружен и уничтожен, в то время как центр и правый были изгнаны с поля в полном разгроме. В тот момент, когда маршал руководил движением, которое вырвало у противника ключ к позиции, на место происшествия прибыл Наполеон со своим штабом. Маршал объяснил свой маневр и попросил императора о приказах. "Продолжайте, продолжайте, мой дорогой маршал, - сказал император. - вы не хуже меня знаете, как покончить с этим делом". Затем, протянув руки, чтобы обнять его, он воскликнул: "Мой дорогой маршал, вы лучший тактик в Европе". После Прессбургского мирного договора корпус Сульта остался в составе оккупационной армии в долине Дуная, а в 1806 году сформировал один из корпусов Великой армии во время Прусской войны. При Йене он испытал удовлетворение от того, что сыграл важную роль в сражении, ибо, когда стремительное наступление Нея осложнило ситуацию, именно он остановил победоносный натиск врага. Но позже маршал горько раскаялся в этих победах, одержанных над его соперником. Уже будучи врагом Бертье и, следовательно, часто представляемый императору в ложном свете, Сульт

теперь навлек на себя лютую ненависть Нея; и что означала вражда Бертье и Нея, он узнал на собственном опыте во время войны на Пиренейском полуострове. Сразу после Йены маршал был отправлен в погоню за пруссаками, а на следующий день нанес поражение маршалу Калькройту при Грессене и приступил к блокаде Магдебурга. Из Магдебурга он поспешил присоединиться к преследованию Блюхера и с помощью Бернадотта загнал хитрого старого пруссака в угол в Любеке. Но каким бы блестящим ни было его выступление, он не получил заслуженной похвалы, поскольку в день начала операции прибыл Мюрат и принял командование, присвоив себе все почести капитуляции. Маршал был справедливо возмущен, но, как бы горько он ни возмущался несправедливостью, он был слишком политичен, чтобы обрушиться на императора, как маршал Ланн. В ужасной кампании в Польше маршал приумножил свои лавры. В Эйлау, когда Ожеро был разбит, Даву задержался, а Ней и Бернадот еще не прибыли на поле боя, именно он предостерег императора от каких-либо признаков отступления. "Остерегайтесь этого, сир", - воскликнул он. "Давайте останемся последними на поле боя, и нам будет оказана честь в этот день: из того, что я видел, я ожидаю, что враг отступит ночью". Совет был здравым, и маршал в ночь, последовавшую за сражением, имел удовольствие первым заметить, что противник отступает, и именно его адъютант донес эту новость в штаб. Хорошо, что император принял совет Сульта, потому что ужасная бойня в снегах лишила войска мужества, и отступление вскоре переросло бы в бегство. Боевой дух французов был настолько потрясен, что, когда на следующий день император проезжал вдоль строя, вместо приветствий "Да здравствует император" его встретили бормотанием "Мир и Франция" и даже "Мир и хлеб". Во время последнего наступления Сульта довелось поучаствовать в тяжелых боях при Хайльсберге, но он избежал ужасов Фридланда, так как был направлен для занятия Кенигсберга. После заключения Тильзитского мира корпус маршала был расквартирован вокруг Штеттина, и именно там в 1808 году он получил титул герцога Далматинского. Выбор этого имени вызвал у герцога большое раздражение, поскольку вместо того, чтобы получить титул, который должен был напоминать об одном из его великих подвигов, как это сделали Ней, Даву, Ланн, Келлерман и Массена, его титул был выбран из страны, с которой он не имел ни малейшего отношения, и, таким образом, он оказался в одном ряду с Бессьером, Маре и Коленкурмом. Чего он страстно желал, так это титула герцога Аустерлицкого, но император отказался разделить славу того дня. Несмотря на огромную дозу, которую он получил, Маршал добавил это предполагаемое пренебрежение ко многим обидам, которые он питал к своему хозяину.

В сентябре 1808 года герцог Далматинский был вызван из Штеттина для участия в Конференции в Эрфурте, а оттуда его поспешно отправили в Испанию. Император был очень недоволен многими командирами своих корпусов, и поэтому по прибытии герцога он приказал ему принять от маршала Бессьера командование вторым корпусом. Сульдт был в восторге от перспективы поступить на службу. Полный рвения, он отправился к своему новому командованию и, продвигаясь вперед, несмотря на все препятствия, прибыл в свой штаб один на измученной почтовой лошади на двадцать четыре часа раньше своих адъютантов. Несколько дней спустя он разбил вдребезги подобие испанской армии при Гаморале и оккупировал Бургос, где не смог помешать своему новому командованию разграбить город и учинить всевозможные ужасы жителям. Из Бургоса император отправил его на северо-запад, и таким образом кавалерия армии сэра Джона Мура атаковала аванпост Сульта в Саагуне. Император с трудом мог поверить, что английская армия действительно осмелилась выступить против его войск, но он сразу же приказал Сульдту сотрудничать с дивизиями, которые он лично возглавлял из Мадрида, и когда он обнаружил, что англичане обречены на бегство, он передал командование маршалу.

Французы пострадали почти так же сильно, как и англичане, в этом ужасном преследовании, и именно испытанные солдаты обеих армий наконец встретились лицом к лицу в Ла-Корунье. После битвы Сульт написал императору, что без свежих подкреплений он ничего не сможет предпринять против англичан, но когда позже он обнаружил, что противник покинул Корунью, он заявил, что одержал победу. С щедростью, которая должна быть поставлена ему в заслугу, он проявил большую заботу о могиле своего противника, сэра Джона Мура, и установил памятник с надписью: "Hic cecidit Johannes Moore dux exercitus Britannici в войне января XVI. 1809, против Галло и дуче Далмации".

Перед отъездом во Францию император составил подробный план систематического завоевания всего полуострова. Стержень всего плана покоился на предполагаемой способности Сульта захватить Португалию и изгнать британцев из Лиссабона к 16 февраля 1809 года. К сожалению, Наполеон не учел в своих расчетах один фактор, и притом самый важный, а именно чувства испанского и португальского населения. Герцог Далматинский очень скоро понял ошибку императора, но, желая, чтобы его не обвинили в уклонении от выполнения своей задачи и в том, что он позволил остановить себя так называемым бандам плохо вооруженных крестьян, он отправился в свой поход на завоевание королевства Португалия, имея всего три тысячи патронов для своих пушек и пятьсот тысяч патронов для своей пехоты, которые везли на спинах мулов, поскольку из-за состояния дорог в северо-западной части полуострова движение колес было невозможно. Несмотря на трудности с транспортом и ропот многих своих офицеров, неутомимый маршал отбросил все препятствия в сторону и с шестнадцатитысячным войском ворвался в Порту 29 марта, на шесть недель отстав от запланированного срока. Но там ему пришлось объявить привал, поскольку у него не было ни людей, ни материалов для дальнейшего наступления на Лиссабон. Ситуация ни в коей мере не была обнадеживающей. Чтобы добраться до Порту, ему пришлось оторваться от своей базы, и у него не было никаких известий о том, что происходит на остальной части полуострова. В апреле он поставил перед собой задачу примирить народ Португалии и в то же время попытаться установить контакт с другим французским корпусом в Испании. Попытка маршала примириться была в целом успешной, но его доброта привела к неожиданному повороту ситуации. Среди определенной части португальской знати и чиновников началось движение за то, чтобы предложить маршалу корону Португалии. Герцог Далмации, жадный и амбициозный, но всегда осторожный, придерживался мнения, что, хотя император может не одобрить эту идею, он примет ее как свершившийся факт. Соответственно, он тайно санкционировал движение и позволил появиться в Порту плакатам, в которых говорилось, что "принц-регент своим отъездом в Бразилию официально отказался от короны и что единственным спасением Португалии будет то, что герцог Далматинский, самый выдающийся из учеников великого Наполеона, займет вакантный трон". Кроме того, 19 апреля он фактически приказал своему начальнику штаба разослать командирам циркуляр с приглашением их сотрудничать в его захвате короны, заявив, что, поступая таким образом, они никоим образом не проявят нелояльности к императору. К счастью для маршала, прибытие сэра Артура Уэлсли и английской армии до того, как заговор смог увенчаться успехом, раз и навсегда развеяло эту туманную попытку стать королем. Император, узнав об этом деле, хотя и простил маршала, сказав: "Я не помню ничего, кроме Аустерлица", все же написал в том же донесении, "что это было бы преступлением, явным оскорблением величества, посягательством на императорское достоинство", и добавил, что неудивительно, что в армии росло недовольство, поскольку маршал работал не на Францию, а на себя, и что неповиновение приказам маршала было вполне оправдано. На этот раз маршал,

обычно такой умный и осторожный, позволил амбициям взять верх над благоразумием. Тем временем военная ситуация день ото дня становилась все более тревожной. Во французской армии была часть офицеров, готовых выступить против Империи при любой возможности, и один из них, по имени Аржантон, фактически вступил в предательские переговоры с сэром Артуром Уэлсли. Именно благодаря раскрытию этого заговора маршал впервые получил информацию о планируемом наступлении своих врагов.

Учитывая, что против него маршировали тридцать тысяч англичан, а испанские и португальские войска пересекали основную линию отступления, было невозможно рассчитывать удержать Порту, и, соответственно, маршал начал подготовку к отступлению. Но, захватив, как он думал, все лодки на Дору, он пришел к выводу, что его могут атаковать только силы, переправленные в устье реки лодками английского флота. Следовательно, он не следил за течением.

Неожиданность была настолько полной, что через час после того, как враг высадился над городом, маршал, который не спал всю ночь, все еще был в постели; его штаб спокойно завтракал, когда прискакал офицер с известием о переправе. Сульту не оставалось ничего другого, как отдать приказ отступать любыми возможными средствами, и французам повезло, что преследование не усилилось. Но как только он разобрался в ситуации, он загладил свое прежнее пренебрежение надзором и показал себя настоящим Победителем Аустерлица и Эйлау. Пожертвовав своим багажом, оружием и военным сундуком, ведомый испанским разносчиком, он совершил поразительный марш-бросок по труднопроходимому району Трас-ос-Монтес. Преодолевая высокие перевалы, форсируя ущелья в зубах враждебных банд крестьян и партизан, упорным боем и великолепным маршем он вывел свои войска в безопасное место. Кампания при Порту не прибавила репутации маршалу; причиной всей катастрофы были его политические амбиции, поскольку они мешали ему руководить операциями своих подчиненных. Это была его вина, что не было подходящего пути для отступления и что он был застигнут врасплох английской армией. И все же, хотя он и совершал большие ошибки, он проявил удивительную способность справляться с их последствиями.

Когда Сульт добрался до Луго в Испании, он нашел своего соперника Нея, у которого выпросил припасы и снаряжение и с которым должен был обсудить общее положение. Ней поначалу великодушно удовлетворил просьбы маршала. Но, к несчастью, солдаты корпуса Нея встретили вооруженный сброд, следовавший за штандартами Сульта, насмешками и проклятиями, и ссора перекинулась от солдат к офицерам и, наконец, к маршалам; насмешки Нея были настолько яростными, что Сульт действительно обнажил шпагу, и дуэль была с трудом предотвращена. После этого Сульт, хотя и пообещал сотрудничать с Неем в умиротворении Галиции, фактически ничего не сделал и серьезно скомпрометировал своего соперника, после чего Ней отказался подчиняться любым приказам герцога Далматинского. Такова была ситуация, когда повестка из Мадрида призвала двух маршалов на помощь Джозефу, которому угрожали объединенные армии Куэсты и сэра Артура Уэлсли в долине Тежу. Маршалы прибыли вовремя, чтобы спасти Мадрид, но не успели окружить союзников, которые бежали на юг через Тежу, и единственный шанс на успех, который предложили им испанцы, был упущен, поскольку Сульт, стремясь к личному возвышению, атаковал Альбукерке до того, как маршал Виктор успел прибыть на место действия. Последствия этого были далеко идущими, поскольку Виктор, как и Ней, отказался в будущем работать совместно с Сультом. Более того, когда был созван совет для принятия решения о следующих операциях, и Сульт, без сомнения, мудро, настаивал на том, что в Лиссабоне находится ключ к разгадке ситуации, все остальные маршалы проголосовали против его плана, поскольку каждый решил, что он не будет подчинен герцогу

Далматинскому. Сульту, соответственно, пришлось довольствоваться занятием долины Тежу, в то время как другие маршалы вернулись в районы, которые были отведены им перед наступлением союзников на Мадрид.

Размышляя об этой неудовлетворительной ситуации, герцог Далматинский был рад получить депешу от императора, назначающего его генерал-майором вооруженных сил в Испании вместо Журдана и поручающего ему вторжение в Андалусию. Прежде чем отправиться на Юг, Сульт имел удовольствие полностью разгромить испанцев при Оканье. В начале 1810 года он вступил в Андалусию и захватил Севилью, Гранаду и Малагу. Маршал оказался в благоприятном положении абсолютного правителя богатейших провинций Испании. Но хотя важные города пали легко, а вместе с ними и накопленные веками богатства, население оставалось угрюмо враждебным, и банды вооруженных крестьян постоянно оказывались в тылу и на флангах французских колонн, а отставших и гонцов с донесениями находили на обочине дороги с перерезанным горлом. Чтобы справиться с этой ситуацией, по приказу императора Сульт издал прокламацию, в которой говорилось, что, хотя Жозеф Бонапарт был королем Испании и никакого испанского правительства не существовало, все испанцы, взятые в плен с оружием в руках, были мятежниками против его католического величества и будут немедленно расстреляны. Кортесы Кадиса в ответ немедленно выпустили контрпрокламацию, в которой говорилось, что за каждого казненного испанца и за каждый сожженный дом следует вешать трех французов. Тем не менее, несмотря на эту карательную войну, французы постепенно усиливали свою власть на Юге Испании, и вскоре Кадис остался единственной важной крепостью, все еще находившейся в руках врага. Маршал считал невозможным взять эту важную позицию штурмом и удовлетворился маскировкой ее сильным корпусом под командованием маршала Виктора. Тем временем он был занят организацией нового правительства Андалусии, и его усилия были настолько успешными, что ни испанское правительство в Кадисе, ни постоянные вторжения испанских и британских армий не смогли поколебать его власть в этой провинции. Но какими бы мудрыми и успешными ни были его методы, слава его правления была омрачена его жестокостью и жадностью. Церкви и монастыри были безжалостно разграблены, а многие прекрасные работы Мурильо и Веласкеса были отправлены в Париж для украшения его салонов.

В глазах герцога Далматинского Андалусия была огромным хранилищем богатств, которое можно было использовать как базу, с которой хорошо оснащенные силы могли бы угрожать Лиссабону, реальному средоточию всей оппозиции французскому господству на полуострове. Именно во исполнение этого плана он примирил муниципальные власти, усилил полицию и создал огромные резервные кассы с помощью системы поборов, столь тщательно организованной, чтобы они не оказывали чрезмерного давления на испанское население. Но, к несчастью для планов герцога, они шли вразрез с планами короля Жозефа. Ибо маршал решил использовать богатства своих богатых провинций специально для нападения на британскую власть в Лиссабоне, но Жозеф пожелал, чтобы полученные таким образом доходы направлялись на помощь ему в поддержании его королевского государства. Сульт, сильный в своем положении генерал-майора и пользующийся одобрением императора, отказался прислушаться к требованиям короля, и началась борьба, которая больше, чем что-либо другое, привела к падению наполеоновского королевства Испания. Несмотря на то, что маршал постепенно измотал партизан, фактически собрал и обучил большие отряды испанских войск, создал обширные склады и арсеналы в Севилье, эксплуатировал свинцовые рудники в

Линаресе и медные рудники Рио-Тинто, основал литейные цеха для производства военной техники и снаряжал каперов, ревность Джозефа свела на нет великие планы маршала.

Постоянные и назойливые требования короля самым неблагоприятным образом сказывались на характере Сульта, ибо это глупое противодействие так раздражало его черствую и эгоистичную натуру, что он видел в каждом не им самим спланированном плане желание принизить свою славу. К несчастью для его собственной репутации и успеха французского оружия, он позволил этому чувству затмить его суждения и отказался более чем половинчато сотрудничать с любыми мерами, которые на самом деле предлагал не он сам. Таким образом, несмотря на приказы императора и мольбы Жозефа, он отказывался предпринимать какие-либо попытки сотрудничать с Массеной в его наступлении на Португалию, пока не стало слишком поздно. Затем, когда он действительно продвинулся вперед, он проявил всю свою прежнюю энергию и мастерство, ибо за пятьдесят дней он овладел четырьмя крепостями и окружил пятую, он захватил двадцать тысяч пленных и убил или рассеял десять тысяч человек; но он пренебрег главной целью, изгнанием англичан из Лиссабона, и удовлетворился осадой Бадахоса, и таким образом, завоевав крепость, он потерял королевство. Из-за отсутствия его содействия Массена был вынужден отступить, и власть англичан на полуострове укрепились сильнее, чем когда-либо.

Бадахос вскоре оказался для Сульта местом дурного предзнаменования, поскольку несколько месяцев спустя, когда англо-португальская армия под командованием Бересфорда осадила его, он был вынужден прийти ему на помощь. Именно в попытке освободить эту крепость произошла ужасная битва при Альбуэре. В начале сражения маршал мастерским маневром прорвался через правый фланг союзников и захватил холм, господствовавший над позицией, и казалось, что линии союзников вот-вот будут смяты. Но бригада английской пехоты стойко стояла посреди разгрома и размеренными залпами остановила победоносное наступление ликующих французов. Султ всеми силами голоса и жестов пытался заставить своих ветеранов встретиться лицом к лицу с врагом, но тщетно. "Ничто не могло победить эту поразительную пехоту. Ни внезапный всплеск недисциплинированной отваги, ни нервный энтузиазм не ослабили стабильности их строя: их горящие глаза были устремлены на темные колонны впереди, от их размеренной поступи сотрясалась земля, их ужасные залпы сметали голову каждого строя, их оглушительные крики заглушали нестройные вопли, которые вырывались из всех частей буйствующей толпы, так же медленно и с ужасающей резней она была оттеснена непрекращающейся энергией атаки к самому дальнему краю холма. Тщетно французский резерв смешивался с сопротивляющейся массой, чтобы поддержать бой: их усилия только усилили немедленное замешательство, и могучая масса, обломившись, как расшатанный утес, стремглав покатила вниз по крутизне. Дождь лил ручьем, обесцвеченным кровью, и восемнадцать сотен невредимых мужчин, остаток шести тысяч непобедимых британских солдат, с триумфом стояли на роковом холме". Так Нейпир описывает битву при Альбуэре. Почти великолепная победа французов, превращенная британской доблестью в поражение. Но не только доблесть врага стоила Султу успеха, но и его собственные ошибки. Начало атаки было великолепным замыслом, но маршал не смог понять тактику своего врага, и именно его слепая попытка сокрушить линию фронта тяжелыми колоннами позволила английскому мушкетному огню уничтожить его плотные массы. После прекращения боя он совершил еще одну серьезную ошибку. Хотя его атака была отбита, было известно, что союзники пострадали гораздо серьезнее, чем французы, и на основании этого он заявил о "знаменательной победе"! Но вместо того, чтобы стоять на своем, он ушел днем позже, тогда как, если бы он показал

уверенный вид, Бересфорд был бы вынужден уйти в отставку, а Бадахос почувствовал бы облегчение. После битвы при Альбуэре Сульт был усилен португальской армией под командованием Мармона; но вскоре между двумя маршалами вспыхнули разногласия: герцог Далматинский утверждал, что атаковать Лиссабон можно с его собственной базы на юге, а герцог Рагузский выступал за северный маршрут. Прележав некоторое время вместе, две армии разделились, и Сульт двинулся на юг, чтобы завершить свои операции против Кадиса и Гибралтара. Именно в то время, когда маршал был занят таким образом, в начале 1812 года герцог Веллингтон внезапно захватил Сьюдад-Родриго и Бадахос и, таким образом, смог, после победы над Мармоном при Саламанке, летом выступить маршем на Мадрид. Сульт ответил на призыв Жозефа прийти к нему на помощь, сказав, что его лучшая политика - присоединиться к нему в Андалусии и нанести контрудар в Лиссабоне. Но король отказался прислушаться к этому мудрому совету, поэтому маршалу пришлось отказаться от всех своих достижений и обратиться за помощью к Иосифу. Тем временем король написал жалобу императору, но Наполеон ответил, что Сульт был "единственным военным главой" в Испании и не может быть смещен. Но после новых препирательств в начале 1813 года Джозеф написал, что, если маршал останется в Испании, он сам должен покинуть страну, и император, стремясь восстановить свой военный престиж, столь ослабленный русской кампанией, был рад призвать герцога Далматинского в Великую армию. Но вскоре исполнилось мрачное пророчество Сульта о том, что "потеря Андалусии и снятие осады Кадиса - это события, которые будут ощущаться по всей Европе". Служба маршала во главе императорской гвардии была прервана известием о роковой битве при Виттории, поскольку император немедленно отправил его обратно, чтобы попытаться помешать англичанам форсировать Пиренейский барьер.

Герцог Далматинский с радостью согласился на эту миссию, несмотря на отвращение герцогини, которая ненавидела Испанию, где, по ее словам, "нет ничего, кроме ударов". Ее неприязнь к стране была настолько сильна, что она действительно обратилась к императору, сказав, что у ее мужа слишком пошатнулось здоровье для этой задачи. Но она натолкнулась на суровый отпор: "Мадам, - сказал Наполеон, - помните, что я не ваш муж; если бы я был им, вы вели бы себя совсем по-другому".

Пиренейская кампания стала убедительным доказательством мудрости доверия, которое император возлагал на могущество своего наместника. С поразительной проницательностью Сульт реорганизовал разрозненные остатки французских армий, и в течение десяти дней после своего прибытия в штаб он был готов перейти в наступление и фактически застал герцога Веллингтона врасплох при Сораурене. Но какими бы великими ни были его стратегические способности и методы организации, он не мог сравниться с Веллингтоном на поле боя, и шаг за шагом его вытесняли обратно во Францию. Под Байонной он продемонстрировал свое полное владение военным искусством тем, что с восхищением использовал свое командование внутренними рубежами, всегда отражая атаки противника превосходящими силами. Затем, когда отступление стало неизбежным, вместо того, чтобы отступать к Парижу, он отступил на юг, тем самым вынудив своего противника разделить свою армию; англичанам пришлось выделить сильную дивизию для прикрытия своих коммуникаций в Бордо. Во время отступления Сульт снова и снова заходил в тупик у Ортеза и на многих других хороших позициях; но Веллингтон всегда переигрывал его на поле боя и даже вытеснял с кажущейся неприступной позиции у Тулузы. Никогда отступление не было проведено более превосходно. Была использована каждая возможность, предоставленная местностью, каждое преимущество позиции, чтобы в полной мере использовать рывок французов в атаке. Невозможно найти более замечательной

иллюстрации той истины, что суть защиты заключается в энергичном местном нападении. Сам Веллингтон свидетельствовал о достоинствах Сульта, утверждая, что из маршалов он уступал только Массене.

После реставрации маршал сразу же смирился со сменой правительства и присоединился к бурбонам. Его общая репутация и высокое место, которое он занимал в глазах Веллингтона и других, побудили короля в декабре 1814 года назначить его военным министром. Таково было его положение, когда пришло известие о высадке Наполеона во Фрежюсе. Герцог Далматинский делал все, что было в его силах, чтобы организовать сопротивление наступлению императора, но у него было много врагов, и король, прислушавшись к их совету, заменил его на посту министра Кларком, герцогом Фельтре. Затем Султ удалился в свое загородное поместье в Вильнев-л'Этан, недалеко от Сен-Клу. По прибытии в Париж император сразу же послал за ним, но сначала он отказался явиться ко двору. В конечном счете, найдя дело Императора в восходящем, он отбросил колебания и связал свою судьбу с ним. Говорили, что герцог предал бурбонов и был посвящен в возвращение императора, но это клевета. Наполеон на острове Святой Елены сказал: "Сульт не предавал Людовика и не был посвящен в мое возвращение. Несколько дней он думал, что я сошел с ума и что я, несомненно, погиб. Несмотря на это, внешность была настолько против него, и, сам того не желая, его действия оказались настолько благоприятными для моего проекта, что, будь я в его жюри и лишенный того, что я знаю, я осудил бы его за предательство Людовика. Но на самом деле он не был посвящен в это". Император с радостью принял предложение маршала и сделал его одним из своих новых пэров, а когда война была неизбежна, по совету Даву он произвел его в генерал-майоры и начальники штаба. Этот выбор был неудачным; хороший стратег и организатор, он был не тем человеком, который требовался императору. Бертье, не обладавший и половиной его военных способностей, стал превосходным начальником штаба, потому что обладал редким качеством скрывать свои собственные идеи и действовать просто как записывающий и расширяющий идеи Наполеона. Но Султ привык думать самостоятельно, и его разум не мог настроиться на разум императора. Кроме того, исходя из многолетнего опыта, Бертье привык заполнять пробелы в приказах императора так, как он намеревался, но Султ никогда до сих пор не работал в тесном сотрудничестве с Наполеоном и после многих лет независимого командования больше привык отдавать приказы своему собственному начальнику штаба, чем отрабатывать мелочи для другого. Следовательно, на протяжении всей кампании при Ватерлоо штабная работа выполнялась плохо. Приказы были составлены неправильно, при их отправке допускались ошибки, и император постоянно оплакивал потерю "этого грубияна Бертье". Типичный пример трений, возникших между императором и его новым генерал-майором, произошел, когда при Ватерлоо Наполеон спросил Сульта, посылал ли он Ворчливому разведданные о приближении пруссаков; маршал ответил: "Да, я послал офицера". - Один офицер! - воскликнул Наполеон. - Ах! если бы только мой бедный Бертье был здесь, он прислал бы шестерых". Вдобавок к этим неприятностям, Сульта, к сожалению, ненавидели армейские офицеры, которые относились к нему с серьезным подозрением. Но хотя маршал должен внести свою лепту в катастрофу при Ватерлоо, справедливо будет добавить, что утром в день битвы он, и только он, предупредил императора о масштабах предстоящего сражения и умолял его отозвать хотя бы часть командования Груши. Император грубо отверг его совет со словами: "Вы думаете, что раз Веллингтон победил вас, он, должно быть, великий полководец. Я говорю вам, что он плохой генерал, что англичане - плохие войска, и что это будет делом дежурного".

Маршал, помнящий о многих сражениях с этими "бедными войсками" от Порты до Тулузы, мог только печально сказать: "Я надеюсь на это".

Во время второй Реставрации герцог Далматинский оказался в числе запрещенных и на три года удалился в герцогство Берг, на родину своей жены, где все это время занимался составлением своих мемуаров. Но в мае 1819 года он был отозван во Францию и вскоре нашел способ втереться в доверие к бурбонам. Январе 1820 года ему вернули маршальский батон и другие почести, и он вступил на поприще политики. Благодаря своему огромному доходу, полученному от добычи почти во всех странах Европы, он поддерживал свое высокое положение по-барски. Посетитель, который в 1822 году пришел посмотреть его знаменитую коллекцию картин, так описывает его: "Нас принял Маршал, среднего роста, хотя и несколько полноватый мужчина в возрасте от пятидесяти до шестидесяти лет, чьи темные вьющиеся волосы делали несколько заметной лысину посередине головы, в то время как загорелый цвет лица хорошо сочетался с его темными умными глазами. Его простой костюм, простой темный сюртук и свободные синие брюки, которые, какими бы просторными они ни были, не могли скрыть его кривоногую фигуру, явно наводили на мысль о солдате, а не о придворном, о маршале, а не о герцоге; хотя, если бы я встретил такую фигуру в Лондоне, я бы скорее предположил, что это честный капитан из Восточной или Вест-Индии". Маршал хорошо знал, как завоевать благосклонность нового правительства, и, когда реакционеры пытались восстановить древние позиции Церкви, никто не был более постоянен в своих посещениях церковных праздников и шествий, чем герцог Далмации, который появлялся всегда с огромным треном несли перед ним, хотя люди были озлоблены достаточно сказать, что было бы более если он восстановил некоторые из огромного разграбления церквей и монастырей Испании.

С падением династии Бурбонов в 1830 году хитрый старый солдат сразу же перешел на сторону орлеанистов и был назначен военным министром; и именно благодаря его энергии и мудрости были подавлены многочисленные восстания, угрожавшие в первые дни нового режима. Султ, как и Веллингтон, ненавидел саму идею гражданской войны, но знал, что решительные меры - лучшее средство предотвратить кровопролитие, поэтому, когда, как в Лионе, было необходимо нанести удар, он позаботился о том, чтобы иметь под рукой необходимые силы. Год спустя, когда коммуна пригрозила поднять голову в Париже, он внушил толпе благоговейный страх внезапной мобилизацией восьмидесятитысячного войска. Слабость правительства, а также мужество и решительность, проявленные маршалом во время восстания, побудили Луи Филиппа 18 октября 1832 года доверить ему руководство администрацией. Маршал доказал, как часто сильный солдат может быть слабым политиком, и в 1834 году подал в отставку. Но во время своего пребывания в должности он не забывал о потребностях армии, о чем свидетельствуют его меры по набору персонала, военным пенсиям и подготовке офицеров. Когда в 1839 году Париж снова закипел от недовольства, король послал за маршалом, и под его железной рукой порядок был легко восстановлен. Но старый солдат не был оратором, и к нему прислушивались скорее из уважения к его характеру, чем за убедительность его аргументов, и когда кризис миновал, он вскоре был рад подать в отставку со своего поста; и хотя он всегда принимал активное участие и был готов дать совет своему государю, он больше никогда не занимал этот пост. В 1838 году герцог Далматинский посетил Лондон в качестве представителя Франции на коронации королевы Виктории и вновь встретился со своим старым противником, герцогом Веллингтоном. Леди Солсбери так описывает их встречу: "Герцог и Султ впервые за много лет встретились в музыкальной комнате на концерте королевы и пожали друг другу руки. Внешность Сульта отличается от того, что я ожидал: это джентльменоподобный старик с

довольно доброжелательным выражением лица, такого, какого я ожидал от Уильяма Пенна или Вашингтона: высокий и несколько сутуловатый, макушка головы лысая.... У герцога, хотя морщины на лице стали глубже, цвет лица стал свежее, а глаза ярче".

Герцог Далматинский до конца придерживался династии орлеанистов и присутствовал на последнем совете, проведенном Луи Филиппом. Он испытывал особую симпатию к гражданину-монарху, который отвечал взаимностью на эту привязанность и в 1847 году восстановил для ветерана звание генерал-маршала Франции, которое ранее имели только Тюренн, Виллар и Саксен. С падением династии он больше не появлялся на публике и, наконец, 26 ноября 1857 года скончался в своем замке Сент-Аман на восемьдесят втором году жизни.

"Сульт способный, но слишком амбициозный". Таким образом, Наполеон оценил герцога Далматинского, когда обсуждал характеры своих маршалов. Но Сульт был наделен хитрой осторожностью, которая редко, если вообще когда-либо позволяла его амбициям помешать успеху, которого заслуживали его способности. Холодный и расчетливый по натуре, он точно знал, где провести черту. Попытка захватить трон Португалии была единственным случаем, когда он, казалось, отбросил осторожность, и те, кто знал его лучше всего, были настолько поражены отсутствием у него осмотрительности, что с трудом могли поверить, что он сам одобрял прокламации, появившиеся в Порту. Жесткий, коварный характер маршала стал причиной появления у него многочисленных врагов среди офицеров армии. Его собственные сотрудники никогда не любили его, хотя и восхищались его неутомимым трудолюбием и гибкостью ума, которые позволяли ему с легкостью переходить от высших политических и стратегических проблем к рутинным административным деталям и применять ко всем вопросам холодный, жесткий свет ясных рассуждений. Он мог привлекать к себе людей чистым восхищением своими способностями, но настоящих друзей завести не мог, потому что те, кто вступал с ним в контакт, вскоре обнаруживали, что он думал только о том, что он может из них извлечь, а затем бросал их без малейшего сожаления. Вышедший из низших слоев общества, маршал обладал всей хитростью и алчностью типичного буржуа, и хотя у него была способность преодолеть недостаток образования, у него не было сил искоренить эти врожденные черты характера. Хотя герцог Далматинский и не был таким алчным, как Массена, он никогда не опускал руки, когда предлагалась добыча, и его дом в Париже был украшен великолепными предметами искусства, украденными почти из всех стран Европы. Но хотя он позволял себе роскошь брать то, что ему приглянулось, он сурово пресекал мародерство со стороны своих офицеров и солдат. Следовательно, он, подобно Суше, смог подчинить вверенные ему провинции и завоевать уважение и повиновение испанцев. Его методичный ум ненавидел идею беспорядка; управление досталось ему как дар природы. Под его правлением Андалусия обрела процветание, которого она никогда прежде не знала. Но мы должны помнить, что его успех в этой провинции был обусловлен не только его великим административным даром, но и его честолубием, поскольку именно личная заинтересованность была движущей силой, которая обеспечивала энергию, смазывавшую колеса его системы; маршал надеялся с помощью ресурсов Андалусии снабдить англичан материалами и средствами для изгнания англичан из Лиссабона без сотрудничества короля Жозефа или других французских военачальников. Разительным контрастом с отвращением, с которым к нему относились его собственные соотечественники, было чувство восхищения, с которым к нему относились его враги, и особенно его английские противники на полуострове. Они видели только результаты

его огромной разносторонности и находчивости, а также его акты вежливости по отношению к тем, кто попадал в его власть; в то время как дисциплина, которую он поддерживал в своих войсках, разительно отличалась от поведения многих других французских командиров. Более того, маршал был слишком политичен, чтобы быть жестоким, и нетрудно было догадаться, что его воззвание против испанцев на самом деле было делом рук императора. То, что это было так, подтверждается следующим письмом, написанным Бертье под диктовку Наполеона: "Пусть герцог Далматинский знает, что я с возмущением узнал, что некоторые из пленных, захваченных в Оканье, были освобождены и им вернули оружие. Когда я становлюсь свидетелем такого поведения, я спрашиваю: "Это измена или идиотизм?" Значит, только французская кровь должна литься в Испании без сожаления и мести?" Как солдат, маршал занимает высокое положение среди своих соратников. Несмотря на свои поражения при Порту, Альбуэре и Тулузе, на протяжении всей своей карьеры он ясно демонстрировал, что обладает необходимыми качествами великого командира, способностью видеть и выполнять то, что возможно, с использованием подручных материалов. Его стратегическое чутье было велико, у него был великолепный взгляд на местность и способность спокойно обзирать поле битвы, но, как указал Веллингтон, у него был один большой недостаток, поскольку, хотя "он знал, как вывести свои войска на поле боя, он не знал так хорошо, как использовать их, когда он их вывел". Таким образом, при Сораурене, после того как он застал Веллингтона врасплох и расстроил все английские стратегические планы, он не смог выиграть сражение, которое было необходимо, чтобы пожать плоды его трудов. Но переход Пиренеев, операции вокруг Байонны и отступление к Тулузе всегда будут изучаться как примеры наиболее совершенных военных операций такого типа. Они в полной мере раскрывают секрет успеха маршала как солдата, сочетание рвения с методом и напора с осторожностью. Как политик герцог Далматинский не добился большого успеха; его методы были скорее методами диктатора, чем государственного деятеля. Когда час действия проходил, он неизменно проявлял слабость. Но каковы бы ни были его недостатки, следует отдать ему должное за то, что на протяжении всего правления Луи Филиппа он вкладывал весь вес своего великого имени и репутации в поддержание порядка внутри страны и мира за рубежом.

VI

ЖАН ЛАНН, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ МОНТЕБЕЛЛО

Жан Ланн, будущий герцог Монтебелло, родился 10 апреля 1769 года, в год, когда родились многие знаменитые солдаты - Наполеон, Веллингтон, Ней и Сульт. Он был четвертым сыном крестьянина-владельца Лектурна, маленького городка на склонах Пиренеев. Его семья уже давно обосновалась в коммуне Омет, в департаменте Жиронда. Первым, кто добился какого-либо отличия, был старший брат Жана, который в раннем возрасте проявил такие способности, что епископальные власти Лектурна дали ему образование, и в свое время он стал священником. Именно своему брату, аббату, юный Жан был обязан теми знаниями, которыми обладал. Но нужда вынудила отца в раннем возрасте отдать его по контракту к красильщику в Лекторне. Молодой ученик был среднего роста, очень хорошо сложен, удивительно подвижен и мог переносить крайнюю усталость. Лицо у него было приятное и выразительное, глаза

маленькие и проницательные. За этими глазами скрывался необычайно деятельный мозг, которым управляли безграничные амбиции. Полный энтузиазма и страстности, дух Ланна плохо поддавался контролю. Действие было изюминкой его жизни. Управление и контроль достались ему не как дары природы, а как результат его огромного здравого смысла, который направлял его честолюбие по путям, ведущим к успеху. Натура, которая не могла выносить скучного ремесла красильщика в Лектурне, могла, однако, заставить молодого солдата во время самых суровых кампаний отдавать часть своего ночного отдыха учебе и расширению своих знаний, выходящих за рамки азов чтения, письма и арифметики, - всем тем познаниям, которые успел передать ему его брат, аббат. Даже в последние годы своей жизни преуспевающий маршал упорно трудился до полуночи, чтобы подняться до того положения, которого достигли для него его военные таланты.

Жан Ланн уже почувствовал вкус солдатской жизни еще до начала революционных войн. Но его неконтролируемый нрав резко положил конец этому короткому военному опыту, и он был вынужден вернуться к своей работе в Лектурне после ранения на дуэли. Его работодатель приветствовал его возвращение словами: "В торговле выпивка не имеет цены. Возвращаясь в армию; возможно, ты станешь капитаном". Но Жан Ланн не нуждался в таких советах, чтобы встать на путь славы. В июне 1792 года правительство Франции призвало добровольцев для сопротивления грядущему вторжению армии герцога Брауншвейгского. Ланн записался во второй батальон добровольцев Джерса и сразу же был избран младшим лейтенантом своими согражданами. Этим повышением он был обязан отчасти своему прежнему военному опыту, отчасти своему личному обаянию, а отчасти своим крайним политическим взглядам.

Когда Испания объявила войну Франции, два батальона Gers были отправлены в состав армии Восточных Пиренеев. Там Ланн получил свой первый практический военный опыт. Обе армии были крайне плохо руководимы, плохо дисциплинированы и плохо оснащены. В результате последовало много беспорядочных рукопашных схваток, в которых молодой младший лейтенант отличился своим мужеством и талантом. Ему доставляло огромное удовольствие драться весь день и танцевать всю ночь, когда он мог выкроить время для своих книг. Когда военные знания в армии почти полностью отсутствовали, продвижение по службе быстро приходило к тем, кто отличался храбростью и рвением. 25 сентября 1793 года Ланн был произведен в лейтенанты. Месяц спустя, 21 октября, он был произведен в капитаны гренадерской роты. Два месяца спустя, на Рождество, по прямому желанию своего начальника, генерала Даву, он получил в командование свой батальон и был назначен полковником штаба и исполняющим обязанности генерал-адъютанта. Это отличие он получил за свое блестящее поведение в Виллелонге. Поднятый с постели в госпитале, чтобы командовать авангардом из пятисот человек, он двинулся к главному редуту испанских линий и, отказавшись поддаться на блеф предложения о перемирии, лихой атакой захватил редут. После акции он в очередной раз удалился в больницу. Его следующим подвигом стало выполнение деликатной миссии, возложенной на него генералом Дюгомье, по освобождению большого числа французских эмигрантов, которые были взяты в плен в бою и которые в противном случае пали бы жертвами народного гнева. Посвятив себя своим военным обязанностям, он все же нашел время влюбиться. Находясь в больнице в Перпиньяне в конце 1793 года, он познакомился с мадемуазель Мерик, дочерью богатого банкира из этого города; дружба очень скоро переросла в пылкую страсть, и 19 марта 1795 года молодая пара воссоединилась, и брак казался очень выгодным для молодого солдата удачи, которому едва исполнилось двадцать пять.

После Базельского мирного договора батальоны Жерса были объединены со старой 53-й бригадой (полк д'Альсасе) и вошли в состав войск, которые Шерер взял на усиление армии Италии летом 1795 года. Соответственно, Ланну посчастливилось принять участие в битве при Лоано, и он снова сильно отличился и был особо упомянут в депешах.

Но зимой 1795-1796 годов его успешная карьера едва не закончилась безвременно, поскольку в связи с реорганизацией армии он, как и многие другие офицеры, был переведен на половинное жалование. К счастью, в тот момент, когда он удрученный удалялся во Францию, Бонапарт принял командование итальянской армией. Новый генерал почувствовал, что вряд ли сможет обойтись без такого способного офицера, как Ланнес, и поэтому временно сохранил его. Молодой полковник немедленно оправдал свой поступок. В критический момент австрийской контратаки у Дего Ланн очистил деревню стремительной штыковой атакой. После этого Бонапарт передал ему командование двумя батальонами гренадеров и одним батальоном карабинеров, которые входили в состав его постоянного авангарда под командованием генерала Даллеманя. С этого времени Ланн нашел свою подобающую роль. Как природа предназначила маршалу Нею командовать арьергардом, а Мюрату - кавалерией, так и Ланна она наделила теми качествами, которые особенно требуются командиру авангарда. Жилистый и сильный, он никогда не знал, что такое уставать, и, никогда не щадя себя, он никогда не щадил своих людей; его добрый и жизнерадостный нрав и его личный магнетизм превзошли все его ожидания. Его пламенный энтузиазм отменял все трудности; его изобретательский гений всегда указывал ему способ преодолеть все препятствия. Когда опасность была наиболее острой, Ланн был рядом, первым возглавив атаку, первым сплотив растерянных. Никогда еще у Фортуны не было более ревностного ухажера. В Лоди он был первым человеком на мосту. Позже, во главе трехсот человек, он восстановил порядок в Ломбардии; одно время он был специально прикреплен к штабу, в другое время спешил подавить какую-то вспышку в тылу, в другое время отражал решительную вылазку из Мантуи, день ото дня все больше и больше становясь незаменимым для своего молодого начальника. В битве при Бассано из пяти флагов, вырванных у врага, Ланн захватил два собственными руками. Слегка раненный при Бассано и более серьезно при Гуверноло, он все же сумел вовремя выползти из госпиталя, чтобы занять свое место рядом с Бонапартом в Арколе. В начале боя он получил два телесных ранения и был вынужден удалиться, чтобы перевязать их. Едва они были перевязаны, как пришло известие, что дивизия Ожеро подверглась серьезному испытанию. Не обращая внимания на свои раны, он вскочил на коня и прибыл во главе своих колонн как раз вовремя, чтобы увидеть Ожеро и Бонапарта с флагами в руках, тщетно пытающихся сплотить своих солдат, но только для того, чтобы быть сметенными с насыпи в болото. Но Ланн возглавил своих гренадер и, атаковав австрийцев, отбросил их назад к мосту, получив в ходе атаки еще одно ранение.

ЖАН ЛАНН, ГЕРЦОГ МОНТЕБЕЛЛО
С ГРАВЮРЫ АМЕДЕ МОЛЕ

В первые месяцы 1797 года он командовал колонной в Болонье и присутствовал при капитуляции Мантуи. После этого он командовал авангардом армии Виктора, вторгшейся в Папскую область. Перед Анконой он столкнулся с характерным приключением. Производя рекогносцировку с двумя или тремя офицерами и полудюжиной солдат, он внезапно оказался в присутствии трехсот кавалеристов противника. Их командир немедленно приказал своим людям обнажить мечи, готовясь к атаке. После чего Ланн подъехал к нему и велел приказать своим людям вернуть мечи, спешиться и отвести лошадей обратно в штаб. Офицер подчинился. Таким образом, благодаря исключительно силе характера Ланн взял ситуацию под контроль и спас жизни себе и своему сопровождению. После предварительных мирных переговоров

в Леобене Бонапарт нанял его для выполнения нескольких конфиденциальных миссий, в которых его порывистость порой приводила его к затруднениям, и главнокомандующий был вынужден написать французскому министру в Генуе: "Я слышал ответ, который Ланн дал вам. Он вспыльчивый, но хороший парень и храбрый. Я должен написать ему, чтобы он был повежливее с министром Республики".

Африка часто оказывалась могилой великих военных репутаций. Сам Наполеон избежал обычной участи только потому, что дезертировал из своей армии и внезапно появился как *deus ex machina* на бурном поле политики в Париже. Но, несмотря на столь пагубные последствия для высшего командования, Африка иногда становилась школой, из которой молодые офицеры возвращались с улучшенной репутацией. Именно из числа соратников, выдержавших испытание огнем в Египте и Сирии, Бонапарт позже отобрал своих самых доверенных маршалов.

19 мая 1798 года Ланн отплыл в Египет на *Востоке* в качестве непривязанного бригадного генерала из штаба штаба. За успешные действия во главе одной из штурмовых колонн на Мальте он был назначен командиром бригады в дивизии Клебера. Он принимал участие во взятии Александрии, марше на Каир и битвах при Шебрассе и Пирамидах; но не столько его успех в этих сражениях повысил его ценность в глазах Бонапарта, сколько тот факт, что Ланн единственный из всех генералов в Египте не разделял недовольства и депрессии, которые угрожали подорвать армию после ее прибытия в Каир. У солдат и офицеров было только одно желание — вернуться домой. Ланн тайно проинформировал Бонапарта о планах тех, кто возглавлял недовольство, и, по словам Мюрата, "продал кокосовый орех". Таким образом, он приобрел будущего императора в качестве друга на всю жизнь, а Мюрата - в качестве врага на всю жизнь. Когда в феврале 1799 года Бонапарт отправился в Сирию, он взял с собой Ланна, командовавшего дивизией Мену.

Когда Бонапарт обнаружил, что его военная репутация, вероятно, пострадает от более длительного пребывания в Египте, и, прежде всего, что Франция теперь готова принять правление диктатора, он дезертировал из своей армии в Египте, оставив командовать Клебера, которого он ненавидел; он взял с собой своих самых надежных офицеров, Ланна, Мюрата, Мармона, Андреосси и Бертье, приказав Десо следовать за ним. Возвращение во Францию, которого так жаждало большинство, было менее приятным для Ланна: находясь в госпитале после битвы при Абукире, он услышал, что его жена родила сына, отцом которого он не мог быть. Следовательно, одним из первых его действий по возвращении был развод с ней. Но Бонапарт не дал ему времени оплакивать свое несчастье, поскольку он полагался на то, что он вместе с Бертье, Мюратом и Мармоном сможет развратить армию и привлечь ее на свою сторону. Задачей Бертье было привлечь на свою сторону генеральный штаб, Мюрата - кавалерию, Мармона - артиллерию и Ланна - пехоту. Вскоре после государственного переворота генерал Ланн был назначен комендантом и инспектором Консульской охраны вместо Мюрата. Но это была пустая победа над его соперником, потому что, когда после кампании при Маренго эти давние враги сошлись в открытом соперничестве за руку Каролины Бонапарт, сестра Первого консула Мюрат с помощью Жозефины стала признанным женихом, и Ланну пришлось смириться с тем, что его ненавистный соперник вскоре сменит шурина Наполеона, принца Священной Римской империи, коронованный король Неаполя и, что самое горькое, близкий друг его кумира.

Именно в кампании при Маренго у генерала появилась первая возможность проявить себя как независимый командир и завоевать известность, которую победа при Монтебелло неразрывно связывает с его именем. Когда Бонапарт совершил свой знаменитый марш в Италию с армией резерва, он назначил Ланна командовать авангардом. Весь успех операций зависел от быстроты, с которой они были проведены, поскольку первый консул, стремясь обойти австрийскую линию коммуникаций, подставлял свой фланг противнику, и у французской армии, в случае поражения, не было другого пути отступления, кроме ужасных альпийских ущелий. Соответственно, выбор Наполеоном Ланна командовать авангардом является наивысшим возможным свидетельством его военных способностей. Битва при Монтебелло была первым самостоятельным сражением Ланна. В ней он проявил свой военный гений. Если бы он позволил австрийцам вновь занять Страделлу, он разрушил бы весь план операций Наполеона, но, хотя его силы составляли лишь треть от сил противника, он помнил о преимуществе, которое дает нападающий; вместо того, чтобы ждать на укрепленной позиции, он атаковал, и благодаря своей неукротимой храбрости и упорству, а также своим тактическим способностям он удерживал врага прижатым к его укреплениям, пока прибытие свежих войск под командованием Виктора не позволило ему стереть противника в порошок. Это сражение было одним из лучших в кампании. "Кости, - сказал Ланн, - в моей дивизии треснули, как стекло под градом".

При Маренго Ланну пришлось изменить свою обычную роль и действовать в арьергарде, поскольку в начале сражения французы превосходили численностью на тридцать тысяч человек против восемнадцати тысяч, и все же генерал смог доложить: "Я отступал эшелонами под сокрушительным огнем артиллерии, среди последовательных атак кавалерии. У меня не было ни одного орудия, чтобы прикрыть мое отступление, и все же оно было проведено в идеальном порядке". Солдат, который в час успеха был полон порывистости и воодушевления, в час отступления смог вдохновить свои войска упрямой отвагой и непоколебимой уверенностью в себе, что во многом обеспечило победу.

После Маренго наступил мирный период. Ланн, как командующий Консульской охраной, имел свою штаб-квартиру в Париже и, благодаря своему официальному положению, постоянно поддерживал связь с Бонапартом. Но, каким бы необходимым он ни был во время войны, его общение в мирное время было не совсем по душе Первому консулу, и со временем оно стало почти неприятным. Хотя он был счастлив в браке с мадемуазель Луизой-Антуанеттой Геенюк, дочерью сенатора, он чувствовал себя обиженным из-за того, что Бонапарт не поддерживал его ухаживания за Каролиной, и чрезвычайно ревновал ко многим друзьям Первого консула. Постоянные препирательства между Ланном и Мюратом никогда не прекращались. Более того, Ланн, как убежденный республиканец, относился к первому консулу в духе искреннего товарищества, полагаясь на его услуги в Арколе и Монтебелло. Это неестественно возмутило Бонапарта. Возросший придворный церемониал и перспектива заключения Конкордата вызывали отвращение у суровых республиканцев, но были необходимы для установления божественности, которая, по крайней мере, должна казаться окружающей трон. Отношения стали настолько натянутыми, что вскоре Бонапарт был рад ухватиться за любой предлог, чтобы уволить Ланна с его поста. Мюрат и его приспешник Бессьер предоставили ему правдоподобную причину. Ланн, по натуре беспечный человек и не финансист, без сомнения, желая угодить первому консулу, свободно тратил свои деньги на роскошные развлечения в своем парижском доме и нарядил охрану в самую роскошную униформу. Чтобы покрыть эти расходы, он переплатил свой счет военным властям более чем на триста тысяч франков. Мюрат,

узнав об этом от Бессьера, довел это до сведения первого консула. Бонапарт немедленно вызвал Ланна, дал ему хорошую оценку и приказал немедленно вернуть деньги. Мюрат был в восторге; он думал, что его враг наверняка будет опозорен. Оказавшись в затруднительном положении, Ланн обратился к своему старому другу и бывшему шефу Ожеро, который сразу же одолжил ему деньги и отказался брать какое-либо обеспечение. Но хотя таким образом он смог вернуть деньги, Бонапарт отстранил его от командования гвардией. Тем не менее, помня о его военной службе и думая, что позже он снова может пригодиться, он не опозорил его окончательно, а в конце 1801 года отправил послом в Португалию.

Дипломатическая карьера Ланна поначалу была не очень успешной. Английское влияние в Лиссабоне было всемогущим, и у нового посланника не хватило таланта противостоять ему. Осенью 1802 года, считая себя ущемленным португальскими властями, он, не посоветовавшись с Талейраном, внезапно покинул Лиссабон и вернулся во Францию. Но в Орлеане он получил гневное послание от Бонапарта, запрещающее ему возвращаться в Париж. Тем временем первый консул направил императивные послания лиссабонскому двору по поводу предполагаемого оскорбления, нанесенного его послу. После этого министр иностранных дел Португалии извинился, и Ланн вернулся. Как ни был разгневан в тот момент Бонапарт, позже он признался, что солдатская пылкость Ланна послужила делу Франции лучше, чем мастерство непревзойденного дипломата. Ибо с этого времени французское влияние в Лиссабоне начало усиливаться, министр ухаживал за Ланном, а сам принц-регент стал крестным отцом его сына. История гласит, что после церемонии принц-регент провел посла в салон дворца, где хранились бриллианты из Бразилии, а затем дал ему горсть, сказав: "Это для моего крестника", затем вторую горсть для матери и третью для себя. Какова бы ни была правда в этой истории, факт остается фактом: Ланн вернулся во Францию богатым человеком, способным не только погасить свой заем Ожеро, но и предаться новой расточительности.

Из Лиссабона посол был вызван для участия в коронации императора и для того, чтобы занять его место среди маршалов. Но император еще не вернул ему полную благосклонность, и ему пришлось вернуться в свое посольство в Лиссабоне. Только 22 марта 1805 года он был отозван во Францию, чтобы командовать правым крылом Океанской армии, которая, когда началась война между Австрией и Францией, стала Великой армией. Пятый корпус под командованием Ланна достиг Рейна у Келя 25 сентября. План операций Наполеона состоял в том, чтобы путем энергичных демонстраций в направлении Шварцвальда убедить австрийцев в том, что он всеми силами продвигается в этом направлении, в то время как все это время его фланги обходили австрийский тыл и перерезали их линию коммуникаций на Дунае в направлении Ратисбона. Задача по обману австрийцев была в совершенстве выполнена Мюратом с резервной кавалерией и корпусом Ланна. Сразу после капитуляции Мака в Ульме император отправил Ланна и Мюрата в погоню за эрцгерцогом Фердинандом, который успешно прорвал кольцо французских войск. Пехота Ланна упорно следовала за кавалерией Мюрата, и бои продолжались день и ночь. Солдаты маршировали по тринадцать, четырнадцать и пятнадцать часов в сутки и за пять дней захватили в плен пятнадцать тысяч человек с одиннадцатью знаменами, сто двадцать восемь орудий, шестьсот повозок с продовольствием.

Во время быстрого продвижения вниз по Дунаю на Вену пятый корпус продолжал оказывать тесную поддержку кавалерии Мюрата. Вена капитулировала, и маршалы продолжили наступление, чтобы захватить мост перед городом. Оборона моста была поручена генералу Ауэрспергу с семью тысячами человек. Мостом командовала артиллерийская батарея, и

инженеры готовились взорвать его, когда прибыли Мюрат, Ланн и Бертран. Три генерала спокойно спустились на мост и прокричали австрийским пикетам, что заключено перемирие. После этого командир пикета отозвал своих людей и послал сообщение Ауэрспергу. Тем временем трое офицеров беззаботно перешли дорогу, в то время как на значительном расстоянии позади них следовал сильный отряд пехоты Ланна. Когда французские генералы добрались до австрийского конца, они обнаружили, что инженерный сержант действительно приступил к поджиганию фитиля. Ланн схватил его за руку и вырвал спичку у него из рук, сказав, что взрывать мост - преступление и что он будет опозорен, если сделает это. Затем оба маршала подбежали к офицерам, командовавшим артиллерией, которые, обеспокоенные непрерывным наступлением французской пехоты, готовились открыть огонь. Тем временем прибыл сам Ауэрсберг, и маршалы рассказали ему ту же историю, подтвердив, что французы должны занять верхний мост. Неуверенный, как и его подчиненные, и лишь наполовину убежденный, он позволил обмануть себя, и таким образом Наполеон без споров обеспечил себе переправу через Дунай. Дерзость плана, столь успешно осуществленного Мюратом и Ланном, как бы ни было трудно оправдать это с моральной точки зрения, с большой ясностью выявляет смелость, хладнокровие и находчивость обоих этих маршалов.

За успешным форсированием Дуная вскоре последовала решающая битва при Аустерлице. Сражение было спровоцировано тем, что Наполеон внушил союзникам мысль о том, что можно проскользнуть мимо левого фланга французов и окружить его, подобно тому, как он окружил Мака при Ульме. Для этой цели правый фланг под Даву был отведен назад и замаскирован умелым использованием местности. Центр под командованием Сульта и левый фланг под командованием Ланна должны были удерживать свои позиции до тех пор, пока левый фланг русских не будет полностью скомпрометирован, когда Султ должен был продвинуться вперед и, захватив господствующий холм Працен, рассечь русские силы надвое, в то время как Ланн и Мюрат должны были обрушиться всей своей тяжестью на изолированный правый фланг русских. На этот раз Мюрат и Ланн отбросили свою ревность и работали рука об руку, и успех французских левых был обусловлен идеальным сочетанием пехоты и кавалерии. Из числа русских правых семь тысяч пятьсот человек были взяты в плен, а также были захвачены два знамени и двадцать семь артиллерийских орудий. Но едва битва прекратилась, как снова вспыхнули пререкания, и Ланн, думая, что Наполеон его не ценит, подал в отставку, которую император, к его большому удивлению, принял.

Маршал провел большую часть 1806 года в отставке в своем родном городе Лектурн, где был радостно принят своими бывшими соседями и друзьями. Он всегда пользовался популярностью у своих сограждан не только из-за своих республиканских идей и неподдельной простоты, но и потому, что никогда не забывал тех, кто когда-либо был его другом - человеку, который однажды одолжил ему тысячу франков, подарили прекрасный дом и сад; старый солдат, который вынес его из окопов при Сен-Жан-д'Акре, был назначен местным почтмейстером и получил небольшое состояние и ренту, а маршал никогда не проходил мимо дома, не зайдя внутрь, не пообедав с ним и не сделав подарки жене и детям. Однажды Ланн присутствовал на большом официальном приеме в Аух. По дороге он встретил крестьянина, в котором узнал одного из товарищей по играм своего детства; сильно растроганный Маршал, прибыв в префектуру, спросил префекта, может ли он пригласить кого-нибудь из своих друзей на ленч. Префект был очарован, но очень удивился, когда адъютант вернулся с крестьянином, которого Ланн обнял, посадил рядом с собой и вскоре успокоил.

Но война снова заставила императора призвать своего пламенного лейтенанта. Ланн принял командование пятым корпусом 5 октября 1806 года и пять дней спустя имел удовольствие разгромить сильные прусские силы при Заальфельде. Из Заальфельда маршал двинулся к Йене, недалеко от этого города рано утром 13 октября его разведчики вступили в контакт с крупными прусскими войсками под командованием Гогенлоэ. Его небольшой отряд был в значительной опасности, но Наполеон немедленно поспешил подтянуть все возможные подкрепления. Пруссаки занимали явно неприступную позицию на Ландграфенберге, крутом холме, возвышавшемся над городом. Но ночью местный пастор указал французам тропу, которая вела к вершине, которую пруссаки пренебрегли занять. Работая всю ночь, французские саперы проложили дорогу, по которой орудия можно было поднимать вручную, и утром 14-го корпуса Ланна, Ожеро и гвардии были благополучно выстроены на плато Ландграфенберг, в то время как Ней и Султ продолжили линию на север. Тяжелый туман навис над полем битвы, и Гогенлоэ был уверен, что ему противостоит только пятый корпус, и его удивление было огромно, когда туман рассеялся и он обнаружил, что столкнулся с французской армией. Сражение началось с того, что Ланн захватил деревню Вьерзен-Хайлиген. В то время как пруссаки были полностью заняты попытками удержать эту деревню, Наполеон обошел их с флангов, и сражение закончилось уничтожением армии Гогенлоэ. Вечером Наполеон узнал, что в тот же день Даву полностью разгромил главную прусскую армию при Ауэрштедте. После этого он послал вперед свои различные корпуса для захвата всех важных крепостей Пруссии и выделил Ланна для поддержки Мюрата в преследовании прусских войск под командованием Гогенлоэ и Блюхера, которые отступали в направлении Одера. Если бы за битвой при Йене последовал мир, как это произошло после Аустерлица в предыдущем году, более чем вероятно, что Ланн снова отказался бы от своего командования, поскольку, когда появился бюллетень, та часть, которую занял его корпус, была почти полностью проигнорирована. Письмо маршала своей жене показало, что он был невыразимо раздосадован обращением с ним Наполеона и в самом дурном расположении духа отправился поддерживать Мюрата. Но он был слишком преданным солдатом, чтобы позволить личным обидам помешать его активной работе, и, хотя он давал волю своему раздражению в обычных взаимных обвинениях, выполнял свою работу с восхищением. Он так яростно теснил свою пехоту, пройдя шестьдесят миль за сорок восемь часов, что никогда не отставал от легкой кавалерии более чем на пять миль, и именно благодаря его эффективной поддержке 28 октября Мюрат смог окружить Гогенлоэ и вынудить его сдаться в Принцлове. Но, несмотря на это, Мюрат в своем донесении ни разу не упомянул имени Ланна. Наполеону потребовался весь такт, чтобы смягчить вспыльчивый характер маршала, и только перспектива дальнейших действий в конечном счете помешала ему с большим раздражением отказаться от своего командования.

К началу ноября театр военных действий был фактически перенесен из Пруссии в Польшу. Как после Ульма, так и после Йены русские появились на сцене слишком поздно, чтобы оказать эффективную помощь своим союзникам, но достаточно вовремя, чтобы предотвратить окончание войны. Наполеон, который всегда высоко ценил здравый смысл и военные способности маршала, попросил его в это время представить конфиденциальный отчет о возможностях Польши как театра войны, и маршал, с его острым пониманием характера, ответил: "Я убежден, что если вы попытаетесь заставить поляков восстать от нашего имени, в течение двух недель они будут скорее против нас, чем за нас".

Французские войска переправились через Вислу у Варшавы и столкнулись с "пятым элементом - грязью". Ведомые Мюратам, неспособные продвинуться вперед по колено в грязи, сбитые с

толку тактикой русских фабиан и лишённые могучего ума своего императора, маршалы сражались без сотрудничества, каждый ради своей славы. Ланн был таким же плохим, как и остальные, демонстрируя в своем отказе воздать должное своим братьям-генералам за их помощь при Пултуске тот же мелочный дух, на который он жаловался в Мюрате. В течение долгих зимних недель, проведенных в лагерях вдоль Вислы, маршал был болен лихорадкой, лежал в госпитале в Варшаве и не смог вернуться к командованию своим корпусом вовремя для кровопролитной битвы при Эйлау. В мае он командовал силами прикрытия при осаде Данцига и был вызван оттуда для участия в последней фазе кампании. Русский генерал Беннигсен позволил Наполеону превзойти себя в общих чертах, и вскоре французы были ближе к Кенигсбергу, чем русские. Беннигсен предпринял отчаянные попытки исправить свою ошибку, и 13 июня ему действительно удалось перебраться через Аллею во Фридланде, как раз в тот момент, когда Ланн прибыл на место происшествия. Маршал сразу же увидел свою возможность. Русские были окружены Аллеей за их спинами, так что отступление было невозможно, и спасти их могла только победа. Замысел маршала, следовательно, состоял в том, чтобы задержать противника до подхода основных сил французской армии. Беннигсен предпринял самые решительные усилия, чтобы отбросить его, пытаясь сокрушить превосходящей массой всадников и артиллерии. Но маршал упорно держался за него, и благодаря великолепному обращению с гренадерами Удино, саксонской кавалерией и драгунами Груши он удержал свои позиции, несмотря на все усилия русских в ночь на 13 июня. Утром 14-го, имея десять тысяч солдат против сорока тысяч, он сражался в течение четырех часов, не сдавая позиций, умело используя каждый клочок дерева и укрытие, пока, наконец, не прибыло подкрепление. Когда основные французские колонны были развернуты, Ланн с остатками своего неукротимого корпуса получил короткий период отдыха. Но во время последней фазы сражения враг предпринял отчаянную попытку вырваться из ловушки с помощью своего разбитого корпуса, и маршал снова повел свои войска с непобедимым еланом и загнал русских прямо в смертельную ловушку Фридланда.

Последовал Тильзит, и Наполеон осыпал почестями своих верных лейтенантов. 30 июня 1807 года он подарил Ланну княжество Сиверс в департаменте Калиш, а 19 марта 1808 года оказал ему большую честь, присвоив титул герцога Монтебелло в память о его знаменитой победе.

Герцог Монтебелло по большей части проводил свои мирные дни в Лектурне. В октябре 1808 года он был вызван оттуда, чтобы сопровождать императора в Эрфурт, и там царь Александр особо прославил своего старого противника при Аустерлице, Пултуске и Фридланде и вручил ему большой знак ордена Святого Андрея Первозванного.

Период между Тильзитом и Эрфуртом подарил Ланну последние мирные дни, которые он когда-либо проводил, поскольку из Эрфурта его снова поспешили отправить на войну, на этот раз в Испанию. Как обычно, когда предстояли тяжелые бои, Наполеон знал, что не может позволить себе обойтись без своего самого надежного и способного лейтенанта. Но Ланн без особого энтузиазма относился к войне в Испании. Его репутация была так высока, что шансов ее укрепить было мало, и к настоящему времени пожирающий огонь республиканский солдат превратился в тихого сельского джентльмена, который предпочитал домашний круг и удовольствие разыгрывать из себя великого сеньора перед аудиторией друзей суе лагеря и пышности двора. Но он был слишком хорошо воспитан в солдатских инстинктах, чтобы отказаться служить по призыву своего начальника, и соответственно, во многом против своей

воли, он отправился в то, что, как он ожидал, будет короткой бесславной кампанией продолжительностью в пару месяцев против дезорганизованного провинциального ополчения.

Ланн сопровождал императора в его путешествии в Испанию, будучи прикрепленным к штабу без какого-либо определенного командования, поскольку император знал, что с тамошними армиями не все в порядке, но он не мог, пока сам не изучит этот вопрос, решить, где он мог бы наилучшим образом использовать большие административные и тактические способности герцога Монтебелло. Во время поспешного перехода через горы Толоса маршал имел несчастье упасть с лошади. Полученные им ранения были настолько серьезны, что казалось невозможным вывезти его за пределы Виттории, но Ларрей, императорский хирург, приказал завернуть его в окровавленную шкуру только что убитой овцы; рецепт оказался настолько эффективным, что маршал вскоре смог последовать за императором и вернуться в штаб. По прибытии император послал его принять командование тридцатипяти тысячным корпусом Монси с приказом атаковать сорок девять тысяч человек Кастаньоса у Туделы, в то время как Ней с двенадцатью тысячами обходил испанский тыл. Утром 28 ноября Ланн атаковал испанцев при Туделе и одержал легкую победу, поскольку арагонцы под командованием Палафокса думали только о Сарагосе, а валенсийцы и андалузцы под командованием Кастаньоса - о своем пути отступления на юг. Ланн, видя преувеличенную протяженность испанской позиции, сразу догадался о причине и провел ошеломляющую атаку против их слабого центра. Каким бы успешным ни было сражение, оно не имело далеко идущих последствий, которых желал Наполеон, поскольку из-за гористой местности Ней не смог пересечь линию отступления испанцев; однако противник потерял при Туделе четыре тысячи человек и, что было более важно, всю свою артиллерию.

Битва при Туделе открыла дорогу на Мадрид. Но когда Наполеон прибыл туда, вместо того чтобы прогнать остатки испанских армий перед собой и устремиться к Севилье, он обнаружил, что на севере существует серьезная опасность. Чтобы дать разрозненным испанцам шанс сплотиться, сэр Джон Мур предпринял смелое наступление на Мадрид и был близок к Саламанке. Наполеон немедленно приказал Ланну передать свой корпус Монси и присоединиться к штабу. Корпус Нея и часть корпуса Виктора были отправлены противостоять англичанам, и 28 декабря Наполеон и герцог Монтебелло отправились их догонять. Погода была ужасной, и преодоление горных перевалов перед лицом снежных бурь до предела испытало выносливость войск. Ланн, несмотря на то, что он еще не полностью оправился от своего падения, присоединился к Наполеону, подавая пример войскам. Во главе колонны маршировал император, одной рукой поддерживая Ланна, а другой - Дюрока. Совершенно измотанные непривычными усилиями и тяжестью своих сапог для верховой езды, император и Ланн время от времени ненадолго отдыхали на передке орудийного лафета, а затем слезали и снова маршировали.

Когда Наполеон передал преследование Сульту, он отправил герцога Монтебелло принять командование корпусами Жюно и Монси в Сарагосу. По прибытии 22 января 1809 года маршал обнаружил, что гарнизон Сарагосы находится в гораздо лучшем расположении духа, чем осаждающие, поскольку на западе третий корпус из-за болезней и переутомления насчитывал едва ли тринадцать тысяч человек, а дивизия Газана за Эбро, перед восточным предместьем, насчитывала едва ли семь тысяч человек, в то время как общая численность гарнизона составляла почти шестьдесят тысяч. Следовательно, Жюно и Газан всерьез подумывали о снятии осады. Первой обязанностью Ланна было восстановить моральный дух войск; сделать выговор генералам, которые халатно относились к своим обязанностям; подать им пример

своим пламенным усердием, которое не позволяло ему ни разу лечь спать за всю первую неделю его пребывания под Сарагосой; восстановить мужество войск, ежедневно подвергая опасности свою жизнь в окопах и, при необходимости, лично проводя разведку с предельным хладнокровием вплоть до испанских позиций; руководя госпиталями, реорганизуя комиссариат, планируя с офицерами—инженерами новые операции. методы *sar* - одним словом, быть везде и делать все. Ничто не может более ясно проиллюстрировать изречение Наполеона: "A la guerre les homme ne sont rien, ты настоящий человек". В течение пяти дней после того, как Ланн принял командование, весь облик ситуации изменился. Французы предпринимали самые решительные атаки с непреодолимой яростью, с величайшим рвением вели самые трудные уличные бои, подрывали монастыри и укрепленные посты, минировали и взрывали их, сражались на земле и под землей, несли самые ужасные потери, но всегда стремились сражаться снова. К 11 февраля, благодаря новому моральному духу войск и тому факту, что дизентерия и кишечная инфекция сеяли хаос в гарнизоне, Ланн захватил дом за домом западную половину города и прибыл на Корсо. Но снова среди французских войск, которые к этому времени потеряли четвертую часть своей численности, вспыхнул ропот, и в то же время сильный отряд испанцев под командованием братьев Палафокса угрожал сокрушить Сюше, который прикрывал осаду. Ланн доказал, что преодолел все трудности; своими пламенными речами и тактом он воодушевил как офицеров, так и рядовых, указав им на триумф, который они уже одержали, загнав пятьдесят тысяч испанцев всего с горсткой солдат. Затем, поспешив с подкреплением для Суше, он перебросил силы прикрытия на укрепленную позицию на высотах Вилла Майор и четыре дня спустя вернулся в Сарагосу как раз вовремя, чтобы руководить атакой через Корсо. 18 февраля французы захватили пригород на левом берегу реки и, таким образом, поставили внутренний город между двух огней.

Болезнь и успехи врагов лишили испанскую оборону сил, и 20 февраля Палафокс капитулировал. С 21 декабря по 21 февраля потери Испании составили пятьдесят четыре тысячи человек умершими от ран и болезней, а сама Сарагоса представляла собой всего лишь грудку осыпающихся руин. Ланн сделал все, что было в его силах, чтобы облегчить страдания несчастных жителей, но, несмотря на все его усилия, в течение следующего месяца погибло еще десять тысяч человек. К несчастью также для своей репутации, маршал, действуя по четкому приказу Наполеона, обращался со своими военнопленными с особой суровостью и казнил двух наиболее выдающихся. Огромное напряжение осады сильно сказалось на здоровье маршала, который так и не смог полностью оправиться от несчастного случая под Толозой; соответственно, после переоснащения корпуса, находившегося под его командованием, он передал их Мортье и Жюно и в конце марта отправился в Лектурн. Но его пребывание там было недолгим, поскольку Наполеон, ведя испанскую и австрийскую войны, не мог позволить себе обойтись без его помощи.

К 25 апреля Ланн снова оказался на опасном посту, но на этот раз на Дунае, в битве при Абенсберге. Как он сам говорил, первый слух о войне всегда вызывал у него дрожь, но как только он сделал первый шаг вперед, он уже не думал ни о чем, кроме своей профессии. Но, как бы ему ни хотелось порезвиться в Лектурне и как бы он ни ворчал на чрезмерные амбиции Наполеона, оказавшись на фронте, он был отважным солдатом первой итальянской кампании. Он прибыл вовремя, чтобы принять участие в пятидневных боях при Абенсберге, Ландсхуте, Экмюле и Ратисбоне. В Ратисбоне у него была возможность показать, что время никак не повлияло на его дух; после того как две штурмующие группы были отброшены, он призвал добровольцев для третьей попытки: никто не выступил вперед, и он сам бросился хвататься за

лестницу. Его подчиненные сдерживали его; но урок был не напрасен: добровольцы столпились, чтобы захватить штурмовые лестницы во главе с двумя адъютантами маршала, и вскоре стены Ратисбона были заполнены французскими солдатами, и город был завоєван.

Сам Наполеон сопровождал Ланна в походе на Вену, и маршал был совершенно счастлив. Мюрат отсутствовал, и никакое дурное влияние не омрачало его дружбы с великим вождем. Вена снова пала без единого выстрела, но на этот раз австрийцы позаботились о том, чтобы не было моста, по которому Наполеон мог бы переправиться через Дунай. Соответственно, император решил перебросить мост через реку ниже Вены, используя остров Лобау, который лежал на двух третях пути через реку. Мост с южного берега в Лобау строился под личным наблюдением императора и Ланна, и однажды, когда они лично проводили рекогносцировку, они оба упали в реку, и маршала, который был не в себе, вытащил сам император.

К 20 мая французская армия была сосредоточена в Лобау, а 21 мая была осуществлена переправа по нескольким мостам, и Массена обеспечил ее, заняв деревню Асперн, а Ланн - деревню Эсслинг. К утру 22-го основная масса французской армии достигла северного берега реки. Наполеон, который понял, что австрийская линия слишком растянута, чтобы быть сильной, передал командование центром Ланну с приказом совершить вылазку между деревнями Асперн и Эсслинг и разбить центр противника. Несмотря на сокрушительный артиллерийский обстрел, маршал в совершенстве выполнил свой приказ, умело используя свою пехоту и кавалерию. Он фактически оттеснил австрийцев, когда его отозвал Наполеон, который только что услышал, что врагу удалось разрушить мост, сбросив огромные массы древесины вниз по разлившейся реке. Ланн медленно отступал к Эсслингу, его войска серьезно пострадали от переформированных австрийских батарей. Удерживая таким образом противника в узде, маршал был ранен в колено пушечным ядром, которое срикошетило от земли прямо перед ним. Его отвели в тыл, и врачи решили, что необходимо ампутировать правую ногу. Маршал хорошо перенес операцию. Его перевезли в Вену и послали за знаменитым механиком Меслером, чтобы тот сделал ему искусственную ногу, но, к сожалению, жаркая погода сказалась на ране, и наступило умерщвление. Император, несмотря на свои тревоги, ежедневно навещал его, и умирающий герой получил последнее утешение, увидев, как высоко его ценил его августейший повелитель и друг. Конец наступил скоро. 30 мая умер герцог Монтебелло, и Наполеон, услышав эту новость, со слезами на глазах воскликнул: "Какая потеря для Франции и для меня!"

Смерть Ланна лишила жизни первого из избранных паладинов Наполеона и, по мнению самого императора, возможно, величайшего солдата из всех. На острове Святой Елены павший император так оценил своего старого товарища: "Ланн был человеком необычайной храбрости. Невозмутимый под огнем, он обладал уверенным и проникающим ударом; у него был большой опыт войны. Как генерал он был бесконечно выше Моро и Сульта ". Но каким бы возвышенным ни был этот панегирик, факт остается фактом: Ланну повезло в момент его смерти: фортуна еще не повернулась лицом к оружию Наполеона, и он был избавлен от ужасов отступления русских, ужасных боев под Лейпцигом и мрака и невзгод зимней кампании во Франции. То, что Ланн вышел бы победителем из этих испытаний в своей предыдущей карьере, дает веские основания предполагать. И все же, какими бы блестящими ни были его действия при Монтебелло, Заальфельде, Пултуске и Туделе, какими бы виртуозными ни были его операции при осаде Сарагосы, они лишь доказывают владение маршалом техникой тактики. Как указал Даву, у герцога Монтебелло никогда не было возможности проявить свои способности в области

великой тактики или в высших концепциях стратегии; он был непревзойденным мастером в искусстве управления двадцатью пятью тысячами пехотинцев, но у него никогда не было возможности разработать и провести полноценную кампанию, предполагающую управление сотнями тысяч человек и успешное решение проблем как военных, так и политических. "Роланд французской армии" от природы обладал многими качествами, которые формируют великого солдата. Его храбрость не вызвала сомнений; до Нея его называли "Храбрейшим из храбрых". У него были личные качества, которые вдохновляли его войска его собственной храбростью и мужеством. У него был военный взгляд и необычайно деятельный ум, который лучше всего срабатывал под давлением необходимости и опасности. Он был физически силен и мог переносить усталость, и у него была большая способность переносить боль. Но его характер часто давал о себе знать, заставляя его впадать в приступы неконтролируемой ярости, в то время как из-за ревности он был склонен дуться и отказываться сотрудничать со своими товарищами. Если офицер не понимал, что он имеет в виду, он набрасывался на него и пытался сам выполнить задание. Но однажды он услышал, как император воскликнул: "Этот дьявол Ланн обладает всеми качествами великого командира, но он никогда им не станет, потому что не может совладать со своим характером и постоянно ссорится со своими подчиненными, что является величайшей ошибкой, которую может совершить командир". С этого дня Ланн принял решение держать себя в руках, и, несмотря на свой характер, его самообладание стало необычным. Но хотя он победил эту слабость, он так и не преодолел свою ревность к своим коллегам-маршалам и генералам. Снова и снова он бросал командование, потому что думал, что им пренебрегают или что ему отдают предпочтение другим. Временами он раздражался яростными тирадами в адрес самого императора, а однажды в порыве ревности сказал ему, что Мюрат, его шурин, "шарлатан, танцующий на канате". Наполеон возразил ему, воскликнув: "Это я один принес вам и славу, и успех". Ланн, побагровев от гнева, парировал: "Да, да; из-за того, что ты маршировал по щиколотку в крови на этом кровавом поле, ты считаешь себя великим человеком; а твой шурин в перьях хорохорится на своей собственной навозной куче.... Двенадцать тысяч трупов, лежащих на равнине, чтобы сохранить поле боя в твою честь ... и все же отказать мне — мне, Ланн — в причитающейся мне доле почестей этого дня! За день до своей смерти он не смог удержаться, чтобы не унижить своего ненавистного врага Бессьера, которого Наполеон отдал под его командование, и фактически оскорбил его на поле боя, послав младшего адъютанта сказать маршалу "отправляться домой", подразумевая, что тот уклоняется от выполнения своего долга.

Как мужчина, Ланнес был добросердечен и любим своей семьей, своим персоналом и своими подчиненными. Несмотря на то, что он был необработанным алмазом, он был истинным джентльменом от природы. Он никогда не забывал друзей, хотя редко, если вообще когда-либо прощал врагов. Его симпатии были по существу демократическими; сам он принадлежал к народу и свято верил в республиканские идеи. Откровенный до безобразия, он мог вспылить против самого Наполеона, но одно доброе слово его великого вождя заставило бы его забыть всю свою горечь. Его порывистость и республиканские идеалы равенства, естественно, иногда были крайне оскорбительны для императора и новой знати, и Ланн, несмотря на все свои усилия, был слишком искренен, чтобы скрыть свою ненависть ко всякому лакейству. Именно эта гасконская самоуверенность, смешанная с необычным дружелюбием характера, хотя и оскорбляла двор, привлекла к маршалу его солдат и провинциальное общество Лектурна, где даже по сей день имя герцога Монтебелло пользуется самым большим уважением.

МИШЕЛЬ НЕЙ, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ ЭЛЬХИНГЕНСКИЙ, КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ

"Продолжай, Ней; я доволен тобой; ты добьешься своего". Так говорил гусарский капитан молодому рекруту, привлечшему его внимание. Капитан литтл не думал, что ревностный юноша однажды станет маршалом Франции, князем Московским и прославится на всю Европу как "Храбрейший из храбрых". И все же у юноши были предчувствия будущего величия. Мишель Ней, родившийся 10 января 1769 года в семье бедного бондаря из Саррелуи, скорее немца, чем француза, в пятнадцатилетнем возрасте был одержим идеей, что ему суждено прославиться. Отец и мать пытались убедить его стать шахтером, но ничто не могло порадовать пылкого мальчика, кроме жизни солдата. Соответственно, 1 февраля 1787 года он отправился в Мец и поступил рядовым в полк, известный как гусары генерал-полковника. Физически сильный, необычайно активный, по натуре наездник, он вскоре привлек внимание своих товарищей своим мастерством в стрельбе и владении саблей и был выбран представлять свой полк на дуэли против учителя фехтования другого гарнизонного полка. К несчастью для Ней, власти узнали об этом деле вовремя, чтобы предотвратить принятие какого-либо решения, и молодой солдат был наказан за нарушение правил сроком тюремного заключения; но как только он был освобожден, он снова бросил вызов своему оппоненту. На этот раз обошлось без вмешательства, и Ней так тяжело ранил своего противника, что тот не смог продолжать свою профессию. Хотя он таким образом в начале своей карьеры отличился своей храбростью, упорством и пренебрежением правилами, ни на минуту не следует думать, что он был простым удалцом. Преисполненный решимости твердо вырасти в своих глазах, он со дня поступления на службу досконально изучил азы своей профессии, а также приобрел знание французского языка и умение читать и писать; таким образом, он смог сдать необходимые экзамены и быстро получил звание сержанта. Нейю повезло в том, что ему не пришлось провести долгие годы в качестве унтер-офицера без очевидного будущего перед ним. Революция предоставила ему возможность, о которой так долго мечтали Массена и другие, и именно в звании лейтенанта он начал действительную службу в армии Дюмуре в 1793 году. Оказавшись на действительной службе, прошло совсем немного времени, прежде чем его замечательные качества дали о себе знать. Хотя он был абсолютно некультурен, если не считать поверхностных навыков чтения и письма, которым научился в полковой школе, и, судя по внешнему виду, довольно тяжеловесен и глуп, среди опасности он проявлял энергию, быстроту интуиции и ясность понимания, которые сметали самые труднопреодолимые препятствия. Физического страха он никогда не испытывал; как он сказал, когда его спросили, испытывал ли он когда-нибудь страх: "Нет, у меня никогда не было времени". В своих первых сражениях при Неервиндене и на севере Франции он предвосхитил свою будущую карьеру необычайной храбростью и находчивостью, которые он проявил, управляя своим кавалерийским эскадроном во время отступления, однажды с примерно двадцатью гусарами полностью разгромив три сотни вражеской кавалерии. Это достижение привлекло внимание генерала Клебера, который послал за капитаном Неем и поручил ему сформировать отряд французов всех родов войск. Французы были действительно признанными разбойниками. Они не получали ни жалованья, ни оружия и жили исключительно награбленным, но были чрезвычайно полезны для разведки и разыскивания и собрали много

информации под руководством лихого офицера. После этой близкой по духу работы Ней был призван в 1796 году командовать кавалерией дивизии генерала Коланда в армии Самбры и Мааса. Там он отличился, захватив Вюрцбург и две тысячи вражеских солдат с эскадроном из ста гусар. После этого подвига генерал Клебер отказался слушать его возражения и настоял на том, чтобы он согласился на повышение в звании бригадного генерала. В начале кампании 1797 года Ней имел несчастье попасть в плен при Гиссене. Прикрывая отступление своей кавалерией, он увидел конное артиллерийское орудие, брошенное своими людьми. Прискакав назад в одиночку, он попытался спасти фигуру, но вражеская лошадь понеслась вниз и захватила его в плен. Его пребывание в плену было недолгим: вскоре его обменяли, и он вернулся во Францию как раз вовремя, чтобы присоединиться к агитации против партии Клише - единственного случая, когда он активно вмешивался в политику.

МИШЕЛЬ НЕЙ, КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ
С ГРАВЮРЫ По КАРТИНЕ Ф. ЖЕРАРА

После возобновления войны в 1799 году Ней был направлен командовать кавалерией Рейнской армии. Кампания была примечательна подвигом, который превосходно иллюстрирует секрет его успеха как солдата. Город Мангейм, удерживаемый многочисленным австрийским гарнизоном, был ключом к Южной Германии. Французскую армию от этой крепости отделял широкий Рейн. Противник был уверен, что любой попытке захвата крепости должно предшествовать форсирование реки всей французской армией. Но Ней, услышав, что войска противника расквартированы в деревнях, окружающих город, понял, что если бы удалось тайно переправить небольшие французские силы ночью, то можно было бы захватить город путем

государственного переворота. Самым важным, что необходимо было выяснить, было точное расположение пунктов расквартирования войск за пределами крепости и различных охранников и часовых внутри города. Эта информация показалась ему настолько важной, что он решил сам пересечь реку и лично разведать местность. Соответственно, будучи дивизионным генералом, он переоделся пруссаком и, полагаясь на свое раннее знание немецкого языка, тайно переправился через реку и тщательно отслеживал все приготовления противника, рискуя быть обнаруженным и расстрелянным как шпион. На следующий вечер с небольшим отрядом он снова переправился через реку, атаковал вражескую охрану штыками, отбил вылазку гарнизона и ворвался в город один на один с бегущим врагом; и под покровом темноты, которая скрывала малочисленность его войск, он обманом заставил врага сдаться. 1800 год принес ему дальнейшую славу при Массене и Моро, и он стал известен во всех армиях Франции как "Неутомимый".

После заключения Люневильского мирного договора Первый консул вызвал Нея в Париж и завоевал его расположение теплотой, с которой тот его принял. При отъезде Бонапарт подарил ему шпагу. "Прими это оружие, - сказал он, - как сувенир о дружбе и уважении, которые я питаю к тебе. Оно принадлежало паше, который храбро встретил свою смерть на поле Абукира". Меч стал самым ценным достоянием Нея: ему никогда не надоедало обращаться с ним, и он никогда не выпускал его из виду; но он мало задумывался, какое несчастье это принесет ему позже, потому что именно этот знаменитый меч в 1815 году раскрыл полиции его тайник и таким образом косвенно привел его к смерти. Отношения между Неем и Первым консулом вскоре стали более тесными. Генерал женился на большой подруге Гортензии Богарне, мадемуазель Ожи, дочери фрейлины Марии-Антуанетты. Уверенный в его преданности и видя суровость, с которой он выполнял приказы, в 1802 году Первый консул доверил ему покорение Швейцарии. Швейцарская армия бежала перед ним, и депутация, которой было поручено подчинить их Франции, прибыла в его лагерь с ключами от главных городов. Генерал встретил их, вежливо выслушал их слова подчинения, затем взмахом руки отказался от ключей. С той проницательностью, которая позже побудила его предостеречь Наполеона от попыток растоптать народы Испании и России, он ответил депутации: "Я требую не ключей: моя пушка может взломать ваши ворота; принесите мне сердца, полные покорности, достойные дружбы Франции". Вскоре после этого Ней вместе с Сультом и Даву был удостоен чести командовать одним из корпусов армии, которую Первый консул собирал для вторжения в Англию. Избрав его на этот важный пост, Наполеон продемонстрировал ту проницательность, которая так сильно способствовала его успеху. Ибо, за исключением рейда в Швейцарию, Нейю еще не приходилось заниматься сложными административными и финансовыми вопросами. Его репутация основывалась исключительно на его необычайной отваге перед лицом врага и его умении в полной мере использовать силу духа, которая скрыта во всех французских армиях. Ибо, когда он не соприкасался с врагом, он был печально известен своей ленью. Он никогда не предпринимал попыток изучить абстрактную науку войны, и пока опасность не будоражила его характер, казалось, дремал. Другие судили о нем так же, как император на острове Святой Елены, когда он сказал: "Он был храбрейшим из людей; там закончились все его способности". Но, несмотря на эту ограниченность в его характере, Наполеон снова и снова назначал его на ответственные должности, поскольку знал, что слово, однажды данное Неем, никогда не будет нарушено, что его преданность Франции и ее правителю непоколебима, что, несмотря на его сварливость, яростные вспышки гнева и горькие тирады, когда дело дойдет до дела, колебаний не будет. Следовательно, первый консул с радостью воспользовался своей славой храбреца,

считая, что поклонение героям больше способствовало превращению молодых рекрутов в солдат, чем величайшие организаторские и административные таланты. Более того, Наполеон следил за составом штаба своих маршалов и генералов и знал, что у Нея в лице Жомини, начальника его штаба, человека замечательного таланта и проницательности, который направит в нужное русло удары кувалды "Храбрейшего из храбрых".

С созданием Империи Ней был включен в число паладинов нового Карла Великого и получил свой маршальский батон, Большой крест Почетного легиона и португальский орден Христа. Но нового маршала мало заботила жизнь придворного, так же как он ценил свои военные отличия. Банкеты и пиршества мало привлекали героя, и он презирал богатство и положение. "Господа, - сказал он однажды своим адъютантам, которые хвастались своими семьями и богатыми назначениями, - господа, мне повезло больше, чем вам: я ничего не получил от своей семьи, а в Меце я считал себя богатым, когда у меня на столе было две буханки хлеба". Соответственно, ни один молодой подчиненный, жаждущий славы, не был счастливее маршала Нея, когда в августе 1805 года пришел приказ выступить в поход на Австрию. Кампания, начавшаяся так внезапно, принесла маршалу тяжелые бои и славу, которую он так любил. В операциях под Ульмом он превзошел самого себя упорством, с которым сражался с врагом, и, благодаря мастерству Жомини, его ошибки только прибавили ему славы, а битва при Эльхингене стала бессмертной, когда Наполеон выбрал это имя в качестве титула для маршала, когда присвоил ему титул герцога. Во время боев, загнавших австрийцев в Ульм, были отчетливо видны две стороны характера маршала — его необычайная храбрость и его ревность. Император, озабоченный полным успехом своих планов, отправил офицера командовать Неем, чтобы избежать отпора и дожидаться подкрепления. Адъютант нашел его в городском предместье среди застрельщиков. Он передал свое послание, на что маршал ответил: "Передайте императору, что я ни с кем не делю славу; я уже предусмотрел фланговую атаку". В сентябре 1806 года Ней получил приказ выступить в Вюрцбург, чтобы присоединиться к Великой армии для войны против Пруссии. Кампания предоставила ему как раз те возможности, которыми он так хорошо умел пользоваться, и еще до окончания войны император сменил свое прозвище с "Неутомимого" на "Храбрейшего из храбрых". Но каким бы славным ни было его поведение, его опрометчивая порывистость не раз серьезно ставила под угрозу планы Наполеона. В Йене его опрометчивость и ревность к своим товарищам-маршалам заставили его продвинуться вперед до того, как другие корпуса заняли свои позиции. Его изолированная атака была отбита пруссаками, и потребовались объединенные усилия Ланна и Сульта, чтобы сплотить его разбитые батальоны и вырвать победу у врага. Но его личная храбрость при Йене, блестящее преследование врага, дерзость, с которой он заставил четырнадцать тысяч пруссаков сдаться в Эрфурте, и захват двадцати трех тысяч пленных и восьмисот пушек в великой крепости Магдебург вполне искупили его ошибки.

Но каким бы великолепным ни был его успех, его порывистость вскоре навлекла на него еще большую опалу. Отделенный от основной армии на Нижней Висле весной 1807 года, он выступил против смешанных сил пруссаков и русских еще до того, как Наполеон завершил все свои планы. Император был в ярости, и Бертье было приказано написать, что "Император при формировании своих планов не нуждается в советах или в чьих-либо действиях под свою ответственность: никто не знает его мыслей; наш долг - повиноваться". Но подчиняться приказам при соприкосновении с врагом было как раз тем, на что не был способен пылкий солдат, и император, прекрасно понимая это, приказал своему начальнику штаба написать, что "Его Величество считает, что положение противника обусловлено опрометчивым маневром

маршала Нея". Когда началось главное наступление, маршала вызвали для воссоединения с Великой армией. Он не прибыл вовремя, чтобы принять сколько-нибудь заметное участие в кровопролитной битве при Эйлау; несмотря на все усилия, его корпус добрался до поля боя только с наступлением темноты. Зрелище ужасной резни подействовало даже на измученного войной маршала и заставило его воскликнуть: "Какая резня!" и, как он добавил, "без какого-либо исхода". Фридландская битва пришлась по душе самому Нею. Он прибыл на поле боя в тот момент, когда Наполеон начинал свое грандиозное наступление, и со своим корпусом получил приказ атаковать левый фланг противника. Бросая дивизию за дивизией, в рукопашной схватке он отбросил врага с его позиций и загнал их в ловушку Фридланда, где они сотнями падали под яростным огнем французских массированных батарей. Именно его хладнокровие было причиной той самоотверженности, с которой солдаты бросились на врага. В начале боя некоторые из молодых гренадеров то и дело наклоняли головы под градом пуль, от которых воздух почти потемнел. "Товарищи, - крикнул маршал, который был верхом на лошади, - враг стреляет в воздух; здесь я выше, чем верхушки ваших ботинок, и они не причиняют мне вреда".

После заключения Тильзитского мира Ней, вскоре ставший герцогом Эльхингенским, на год отошел от войны, но в 1808 году он был одним из тех, кого призвали исправить ошибки, возникшие из-за ошибочного расчета Наполеоном испанской проблемы. Выбор был неудачным. Привыкший к обычным боевым действиям в Центральной Европе, проявивший себя наилучшим образом в гуще сражений в Испании, где организованное сопротивление встречалось редко, где враг исчезал при первом же столкновении, маршал проявлял нерешительность, странно контрастировавшую с его лихим поведением на поле боя. Каким бы прекрасным солдатом он ни был, ему не хватало основных качеств успешного генерала — воображения и морального мужества. Он был не в состоянии разглядеть своим мысленным взором, что находится по другую сторону холма, и пустота, которую вызывал в его голове этот недостаток воображения, действовала ему на нервы и делала его нерешительным и раздражительным. Более того, в Испании успех планов императора зависел от лояльного сотрудничества маршала с маршалом. Но, к сожалению, с Неем, одержимым ревностью, было труднее всего работать; как сказал сам Наполеон, "Никто не знал, каково это - иметь дело с двумя такими людьми, как Ней и Сульт". С самого начала своей карьеры в Испании он демонстрировал недостаток стратегической проницательности и стремительности движений. Таким образом, он не смог помочь Ланну в операциях, которые император запланировал для уничтожения испанцев при Туделе. Его сердце не было отдано работе, и он не пытался скрыть это от Наполеона. Когда император перед отъездом из Испании произвел смотр своим войскам и сказал ему, что "Романа будет взята через две недели; англичане разбиты и больше не будут предпринимать никаких усилий; что через три месяца здесь все успокоится", герцог Эльхингенский смело заявил ему: "Мужчины этой страны упрямы, а женщины и дети сражаются; я не вижу конца войне". Поэтому он с мрачными предчувствиями наблюдал, как император уезжает во Францию. Но что усиливало его неприязнь ко всей ситуации в целом, так это то, что его операции были подчинены операциям Сульта, его старого врага и соперника. Ненависть, существовавшая между этими двумя, была давней и яростно разгоралась еще со времен Йены, когда Сульт сыграл главную роль в устранении катастрофы, которой угрожала порывистость Нея. Это достигло апогея, когда после изгнания герцога Далматинского из Португалии армии двух маршалов встретились в Луго. Корпус Сульта прибыл без пушек и обоза, просто вооруженный сброд, и люди Нея глумились над дезорганизованными батальонами. Сами маршалы встали на сторону своих людей. Положение не улучшилось, когда Жозеф

прислал приказ о том, что Ней должен считать себя подчиненным Сульта, и, хотя сам Наполеон подтвердил это решение, оно не принесло мира между соперничающими командирами. На протяжении всей кампании при Талавере царили постоянные разногласия, и именно колебания Ней, вызванные колебаниями или ревностью, помешали Сульту отрезать англичанам путь к отступлению через Тахо.

После битвы при Ваграме Массена был отправлен в Испанию командовать армией Португалии. Герцог Эльхингенский продемонстрировал своему новому шефу тот же дух неповиновения и ненависти к контролю. Временами вялый и бездеятельный в своих действиях, как, например, при подготовке к осаде Сьюдад-Родриго и из-за недостатка энергии после осады Алмейды, иногда расстраивая планы своего начальства своей безрассудной порывистостью, он был подчиненным, которым никто не хотел командовать. Тем не менее, когда дело доходило до реального соприкосновения с противником, ни один офицер не мог выжать так много из своих людей, и его поражение дивизии Кроуфорда на Коа и прорыв при Бусако вполне соответствовали его высокой репутации. Перед линиями Торриша Ведраса его дурное настроение снова дало о себе знать. Он был категорически против идеи штурма и ворчал, что его держат перед позицией. Фактически, ничто из того, что мог приказывать его начальник, не было правильным. В значительной степени из-за поведения герцога Эльхингенского Массена был, наконец, вынужден отступить. Как он писал Бертье: "Я сделал все, что мог, чтобы как можно дольше удерживать армию вне Испании ... но я осмеливаюсь заявить, что мне постоянно противостояли командиры армейского корпуса, которые подняли такой дух среди офицеров и рядовых, что было бы опасно дольше удерживать наши нынешние позиции ". Однако, когда, наконец, был отдан приказ об отступлении, Ней в полной мере продемонстрировал свои огромные тактические способности. Хотя армия была сильно деморализована во время отступления через Португалию, он не потерял ни одного орудия или обоза. Как писал Нейпир, "День за днем Ней — неукротимый Ней — вступал в бой с арьергардом, и поток огня струился по опустошенным долинам Португалии, от Тежу до Мондего, от Мондего до Коа". Всякий раз, когда Веллингтон со своими сорока тысячами человек настигал маршала с его десятью тысячами, он был сбит с толку тактической хитростью, с которой его противник заставлял его развернуть все свои силы только для того, чтобы обнаружить перед собой исчезающий арьергард. Но, демонстрируя такие блестящие способности, герцог Эльхингенский не подчинялся приказам своего начальника, и когда Массена приказал ему прикрывать Алмейду и Сьюдад-Родриго, он категорически отказался и двинулся в противоположном направлении. После этого принц Эсслингский был вынужден отстранить его от командования и написал Бертье: "Я был доведен до крайности, которой я искренне старался избежать. Маршал, герцог Эльхингенский, достиг апогея неповиновения. Я передал шестой корпус графу Луазону, старшему дивизионному генералу. Печально для старого солдата, который столько лет командовал армиями, дойти до такого ... с одним из своих товарищей. Герцог Эльхингенский с момента моего прибытия не переставал препятствовать моим военным операциям.... Его характер хорошо известен, больше я ничего не скажу." Таким образом, Ней вернулся во Францию с позором вместе со своими товарищами, и его ненавидели враги из-за вольности, которую он позволял своим солдатам.

Однако император, хотя и настаивал на слепом подчинении собственным приказам, вскоре простил герцога Эльхингенского и обрушил свой гнев на несчастного Массену, которого считал ответственным за провал кампании в Португалии. Соответственно, когда в 1812 году он планировал свою русскую кампанию, он доверил Ней командование третьим корпусом. Под личным присмотром Наполеона герцог Эльхингенский сильно отличался от короля Испании.

Под Смоленском он проявил свой былой блеск, а после битвы выступил против дальнейшего продвижения в глубь России, утверждая, что до сих пор русские не были разбиты, а только вытеснены, что крестьяне настроены враждебно, и еще раз напоминая императору о его неудаче в Испании. Он с большим неодобрением услышал, как Наполеон принял совет Коленкура и решил наступать на Москву. "Молю небеса, - сказал он, - чтобы болтовня генерального посла не нанесла армии большего ущерба, чем самое кровопролитное сражение". Какими бы мрачными ни были его предчувствия, они никак не повлияли на его поведение, когда он встретился с врагом, и он завоевал для себя титул князя Московского в упорной битве под стенами Москвы. Но именно отступление сделало его имя таким славным. После первых нескольких дней ему доверили командование арьергардом, и по мере того, как наступала деморализация, он один был в состоянии заставить солдат выполнять свой долг. Под Красным его слабый корпус из шести тысяч человек был окружен тридцатью тысячами русских. Основные силы были отброшены безвозвратно. Когда его призвали сложить оружие, он ответил: "Маршал Франции никогда не сдастся", - и, сомкнув свои разбитые колонны, атаковал вражеские батареи и прогнал их с поля боя. В течение трех дней он боролся в окружении врага. Однажды, когда враг внезапно появился там, где его меньше всего ожидали, его люди в смятении отступили, но маршал с замечательным присутствием духа приказал отбить атаку, выкрикнув: "Товарищи, сейчас самый подходящий момент: вперед! они наши. Наконец, когда у него осталось всего полторы тысячи человек, он вернул себе основные силы близ Орчи. Когда Наполеон услышал об их прибытии, он бросился навстречу маршалу, воскликнув: "У меня в моей казне в Тюильри есть триста миллионов франков; я бы охотно отдал их, чтобы спасти маршала Нея". Он обнял герцога, сказав, что "не сожалеет о потерянных войсках, потому что они спасли его дорогого кузена герцога Эльхингенского". При форсировании Березины Ней снова покрыл себя славой, и на протяжении всего оставшегося ужасного отступления он командовал арьергардом и был последним человеком, переправившимся через Неман у Ковно и достигшим немецкой земли. Генерал Дюма, один из офицеров генерального штаба, рассказывает, как он отдыхал на постоялом дворе в Гумбиннене, когда однажды вечером вошел человек, одетый в длинный коричневый плащ, с длинной бородой, с лицом, почерневшим от пудры, с бакенбардами, наполовину сожженными огнем, но с глазами, сверкающими ослепительным блеском. "Ну, наконец-то я здесь", - сказал он. "Как, генерал Дюма, вы меня не узнаете?" "Нет, кто вы?" "Я являюсь арьергардом Великой армии маршала Нея. Я выстрелил из последнего мушкета на мосту в Ковно, я бросил в Неман последнее наше оружие и, как вы видите, добрался сюда пешком через леса".

В ходе кампании 1813 года герцог Эльхингенский снова оказался рядом с императором. При Лютцене его корпус новобранцев сражался благородно: пять раз доблестный Ней водил их в атаку; пять раз они откликались на призыв своего командира. Как он сам сказал: "Я сомневаюсь, что смог бы сделать то же самое со старыми гвардейскими гренадерами.... Покорность и, возможно, неопытность этих храбрых парней послужили мне лучше, чем испытанное мужество ветеранов. Французская пехота никогда не бывает слишком молодой". Но при Бауцене он проявил другую сторону своего характера. Имея под началом шестьдесят тысяч человек с приказом совершить масштабный поворот, его робость испортила тщательно продуманные планы императора. Его диспозиция была настолько нерешительной и неуверенной, что у союзников было достаточно времени, чтобы отразить его атаку, и они спокойно отступили, не подвергнувшись риску, не оставив в руках французов ни одной пушки или пленного. Император вполне мог воскликнуть: "Что, после такой бойни никаких

результатов? никаких пленных?" Но, несмотря на отсутствие у Нея стратегических навыков и его хорошо известную нерешительность при столкновении с проблемами, которых он не понимал, Наполеон был вынужден назначить его независимым командующим. После того, как Удино потерпел поражение при Гросберене, он отправил его принять командование армией, противостоящей смешанным силам союзников под командованием Бернадотта, которые угрожали его коммуникациям со стороны Берлина. Но Ней добился успеха не большего, чем Удино. Его расположение было даже хуже, чем у герцога Реджио, и при Денневице только ночь спасла его войска от полного уничтожения, в то время как ему пришлось признаться в девятистах убитых и раненых и пятнадцати тысячах взятых в плен. Он лишь написал правду в своем послании императору: "Я был полностью разбит и до сих пор не знаю, собралась ли моя армия". Под Лейпцигом он также был ответственен за отсутствие успеха в первый день сражения и провел время в бесполезных маршах и контрмаршированиях; однако в данном случае ошибочные приказы, которые он получал, были в значительной степени ответственны за его ошибки. Но на протяжении всей кампании он испытывал недостаток в четких советах прирожденного стратега Жомини, своего бывшего начальника штаба, перешедшего на сторону союзников.

Во время зимней кампании 1814 года во Франции никто не сражался более яростно и упрямо, чем герцог Эльхингенский. Когда пришел конец и Париж капитулировал, он был одним из тех, кто в Фонтенбло отказался идти маршем на Париж, несмотря на крики гвардии "На Париж!". Разгневанный упорством, с которым маршалы протестовали против безрассудства такого похода, император наконец воскликнул: "Армия будет повиноваться мне". "Нет, - ответил Ней, - она будет повиноваться своим командирам". Макдональд, только что прибывший со своими усталыми войсками, поддержал его, воскликнув: "С нас было достаточно войны, и без разжигания гражданской войны". После этого Наполеона вынудили подписать прокламацию с предложением отречься от престола; и Коленкур, Макдональд и Ней отправились в Париж, чтобы попытаться добиться условий от царя. Оказавшись в столице, маршал, казалось, отчаялся в своем назначении. Слабый и нерешительный, он был легко перекуплен Талейраном и сразу же официально присоединился к временному правительству. Когда уполномоченные вернулись к императору, он слишком ясно увидел, что его день окончен. "О, - воскликнул он, - вы хотите покоя, тогда получите его; увы! ты не представляешь, сколько разочарований и опасностей поджидает тебя на твоих пуховых ложах".

Пророчество императора было слишком верным. Хотя ему были оказаны почести, мир, наступивший после реставрации бурбонов, принес герцогу Эльхингенскому лишь небольшое удовлетворение. Привыкший к суете и спешке солдатской жизни, он был слишком стар, чтобы ощутить вкус к спокойной жизни. Книги не приносили ему удовлетворения, поскольку он едва умел читать; общество пугало его, а его простые манеры и резкая речь шокировали салоны Парижа и действовали на нервы придворным. По натуре аскет, он ненавидел распутство. Более того, его семейная жизнь отнюдь не была счастливой. Его жена, честолюбивая, любящая роскошь и удовольствия, не могла разделить его стремления и вкусы и беспокоила мужа детскими жалобами на потерю престижа при новом дворе. Следовательно, грубый старый солдат был только рад оставить ее в своем парижском отеле и похоронить себя в своем загородном поместье, где полевые виды спорта были для него развлечением, которое он мог оценить по достоинству, а его старые товарищи и соседи по деревне обеспечивали ему общество, по крайней мере, близкое по духу.

После этой мирной жизни в Кудро маршал был внезапно вызван 6 марта 1815 года в Париж. По прибытии туда он был встречен своим адвокатом, который сообщил ему о нападении Наполеона на Фрежюс. "Это большое несчастье, - сказал он. - Что делает правительство? Кого они собираются послать против этого человека?" Затем он поспешил к военному министру, чтобы получить инструкции. Ему было приказано отправиться в Безансон, чтобы принять командование тамошними войсками и помочь противостоять наступлению Наполеона на Париж. Прежде чем отправиться в свою штаб-квартиру, он зашел засвидетельствовать свое почтение королю и выразил свое возмущение поступком императора, пообещав "вернуть его обратно в железной клетке". Прибыв по его приказанию, он обнаружил, что все в смятении, а солдаты готовы в любой момент выступить за императора. У Нея была только одна мысль - спасти короля. В ответ другу, который сказал ему, что солдаты не могут сражаться с императором, он ответил: "Они будут сражаться; я начну действовать сам и вонзу свой меч по самую рукоять в грудь первого, кто не решится последовать моему примеру". Но когда вечером 13-го он прибыл в Лон-ла-Сольнье, его встретили известия о том, что со всех сторон войска дезертируют и что герцог Орлеанский и месье были вынуждены отступить из Лиона. В тот же вечер прибыли эмиссары от Наполеона, утверждавшие, что все маршалы пообещали перейти на его сторону и что Венский конгресс одобрил свержение бурбонов, заверив маршала, что император примет его так же, как на следующий день после битвы при Москве. Когда он был лишь наполовину убежден этими благовидными доводами и терзался сомнениями, пришло известие, что его авангард в Бурге дезертировал и что жители Шалон-сюр-Сон захватили его артиллерию. В агонии он воскликнул эмиссарам: "Я не могу остановить воды океана своей собственной рукой". На следующий день он созвал дивизионных генералов, чтобы дать ему совет; одним из них был Бурмон, двуличный предатель, дезертировавший от Наполеона накануне Ватерлоо; другим был суровый старый республиканец Лекурб. Они мало что могли ему посоветовать, так что в конце концов роковое решение было принято, и Ней созвал свои войска и зачитал прокламацию, составленную Наполеоном.

Едва он это сделал, как начал осознавать чудовищность своего поступка. Тем временем он написал Наполеону страстное письмо, в котором призывал его больше не вести захватнических войн. Политике императора могло бы понравиться заставить маршала покинуть тех, кому он поклялся в верности, но он не доверял людям, нарушившим свое слово, и хотя он принял Ней с внешней сердечностью, он почти не видел "черного зверя", как он его называл, в течение Ста дней, поскольку герцог Эльхингенский, полный раскаяния и стыда, спрятался в Кудро. Только в конце мая Наполеон вызвал его в Париж и приветствовал словами: "Я думал, вы стали эмигрантом". "Я должен был сделать это давным-давно, - ответил Маршал. - теперь уже слишком поздно". Тем не менее император держал его без работы до 11 июня, когда отправил его инспектировать войска вокруг Лилля, а оттуда вызвал его присоединиться к армии под Шарлеруа днем 15 июня. Сразу же по прибытии он был назначен командующим левым крылом армии, состоящим из корпусов Рейля и д'Эрлона, и получил устный приказ продвигаться на север и занять Катр-Бра. Задача маршала была отнюдь не из завидных. Ему пришлось импровизировать со штабом, знакомиться со своими подчиненными и в то же время пытаться разъяснить противоречивые приказы своего старого врага Сульта, ныне начальника штаба императора. Соответственно, когда вечером 15-го его авангард обнаружил, что Катр-Бра удерживается противником, он решил не предпринимать атаки этой ночью. Но утром 16-го он допустил еще большую ошибку. Ибо он не только пренебрег разведкой, которая показала бы ему, что ему противостоит всего лишь горстка войск, но, будучи ленивым, как всегда, не отдал

приказа о надлежащем сосредоточении своих дивизий, которые были растянуты вдоль дороги на шестнадцать миль. День, начавшийся так неудачно, неизбежно должен был принести трудности. Но эти трудности значительно усилились во второй половине дня. После трех депеш с приказом ему всеми силами удерживать Катр-Бра, он получил четвертое, написанное Сультом по приказу Наполеона, в котором ему предписывалось двигаться вправо, чтобы поддержать Груши в его атаке на пруссаков, заканчивающееся словами: "Судьба Франции в ваших руках, поэтому без колебаний действуйте в соответствии с приказами императора". Чтобы усугубить его трудности, корпус д'Эрлона был отстранен от его командования без его ведома. В этом растерянном состоянии Маршал потерял всякий контроль над собой, воскликнув: "Ах, эти английские яйца! Хотел бы я, чтобы они все были у меня в животе!" Таким образом, обезумев от ярости, он подъехал к Келлерману, крича: "Мы должны предпринять величайшее усилие. Берите свою кавалерию и бросайтесь на английский центр. Сокрушите их— оседлайте! Но было слишком поздно. Сам Веллингтон с тридцатью тысячами человек теперь удерживал Катр-Бра. Маршал должен был благодарить себя за отсутствие успеха, ибо, если бы он был менее ленив утром, сражение было бы выиграно до того, как противоречивые приказы смогли бы как-либо повлиять на его планы. Утром 17-го удрученный князь Московский не предпринял никаких шагов, чтобы выяснить, что делает его враг, хотя в десять часов он получил приказ от императора занять Катр-Бра, если там будет только арьергард. Соответственно, у англичан было достаточно времени для отступления. Когда в 2 часа дня Наполеон бросился в погоню, он приветствовал своего лейтенанта горьким упреком: "Вы погубили Францию!" Но хотя император понимал, что он больше не был Неем прежних дней, он все же сохранил его в своем подчинении. При Ватерлоо маршал проявил на поле боя свой прежний пыл. Левое крыло было брошено против союзников с яростью, напоминавшей поведение князя Московского в русской кампании. Но, порывистый, как всегда, обнаружив, что он не может сокрушить упрямого врага своей пехотой, он бросился назад и преждевременно отдал приказ о выделении 5000 человек гвардейской кавалерии. "Он снова скомпрометировал нас, - проворчал его старый враг Сульт, - как и в Йене". "Еще на час слишком рано, - воскликнул император, - но мы должны поддержать его теперь, когда он это сделал". Ошибка оказалась роковой для планов Наполеона. Напрасно французская кавалерия атаковала английские каре, все еще не поколебленные огнем артиллерии и пехоты. Тем временем пруссаки появились слева от союзников. Император поставил свою последнюю карту и приказал гвардии предпринять последнюю попытку сокрушить английскую пехоту. С мечом в руке доблестный князь Московский повел в атаку великолепных ветеранов. Но огонь английских линий сметал их сотнями. Раздался крик: "La garde recule". Нет, неукротимый, напрасно ищущий смерти, был сметен толпой, его одежда превратилась в лохмотья, изо рта шла пена, в руке он сжимал сломанный меч, перебегая от корпуса к корпусу, пытаясь сплотить беглецов насмешками типа "Труссы, вы что, забыли, как умирать?" В какой-то момент он прошел мимо д'Эрлона, когда их уносило прочь, и крикнул ему: "Если мы с тобой выберемся отсюда живыми, д'Эрлон, нас повесят". Хорошо было бы для него, если бы он смог найти смерть, которую так страстно искал. Под ним были застрелены пять лошадей, его одежда была изрешечена пулями, но ему уготована зловещая участь.

Маршал вернулся в Париж и стал свидетелем капитуляции и второго отречения. После этого у него появились мысли об отступлении в Швейцарию или Америку. Но, к несчастью, он считал себя в безопасности по условиям капитуляции и, стремясь очистить свое имя ради своих детей, скрывался в замке Бессони, недалеко от Орийяка, ожидая, какой будет позиция правительства. Там он был обнаружен ревностным полицейским чиновником, который увидел египетскую

саблю, подаренную ему Наполеоном в 1801 году. Он был немедленно арестован и доставлен в Париж. Военный трибунал, назначенный для его суда, объявил себя неспособным судить пэра Франции. Соответственно, Палате пэров было приказано продолжить процесс над ним, и она признала его виновным большинством в сто шестьдесят девять голосов против девятнадцати. Адвокаты маршала пытались отделаться от него под предлогом того, что он больше не француз, поскольку его родной город Саррелуи был отнят у Франции. Но Ней и слышать не хотел о подобном оправдании. "Я француз, - воскликнул он, - и умру французом". Рано утром следующего дня, 7 декабря 1815 года, приговор был зачитан заключенному. Офицер, на которого была возложена эта печальная обязанность, начал зачитывать свои титулы: князь Московский, герцог Эльхингенский и др. Но маршал оборвал его: "Почему вы не можете просто сказать: "Мишель Ней, когда-то французский солдат, а скоро превратится в кучу праха"?" В восемь часов утра Маршал твердым шагом был доставлен к месту казни. Офицеру, который приготовился завязать ему глаза, он сказал: "Неужели вам невдомек, что за двадцать пять лет я привык сталкиваться и с пулей, и с ядром?" Затем, сняв шляпу, он сказал: "Я заявляю перед Богом и людьми, что я никогда не предавал свою страну. Пусть моя смерть сделает ее счастливой. Vive la France!" Затем, повернувшись к солдатам, он скомандовал: "Солдаты, огонь!"

Таким образом, на сорок седьмом году жизни князь Московский, крестьянский сын, но ныне бессмертный как "Храбрый из храбрых", искупил свою ошибку. Жаль, что у него не было мужества его доблестного подчиненного в Лон-ла-Сольнье, который разломал свой меч на куски со словами: "Человеку чести легче разбить железо, чем нарушить свое слово". Оглядываясь назад и спокойно читая показания судебного процесса, становится ясно, что Ней отправился в путь в марте 1815 года с твердым намерением сохранить верность королю. Но моральное мужество изменило ему, а очарование его прежней жизни и соприкосновение с железной волей великого корсиканца сломили его принципы. Некоторым вынесенное ему наказание показалось суровым; но когда император услышал о его казни, он сказал, что получил по заслугам. "Никто не должен нарушать своего слова. Я презираю предателей. Ней опозорил себя". А герцог Веллингтон отказался вступаться за маршала, поскольку, по его словам, "было абсолютно необходимо подать пример". Но самым ярким доказательством справедливости наказания был тот факт, что с того рокового дня в Лон-ла-Сольнье маршал так и не пришел в себя, и он, который в те ужасные дни в России мог спать как маленький ребенок, никогда не мог спать спокойно.

Среди маршалов Наполеона Ней с его титулом "Храбрый из храбрых" и великолепным послужным списком тяжелых боев всегда будет нравиться тем, кто любит романтику. Но каким бы великим бойцом он ни был, великим генералом он не был. Временами на острове Святой Елены Наполеон, вспоминая свои ошибки при Катр-Бра и Ватерлоо, говорил, что ему не следовало производить его в маршалы, потому что у него была только храбрость и честность гусара, забывая свои слова в России: "У меня есть триста миллионов франков в моей казне в Тюильри; я бы охотно отдал их, чтобы спасти маршала Нея". Но, каким бы жестоким это ни казалось, возможно, император выразил свое истинное мнение о нем, когда сказал: "Он был ценен на поле боя, но слишком аморален и слишком глуп, чтобы добиться успеха". В бою он всегда был хозяином себя, но, как писал о нем Жомини, его бывший начальник штаба, "Лучшие качества Нея, его героическая отвага, быстрый государственный переворот и его энергия уменьшались в той же пропорции, в какой масштабы его командования увеличивали его ответственность. Достойный восхищения на поле боя, он проявлял меньше уверенности не

только на совете, но и всякий раз, когда фактически не оказывался лицом к лицу с врагом ". Одним словом, ему не доставало тех заметных интеллектуальных способностей, которые являются главной характеристикой таких великих воинов, как Ганнибал, Цезарь, Наполеон и Веллингтон.

VIII

ЛУИ НИКОЛЯ ДАВУ, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ АУЭРШТЕДТСКИЙ, ПРИНЦ ЭКМЮЛЬСКИЙ

В Бургундии была старая поговорка: "когда на свет появляется Даву, из ножен вылетает другой меч"; но воинственная знать Анну никогда прежде не производила оружия такой тонкой закалки, как Луи Николя, хотя их род восходил к временам первых крестовых походов. Родившийся в Осере 18 мая 1770 года, будущий маршал был предназначен для службы и в возрасте пятнадцати лет поступил в Королевское военное училище в Париже. В роковой 1789 год он получил назначение в Королевский кавалерийский полк Шампани, дислоцированный в Хесдине, но срок его службы в королевской армии был коротким. С детства юный Даву был одним из тех, кем невозможно управлять, кто, хотя и не подчиняется никаким авторитетам, подобен глине в руках выдающегося ума, способного завоевать их расположение. Его бурный дух рано пленила показная революционная логика блестящего молодого юриста Тюрро, который несколько лет спустя стал его отчимом. Полный горячего рвения к своим новым политическим принципам, раздраженный скучной рутинной гарнизонной жизни, презиравший своих посредственных товарищей, молодой подпоручик вскоре попал в беду и был уволен со службы за то, что помогал революционерам в их попытках отвратить рядовых и унтер-офицеров от их верности своему государю. Его возвращение к гражданской жизни было недолгим, поскольку, когда в 1791 году прусское вторжение заставило страну взяться за оружие, Луи Николя записался в добровольцы Йонна и благодаря своей прежней военной подготовке был сразу же избран подполковником.

Добровольцы Йонна входили в состав корпуса, противостоявшего австрийцам в Нидерландах, и благодаря суровой дисциплине своего подполковника прославились как самые надежные из всех добровольцев, набранных в 1791 году. Даву принял тот же план, который оказался столь эффективным среди шотландских полков в восемнадцатом веке: поддерживать тесную связь с местными властями Йонны и награждать или наказывать своих людей, помещая их имена рядом с их записями в различных кантонах, из которых они были набраны. После храбрых боев под командованием Дюмурье на долю батальона выпала попытка захватить в плен этого генерала, когда после битвы при Неервиндене он попытался предать свою армию австрийцам. Вскоре после этого подполковнику пришлось оставить свое командование, когда Конвент постановил, что ни один высокопоставленный дворянин не может занимать офицерский чин; но послужной список Даву был настолько убежденным республиканцем, что его другу Тюрро не составило труда добиться восстановления его в звании и направления командовать кавалерийской бригадой в Мозельской армии. За исключением двух лет, в течение которых он находился дома условно-досрочно, после взятия Мангейма, генерал находился на действительной службе в

долине Рейна до заключения мира в Кампо-Формио в 1797 году. В течение этих лет он неуклонно укреплял свою репутацию сурового командира и упрямого бойца и как таковой привлек внимание Десо, который в начале 1798 года представил его Бонапарту. Будущий император с первого взгляда понял, что этот невысокий, плотный, лысый молодой человек обладает качествами, которыми обладали немногие другие. Поэтому он взял его с собой в Египет. Как и все, кто встречался с молодым Наполеоном, Даву полностью попал под его чары. Несмотря на то, что он не входил в число немногих друзей, которых Бонапарт выбрал для возвращения вместе с ним в 1800 году, его энтузиазм по отношению к Первому консулу возрастал день ото дня. Вернувшись во Францию вместе с Дезэ незадолго до кампании Маренго, он сразу же поспешил в Париж, чтобы поздравить нового главу правительства. Республиканство Даву пережило много потрясений. Как и все другие благородные люди, он ненавидел Террор. Более того, во время службы он видел, как мало проповедники равенства людей претворяют свое учение в жизнь. Еще в 1794 году мы находим, что он писал другу: "Должны ли мы подвергаться тирании какого-либо случайного революционного комитета или клуба?... Почему не все французы являются свидетелями братства и республиканских добродетелей, которые царят в наших лагерях; здесь у нас нет разбойников, но разве у нас дома их мало?" Бонапарт хорошо знал, что Даву был не только его восторженным личным последователем, но и полностью одобрил государственный переворот 18 Брюмера и в своем стремлении к миру и стабильности у себя дома горячо поддержал бы его в его плане установления тирании под видом Имперской республики. Соответственно, первый консул опубликовал о нем самый лестный отзыв в официальном журнале *"Монитор"* и назначил его командующим кавалерией итальянской армии под командованием генерала Брюна. В июне 1801 года, после Люневильского мирного договора, в соответствии со своим планом собрать своих друзей в штаб-квартире, он отозвал его в Париж в качестве генерального инспектора кавалерии.

Именно работая таким образом, Даву познакомился со своей женой Эме Леклерк. Эме, сестра того Леклерка, который женился на Полин Бонапарт, получила образование в школе мадам Кампан в Париже вместе с молодыми Богарне и Бонапартом и была закадычной подругой Каролины и Гортензии. Со многих точек зрения этот брак был чрезвычайно подходящим, поскольку, хотя Даву принадлежали к старой знати, а отец Эме был всего лишь торговцем зерном в Пуату, он преуспел в своем бизнесе и смог дать дочери превосходное образование. Этот брак сблизил Даву с семьей Первого консула и был успешным с мирской и домашней точек зрения. Будущий маршал был глубоко привязан к своей жене и проводил с ней каждую минуту, которую мог урвать от своих военных обязанностей. Когда он отсутствовал на службе, не проходило и дня, чтобы он не написал ей, и его счастье было полностью связано с ее благополучием и благополучием его большой семьи. Через год после женитьбы Даву купили прекрасное поместье Савиньи-сюр-Орж за сумму в семьсот тысяч франков. Это было большой нагрузкой на их довольно ограниченные ресурсы, и в течение нескольких лет им приходилось соблюдать строгую экономию.

В сентябре 1803 года генерал был вызван в Брюгге для командования корпусом Армии океана, который позже стал третьим корпусом Великой армии. Там, в тесном общении со своим великим начальником, он начал проявлять те черты характера, которые сделали его уважаемым как самого безжалостного и осторожного администратора из всех маршалов Франции. Его энергия была неутомимой; все должно было подвергаться его личному контролю, будь то наилучшие средства обеспечения посадки роты на одну из новых барж или тщательный осмотр

сапог батальона: Даву, как и Веллингтон, знал, что походные качества солдата зависят от двух вещей: его ног и желудка, и каждый солдат третьего корпуса должен был иметь две пары хороших сапог в саквояже и одну на ногах. Секретность также, по его мнению, имела первостепенное значение; он быстро преподал урок всем шпионам или потенциальным шпионам в Бельгии, и со строгим чувством выполненного долга написал Первому консулу: "Ваши приказы о суде над шпионом (Бюловым) будут выполнены, и в течение недели он будет казнен". День за днем, набираясь опыта, неутомимый солдат пользовался одобрением Первого консула, и Наполеон, став императором, без всякого чувства фаворитизма назначил его в число своих новоиспеченных маршалов, хотя в глазах армии в целом он еще недостаточно сделал, чтобы оправдать этот выбор.

Кампания 1805 года предоставила маршалу первую возможность справиться с большими группами войск всех родов войск на поле боя, и, хотя это не привлекло к нему такого заметного внимания, как Мюрат, Ланн, Султ и Ней, это оправдало выбор Наполеоном его как достойного маршальского батона. В операциях вокруг Ульма Даву проявил себя превосходным подчиненным, корпус которого всегда был готов в полном составе выступить в поле боя в тот час, когда ему был отдан приказ, в то время как суровая пресечение маршалом мародерства было новой чертой французской военной дисциплины, которую ни один другой маршал не мог успешно выполнить, не заморив свои войска голодом. Но именно Аустерлиц научил студентов войны истинным способностям этого подающего надежды офицера. Там император, полагаясь на его упрямый, методичный характер, возложил на него обязанность, которая в высшей степени соответствовала его гению: он выбрал свой корпус в качестве прикрытия ловушки, которую он устроил для русского левого фланга, и в течение всего дня ему приходилось вести суровые арьергардные бои против превосходящих сил противника, пока это не вынудило врага рассеять свои силы и настолько ослабить его центр, что его левый и правый фланг были разбиты по частям. После Аустерлица Даву было поручено преследование левого крыла союзников. Окрыленный победой, третий корпус обратил дезорганизованного противника в безнадежное бегство, и казалось, что уничтожение русских было неминуемо. Тем временем, без ведома маршала, император принял требования царя о перемирии. Даву впервые услышал о прекращении военных действий от противника, но, помня об ошибке Мюрата, отказался останавливать свои войска. "Вы хотите обмануть меня, - сказал он флагу перемирия. - вы хотите выставить меня дураком.... Я собираюсь раздавить тебя, и это единственный приказ, который я получил". Итак, третий корпус двинулся дальше, и только вручение депеши, написанной рукой самого царя, заставило победителя, наконец, остановить его.

ЛУИ НИКОЛЯ ДАВУ, ПРИНЦ ЭКМЮЛЬСКИЙ
С ГРАВЮРЫ ПО МОТИВАМ КАРТИНЫ ГОТЕРО

Хотя Даву вышел из австрийской кампании с репутацией в армии человека, наконец-то заслужившего свой маршальский значок, широкой публике он по-прежнему казался

"маленьким, добродушным, непритязательным человеком, который никогда не устал танцевать вальс", но кампания 1806 года сделала его едва ли не самым известным из всех маршалов. Ауэрштедт был шедевром второстепенной тактики. Наполеон, думая, что перед ним в Йене вся прусская армия, призвал к себе на помощь Бернадотта и, таким образом, оставил Даву с двадцатитрехтысячным войском изолированным на своем правом фланге с приказом продвигаться вперед и попытаться обойти линию отступления противника.

Именно во исполнение этого приказа ранним утром 14 октября 1806 года маршал во главе авангарда своего корпуса переправился через реку Заале у Козена и приступил к захвату ущелья за мостом, через который проходила дорога на Наумберг. Верный своему девизу никогда не перекладывать на других то, что он мог бы сделать сам, он лично накануне вечером тщательно разведал линию наступления и знал важность деревни Хассенхаузен на дальнем конце ущелья. Едва его авангард захватил эту позицию и высоты, господствующие над дорогой, как сквозь туман они увидели приближающиеся массы вражеской кавалерии; пылкий прусский командующий Блюхер сразу же бросился в атаку и снова и снова водил своих всадников в атаку. Тем временем Брауншвейг отдал встречный приказ об отступлении пехоты и артиллерии. Вскоре вся прусская армия численностью в сорок пять тысяч человек была задействована в попытке сокрушить небольшие силы французов. Но маршал был в своей стихии, тщательно экономя свои ресурсы только для того, чтобы бросить их в бой в критический момент; наносил ложные удары по флангам противника; использовал каждую черту местности, чтобы продлить его сопротивление; скакал галопом от каре к каре, его форма почернела от пороха, треуголку снесло пулей, подбадривал свои войска короткими, резкими словами, выкрикивая: "Великий Фридрих верил, что Бог даровал победу большим батальонам, но он солгал; побеждают упрямые люди, и это вы и ваш генерал". С шести утра бушевал бой, но к середине дня пруссаки, обнаружив, что они не могут произвести никакого впечатления на противника, начали ослаблять свою атаку. Даву воспользовался психологическим моментом, чтобы приказать всей своей линии наступать. После этого король Пруссии приказал своим войскам отступить, оставив сильный арьергард под командованием Калькройта для предотвращения преследования французов. Но французы были не в состоянии вести активное преследование, поскольку из двадцати трех тысяч сражавшихся они потеряли почти восемь тысяч убитыми или ранеными. Совершенно верно, что французский солдат в 1806 году превосходил прусского по уму и патриотизму, что французский штаб был бесконечно выше прусского, и что не было никакого сравнения между моральным духом двух армий; но одно это не объясняет, как армия вдвое меньшей численности противника, застигнутая в момент развертывания из ущелья, не только не была разбита наголову, но и фактически нанесла поражение превосходящим силам. Секрет успеха французов при Ауэрштедте заключался в характере их генерала. Тщательная разведка местности Даву, его быстрота, уловившая в Хассенхаузене ключевой момент позиции, его осторожный захват высот, прикрывающих ущелье, мастерский способ, которым, сосредоточивая своих людей на открытом месте для отражения яростных атак Блюхера, он в то же время ухитрился так расширить свою линию, чтобы угрожать флангам своего значительно превосходящего противника, его неукротимое мужество в броске своего последнего резерва на линию огня и его дерзкая контратака в тот момент, когда он увидел, что пруссаки колеблются, спасли его силы от поражения. то, что в то время выглядело как уничтожение, и благодаря чистой отваге и уверенности в себе превратило поражение в победу.

Как бы ни был доволен император победой своего лейтенанта и как бы ни восхищался тем, как его подчиненный копировал его собственные методы, демонстрируя непреклонность

цели, абсолютное пренебрежение мнением других и непоколебимую веру в свои способности, которые, как он знал, были факторами его собственного успеха, его политике не соответствовало то, что подчиненный должен вызывать восхищение армии в целом. Соответственно, в своих бюллетенях он умалял роль, сыгранную Даву, и принижал его успех, но в своих частных письмах тепло восхвалял мужество и способности маршала. Далее, чтобы вознаградить его за отсутствие официальной похвалы, он отвел третьему корпусу почетное место на торжественном марше, проходившем в Берлине, когда жители столицы Фридриха Великого впервые увидели со смешанным чувством ненависти и удивления "веселых, наглых, подлого вида маленьких человечков", разгромивших их собственные великолепные войска. На следующий день император осмотрел третий корпус и поблагодарил офицеров и рядовых за большие услуги, которые они ему оказали, и отдал дань уважения "храбрым людям, которых я потерял, о которых я сожалею, как о своих собственных детях, но которые погибли на поле чести". Как бы ни был доволен маршал этим несколько запоздалым признанием его достижений, он ни в коей мере не был раздут от гордости; как говорит о нем генерал Сегюр: "Те, кто знал его лучше всех, говорят, что в его непреклонности был своего рода привкус ушедшей эпохи; суровый по отношению к себе и другим, и прежде всего в той стоической простоте, возвышающейся над всяким тщеславием, с которой он всегда шагал вперед, расправив плечи и полный решимости выполнить свой долг". Но хотя успех не вызвал гордости в его свите, он принес свои тяготы: ревность других маршалов была едва скрыта, и, как писал Даву своей жене, "Я больше, чем когда-либо, нуждаюсь в благоволении императора ... мало кто из моих коллег прощает мне ту удачу, которую выпала третьему корпусу в разгроме короля Пруссии".

Зима, проведенная в Польше среди этой зависти и вдали от его семьи, была терпимой только из-за его привязанности к службе и личности императора. Сразу же по прибытии в страну, которой ему предстояло управлять в течение следующих двух лет, маршал вкратце обрисовал ситуацию и сказал императору, что дворянство обольет холодной водой все планы, если французы не гарантируют им независимость.

С весной 1807 года наступила последняя фаза войны. При Гейльсберге Даву хорошо сражался, а два дня спустя принял участие в великой битве при Эйлау, самой кровопролитной из всех битв Наполеона. Русский командующий Беннигсен обратился в бегство от своих преследователей. Утром 8 февраля по приказу императора со всех сторон поспешно подошел французский корпус. Однако только к середине дня третий корпус прибыл на место боевых действий. Сильные снежные бури скрывали место происшествия, но борьба бушевала яростно со всех сторон, русские дрались, как быки, по словам французов. Император по прибытии Даву расположил свой корпус справа и приказал ему наступать, но кавалерия и артиллерия противника преградили ему путь. Состязание длилось весь день, мужчины сражались врукопашную в замешательстве. Весь день Даву с упрямой храбростью удерживал деревню, которую он захватил утром, откуда он угрожал русским на пути отступления. Когда наступила ночь, он все еще удерживал свою позицию; наконец император, опасаясь возобновления сражения на следующий день, в восемь часов отдал приказ третьему корпусу отступить к Эйлау. Но маршал, услышав о начале отступления русских, послушался императора, и таким образом, своим смелым выступлением вперед совместно с Сультом он сыграл главную роль в том, что заставил противника покинуть поле боя. Если бы Даву был менее упрям, французам пришлось бы на следующий день дать еще одно сражение, но благодаря ему они были избавлены от этой участи, и двадцать пять тысяч убитых и раненых французов пролили свою кровь не напрасно. Третий корпус избежал ужасов Фридланда, поскольку был выделен для перехвата линии

отступления противника в направлении Кенигсберга, и Тильзит стал свидетелем окончания второй кампании Даву против русских.

Но мир не принес возможности вернуться в его любимую Францию и насладиться радостями домашней жизни; император в мирное время, как и на войне, не мог обойтись без огромных административных способностей, суровой дисциплины и непреклонной честности маршала. "Вполне справедливо, что я преподнес ему огромные подарки, - сказал император, - потому что он не берет никаких привилегий". Таким образом, Даву номинально стал командующим оккупационной армией, а на самом деле - специальным советником правительства новообразованного Великого герцогства Варшавского. Это была ситуация, которая требовала бесконечного такта, терпения и твердой воли. Поляки жаждали восстановления королевства Польского. Император не мог согласиться на это, не оскорбив своего нового друга царя, который вместе с австрийским императором с подозрением относился к эксперименту по созданию Великого герцогства. Таким образом, с одной стороны, маршал должен был попытаться внушить доверие полякам, делая вид, что Великое герцогство было всего лишь временным экспериментом в более широкой политике восстановления королевства, в то время как с другой стороны, он должен был заверить австрийцев и русских, что ничто так не входило в планы императора, как создание в Варшаве опасной для них державы. Тем временем у него было много занятий по добыванию провизии для своих войск в стране, всегда бедной, но недавно опустошенной войной, и в попытках поддерживать порядок в стране, полной авантюристов, где полиция была неизвестна. Попытаться получить помощь от правительства было бесполезно, поскольку не существовало никакой организации, никакого разделения обязанностей между разными министрами, и никто не знал, в чем заключался его собственный конкретный бизнес. Ситуация была хорошо подытожена в карикатуре, на которой были изображены министры, красиво одетые в свои различные мундиры, но без голов. Для нового правительства было хорошо, что на их стороне был такой суровый, бескорыстный советник, как Даву, готовый проявить инициативу и взять на себя ответственность за любой поступок, который, по его мнению, был полезен для общества. Под его руководством сферы деятельности министров были должным образом распределены: государство было спасено от банкротства за счет импорта слитков из Пруссии и депортации авантюристов, которые наполняли свою казну, выкачивая деньги из страны. Монахам, которые проповедовали против правительства и разжигали народное недовольство, трижды в сутки давали указание привести свои дома в порядок, а затем спокойно препровождали через границу. Сильный польский отряд был собран, вооружен и экипирован князем Понятовским под руководством маршала. В награду за его труды император пожаловал Даву триста тысяч франков на покупку городского дома в Париже, а вслед за этим, в мае 1808 года, присвоил ему титул герцога Ауэрштедтского. Но больше всего маршалу понравилось то, что император позволил герцогине присоединиться к нему в Варшаве. Это был политический ход, поскольку император, хорошо зная тайные намерения Австрии, не мог позволить себе отозвать пограничного надзирателя с его аванпоста в Варшаве; но, отправив герцогиню Ауэрштедт в Польшу, он удовлетворил своего верного лейтенанта. Однако визит герцогини в Польшу был недолгим. К сентябрю 1808 года стало ясно, что Австрия прилагает огромные усилия для возвращения своих владений, и, соответственно, Наполеон очень мудро начал концентрировать свои войска в Центральной Европе, а корпус герцога Ауэрштедта был отозван в Силезию в октябре и был включен в состав французских войск в Пруссии под названием Рейнская армия.

В течение зимы маршал был полностью занят тем, что заставил Пруссию осушить до последней капли чашу унижения: вымогал у нее огромный выкуп, который возложил на нее Наполеон, и подавлял ее попытки к возрождению, изгнав из страны патриотически настроенного Штейна и его группу соратников по работе. Из своих мест расквартирования вокруг Берлина Даву был вызван в 1809 году для участия в очередной битве с Австрией. Кампания началась катастрофически для французов. Эрцгерцог Карл начал боевые действия раньше, чем рассчитывал Наполеон, и, соответственно, Великая армия оказалась под слабым командованием начальника генерального штаба. Бертье, слепо повинувшись императору, который неправильно оценил ситуацию, был вынужден пренебречь основными принципами войны и попытаться блокировать все возможные направления наступления вместо того, чтобы сосредоточиться на стратегической позиции. Вследствие этого герцог Ауэрштедтский, несмотря на свои официальные протесты, оказался в Ратисбоне, изолированный от остальной армии, без поддержки в радиусе сорока миль. Из этого опасного положения его спасло прибытие императора в ставку, который, осознав свои собственные ошибки, немедленно приказал сосредоточиться на Абенсберге. Отступление, или, скорее, фланговый марш, перед лицом восьмидесяти тысяч австрийцев под командованием эрцгерцога Карла, был успешно осуществлен благодаря упорному бою войск и удачному вмешательству сильной грозы, которая вынудила противника отказаться от атаки в критический момент, когда французы пересекали труднопроходимое дефиле. Два дня спустя император еще раз проверил упрямые качества Даву, поручив ему сдерживать основные австрийские силы, пока он расправляется с остальными силами противника. Результатом стали трехдневные бои при Экмюле; в течение первых двух Даву без посторонней помощи держался самостоятельно, пока на третий не прибыл император с поддержкой и нанес австрийцам решающий удар, но вознаградил маршала за его упорство, даровав ему титул принца Экмюля.

Хотя его корпус фактически не участвовал в битве при Асперн-Эсслинге, маршал внес большой вклад в предотвращение полной катастрофы. Как только он услышал о разрушении моста, он приступил к организации флотилии лодок, и именно благодаря переправленным таким образом боеприпасам французские войска на северном берегу смогли удержаться и прикрыть отступление к острову Лобау. В то время как обе стороны сосредоточивали всех имеющихся в наличии людей для великой битвы при Ваграме, Даву было поручено наблюдать за эрцгерцогом Иоанном, чья армия в Прессбурге была опорным пунктом для венгров. Как только французские приготовления были завершены, маршал, оставив сильный заслон перед эрцгерцогом, быстро отступил на остров Лобау и, таким образом, обманув эрцгерцога, дал императору преимущество в пятьдесят тысяч человек над противником. Долг принца Экмюля в битве при Ваграме состоял в том, чтобы обойти левый фланг противника и, расположив свой корпус между двумя эрцгерцогами, в то же время угрожать вражескому тылу и дать возможность французскому центру провести успешную атаку. Это была самая трудная и опасная операция, поскольку в любой момент эрцгерцог Иоанн мог появиться на незащищенном правом фланге. Пока Даву маршировал и сражался для достижения своей цели, главное сражение развернулось против французов. Левый фланг и центр были отброшены назад, и казалось, что австрийцы были обречены захватить мост в Энзердорфе. Под крики "Все пропало!" французская резервная артиллерия и обозы с обозом в замешательстве бежали. Но в критический момент пришло облегчение, ибо принц Экмюльский, бросив своих закованных в сталь кирасир на несломленную австрийскую пехоту, потеряв почти всех своих генералов в отчаянной рукопашной схватке на склонах Нойзиделя, наконец достиг вершины плато и вынудил

противника отбросить свой левый фланг и ослабить центр. В тот момент, когда император увидел, что орудия появились на вершине Нойзиделя, он направил корпус Макдональда против австрийского центра и послал своего адъютанта к Массене, чтобы сказать ему "начинать атаку ... битва выиграна". Но Даву был не в состоянии развить свое преимущество над левым флангом противника, поскольку в тот момент, когда он достиг вершины плато, пришло известие, что авангард принца Джона находится в контакте с его разведчиками; соответственно, он остановился и построился в боевой порядок, готовый в любой момент столкнуться с венгерскими войсками, если они попытаются атаковать его с тыла. К счастью для французов, эрцгерцог Иоанн забыл, что враг никогда не бывает таким слабым, как после успешной атаки, и вместо того, чтобы бросить свои свежие войска на ослабленных и дезорганизованных французов, он остановился и с наступлением темноты отступил в направлении Прессбурга. Когда во время продолжения сражения эрцгерцог Карл прислал флаг перемирия, предлагая обсудить условия, император созвал военный совет. Мнения разделились, но Даву был за продолжение сражения, указывая, что "овладев дорогой из Брюнна, за два часа можно было бы сосредоточить тридцать тысяч человек поперек линии отступления эрцгерцога". Доводы маршала, казалось, вот-вот возобладают, когда пришло известие, что Брюйер, командовавший кавалерией, был серьезно ранен. После этого император изменил свое мнение, воскликнув: "Посмотрите на это: смерть нависла над всеми моими генералами. Кто знает, не услышу ли я в течение двух часов, что вас уволили? Нет, пролито достаточно крови; я принимаю приостановку военных действий".

После эвакуации завоеванных территорий маршал был назначен командующим армией Германии. В его обязанности входило обеспечивать соблюдение континентальной системы и строго следить за Пруссией. Брак с Марией Луизой на какое-то время снял напряженность в Центральной Европе, и, соответственно, в 1810 году Даву получил возможность пользоваться длительными отпусками. Он присутствовал в качестве генерал-полковника гвардии на императорской свадьбе и при погребении останков Ланна в Пантеоне, а также исполнял свои обязанности генерала при императорском дворе. Его письма к жене проливают интересный свет на императорскую семью. Присутствующим офицерам были предоставлены хорошие, комфортабельные комнаты и еда, но им пришлось самим добывать постельное белье, тарелки, восковые свечи, дрова и кухонную утварь; в постскриптуме он добавляет: "Вы должны не только прислать мне все вышеперечисленное, но и добавить полотенца, простыни, наволочки и т.д.; пока они не придут, я должен спать на голом матрасе".

В 1811 году растущая враждебность России потребовала присутствия принца Экмюля в штаб-квартире его командования. Наполеон хорошо знал, что никто не сможет быстрее распознать любое тайное движение, враждебное его интересам, чем человек, который в 1808 году так много сделал для сдерживания возрождения Пруссии, выполняя свои приказы, играя на страхах прусского короля и разоблачая хитроумие предложений патриотически настроенного Штайна. Маршал добрался до своей штаб-квартиры в Гамбурге в начале февраля и вскоре обнаружил, что у него полно дел. Речь шла уже не о том, чтобы так распорядиться вверенным его попечению корпусом, чтобы он мог нанести урон англичанам, "которые со времен Кромвеля играли в игру, разоряющую нашу торговлю", но о подготовке смешанных сил французов, поляков и саксонцев численностью до ста сорока тысяч человек на случай войны с Россией или для полного уничтожения Пруссии. Никому другому из своих маршалов император не доверил командования ста сорока тысячами солдат, и, следовательно, старая вражда и зависть вспыхнули с новой силой. Ходили слухи, что доход маршала от его инвестиций, жалованья и

привилегий составлял более двух миллионов франков в год; что ни у кого в императорской семье не было ничего подобного, и люди говорили, что лучше быть Даву, чем принцем королевской крови. Принц проигнорировал все досадные скандалы, которые его жена посылала ему из Парижа, и спокойно занялся подготовкой транспорта и снаряжением складов для предстоящей войны, время от времени делая громкие заявления, информирующие короля Пруссии о том, что его тайные планы были хорошо известны французским властям. Но скрытая зависть принесла свои плоды. Ни у кого не нашлось доброго слова в защиту Даву, и некому было заступиться за него. Самым катастрофическим для Великой армии было недопонимание, существовавшее между Бертье и Даву, которое препятствовало их сотрудничеству; и, таким образом, во время русской кампании опрометчивый пустоголовый Мюрат имел больший вес у Наполеона, чем Даву, осторожный, но упорный старый боец. Соответственно, во время битвы при Москве, когда у Наполеона был последний шанс уничтожить русских, он отказался слушать маршала, который умолял разрешить русским повернуть налево ночью. "Нет, - сказал император, - это слишком масштабное движение; оно слишком сильно отвлекет меня от моей цели и заставит потерять время". Даву, уверенный в мудрости этого совета, еще раз возобновил свои доводы, но император грубо прервал его словами: "Вы всегда за то, чтобы обратить врага вспять; это слишком опасное движение". Таким образом, битва под Москвой была катастрофической победой, открывшей ворота Москвы без уничтожения российских вооруженных сил на поле боя. Но в значительной степени это была победа именно благодаря маршалу, потому что русские сражались с величайшим упорством; почти все французские генералы были ранены или убиты, и в какой-то момент войсками овладела паника. Тогда-то принц Экмюльский сам собрал разбитые батальоны и повел их в атаку. Несмотря на рану внизу живота, с непокрытой головой и в мундире, покрытом грязью и кровью, он вынудил своих усталых солдат выступить против врага и, как и при Ауэрштедте, исключительно благодаря неукротимой храбрости заставил свои войска разбить врага. Его корпус принял на себя часть ужасов отступления из Москвы, составляя на некоторое время арьергард.

Когда Наполеон бросил остатки Великой армии при Вильме, трудности маршала, естественно, возросли, поскольку теперь командовал его враг Мюрат, и, как он писал своей жене ранее в ходе кампании, "Я стою в десять раз больше, когда присутствует император, ибо он один может навести порядок в этой огромной сложной машине". Но король Неаполя недолго удерживал свое командование: у него не было такого доверия Даву к Наполеону, он был недоволен неудачным ходом кампании и боялся потерять свою корону. Маршал, всегда преданный императору, не захотел слушать ни одной из обличительных речей гасконца и прямо сказал ему: "Ты король только милостью Наполеона и кровью храбрых французов. Вы можете остаться королем только с помощью Наполеона и оставаясь единым целым с Францией. Это черная неблагодарность, которая ослепляет вас". Итак, Мюрат отправился в Италию планировать государственную измену, а Даву вернулся в Германию, чтобы поставить свою жизнь и репутацию на службу императору.

В 1813 году на долю маршала выпало удерживать Северную Германию в рамках плана кампании, согласно которому продвижение союзников должно было быть остановлено. Император решил сделать Гамбург примером для других немецких городов, чтобы показать, какая участь ожидает тех, кто покинул его. По его приказу все, кто принимал какое-либо участие в дезертирстве, должны были быть арестованы, а их имущество конфисковано, и что города Любек и Гамбург должны были выплатить контрибуцию в размере пятидесяти миллионов франков. Маршал выполнил его приказ. Гамбург бессильно корчился у его ног, и "тяжелая рука

правосудия опустилась на каналье". Только в случае с контрибуцией он сделал какое-либо отступление от пожеланий императора, поскольку было нецелесообразно изгонять всех богатых людей из государства. Во исполнение планов императора, к зиме 1813 года Даву сделал Гамбург неприступным. Он собрал огромные припасы и построил деревянный мост длиной в две лиги, соединяющий Харбург и Гамбург. С тридцатитысячным гарнизоном опасность угрожала скорее изнутри, чем извне, поскольку жестокое наказание Наполеона Гамбургу, закончившееся конфискацией восьми миллионов марок из фондов городского банка, заставило имя Франции запятнать ноздри жителей. Маршал был полон решимости удерживать город до последнего. В декабре, когда провизия начала подходить к концу, бедняков изгнали из города; тем, кто отказывался ехать, угрожали пятьюдесятью ударами палки. "В конце декабря людей без различия пола и возраста вытаскивали из постелей и вывозили из города". Во время осады русский командующий Беннигсен попытался с помощью шпионов и прокламаций поднять восстание в крепости, но хватка Даву была слишком крепка, чтобы ее можно было поколебать, и несколько казней охладили пыл шпионов. Только 15 апреля маршалу сообщили под флагом перемирия о падении Империи; не уверенный в правдивости этой новости, он отказался сложить свое командование. Наконец, 28 апреля из Парижа поступили официальные известия, и на следующий день пятнадцать тысяч человек, оставшихся от первоначального тридцатитысячного гарнизона, присягнули на верность бурбонам и водрузили белую кокарду.

11 мая прибыл генерал Жерар, чтобы отстранить Даву от командования. По прибытии во Францию принцу Экмюлю предъявили обвинения в том, что он открыл огонь по белому флагу после того, как ему сообщили об отречении Наполеона, в присвоении средств Гамбургского банка и в совершении произвольных действий, из-за которых имя Франции стало одиозным. Его ответ заключался, во-первых, в том, что до получения официальной информации о падении Империи его долгом было принять меры, чтобы Гамбург не был застигнут врасплох; что присвоение средств банка было единственным способом найти деньги для удержания Гамбурга; что он не несет ответственности за континентальную систему и как солдат он только подчинялся командам; что на самом деле он ухитрился облегчить тяжелую контрибуцию и, наконец, что во время осады он приказал расстрелять только двух шпионов и одного французского солдата за хищение больничных припасов. Но, несмотря на его защиту и мольбы его товарищей-маршалов, Людовик отказался позволить Даву принести присягу на верность, и, соответственно, когда в 1815 году Наполеон вернулся с Эльбы, принц Экмюльский единственный из всех маршалов смог поспешить к императору, не запятнав своей чести.

Сразу же по возвращении император усомнился в верности своего друга и сообщил ему, что избрал его военным министром. Маршал умолял о военной службе, но император был тверд; только Даву держался за него, а все остальные были запятнаны бурбонами. Маршал по-прежнему отказывался, ссылаясь на свои резкие манеры и хорошо известную резкость; но в конце концов император воззвал к его жалости, указав, что вся Европа против него, и спросив его, собирается ли он также покинуть своего государя. После этого маршал принял этот пост. Несмотря на то, что он был принцем мартинетов, это была нелегкая ноша - возродить рассеянную по ветру армию. Не хватало всего - людей, лошадей, орудий, транспортов, припасов и боеприпасов. И все же он творил чудеса, и к началу июня император располагал полевой армией численностью в сто двадцать тысяч человек, а еще четверть миллиона человек находилась во Франции. По возвращении императора в Париж после катастрофы при Ватерлоо маршал тщетно умолял его распустить собрания и провозгласить диктатуру, но дух Наполеона был сломлен, и благоприятный момент был упущен. Тем временем император бездействовал в

Мальмезоне, и к 28 июня пруссаки прибыли под Париж с намерением захватить его в плен; но принц Экмюльский предотвратил опасность, забаррикадировав или сожгв мосты через Сену и развернув шестидесятитысячный отряд перед Блюхером. Благодаря этому Наполеон бежал в Рошфор и был обязан своей безопасностью Даву, поскольку Блюхер поклялся поймать его живым или мертвым.

После эвакуации Парижа маршал отступил на запад с остатками императорской армии, ныне называемой армией Луары. Но как только Людовик вновь взошел на трон, он сместил Даву, сделав Гувииона Сен-Сира военным министром, а Макдональда командующим Луарской армией. Маршал провел несколько месяцев в изгнании, но в 1816 году ему разрешили вернуться во Францию. Однако взаимное недоверие между ним и бурбонами преодолеть не удалось, и, хотя он принес присягу на верность и получил крест Святого Людовика, он никогда не пытался вернуться к общественной жизни и умер от приступа плеврита 1 июня 1823 года.

Причины успеха принца Экмюля легко установить: острое восприятие, целеустремленность и преданность делу, которые никогда не ослабевали и не подводили, - это дары, которые обязательно принесут успех, если добавить их к исключительной череде удач. Среди маршалов, без сомнения, было много людей, обладавших таким же острым восприятием и таким же живым воображением, как Даву, но не было никого, кто обладал бы его огромным упорством и решимостью, и, возможно, один Бессьер превзошел его в личной преданности императору. Сколько бы мы ни видели вины в его неустанном преследовании патриота Штейна в Пруссии, в его жестоких поборах в Гамбурге и в безжалостном обращении со шпионами и дезертирами, мы должны помнить, что все это он делал из патриотических побуждений. Более того, мы не можем не восхищаться человеком, который взял за принцип, когда получил строгие приказы, принимать всю ненависть, возникающую в результате их исполнения, потому что он считал, что, поскольку суверен постоянен, а должностные лица сменяемы, важно, чтобы должностные лица не боялись мер, которые являются лишь временными. По его мнению, фраза "Если бы король только знал" была драгоценной иллюзией, которая была одним из краеугольных камней всего правительства: таким образом, выполняя суровые приказы, маршал никогда не пытался прикрыться именем императора.

Поэтому из чувства патриотизма, как слуга французского императора, Даву безжалостно давил на тех, кто пытался сбросить иго Франции. Каким бы суровым ни был его характер, он не скрывал от самого себя, что его политика едва ли имела отношение к побежденным, ибо, когда Наполеон спросил его: "Как бы ты повел себя, если бы я сделал тебя королем Польши?" он ответил: "Когда человек имеет честь быть французом, он всегда должен быть французом", но добавил: "С того дня, как я принял корону Польши, я стал бы целиком и исключительно поляком, и я действовал бы в полном противоречии с вашим Величеством, если бы интересы народа, главой которого я был, требовали этого". Как солдат и администратор, хотя его по праву называли принцем мартине, все же в его глазах не было ничего более отвратительного, чем бюрократизм. Эффективность - это все, и эффективность, по его мнению, могла быть достигнута только путем личной проверки деталей, рассмотренных в связи с существующими условиями, а не слепым подчинением жестким правилам. Именно этот склад ума и готовность ко всем непредвиденным обстоятельствам принесли ему титулы герцога Ауэрштедтского и принца Экмюльского и сделали его правой рукой великого императора, который признавался, что

"Если я всегда готов, то это потому, что, прежде чем взяться за какое-либо предприятие, я долго размышлял и предвидел, что может произойти. Это не гениальность, которая внезапно и тайно открывает мне, что я должен делать в обстоятельствах, непредвиденных другими: это мысль и медитация".

IX

ЖАК ЭТЬЕН ЖОЗЕФ АЛЕКСАНДР МАКДОНАЛЬД, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ ТАРЕНТСКИЙ

Жак Этьен Жозеф Александр Макдональд, герцог Тарентский, был сыном местного фермера Макахайма. Макахаймы из Уиста были отдаленной ветвью Макдональдов из Кланранальда. Отец будущего маршала получил образование в Шотландском колледже в Париже и некоторое время был наставником в доме Кланранальда. Благодаря его знанию французского языка ему было поручено помочь Флоре Макдональд организовать побег принца Чарльза. Он сопровождал принца во Францию и получил назначение в пехотный полк Огилви. В 1768 году Валл Макахайм, или Нил Макдональд, как его называли во Франции, вышел на пенсию в тридцать фунтов в год. На эти гроши он воспитывал свою семью в Сансере. Будущий маршал родился в Седане 17 ноября 1765 года. Он получил образование для армии в военной академии в Париже, которую содержал шотландец Пауле, но из-за плохой математики не смог поступить в Артиллерийское и инженерное училище. Эта неудача стала горьким ударом для увлеченного молодого солдата, который, начитавшись Гомера, уже вообразил себя Ахиллесом. Но в 1784 году ему представился шанс; голландцам, которым угрожал император Иосиф II, пришлось импровизировать с армией, и Макдональд принял знамена полка, созданного французом, графом де Майбуа. Несколько месяцев спустя полк был расформирован, поскольку голландцы купили мир, которого они не могли добиться оружием в руках. Молодой офицер, таким образом, предоставленный самому себе, был рад поступить кадетом в ирландский полк Диллона на службе французского короля, и в момент начала Революции он был младшим лейтенантом в этом корпусе. Благодаря эмиграции и военной удаче продвижение по службе произошло быстро. Макдональду также повезло, что у него был друг в лице генерала Бернонвиля, в штабе которого он служил, пока его не перевели в штаб Дюмуре, главнокомандующего. В награду за его заслуги при Джемаппе и в других местах он был произведен в подполковники, а в начале 1793 года его друг Бернонвиль, ставший военным министром, присвоил ему звание полковника и командование Пикардийским полком, одним из четырех старших корпусов старой французской пехоты. Двадцативосьмилетний молодой полковник не мог рассчитывать, что фортуна всегда будет к нему так благосклонна. Неудача Дюмуре при Неервиндене и последующее дезертирство к союзникам бросили тень подозрения на его протекже в тот момент, когда быть заподозренным означало быть осужденным. К счастью, некоторые из членов Конвента смогли признать заслуги, но Макдональд провел много тревожных месяцев среди доносов и обвинений со стороны тех, кто не желал ему звания полковника. К его величайшему удивлению, его наконец вызвали к комиссарам "дред" и сказали, что за его рвение он будет произведен в бригадные генералы. Ошеломленный таким неожиданным поворотом судьбы, он

пожелал отказаться от этой чести и сослался на свою молодость и неопытность, и ему немедленно предоставили выбор: согласиться или стать "подозреваемым" и быть арестованным. На данный момент Макдональд был в безопасности и всей душой отдался своим новым обязанностям, но против него по-прежнему сыпались доносы и обвинения. Из Ассамблеи прибыли новые уполномоченные, и только их удачный отзыв в Париж спас генерала от ареста. Затем последовал указ о высылке всех "бывших" дворян. Макдональд, опасаясь после этого приказа, что если он столкнется с малейшей проверкой, то будет встречен криками о предательстве, потребовал от новых комиссаров письменных приказов, подтверждающих его назначение на работу. В них было отказано, как и в его отставке, с кратким ответом: "Если вы уйдете из армии, мы прикажем арестовать вас и предать суду". В этой дилемме он нашел друга в лице представителя Изоре, который, пораженный его способностями и трудолюбием, взялся за его дело, и с этого момента Макдональду нечего было бояться революционного трибунала.

ЖАК ЭТЬЕН МАКДОНАЛЬД, ГЕРЦОГ ТАРЕНТСКИЙ
С ЛИТОГРАФИИ ДЕЛЬПЕКА

В ноябре 1794 года он совершенно неожиданно был назначен дивизионным генералом армии Пишегрю и принял участие в зимней кампании против Голландии, где доказал свои способности, воспользовавшись сильным морозом, чтобы переправиться через Вааль по льду и застать врасплох англо-ганноверские силы при Нимегене. Несколько дней спустя, во время общего наступления, он захватил Наарден, шедевр великого инженера Когорна. Гордый своим успехом, он поспешил сообщить об этом главнокомандующему Пишегрю, и был встречен смехом и восклицаниями: "Бах! Сейчас я не обращаю внимания ни на что меньшее, чем сдача провинций". Пресыщенный главнокомандующий неделю или две спустя сам совершил подвиг, захватив скованный льдами голландский флот с кавалерийской бригадой и батареей конной артиллерии.

После службы на Рейне в 1796 году Макдональд был переведен в 1798 году в Итальянскую армию и отправлен в Рим на смену Гувиону Сен-Сиру. Когда началась война между Францией и Неаполем, войска на Юге Италии были сформированы в Неаполитанскую армию под командованием Шампийонне. Главнокомандующий переоценил боевые качества неаполитанских войск и счел благоразумным эвакуировать Рим. Эта обязанность была возложена на Макдональда, и от него также требовалось прикрывать сосредоточение армии Шампийонне. Твердолобый шотландец, однако, досконально оценил моральный дух неаполитанской армии, и, хотя у него было всего пять тысяч солдат против сорока тысяч неаполитанцев под командованием знаменитого австрийского генерала Мака, он вступил в бой с врагом при Чивита-Кастеллана, разбил его, преследовал, изгнал из Рима и перебросил через границу, практически уничтожив все силы. К сожалению, он написал комичный отчет об операции своему начальнику, который, не имея чувства юмора, счел, что его эвакуация из Рима была, мягко говоря, поспешной и недостойной. Поэтому Шампийонне приветствовал своего победоносного лейтенанта словами: "Вы хотите выставить меня круглым дураком", и никакие объяснения не могли унять его ярости. Ссора стала настолько ожесточенной, что Макдональду пришлось сложить с себя командование.

К февралю 1799 года Шампийонне впал в немилость у Директории, и Макдональд был объявлен вместо него главнокомандующим. Когда он прибыл в Неаполь и принял командование, ситуация казалась спокойной. Но дальновидный солдат распознал знамения времени. Элита французской армии была заперта в Египте. Австрия и Россия были полны решимости уничтожить Францию и ее революционные идеи. Соответственно, генерал сразу же приступил к тихому сосредоточению своих войск для отражения вторжения союзников в Северную Италию. Обладая острой военной проницательностью, он хотел эвакуировать всю Южную Италию, сохранив только те крепости, которые могли быть хорошо снабжены. Но принцип сохранения всего одержал верх. Тем не менее, получив известие о поражении Шерера при Маньяно от стремительного Суварова, Неаполитанская армия была готова немедленно выступить на север и попытаться установить связь с генералом Моро, который переформировывал итальянскую армию в Генуе. Идея заключалась в том, что против союзников должно быть предпринято концентрированное движение через Апеннины. К сожалению, между армией Италии и армией Неаполя существовало ожесточенное соперничество. В результате 17 июня Макдональд с двадцатью пятью тысячами человек оказался под Пьяченцей, в присутствии врага, без всякой поддержки, кроме двух дивизий Итальянской армии, которые прибыли из Болоньи и командиры которых ревниво выполняли его приказы. Тем не менее всегда оставалась надежда, что Моро, в конце концов, придет к нему на помощь, и поэтому он решил выстоять и сражаться. В бою 17 июня из-за отсутствия взаимодействия со стороны одной из приданных дивизий генерал был атакован подразделением кавалерии противника. Передвигаемый на носилках, он руководил всеми передвижениями в течение 18-го числа и сдерживал врага на расстоянии вдоль горного потока Треббия. 19-го он решил перехватить инициативу, но из-за разгрома приданной дивизии, составлявшей его центр, ему пришлось отступить на свою старую позицию, которую он удерживал в течение всего дня. За три дня боев на Треббии французы потеряли треть своих солдат и почти всех офицеров. Тем не менее, ранним утром 20-го отступление было произведено в полном порядке, за исключением того, что одна из приданных дивизий под командованием Виктора выступила так поздно, что была настигнута противником и бросила все свои орудия. Но Макдональд немедленно вернулся на помощь и спас артиллерию, поскольку,

как он саркастически писал Виктору, "он не нашел ни друзей, ни врагов". Обе стороны разбежались.

Битва при Треббии привлекла внимание к безупречным качествам французского командующего, и когда его отозвали в Париж, он обнаружил, что мнение военных было на его стороне и что сам Бонапарт высоко оценивал его поведение. - С этого момента мнение моего амфитриона сложилось в мою пользу! Следующим местом работы Макдональда было командование армией Граубюндонеров, в обязанности которого входило прикрывать правый тыл Моро в его наступлении вниз по Дунаю и поддерживать связь с итальянской армией в долине реки По. Именно выполняя этот долг, армия Граубюндонеров пересекла перевал Сплуген зимой, несмотря на ледники и лавины, - подвиг, неизмеримо превосходящий задачу Бонапарта по преодолению гораздо более легкого перевала Большой Сен-Бернар после таяния снегов. К несчастью для Макдональда, Бонапарт считал, что он принадлежит к фракции Моро. После Гогенлиндена будущий император, боявшийся, что слава Моро затмит его собственную, занес всех друзей этого генерала в черную книгу. Кроме того, из-за своей откровенности Талейран возненавидел героя Сплугена. Соответственно, он оказался в глубокой немилости. Сначала он был сослан послом в Копенгаген, затем его враги попытались отправить его в Россию в том же качестве, но он отказался ехать и следующие несколько лет жил жизнью тихого сельского джентльмена в своем поместье Курсель-ле-Руа. Как и большинство генералов, Макдональд к настоящему времени был сравнительно обеспечен, поскольку французское правительство при завоевании страны разрешало своим генералам брать те произведения искусства, которые они выбирали, после того как уполномоченные отбирали лучшие для национальной коллекции в Лувре. Доля генерала в качестве главнокомандующего в Неаполе была оценена экспертами в тридцать четыре тысячи фунтов. Однако, к сожалению, эта добыча и многие шедевры, которые он купил сам, были потеряны во время поспешного похода на север, закончившегося битвой при Треббии.

Только в 1809 году Макдональда вызвали из его убежища. В тот год император нуждался в каждом способном солдате, поскольку испанская язва разъедала его жизненно важные органы, а на руках была война с Австрией. Соответственно, за один день ему было приказано поспешить в Италию, чтобы помочь пасынку Наполеона, принцу Евгению, которому противостояла австрийская армия под командованием эрцгерцога Иоанна.

По прибытии в Италию старый солдат обнаружил, что принц Евгений, непривычный к независимому командованию, открыл австрийцам ворота Италии своими стремительными действиями при Сачиле. Французские войска были в полной дезорганизации, и малейшая активность со стороны австрийцев превратила бы отступление в разгром. Принц Евгений, в котором не было ни искры ревности и который на самом деле был человеком с незаурядным характером, с восторгом приветствовал своего наставника. Макдональд сразу же указал, что нет необходимости отступать до Мантуи, поскольку эрцгерцог не отважится проникнуть далеко в Италию, пока не будет достигнуто решение между главными армиями на Дунае. Под его тщательным наблюдением были восстановлены порядок и дисциплина во французских войсках на линии Адидже. Известие об успехах французов при Экмюле и Ратисбоне автоматически вывело австрийцев из Северной Италии. Во время преследования генералу пришлось применить к себе строжайший самоконтроль, потому что, хотя принц Евгений неизменно следовал его советам, катастрофа при Сачиле на какое-то время сломила его нервы, и он снова и снова срывал лучшие комбинации своего наставника, приказывая остановиться всякий раз,

когда казалось, что враг собирается оказать какое-либо сопротивление. Действительно, было трудно принимать последующие извинения с вежливой улыбкой, когда только успех мог вернуть расположение императора. Но наконец терпение было вознаграждено: в то время как вице-король сам преследовал основные силы противника, он отрядил своего лейтенанта с сильным корпусом взять Триест и установить связь с Мармоном, который подтягивал армию из Далмации. Макдональду был предоставлен карт-бланш. Триест и Герц были взяты; соединение с Мармоном было быстро осуществлено, и объединенные силы поспешили к Вене. Большой укрепленный лагерь в Лайбахе преграждал путь. У Макдональда не было необходимой тяжелой артиллерии, чтобы захватить его. Поэтому он решил устроить угрожающую демонстрацию днем и проскользнуть мимо нее ночью. Но в десять часов вечера прибыл флаг перемирия, предлагающий капитуляцию. "Вы поступаете мудро, - сказал невозмутимый шотландец. - Я как раз собирался объявить об атаке".

В Граце он настиг армию принца Евгения в тот момент, когда пришли дурные вести о битве при Асперн-Эсслинге. Затем последовал призыв поспешить на помощь императору. Пройдя шестьдесят лье за три дня, итальянская армия прибыла в девять часов вечера 4 июля в имперскую ставку в Эберсдорфе. В ту ночь он переправился через Дунай под прикрытием ужасающей грозы, которая скрыла французское наступление от австрийцев. Днем 5 июля на долю Макдональда выпала попытка захватить плато, которое составляло австрийский центр. Как генерал хорошо знал, император ошибался, думая, что противник покидает свои позиции; тем не менее, он должен был подчиниться приказу, и только ночь спасла его жестоко потрепанные батальоны. На следующий день произошла ужасная битва при Ваграме. В критический момент сражения, когда император услышал, что Массена на своем левом фланге вклинился на плацдарм, среди неразберихи и бегства он приказал Макдональду попытаться смелым контрударом прорвать центр противника. Австрийцы наступали массами, перед ними ничего не было, и мост, единственная линия отступления, оказался под угрозой. Чтобы справиться с этой ситуацией, Макдональд развернул четыре батальона в линию, в двойном порядке; позади них он выстроил остальную часть своего корпуса в две сплошные колонны и замкнул тыл этого огромного прямоугольника войск кавалерией Нансути. Прикрываемый огнем массивной батареи из ста орудий, он бросил это огромное тридцатитысячное войско против австрийцев, и, несмотря на огромные потери от артиллерии противника, одним только количеством людей он полностью остановил наступление австрийцев и прорвал их центр. Если бы гвардейская кавалерия только бросилась домой, враг был бы полностью разгромлен с поля боя. По-прежнему без поддержки, колонна продолжила свой победоносный путь, взяв шесть тысяч пленных и десять орудий - единственные трофеи того дня. На следующее утро герой Ваграма, хромавший из-за удара копытом, был вызван к императору.

Наполеон обнял его со словами: "Будем друзьями". "До самой смерти", - ответил его верный лейтенант. Затем последовала награда. "Вы вели себя доблестно, - продолжал император, - и оказали мне величайшие услуги, как, впрочем, и на протяжении всей кампании. На поле битвы вашей славы, где я обязан вам столь значительной долей вчерашнего успеха, я произвожу вас в маршалы Франции. Вы давно заслужили это".

После ратификации мира император назначил своего нового маршала герцогом Тарентским, подарил ему шестьдесят тысяч франков и вручил Большой орден Почетного легиона. Наконец-то вернув себе расположение императора, маршал больше никогда не жаловался на отсутствие работы. Из Ваграма его послали наблюдать за армией эрцгерцога Иоанна; после этого он был

назначен главнокомандующим армией Италии. В 1810 году он был отправлен в Испанию, чтобы принять командование в Каталонии. Как и его коллеги-маршалы, Макдональд ненавидел испанскую войну, которая была войной за посты и лишена славы. Но он продемонстрировал свою универсальность, захватив без артиллерии цитадель Фигерас.

Именно страдая от сильного приступа подагры после этого успеха, он был вызван из Испании в Тильзит, чтобы командовать корпусом, состоящим из прусских войск, который должен был присоединиться к Великой армии в ее наступлении в Россию. Как он образно выразился: "Я оставил свое кресло в крепости Фигерас, один костыль я оставил в Париже, а другой - в Берлине". Обязанностью герцога Тарентского было охранять тет-дю-пон в Дюнаберге, недалеко от устья Двины; следовательно, он был избавлен от многих ужасов ужасного отступления. Тем не менее, у него была своя доля неприятностей, потому что пруссаки бросили его и перешли на сторону врага. Он был настолько уверен в лояльности своих подчиненных, что это дезертирство застало его совершенно врасплох, и, несмотря на предупреждения, он дождался, когда дивизии присоединятся к нему, заявив, что "Моя жизнь, моя карьера никогда не будут запятнаны упреками в том, что я совершил трусливый поступок дезертирства из вверенных моему попечению войск". К счастью, ему открыли глаза письма, которые он перехватил. С горсткой солдат он бежал в Данциг. По возвращении в Париж Макдональд был встречен холодным приемом императора, который считал, что дезертирство пруссаков произошло из-за его небрежности. Но характер маршала вскоре прояснился, и последовало примирение. Во время кампании 1813 года герцогу Тарентскому выпало наблюдать за прусской армией под командованием Блюхера в Силезии, в то время как император действовал против австрийцев под Дрезденом. Работая таким образом, он потерпел поражение 26 августа при Кацбахе. Пруссакки закрепились на высотах у Яуэра. Макдональд попытался комбинированной лобовой атакой и поворотом выбить их. К несчастью, дождь лил как из ведра, французская артиллерия увязла в грязи, пехота не могла стрелять, кавалерия не могла атаковать, и только поспешное отступление спасло армию от полного уничтожения, поскольку, как писал Макдональд в своем донесении, "Генералы не могут помешать солдатам искать укрытия, поскольку их мушкеты для них бесполезны".

Поражение при Кацбахе не ослабило уважения императора к маршалу, и несколько дней спустя он прислал узнать его мнение об общей ситуации. С абсолютным мужеством он сказал правду. Ситуация была безнадежной; единственным разумным выходом было эвакуировать все гарнизоны в Германии и отступить на Заале. К сожалению, такая отставка означала бы потерю трона Наполеона.

На третий день битвы при Лейпциге, в разгар боевых действий, все гессенские войска, находившиеся под его командованием, покинули Макдональда, и в то же время маршал Ожеро, который должен был прикрывать его правый фланг, вышел из боя. Соответственно, маршал отступил с остатками своего корпуса к Эльстеру, но обнаружил, что мост взорван. Увлекаемый толпой беглецов, он твердо решил не попадать живым в руки врага, а либо утонуть, либо застрелиться. Однако ему повезло больше, чем князю Понятовскому, - ему удалось пересечь реку на своем коне. Когда он благополучно переправился на другой берег, его приветствовали крики с другого берега: "Господин Маршал, спасите своих солдат, спасите своих детей!" Но ничего нельзя было поделать; он не мог дать им никакого совета, кроме как сдаться.

Герцог Тарентский сыграл главную роль в спасении остатков армии, которой удалось переправиться через Эльстер. Отправившись прямо к императору, он изложил ему ситуацию, безжалостно разорвал ткань лжи, которой штаб пытался его задобрить, и силой своей воли вынудил Наполеона, который в то время был совершенно растерян и сбит с толку, поторопиться соотступлением к Рейну. Только благодаря маршалу баварцы были отброшены при Ханау и несколько остатков великой армии вернулись во Францию.

В знаменитой кампании 1814 года Макдональд яростно сражался, чтобы изгнать врага из Франции. Его корпус был одним из тех, которые император призвал в Арси-сюр-Об. Там ему снова пришлось сказать Наполеону правду и убедить его, что враг не отступает, а полным ходом продвигается к Парижу. Когда император попытался исправить свою ошибку, следуя в тылу, маршал высказался за более смелый курс наступления в Эльзас и Лотарингию, за то, чтобы поднять нацию с оружием в руках и таким образом уморить союзников голодом, отрезав им снабжение и подкрепления; и, без сомнения, он был прав, поскольку сам царь сказал, что союзники потеряли более трех тысяч солдат в Вогезах, не увидев ни одного французского солдата.

Когда Наполеон добрался до Фонтенбло, он обнаружил, что выстрелил в цель. Его офицеры и солдаты так устали от постоянных боев, что, когда им приказали идти в атаку, генерал, стоявший перед своими людьми, крикнул: "Черт возьми, давайте заключим мир!" Следовательно, когда Макдональду и другим маршалам и генералам сообщили, что союзники больше не будут вести переговоры с Наполеоном, они решили заставить его отречься от престола. Император, созвав свой совет, обнаружил, что они больше не боятся его, и отказался прислушиваться к его доводам. Надеясь сохранить трон для своего сына, он отправил Коленкура, Нея, Мармона и Макдональда к царю с предложением отречься от престола. Лучшие условия, которые комиссары смогли добиться от царя, заключались в том, что Наполеон должен отказаться от всякой надежды увидеть своего сына своим преемником, но что он должен сохранить свой императорский титул и ему должно быть позволено править островом Эльба. Царь великодушно добавил: "Если он не примет этого суверенитета и если он не сможет найти убежища в другом месте, скажите ему, говорю я, чтобы он приезжал в мои владения. Там его примут как государя: он может доверять слову Александра".

Ней и Мармон не присоединились к другим комиссарам с их печальными условиями; как крысы, они покинули тонущий корабль. Но Макдональд принадлежал к роду, выдержавшему испытание 45-го, и его гордая шотландская кровь вскипела, когда коварный Талейран предложил ему покинуть своего хозяина, сказав ему, что теперь он выполнил все свои обязательства и свободен. "Нет, это не так, - последовал строгий ответ, - и никто лучше вас не знает, что до тех пор, пока международный договор не ратифицирован, он может быть аннулирован. После того, как с этой формальностью будет покончено, я буду знать, что делать. Пораженный император встретил двух своих верных уполномоченных с изможденным лицом, желтым и болезненным, но, по крайней мере, на этот раз он почувствовал благодарность. "Я осыпал милостями, - сказал он, - многих других, которые теперь покинули меня. Ты, который мне ничего не должен, остался верен. Я слишком поздно оценил вашу преданность и искренне сожалею, что сейчас нахожусь в положении, в котором могу доказать свою благодарность только словами".

После того, как Наполеон двинулся к Эльбе, Макдональд больше никогда его не видел. Как и все его коллеги-маршалы, за исключением Даву, он присягнул на верность Людовику XVIII, считая его единственной надеждой Франции, но, в отличие от большинства из них, он преданно служил ему, хотя, по его собственным словам, "правительство вело себя как больной человек, которому совершенно безразлично все вокруг". Как солдат и либерал, он не мог скрыть своего отвращения ко многим его мерам. Будучи секретарем Палаты пэров, он зубами и ногтями боролся против первой меры правительства - законопроекта, пытающегося ограничить свободы пэров. Король вызвал маршала и упрекнул его как за выступления, так и за голосование против правительства, добавив: "Когда я беру на себя труд составить законопроект, у меня есть веские причины желать, чтобы он был принят". Но старого солдата, который никогда не боялся говорить правду самому Наполеону, не испугала попытка слабого Бурбона проявить суровость. Он отметил, что если бы все законопроекты, представленные королем, были обязательно приняты, "регистрация послужила бы одинаково хорошо, поскольку инициатива принадлежит вам", добавив со спокойным сарказмом: "и мы должны оставаться такими же немymi, как покойный Законодательный корпус". Канцлер остановил его, когда он покидал кабинет короля, сказав, что ему следует проявлять больше сдержанности и подбирать слова. "Господин канцлер, - сказал маршал, - я так и не научился изворачиваться, и мне жаль короля, если от него скрывают то, что он должен знать. Со своей стороны, я всегда буду говорить с ним честно и служить ему таким же образом".

Когда пренебрежение армией, пристрастие, проявленное к фаворитам, и общий дух недовольства по всей Франции побудили Наполеона снова взять бразды правления в свои руки, Макдональд командовал двадцать первой военной дивизией в Бурже. По его словам, "При известии о возвращении императора у меня перехватило дыхание, и я сразу же предвидел несчастья, которые с тех пор обрушились на Францию". Ставя свой долг перед страной и клятвенную веру превыше стремлений своего сердца, он оставался верен бурбонам. Именно маршал в Лионе тщетно пытался помочь графу Артуа организовать сопротивление наступлению Наполеона. Именно он показал королю тщеславие хвастовства Нея о том, что он вернет императора в железной клетке, впечатлил его активностью Наполеона и убедил его отступить на север, в Лилль, и там попытаться сплотить своих друзей на помощь. Министры и король были только благодарны за то, что поручили все приготовления этому осторожному, неутомимому солдату, который за всем присматривал. В каждом городе, который проезжал монарх, он обнаруживал то же чувство апатии, ту же склонность солдат кричать "Да здравствует Император", ту же безалаберность чиновников. Типичной ситуацией был супрефект Бетюна, который стоял у дверцы королевской кареты, одна нога у него была полуголая, ступни в тапочках, сюртук под мышкой, жилет расстегнут, шляпа на голове, одной рукой он боролся со шпагой, другой пытался завязать галстук. Маршалу, всегда помнившему о деятельности Наполеона, пришлось поторопить бедного короля, и чемодан Людовика с его шестью чистыми рубашками и парой старых тапочек потерялся по дороге. Эта потеря больше, чем что-либо другое, напомнила монарху о его плачевном состоянии. "Они забрали мои рубашки", - сказал он Макдональду. - Во-первых, у меня их было не так уж много, но о чем я сожалею еще больше, так это о потере моих тапочек. Когда-нибудь, мой дорогой маршал, вы оцените ценность тапочек, которые приняли форму ваших ног ". С Наполеоном в Париже Лилль, казалось, не обеспечивал достаточной безопасности, и, соответственно, король решил искать безопасности в Бельгии. Маршал сопровождал его до границы и увидел, как его поставили во главе бельгийских войск.

Затем, пообещав быть верным своей клятве, он сердечно попрощался со старым монархом со словами: "Прощайте, сударь, до свидания через три месяца!"

Макдональд вернулся в Париж и тихо жил в своем собственном доме, отказываясь вступать в какие-либо сношения с Наполеоном или его министрами. Через три месяца пришло известие о Ватерлоо. После этого, против своей воли, но в соответствии с приказами, он присоединился к Фуше, который сформировал временное правительство. Фуше, знавший важность внешних знаков, отправил его попытаться убедить вернувшегося монарха привлечь на свою сторону армию, установив трехцветную кокарду вместо белой. Но король был упрям; маршал процитировал знаменитое высказывание Генриха IV: "Париж стоит мессы". Король возразил: "Да, но это была не очень католическая месса". Но хотя король и не прислушался к его совету, он призвал его продемонстрировать свою преданность. Императорскую армию пришлось распустить — крайне непопулярная и неблагодарная задача, требующая как такта, так и твердости. По настоятельной просьбе своего суверена Макдональд взял на себя этот долг, но с двумя условиями: во-первых, ему должна быть предоставлена полная свобода действий; во-вторых, он никоим образом не должен быть инструментом для наложения наказания на отдельных лиц. Сразу же после вступления в должность в Бурже маршал вызвал к себе всех генералов и офицеров и сообщил им, что под руководством Фуше был составлен список запрещенных лиц. Его совет состоял в том, чтобы все из этого списка вылетели сразу. В тот же вечер полицейские прибыли в лагерь, чтобы арестовать запрещенных; играя на страхах мушаров, он запер их на всю ночь, утверждая, что это было сделано для того, чтобы спасти их от разъяренных солдат. Таким образом, все осужденные спаслись бегством; но ни Фуше, ни герцог Беррийский не позаботились привлечь старого солдата к ответственности за этот поступок. Таким образом, маршалу предоставили действовать по-своему, и к 21 октября 1815 года, благодаря его твердости и такту, "смелая и несчастная армия, которая так долго торжествовала", была тихо распущена без малейших попыток оспорить королевское решение.

Маршал мало вмешивался в политику. Во время второй реставрации король назначил его архиканцлером ордена Почетного легиона. Этот пост давал ему значительную занятость, поскольку предполагал надзор за школами для детей тех, кто получил Крест, и он долгое время был счастливо занят заботой о благополучии потомков своих покойных товарищей по оружию. В ноябре 1830 года жалоба на подагру подоспела как нельзя кстати в момент установления июльской монархии, и маршал подал в отставку с поста архиканцлера и вернулся в свое поместье Курсель, где прожил в уединении до своей смерти 25 сентября 1840 года в возрасте семидесяти пяти лет.

Наполеоновская максима гласила, что успех покрывает все, что не может быть прощено только неудача. Против имени герцога Тарентского стояли поражения при Треббии и Кацбахе. Но, несмотря на это, Наполеон никогда не обращался с ним так, как он обращался с Дюпоном и другими неудачливыми генералами. Ибо Макдональд обладал качествами, которые были слишком важны, чтобы их упускать из виду. При всем пламенном энтузиазме гэла, он в необычной степени обладал осторожностью шотландца с равнин. Обладая большими способностями к рассуждению и даром ясно видеть обе стороны вопроса, он обладал необходимой силой характера, чтобы решить, какого курса придерживаться, и настойчиво следовать ему до логического завершения. При форсировании реки Вааль, в боях под Римом, в кампании с принцем Евгением в Италии, до и после Лейпцига, а также в своей последней кампании во Франции он доказал правильность своих суждений и способность проводить

тщательно подготовленные комбинации. Его поражение при Треббии произошло из-за предательства генерала, командовавшего одной из приданных дивизий; разгром при Кацбахе был вызван в первую очередь климатическими условиями и отсутствием сплоченности среди недавно призванных новобранцев, которые составляли основную часть его армии. На пораженном поле Ваграма и в продолжающемся сражении при Ханау его несгибаемая воля и быстрота, с которой он ухватился за жизненно важные моменты проблемы, спасли императора и его армию.

Единственное черное пятно в его славной карьере - битва при Лейпциге. Долго еще должен звучать клич "Господин Маршал, спасите своих солдат, спасите своих детей!" это прозвучало у него в ушах. На этот раз он забыл свое гордое хвастовство, что он никогда не бросал войска, вверенные его командованию. Подобно императору, его товарищам-маршалам и большинству генералов, на мгновение он потерял самообладание, но все же мог, хотя и скромно, похвастаться тем, что первым вспомнил о своих обязанностях и попытался спасти остатки войск, переправившихся через Эльстер.

Долг и правда были его девизом. Только однажды он не выполнил свой долг; никогда он не уклонялся от того, чтобы сказать правду. Именно это бесстрашное высказывание правды в большей степени, чем какая-либо связь с Моро, было причиной его многолетней опалы; именно это бесстрашие, как ни странно, в конце концов покорило императора и так очаровало короля Людовика, что он прозвал его "За прямоту".

Х

ОГЮСТ ФРЕДЕРИК ЛУИ ВЬЕСС ДЕ МАРМОН, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ РАГУЗСКИЙ

Огюст Фредерик Луи Виесс Де Мармон, самый молодой из маршалов Наполеона, родился в Шатийон-сюр-Сен 25 июля 1774 года. Семья Вьессе принадлежала к мелкому дворянству, которое со времен Ришелье поставляло линейных офицеров для старой королевской армии. Отец Мармона с пеленок предназначил его для военной карьеры и посвятил свою жизнь тому, чтобы подготовить его как физически, так и духовно к военной профессии. Часы его терпения и самоотречения не были потрачены впустую, поскольку благодаря своему раннему спартанскому воспитанию герцог Рагузский редко испытывал усталость или болезнь и благодаря этой физической силе мог, не пренебрегая своими профессиональными обязанностями, часами заниматься научной и литературной работой. В 1792 году юный Мармон в возрасте восемнадцати лет сдал вступительные экзамены в Артиллерийское училище в Шалоне и начал свою военную карьеру с часто повторяемых слов своего отца, которые звенели у него в ушах: "Заслуги без успеха бесконечно лучше, чем успех без заслуг, но решимость и заслуги всегда приводят к успеху". Молодой артиллерийский курсант обладал как решимостью, так и способностями, и его ранняя карьера предвещала его будущий успех. Аристократ до мозга костей, Мармон ненавидел крайности революции; но политика в его ранние годы мало влияла на его мысли, которые были сосредоточены исключительно на военной славе. Острота

революционных войн прервала его студенческие годы в Шалоне, и еще до конца 1792 года он был зачислен в первый артиллерийский полк. В феврале 1793 года он впервые прошел действительную службу в Альпийской армии под командованием генерала Келлермана. Из-за нехватки подготовленных офицеров, хотя они были только недавно зарегистрированы, он выполнял все обязанности старшего полковника, разбивая укрепленные лагеря и командуя артиллерией дивизии, к которой он был прикреплен. Именно имея за плечами этот многообещающий послужной список, он привлек внимание Бонапарта при осаде Тулона своим замечательным обращением с орудиями, находившимися под его командованием, и своей изобретательностью, которая преодолевала все препятствия. С этого дня корсиканец предназначил его себе на службу и во время кампании в Приморских Альпах использовал в качестве неофициального адъютанта. Мармон был настолько предан будущему императору, что, когда Бонапарт был арестован во время падения Робеспьера, они с Жюно разработали план спасения своего кумира, убив часовых и увезя его морем.

Когда Бонапарт вернулся в Париж, Мармон сопровождал его, и ему предложили должность управляющего оружейным заводом в Мулене. Он презрительно отказался от этой должности, сказав инспектору артиллерии, что не возражал бы против такой должности в мирное время, но что он собирается пройти как можно больше действительной службы, пока длится война, поэтому по его собственной просьбе его направили в армию Пишегрю, которая осаждала Майнц.

Временная приостановка военных действий на Рейне дала ему возможность снова присоединиться к избранному им лидеру, и в начале 1796 года он отправился в Италию в составе штаба Бонапарта. Лоди был одним из величайших дней в его жизни. В начале боя он захватил одну из батарей противника, но мгновение спустя был сброшен с лошади и переехан всей кавалерией, не получив, однако, ни единой царапины. Едва он успел вскочить в седло, как его отправили вдоль реки, под огнем всех австрийских войск на другом берегу, передать приказ командиру кавалерии, который был занят форсированием реки выше по течению. Из его эскорта из пяти человек двое были убиты, а его лошадь тяжело ранена, но он сумел вернуться вовремя, чтобы занять свое место среди отряда героев, которые форсировали длинный мост под градом пуль и картечи. Кастильоне приумножил свои лавры, поскольку именно его умение обращаться с артиллерией позволило Ожеро одержать свою великую победу. Маршал в своих Мемуарах утверждает, что эта короткая кампания была самым тяжелым испытанием, которому он когда-либо подвергался. "Я никогда и ни в какое другое время не испытывал такой усталости, как в течение восьми дней той кампании. Постоянно находясь верхом, на разведке или в бою, я, по-моему, провел без сна пять дней, если не считать нескольких украденных минут. После финальной битвы главнокомандующий дал мне отпуск на отдых, и я в полной мере воспользовался этим. Я поел, лег и проспал двадцать четыре часа подряд, и благодаря молодости, выносливости, хорошему телосложению и восстанавливающей силе сна я снова был таким же свежим, как в начале кампании".

Хотя Кастильоне таким образом оказал ему новые почести, это едва не привело к отчуждению между ним и его начальником. Ибо Бонапарт, всегда устремленный в будущее, желая приобрести как можно больше друзей, выбрал одного из штабных офицеров Бертье, чтобы тот доставил весть о победе в Париж. Это был жестокий удар по его честолюбивому адъютанту, гордость которого была задета еще больше из-за того, что его герой, забыв, что ему приходится иметь дело не с одним из обычных авантюристов, составлявших столь большое количество

офицеров итальянской армии, с большим недостатком такта предложил ему возможность увеличить свое богатство за счет льгот и поручений, отвратительных в глазах потомка благородной семьи. Но острота войны и жажда славы не оставляли времени для размышлений, и Бонапарт, осознав, с кем ему пришлось иметь дело, воспользовался возможностью успешных боевых действий, которые загнали Вюрмсера в Мантую, чтобы отправить Мармона с депешами в Париж. В качестве награды военный министр присвоил ему звание полковника и назначил командиром второго полка конной артиллерии. Это назначение привело к любопытному положению дел, поскольку продвижение по службе в артиллерии совершенно не зависело от обычного армейского звания. Соответственно, армейский список выглядел следующим образом: Бонапарт, подполковник артиллерийского батальона, прикомандированный к Итальянской армии в качестве главнокомандующего. Мармон, полковник конной артиллерии второго полка, прикомандирован в качестве адъютанта к подполковнику Бонапарту, главнокомандующему армией Италии.

ОГЮСТ ДЕ МАРМОН, ГЕРЦОГ РАГУЗСКИЙ
С ГРАВЮРЫ ПО МОТИВАМ КАРТИНЫ МУНЕРЕ

Мармон поспешил обратно в Италию как раз вовремя, чтобы присоединиться к штабу Бонапарта за час до битвы при Арколе. Австрийцы предпринимали свои последние усилия, чтобы освободить крепость Мантуя, и казалось, что они добьются успеха, поскольку Альвинци

сосредоточил сорок тысяч солдат против двадцати шести тысяч. Французы попытались нанести удар врасплох, но были обнаружены, и в течение трех дней судьба кампании зависела от упорного сражения в болотах Арколи. Именно Мармон помог вытащить Бонапарта, когда его сбросили с насыпи в канаву, - услуга, которую Бонапарт никогда не забывал. Дипломатические миссии в Венеции и Ватикане слегка вскружили молодому солдату голову, и вскоре его начальнику пришлось сделать ему строгий выговор за то, что он слонялся среди красавиц Жозефины в Милане вместо того, чтобы поспешить обратно в штаб. Но человеку с характером Мармона было достаточно одного слова предупреждения; его голова управляла его сердцем; слава была его главной звездой. Каким бы честолюбивым он ни был, по сути, он был человеком чести и тонких чувств и отказался от руки Полины Бонапарт по той простой причине, что не любил ее по-настоящему.

Год спустя он женился по любви на мадемуазель Перрего, но различия в темпераментах и долгая разлука, к которой привела его военная карьера, привели к тому, что брак оказался несчастлив, и это отсутствие семейного счастья испортило жизнь маршала и почти ожесточило весь его характер, превратив его на время в эгоцентричного человека, заботящегося исключительно о собственной славе, и острого языка, который не щадил даже собственных друзей. Тем не менее, в свои первые дни Мармон был умным и жизнерадостным товарищем, и никто так не наслаждался розыгрышем, устраивая фиктивные дуэли между трусами или рассылая фальшивые инструкции назойливым командирам. Но как бы он ни любил развлечения, даже в начале своей карьеры он мог находить удовольствие в обществе людей науки, таких как Монж и Бертолле.

После заключения мира на Кампо Формио он сопровождал своего вождя в Париж, где произошел инцидент, хорошо иллюстрирующий характер этих двух людей. Военный министр хотел получить подробную информацию об английских приготовлениях к вторжению, и Бонапарт предложил послать своего адъютанта в качестве шпиона. Мармон с негодованием отказался ехать в таком качестве, и едва не произошло постоянное отчуждение. У их стандартов не было ничего общего; в одном честь могла победить честолюбие, в другом честолюбие не знало правил чести.

Однако жажда славы снова свела их вместе, и Мармон отправился в плавание с египетской экспедицией. После битвы при Пирамидах его отправили на север командовать Александрией, где его пушки сыграли столь важную роль в разгроме мамлюков. Позже ему доверили контроль над всем средиземноморским побережьем. Его задача была трудной, но весьма полезной тренировкой для молодого командира. С крошечным гарнизоном он должен был удерживать важный город Александрию и поддерживать в порядке большую провинцию; организовать небольшие колонны для подавления местных восстаний; принять собственные меры по сбору денег для выплаты жалованья своим войскам и, следовательно, реорганизовать финансовую систему страны; реконструировать каналы и создать импровизированные флотилии барж для снабжения Александрии провизией; поддерживать связь с остатками французского флота и таким образом попытаться установить сообщение с Европой. Он был ответственен за сопротивление любым попыткам вторжения турок или англичан, и главным образом благодаря его мерам, когда первые высадились в Абукире, они были уничтожены прежде, чем смогли продвинуться вглубь страны. В то время как его товарищи завоевывали военную славу в Сирии, он боролся с чумой в Александрии, узнав, что терпеливое внимание к деталям и тщательный

надзор за здоровьем своих солдат были такими же важными атрибутами командира, как отвага на поле боя.

Мармон покинул Египет с радостью; он получил много полезных уроков, но, как и вся остальная армия, он ненавидел страну и наполовину восточную жизнь, и прежде всего, как он сказал, "видеть кампанию и не принимать в ней участия было ужасным наказанием". По возвращении в Париж он был полностью занят тем, что передавал артиллерию Бонапарту. У него не было ложных представлений на этот счет, ибо, как он сказал Жюно перед египетской экспедицией: "Ты увидишь, мой друг, что по возвращении Бонапарт захватит корону". В качестве награды Первый консул предоставил ему на выбор командование гвардейской артиллерией или место государственного советника. Завидую Ланну и польщенный титулом, он выбрал должность советника, в качестве которого был принят на работу в Военный комитет и ему была поручена реорганизация артиллерии. Его первым делом было обеспечить надлежащий обоз для быстрой и легкой мобилизации артиллерии. После кампании при Маренго он взял в свои руки реформу материальной части. Существовало слишком много различных типов оружия. Мармон реорганизовал как полевую, так и крепостную артиллерию, заменив семь старых типов орудий тремя, а именно шестифунтовыми, двенадцатифунтовыми и двадцатичетырехфунтовыми; он также сократил количество различных типов колес для лафетов, передков и повозок с двадцати четырех до восьми, тем самым значительно упростив снабжение боеприпасами и ремонтные работы в полевых условиях.

Кампания под Маренго повысила его престиж как артиллерийского офицера. Именно благодаря его изобретательности орудия были демонтированы и вручную втащены в люльках вверх по крутому склону горы и таким образом благополучно перевезены через перевал Сен-Бернар. Именно его изобретательный ум подсказал вымостить дорогу соломой, благодаря чему столь необходимая артиллерия была переправлена в Ланн ночью, без каких-либо потерь, прямо под батареи крепости Бард. Именно благодаря его предусмотрительности резервная батарея орудий, захваченная у противника, спасла положение при Маренго, сдержав австрийцев, пока перебрасывались свежие войска Дезэ, и именно потрясающий эффект его массивной батареи дал Келлерману возможность совершить свою знаменитую атаку. Первый консул отметил свое одобрение присвоением Мармону звания дивизионного генерала, и таким образом в возрасте двадцати шести лет молодой артиллерийский офицер почти достиг вершины своей профессии. После Маренго он продолжил свою работу по реорганизации, но до конца года он снова был в Италии, на этот раз в качестве командира дивизии под командованием Брюна, который, не будучи великим стратегом, был рад воспользоваться умом фаворита Первого консула: именно благодаря планам Мармона французская армия успешно форсировала Минчо перед лицом врага и вынудила его заключить Тревизское перемирие. Когда победа Моро при Гогенлиндене побудила Австрию заключить мир, генерала послали реорганизовать итальянскую артиллерию на тех же принципах, которые он изложил для французов. Он основал огромный литейный цех и арсенал в Павии, и превосходство его планов было наглядно доказано во многих последующих кампаниях. Из Италии он был отозван в Париж в сентябре 1802 года в качестве генерального инспектора артиллерии. Он с головой ушел в свои новые обязанности, но находил время, чтобы пополнять свои научные знания и быть в курсе всего, что происходит в политическом и научном мире. Он горячо поддерживал изобретение Фултоном парохода и настаивал на этом перед первым консулом, и до дня своей смерти был убежден, что, если бы император принял это изобретение, вторжение в Англию было бы успешным.

1804 год принес ему радость от его первого важного командования. В феврале он был назначен начальником корпуса Океанской армии, который дислоцировался в Голландии. Он приступил к выполнению своей задачи со своим обычным рвением. Его первым шагом было подружиться со всеми голландскими чиновниками и таким образом обеспечить бесперебойную работу своего комиссариата и отделов снабжения; затем он перешел к фактической подготовке своих войск. С этой целью он получил разрешение на проведение большого учебного лагеря, где были сосредоточены все подразделения его корпуса. Этот эксперимент был настолько успешным, что он стал проводиться ежегодно. Но среди всего удовольствия от этой близкой по духу работы наступил горький момент, когда он обнаружил, что имя такого посредственного солдата, как Бессьер, включено в список новых маршалов, а его собственное опущено. Это был тяжелый удар, и его назначение генерал-полковником конных егерей и Большим орлом ордена Почетного легиона мало что могло смягчить. Император, как всегда заботливый о том, чтобы стимулировать преданность, позже объяснил ему, что у такого лихого офицера, как он, было бы много возможностей отличиться, в то время как для Бессьера это был единственный шанс. Но, несмотря на это, пренебрежение раздражало, и с того дня он больше не был слепо преданным последователем Наполеона.

С началом австрийской войны корпус Мармона стал вторым корпусом Великой армии. В операциях, завершившихся в Ульме, второй корпус входил в состав левого крыла. После капитуляции он был выделен для прикрытия французских коммуникаций от нападения со стороны Штирии. Летом следующего года Мармон был отправлен в качестве главнокомандующего в Далмацию, где он провел следующие пять лет своей жизни. Далмация была передана Франции по Прессбургскому мирному договору. В глазах Наполеона важность провинции заключалась в гавани Каттаро, которую он рассматривал как выход на Балканский полуостров. Его намерением было завладеть Черногорией, прийти к взаимопониманию с Али-пашой Янинским и султаном и выступить против политики России. Но русские и черногорцы захватили Каттаро и угрожали осадить Рагузу. Именно для того, чтобы справиться с этой ситуацией, император в июле 1806 года поспешно отправил своего бывшего фаворита в Далмацию. Новый главнокомандующий, как и в Египте, столкнулся с трудностями снабжения. Половина армии находилась в госпиталях из-за отсутствия надлежащего питания и санитарных условий. Позабывшись о своих людях, он пополнил свои батальоны, смело двинулся на врага и выбил его с занимаемых позиций. Это наказание заставило черногорцев замолчать на будущее, и русские отступили к Каттаро. Оттуда он не смог изгнать их из-за пушек их флота, и только после заключения Тильзитского мирного договора французы получили во владение желанный порт. Главной трудностью французского командующего в управлении своей провинцией было то, что ощущается во всех нецивилизованных странах, - трудность сдерживания враждебного населения там, где нет дорог. В остальном его справедливое, но суровое правление превосходно устраивало жителей маленьких городов на побережье, в то время как порядок поддерживался среди горных племен, возлагая на их вождей ответственность за их поведение и помогая им в нападении на турок, которые захватили определенные участки территории и жестоко обращались с жителями. Но не столько благодарность заставляла жителей холмов молчать, сколько километры новых дорог, по которым французский командующий использовал свою армию, когда не участвовал в экспедициях против неугомонных мародеров. За годы своего пребывания в провинциях Далмации Мармон построил более двухсот миль дорог, в результате чего его небольшой отряд мог с легкостью удерживать длинную узкую горную провинцию благодаря скорости, с которой

он мог мобилизовывать свои карательные экспедиции. Более того, благодаря расширению транспортных средств крестьяне смогли найти рынок сбыта для своих товаров, и процветание страны невероятно возросло. С процветанием пришло удовлетворение: были созданы мануфактуры, а рудники и другие природные ресурсы страны эксплуатировались с выгодой для себя. Как сказал австрийский император Меттерниху в 1817 году, посещая провинцию, "Очень жаль, что маршал Мармон не пробыл в Далмации еще два или три года".

Годы, проведенные в Рагузе, были, вероятно, самыми счастливыми в жизни Мармона. Его успешная работа была признана в 1808 году, когда император присвоил ему титул герцога Рагузского. Каждый день был полон интереса. Он был главой гражданской администрации, судебного и финансового департаментов. Как главнокомандующий он отвечал за здоровье, благосостояние и дисциплину войск, а также за военные сооружения, которые возводились для защиты провинции от австрийской агрессии. У него было особое хобби — дороги. И все же, несмотря на все эти хлопоты, он нашел время, чтобы довериться наставнику и по десять часов в день заниматься историей, химией и анатомией. Чтобы помочь себе в учебе, он собрал передвижную библиотеку из шестисот томов, которая сопровождала его во всех последующих походах.

Австрийская кампания 1809 года отвлекла его от этих приятных трудов к еще более приятным военным операциям. Обязанностью армии Далмации была попытка отрезать путь эрцгерцогу Иоанну после его ухода из Италии; но у герцога Рагузского не было достаточных войск для успешного проведения этой операции, хотя он и осуществил соединение с армией Италии. После череды небольших столкновений объединенные армии оказались на Дунае как раз вовремя, чтобы принять участие в битве при Ваграме. Находясь в резерве на протяжении большей части сражения, корпусу Мармона было поручено преследование противника. К сожалению, либо из-за непонимания ситуации, либо из ревности их командир отказался позволить Даву сотрудничать с ним, и, следовательно, хотя он и настиг австрийцев, у него не было достаточно сил, чтобы удержать их до подхода других дивизий армии. Однако по окончании операций Наполеон присвоил ему звание маршала. Но радость герцога Рагузского от получения этого подарка была омрачена тем, как он был преподнесен. Ибо император, несомненно разгневанный бегством австрийцев, сказал ему: "Я назначил вас на эту должность и с большим удовольствием вручаю вам это доказательство моей привязанности, но, боюсь, я навлек на себя упрек в том, что прислушиваюсь скорее к своей привязанности, чем к вашему праву на это отличие. У тебя много ума, но есть и необходимые для войны качества, которых тебе все еще не хватает и над приобретением которых ты должен работать. Между нами, ты еще недостаточно сделал, чтобы полностью оправдать мой выбор. В то же время я уверен, что у меня будут основания поздравить себя с тем, что я выдвинул вас, и что вы оправдаете меня в глазах армии ". Недоброжелательные критики трех новых маршалов, созданных после Ваграма, говорили, что Наполеон, потеряв Ланна, хотел получить для него мелочь, но справедливо будет вспомнить, что, хотя Макдональд, Мармон и Удино уступали Ланну, они были такими же хорошими солдатами, как и некоторые из первых маршалов.

После объявления мира новый маршал вернулся в Далмацию и продолжил свою прежнюю жизнь. Он завоевал уважение жителей и страх перед их врагами, турками, и, если не считать случайных походов против разбойников или трений с налоговыми чиновниками, его время проходило мирно и приятно. Но в 1811 году он был отозван в Париж для получения приказов, прежде чем приступить к новой сфере деятельности. Массена, "избалованное дитя победы",

встретил достойного противника при Торрес-Ведрасе, и Наполеон, обвинив в этом человека, а не систему, решил попробовать нового лидера для армии, противостоящей сэру Артуру Уэлсли. Император не скрывал от себя того факта, что, выбирая Мармона, он проводил эксперимент, поскольку он сказал Сен-Сиру, что отправил Мармона в Испанию, потому что у него было много талантов, но что он еще не испытал в полной мере силу своего характера, и добавил: "Я скоро смогу судить об этом, поскольку сейчас он предоставлен сам себе". Новый командующий португальской армией отправился в путь с полной уверенностью, что эта задача не выходит за рамки его полномочий, и с обещанием вице-королевства одной из пяти провинций, на которые должна была быть разделена Испания. Он прибыл на фронт через два дня после битвы при Фуэнтес-д'Оноро и обнаружил, что положение дел сильно отличается от того, что он ожидал. Страна представляла собой воюющую пустошь, покрытую свирепыми партизанами. Французская армия, так долго привыкшая к успехам, была абсолютно деморализована повторяющимися разочарованиями и поражениями. Необходимо было принять строгие меры для восстановления боевого духа войск, прежде чем он мог призвать их еще раз столкнуться с "пехотой, огонь которой был самым смертоносным из всех армий Европы".

Соответственно, он отошел от португальской границы, разместил свою армию в лагерях вокруг Саламанки и приступил к выполнению трудной задачи по сбору припасов в стране, которая уже была опустошена. Тем временем он разделил свою армию на шесть дивизий, установил прямую связь между собой и дивизионными офицерами и, чтобы избавиться от ворчунов, разрешил всем офицерам, которые того пожелали, вернуться во Францию. В то же время он распределил свои слабые батальоны между другими корпусами так, чтобы каждый батальон имел в своем составе семьсот мушкетов. Он также разделил слабые эскадроны и батареи и довел оставшуюся часть до боевого состава. Едва эта реорганизация была завершена, когда Сульт, потерпевший поражение при Альбуэре, обратился к Мармону с просьбой помочь ему спасти Бадахос. Несмотря на свою личную неприязнь к герцогу Далматинскому, маршал поспешил ему на помощь, и на время важная крепость была спасена. Остаток лета португальская армия простояла в долине Тежу, удерживая мост Альмарас, и, таким образом, была готова в любой момент отправиться на помощь Бадахосу или Сьюдад-Родриго, двум ключевым городам Португалии. Когда осенью Веллингтон угрожал Сьюдад-Родриго, маршал, призвав к себе на помощь Дорсенна, командовавшего в Северной Испании, после успешного сражения при Эль-Бодине отбросил авангард англо-португальцев и бросил в крепость большое количество провизии.

1812 год был катастрофическим для французского оружия по всей Европе. Император пытался руководить испанской войной из Парижа. В своем желании обезопасить всю Южную Испанию он раздел армию Мармона, чтобы усилить Суше в его завоевании Валенсии. Соответственно, в январе маршал был бессилен остановить наступление Веллингтона на Сьюдад-Родриго, а позже не смог провести достаточную демонстрацию в Португалии, чтобы ослабить давление на Бадахос; таким образом, обе крепости пали, и герцог Рагузский был обвинен в ошибке императора. После этого его призвали попытаться остановить победоносное продвижение англичан в Испанию. Не имея людей, лошадей и припасов, он творил чудеса. Благодаря его напряженным усилиям в Саламанке были сосредоточены припасы, хорошая еда и тщательный уход за больными опустошили госпитали и пополнили ряды, а кавалерия была снабжена новыми лошадьми за счет спешивания "полевых офицеров" пехоты. В июле месяце произошла интересная дуэль под Саламанкой между Мармоном и Веллингтоном. Две армии были почти равны по численности: у французской было сорок семь тысяч человек, а у английской - сорок

четыре тысячи. Французы имели преимущество в виде обширной базы с линиями отступления либо на Бургос, либо на Мадрид. Англичанам приходилось прикрывать свою единственную линию коммуникаций, которая проходила через Сьюдад-Родриго. У французов было дополнительное преимущество в том, что их пехота маршировала лучше, чем у англичан. Благодаря этим причинам их командиру удалось настолько превзойти своего противника в целом, что к 22 июля он фактически угрожал английской линии отступления. Но тактическая ошибка перечеркнула все эти стратегические преимущества. В своем рвении он позволил своей передовой дивизии слишком растянуться, забыв, что выполнял опасную операцию флангового обхода. Веллингтон дождался удобного случая, а затем бросился на слабый французский центр и разрезал французскую армию пополам, тем самым доказав свое знаменитое изречение о том, что великий полководец не тот, кто совершает меньше всего ошибок, а тот, кто может наилучшим образом воспользоваться ошибками своего врага. Мармон понял свою ошибку, как только началась английская атака, но ранение пушечным ядром вывело его из строя в самом начале боя. Эта травма его руки была настолько серьезной, что ему пришлось бросить командование и вернуться во Францию, и весь следующий год ему пришлось носить руку на перевязи.

Наполеон, разгневанный на маршала за его неудачу, совершенно несправедливо обвинил его в том, что он не дождался подкреплений: они действительно прибыли через два дня после битвы. Жозеф, однако, ясно сказал ему, что не собирается посылать ему никакой помощи, и если бы не его тактические промахи, Мармон, несомненно, заставил бы Веллингтона отступить в Португалию. Но в 1812 году военные обстоятельства потребовали, чтобы Франция послала туда каждого солдата, и, соответственно, в марте герцог Рагузский был назначен командующим шестым корпусом, который формировался в долине Мэна. Приняв это командование, он обнаружил, что его корпус в основном состоял из матросов, призванных с бесполезных кораблей, и новобранцев, в то время как у его артиллерии не было лошадей, а кавалерии не существовало. С этими необработанными войсками ему пришлось пережить некоторые трудности при Лютцене и Баутцене, но по мере продвижения кампании он придавал им форму, и его дивизии сослужили хорошую службу в боях в Силезии и под Дрезденом. Во время разгрома после битвы при Лейпциге Мармон, как и большинство высших офицеров армии, больше думал о своей личной безопасности, чем о своей чести, и позволил офицерам своего штаба проводить себя с поля боя.

Но в кампании 1814 года он загладил все свои прежние промахи, и его боевой послужной список действительно высок. При Сен-Дизье, Ла-Ротьере, Арси-сюр-Об, Ножане, Сезанне и Шампобере он выстоял или разбил врага с меньшим численным превосходством в каждом случае. Только однажды в Лаоне он позволил себе удивиться. Когда пришел конец, именно Мармон по приказу Жозефа должен был передать Париж союзникам. После этого он столкнулся с ужасной проблемой. Его армия устала от сражений, офицеры и солдаты требовали мира. Он должен был решить, был ли его долг перед Наполеоном таким же, как его долг перед Францией. К сожалению, он действовал поспешно и, не поставив в известность императора, вступил в переговоры с врагом. Результат был далеко идущим, поскольку его поведение показало Александру, что армия устала от войны и больше не будет сражаться за Наполеона. Таким образом, это лишило почву под ногами комиссаров, которые пытались, используя престиж императора и страх перед его именем, убедить царя принять отречение Наполеона от престола от имени его сына, короля Рима. Враги маршала объяснили его поступок недоброжелательством к императору за то, что он так долго удерживал должность маршала и за

его лечение после Саламанки. Но Мармон утверждал, что именно патриотизм продиктовал его поступок, и далее утверждал, что сам Наполеон должен был одобрить его поступок, цитируя беседу, состоявшуюся в 1813 году. "Если бы враг вторгся во Францию, - сказал император, - и захватил высоты Монмартра, вы, естественно, поверили бы, что безопасность вашей страны заставит вас покинуть меня, и если бы вы сделали это, вы были бы хорошим французом, храбрым человеком, совестливым человеком, но не человеком чести".

Дезертирство герцога Рагузского стало горьким ударом для Наполеона. "Как Мармон мог так поступить, - воскликнул поверженный император, - человек, с которым я делил свой хлеб, которого я вытащил из неизвестности! Неблагодарный негодяй, он будет еще несчастнее, чем я. "Пророчество сбылось. Герцог Рагузский придерживался бурбонов и отказался присоединиться к Наполеону во время Ста дней, отправившись в Гент в качестве главы военной свиты изгнанного короля. Он вернулся с Людовиком в Париж и был произведен в генерал-майоры королевской гвардии и пэрыФранции, в качестве одного из судей, приговоривших Нея к смертной казни. Но люди косо смотрели на него, и с 1817 года он жил на пенсии, занимаясь в свободное время экспериментальным земледелием, с большим ущербом для своего кошелька, поскольку его тщательно продуманная схема содержания своих овец в трехэтажных сараях и одежды их в шкуры была крайне убыточной. Отставка была горьким ударом для увлеченного солдата, но монархи Бурбонов ясно понимали, что дезертир Наполеона и судья маршала Нея никогда не смогут пользоваться популярностью в армии.

Тем не менее, когда в июле 1830 года нарастало недовольство, Карл X. вспомнил о его безупречных качествах и вызвал его в Париж в качестве губернатора города. Это было неудачное назначение, поскольку непопулярность маршала ослабила узы дисциплины, в то время как его стремление продемонстрировать свою лояльность заставило его принять такие меры, какие приказал король, независимо от их военной ценности. Напрасно он предупреждал короля, что это не восстание, а революция; советы Полиньяка были всемогущи. Политические предложения маршала остались без внимания, а его военные планы отвергнуты. Основная масса линейных войск, продержанных долгие часы на улицах без еды, взбунтовалась и перешла на сторону населения, в то время как те, кто остался верен, и королевская гвардия, вместо того чтобы быть сосредоточенными и защищенными артиллерийскими батареями, были растрочены в бесполезных экспедициях в отдаленные районы города. После двухдневных боев роялистам пришлось эвакуировать город. Таким образом, на долю маршала снова выпало передать Париж врагам тех, кому он был обязан своей верностью.

Герцог Рагузский сопровождал Чарльза в Шербур и покинул Францию в августе 1830 года, чтобы никогда не возвращаться. Остаток своей жизни он провел за границей. Он сделал Вену своей штаб-квартирой, а оттуда совершал поездки в Россию, Турцию, Египет и Италию. Глубоко интересуясь наукой и историей, он посвящал свой досуг написанию мемуаров, работам по военной науке, филантропии и путешествиям. Занимаясь таким образом, хотя и будучи изгнанником из своей страны, он жил занятой, деятельной и в целом полезной жизнью, пока смерть не настигла его в Вене в 1852 году.

Маршала Мармона называют одним из неудачников Наполеона, но эта критика односторонняя и несправедливая. Верно, что его имя тесно связано с неудачей в Испании и падением Империи, но судить о его карьере по этим двум примерам и пренебрегать другой его работой - значит делать обобщения на недостаточной и случайной основе. Герцог Рагузский, как и

многие другие, был обязан своим маршальским званием своей близости с Наполеоном, но, в отличие от некоторых маршалов, он действительно заслужил свой батон. Его огромные организаторские способности, столь безраздельно отданные перевооружению Франции и Италии, и его работа по возрождению Далмации, наряду с его военными операциями в Штирии, Испания, и во время кампании 1814 года, выделяют его как солдата с большими способностями. Организованность была его сильной стороной, но он также обладал большой физической храбростью и многими качествами командира. Его любовь к своей профессии была велика, и он не только получил высшее образование под присмотром Наполеона, но и большую часть своего времени тратил на изучение своего призвания с научной и исторической точки зрения. Как стратег он, вероятно, стоял так же высоко, как любой из его коллег-маршалов, и его операции в Далмации, Испании и Франции заслуживают тщательного изучения всеми изучающими военную историю. Но он потерпел неудачу как тактик. Саламанка и Лаон доказывают не только то, что он совершал ошибки и не обладал способностью исправлять свои ошибки, но, прежде всего, ему не хватало способности ухватиться за ошибки своего врага. В 1811 году при Эль-Бодине Веллингтон был в его власти, но он не решался нанести удар, поскольку не мог поверить, что его великий противник мог совершить вопиющую ошибку, оставив свои дивизии без поддержки. Снова и снова на протяжении своей карьеры он демонстрировал тот недостаток решимости, который был причиной его последней катастрофы в Париже, где он позволил личным желаниям короля Карла взять верх над собственным суждением. Одним словом, он обладал даром великого генерал-квартирмейстера, а не главнокомандующего. Характер маршала как человека представляет собой интересное исследование. В юности жажда личной славы и честолюбие были доминирующими чертами характера, и ту стабильность, которой он обладал, он черпал из своего гордого чувства чести, которое не позволяло ему брать добычу или взятки. Но ответственность развила многие скрытые качества. Желание поддерживать боеспособность своих войск побудило его уделять особое внимание их физическому благополучию, и из выполнения этого долга он научился делать это с любовью. Со временем стремление к личной славе слилось с острым восторгом от славы Франции, и, следовательно, вырос патриотизм, который справедливо или ошибочно привел к сценам 1814 и 1830 годов. Несчастье также внесло свою лепту в становление его характера. Его несчастливый брак, горечь из-за отказа от должности маршала, его непопулярность после 1814 года заставили его вспомнить предупреждение отца о том, что успех - это еще не все, и переключить свое внимание на развитие тех научных и литературных способностей, к которым он всегда проявлял сильную склонность. Следовательно, хотя неудача с его браком и его непопулярность, вызванные его дезертирством от Наполеона, озлобили его и заставили его мемуары изобиловать резкими описаниями его современников и бывших друзей, его старость, хотя и проведенная в изгнании, была скрашена приятной работой, которая доказала, "что в глазах генерала он сочетал достижения ученого и сердце филантропа".

ЛУИ ГАБРИЭЛЬ СЮШЕ, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ АЛЬБУФЕРА

Луи Габриэль Суше, сын фабриканта шелка, родился в Лионе 2 марта 1770 года. Его отец приобрел известность благодаря своим открытиям в своей профессии и занимал видное место в муниципалитете Лиона. Луи Габриэль, получивший хорошее образование в колледже острова Барб, рано показал, что унаследовал организаторский и исследовательский талант своего отца. В 1792 году он поступил в корпус добровольческой кавалерии. Его образование и способности вскоре привели его на фронт, и после двух лет службы он стал подполковником восемнадцатой полубригады, в качестве которой принимал участие в осаде Тулона. Там ему посчастливилось взять в плен английского коменданта крепости генерала О'Хару и завоевать дружбу Бонапарта. Сюше и его брат сопровождали будущего императора на многих приятных пикниках, и все трое были хорошо известны среди определенного класса марсельского общества. Но это был лишь преходящий этап, и вскоре жажда славы призвала молодого солдата к более суровым поступкам. Кампании 1794-5 годов в Приморских Альпах, битва при Лоано и ожесточенные бои 1796 года при Лоди, Риволи, Арколе и Кастильоне доказали неустрашимую храбрость и способности полковника Суше как командира полка. В 1797 году за его блестящее поведение при Ноймаркте, в Штирии, Бонапарт присвоил ему звание бригадного генерала. В своем новом качестве Суше доказал, что может не только выполнять приказы, но и действовать полунезависимо в качестве командира колонны, и в награду за свой успех в Швейцарии под командованием генерала Брюна ему выпала честь передать Директории двадцать три захваченных знамени. По просьбе Брюна его отправили обратно в Швейцарию в качестве начальника его штаба. Суше в значительной степени обладал теми качествами, которые необходимы для идеального штабного офицера. У него была веселая улыбка и словечко для всех, а его высокая прямая фигура и добродушное лицо внушали доверие как офицерам, так и рядовым; как командир полка, так и бригадный генерал он хорошо разбирался в работе малых и крупных корпусов, и его ранний опыт кавалерийского офицера и близкое знакомство с офицерами артиллерии сослужили ему хорошую службу. У него была природная склонность к составлению приказов, а его такт и энергия вызывали уважение у всех, с кем он служил, но прежде всего он владел секретом вдохновлять окружающих своей горячностью и энтузиазмом. Брюн, Жубер, Массена и Моро - все доказали свою состоятельность, а Моро лишь выразил мнение остальных, когда сказал другу: "Ваш генерал - один из лучших штабных офицеров во всех армиях Франции". Как дивизионный генерал Суше исполнял обязанности начальника штаба Жубера в Италии в 1799 году. Позже в том же году он командовал одной из дивизий Альпийской армии под командованием Массены и сражался против знаменитого Суварова. Но когда Жубера поспешно отправили в Италию, он сразу же потребовал назначить Суше начальником штаба. После гибели Жубера в битве при Нови Суше служил Массене в аналогичном качестве; последний был так доволен им, что хотел забрать его в Рейнскую армию. Но в тот катастрофический год нельзя было обойтись без способных людей, и Бернадотт, как военный министр, оставил его в Италии, чтобы помочь новому главнокомандующему "своим ясным пониманием того, чего требует общественное благо". Когда Массена принял командование итальянской армией в марте, он отрядил Суше прикрывать Францию на линии Вар, в то время как сам с остальной армией бросился в Геную. Главнокомандующий полностью доверял своему лейтенанту; он испытывал его снова и снова в швейцарской кампании, и когда

Сюше чудесным маршем вырвался из окружения русских, его единственным замечанием было: "Я был совершенно уверен, что он вернет мне свою бригаду". Молодой генерал в очередной раз оправдал свою репутацию и проявил те ресурсы в трудных ситуациях и ту решительность в невзгодах, которые так отличали его карьеру. Имея всего лишь горстку войск, благодаря своей энергии и тактическим способностям, он остановил поток австрийского вторжения на Вар, а когда Наполеон прорвался через перевал Сен-Бернар в тыл врага, мастерски вернув инициативу, он вытеснил австрийцев перед собой и, захватив семь тысяч пленных, существенно облегчил трудности первого консула в кампании при Маренго. Карно, военный министр, написал ему в хвалебных выражениях: "Взоры всей Республики были прикованы к новым Фермопилам. Твоя храбрость была не менее велика и более успешна, чем у спартанцев". Но, несмотря на этот ратный подвиг и то, как бескорыстно он помог Дюпону справиться с трудностями при переправе через Минчо в кампании, последовавшей за Маренго, Сюше оказался заброшенным и обошел его стороной, когда император раздавал ему новые почести и награды. Несмотря на свою прежнюю дружбу и воспоминания о множестве приятных дней, проведенных вместе в прежние годы, Наполеон не мог простить ему сурового несгибаемого республиканства. Он слишком хорошо знал силу своего характера, чтобы думать, что сможет повлиять на его мнение простыми почестями, и решил посмотреть, сможет ли победить его пренебрежением. После занятия должности генерального инспектора пехоты Суше в 1803 году был отправлен в Булонский лагерь в качестве простого командира дивизии в армейском корпусе Сульта. В том же качестве он верно служил под командованием Ланна в австрийской кампании 1805 года и отличился при Ульме и Аустерлице, где его дивизии посчастливилось прорвать центр русских. В следующем году при Заальфельде и Йене он укрепил свою репутацию, и император оказал ему честь разбить лагерь в середине своей дивизии накануне битвы при Йене. Пултуск и Эйлау засвидетельствовали его храбрость и отвагу на поле боя, и Наполеон начал смягчаться. За его участие в победе при Аустерлице император наградил его Большим орлом ордена Почетного легиона и наградил двадцатью тысячами франков; в августе 1807 года он дал ему временное командование пятым корпусом; несколько месяцев спустя он объявил его кавалером Железной короны, а в марте 1808 года произвел в графы Империи. В 1807 году Сюше женился на одной из Клэри, родственнице жены Жозефа Бонапарта, и таким образом в определенной степени связал себя с наполеоновской династией. И все же только в качестве командира дивизии пятого корпуса под командованием Ланна в 1808 году он вступил в Испанию, место своей славы. Но когда война выявила плохие качества многих маршалов, а приближающийся конфликт с Австрией заставил его отозвать своих лучших лейтенантов на Дунай, Наполеон вспомнил о своем новом родственнике и бывшем товарище. После осады Сарагосы он передал ему командование третьим корпусом, ныне известным как армия Арагона. Наконец настал испытательный час Суше. До сих пор он проявлял себя превосходным интерпретатором идей других, человеком энергии и находчивости в выполнении приказов; оставалось выяснить, сможет ли он подняться до высот самостоятельного мышления и действий на равнине высшей стратегии.

ЛУИ ГАБРИЭЛЬ СЮШЕ, ГЕРЦОГ АЛЬБУФЕРСКИЙ
С ГРАВЮРЫ ПОЛЛЕ

Ситуация, с которой пришлось столкнуться новому генералу, могла бы угнетать более слабого человека. Третий корпус, или армия Арагона, был серьезно потрясен длительной, упорной осадой Сарагосы. Многие из ее лучших офицеров и рядовых были убиты или отправлены во Францию инвалидами; ряды были полны необученных новобранцев, которые еще не почувствовали ни капли дисциплины. Магазинов не было, солдатам месяцами не выдавали жалованье, моральный дух войск был плохим; но генералу сказали, что он не должен ожидать подкреплений и что его армия должна жить за счет провинции Арагон. Чтобы еще больше усугубить его трудности, ему сообщили, что, хотя он и прислушивался ко всем командам из Мадрида, на самом деле он должен был подчиняться приказам, которые поступали от генерал-майора в Париже. Тем временем повсюду вокруг него, в Арагоне и даже Сарагосе, кипело недовольство, и испанские войска, окрыленные частичным успехом, подтягивались со всех

сторон. Таким образом, Сюше получил свой первый опыт командования на войне и демонстрации того, что успех зависит от достижения желаемой цели подручными средствами. К счастью для своей репутации, он выполнил изречение Наполеона о том, что "генерал должен прежде всего обладать хладнокровием, чтобы оценивать вещи по их достоинству: он не должен быть тронут хорошими или плохими новостями. Ощущения, которые он получает ежедневно, должны быть так классифицированы в его сознании, чтобы каждое занимало свое соответствующее место". Соответственно, он сразу же понял жизненно важные моменты проблемы и постарался восстановить моральный дух войск, чтобы иметь возможность встретить и одолеть организованные силы, которые двигались против него. Его первым шагом было провести смотр своему новому командованию, а затем он посетил свои войска в их квартирах и установил личный контакт с офицерами и рядовыми, наблюдая за их ротными и батальонными учениями, поощряя их и контролируя внутреннее хозяйство различных полков и бригад. Его репутация и личный магнетизм вскоре начали приводить к полным переменам в его армии. Но, к несчастью, враг, сражавшийся в своей собственной стране, где каждый житель был шпионом на их стороне, знал так же хорошо, как и сам генерал, точное состояние боевого духа французов, положение каждого подразделения и силу каждой роты и эскадрона. Их информация была настолько точной, что однажды, когда батальон был отправлен в разведку для занятия небольшого городка, и офицер, командовавший им, потребовал тысячу пайков для своих людей и сто для своей лошади, алькальд сразу ответил: "Я знаю, что должен обеспечить пайками ваши войска, но я поставлю только семьсот восемьдесят пайков для людей и шестьдесят для лошадей", поскольку он заранее знал точное количество людей и лошадей в колонне.

Испанский генерал Блейк, имея под своим командованием эту замечательную разведывательную организацию, собрал свои войска и перехватил инициативу против нового французского командующего, продвинувшись к Сарагосе. Сюше, понимая важность полного использования духа, который французский солдат всегда черпает из чувства атаки, двинулся ему навстречу возле Альканиса, но Блейк легко отбил атаку французов. Армия Арагона была настолько деморализована, что на следующую ночь, когда барабанщик крикнул, что видит наступающую испанскую кавалерию, целый пехотный полк сложил оружие перед этой призрачной атакой. Преступник был немедленно доставлен перед военным трибуналом драмхеда и расстрелян, но, учитывая, что войска были в таком состоянии, французский командующий очень мудро на следующий день медленно отступил к Сарагосе. Ситуация была чрезвычайно критической: поспешное отступление подняло бы на атаку весь Арагон; к счастью, моральный дух испанских войск также был не слишком хорош, и Блейк дождался подкрепления, прежде чем наступать. Тем временем Суше проводил каждый час, реорганизуя свою армию, быстро наказывая всякую расхлябанность, поощряя, где это было возможно, похвалой, повсюду демонстрируя бодрость и уверенность, которых он был далек от чувства. Каждый день войска проходили муштру или участвовали в мушкетных упражнениях; обычная рутина мирного времени соблюдалась во всех деталях, и гражданская и военная жизнь Сарагосы не проявляла никаких признаков масштабности этого кризиса. Между тем забота и внимание вскоре возымели действие, и когда три недели спустя враг появился у Марии перед Сарагосой, Суше имел под своим командованием войска, полные ревностного желания стереть свой недавний позор и абсолютно уверенные в своем генерале. К счастью, испанский командующий, предприняв попытку широкого обхода, ослабил свое численное превосходство, и Суше, как обычно, перейдя в наступление, прорвал центр испанцев своей кавалерией, бросил

свою пехоту в брешь и под страшным ливнем прогнал испанцев с поля боя. Битва при Сарагосе спасла Арагон для французов, но это не удовлетворило их командующего, который знал, что "быстрое продвижение, энергичный удар и получение всех плодов победы является секретом успешной войны"; соответственно, со своими теперь воодушевленными войсками он преследовал врага и атаковал его при Бельчите. Боевой дух испанцев был полностью подорван; случайный выстрел в начале сражения взорвал фургон с боеприпасами, после чего вся армия развернулась и обратилась в бегство; до конца войны в Арагоне не было никакого регулярного сопротивления.

Битвы при Сарагосе и Бельчите ознаменовали начало нового этапа в завоевании Восточной Испании. С этого времени Арагон стал базой, с которой было организовано завоевание Каталонии и Валенсии. Именно в соответствии с этим планом следующей задачей Сюше была организация гражданского правительства древнего королевства Арагон. К счастью для главнокомандующего, старый местный патриотизм сильно горел в сердцах арагонцев; завидуя кастильцам, они ставили свою любовь к Арагону намного выше своей любви к Испании. Сюше, страстный исследователь человеческой природы, быстро понял, как использовать этот провинциализм в своих целях. Громко восхваляя их упорное сопротивление французскому оружию, он обратился к дворянам и бывшим государственным служащим с просьбой оказать ему помощь в восстановлении былой славы древнего королевства Арагон. Тем временем жители городов и деревень были умиловлены суровым правосудием и новой фискальной системой, которая, хотя и забирала больше из их карманов, была менее суровой и требовательной, чем прежний метод, взимавший налог с продажи и покупки каждого отдельного предмета. Тем временем потребности французской армии создали рынок как для сельскохозяйственной продукции, так и для промышленных изделий, и, следовательно, как городское, так и сельское население, платя более высокие налоги, получало большую прибыль, чем раньше. Управление Арагоном было настолько умелым, что провинция, которая даже в самые процветающие дни никогда не вносила в испанскую казну более четырех миллионов франков, могла приносить доход в размере восьми миллионов франков только на содержание войск, не считая расходов на военные операции, и в то же время содержать собственных гражданских служащих, в то время как в Сарагосе и других местах велись работы общественного назначения.

Но Суше не только с финансовой точки зрения в полной мере доказал принцип, что военное искусство - это не что иное, как искусство кормить свои войска: его военные операции были ничуть не менее замечательными, чем его успехи в качестве гражданского администратора. Сразу же после Бельчите он изгнал всех партизан из Арагона и с помощью тщательно продуманного плана размещения гарнизонов обеспечил стране тот мир и определенность, которые необходимы как для торговли, так и для сельского хозяйства. Затем он приступил к отвоеванию у врага важных крепостей Лерида и Меквиненца, которые контролируют подступы к Каталонии. Завоевание Суше Арагона, Каталонии и Валенсии ознаменовалось чередой блестящих осад. Лерида, Меквиненца, Тортоса, форт Сан-Фелипе, седловина Баланкер, Таррагона, Сагунто и Валенсия - все пали под его победоносной рукой, ибо Испанию нужно было завоевывать по частям. Каждый шаг вперед был отмечен осадой, битвой с целью разгрома войск, пришедших на помощь, падением крепости и ее тщательным восстановлением в качестве базы для следующего наступления. Не из-за какой-либо слабости или недостатка предосторожности со стороны врага Суше таким образом захватил все известные крепости центральной Испании: в каждом случае испанцы сражались с мрачной решимостью, и

регулярные испанские армии, которым помогали полчища партизан, предпринимали отчаянные попытки освободить своих осажденных соотечественников. Но успех французов был обусловлен качествами их генерала. Обладая терпением, равным терпению Мальборо, обладая способностью следить за деталями, как у своего великого начальника, Суше точно знал, как подбирать персонал и насколько доверять своим подчиненным. Прежде всего, он обладал абсолютным самоконтролем. В самый черный час он никогда не уступал, при самой крайней провокации он никогда не терял самообладания; поэтому его собственные войска боготворили его, в то время как его совершенная справедливость производила впечатление на врага. Хотя испанские священники в каждой деревне учили катехизису, что долг человека любить всех мужчин, кроме французов, что убивать всех французов не только законно, но и священно, хотя было захвачено письмо, в котором главарь партизан приказывал своим подчиненным приложить все усилия, чтобы схватить мадам Сюше и перерезать ей горло, особенно потому, что она была беременна, главнокомандующий держал своих людей под абсолютным контролем и со всей строгостью наказывал за каждое нарушение, совершенное его войсками.

Битва и осада Валенсии в 1811 году стали венцом его карьеры и принесли в качестве награды долгожданный маршальский батон и титул герцога Альбуферского: в подтверждение его титула император пожаловал ему полмиллиона франков - большую сумму, чем он давал любому другому из своих паладинов. В 1812 году маршал был занят реорганизацией провинции Валенсия по тем принципам, которые он нашел столь успешными в Арагоне. Но его работа там так и не успела пустить корни. Необходимость русской кампании вынудила Наполеона отозвать из Испании многие из своих лучших войск, в то время как успешное наступление Веллингтона на Мадрид показало, насколько неустойчивым было французское правление. Только провинция Валенсия поставляла деньги и провизию армиям, отвоевавшим испанскую столицу для короля Иосифа. В 1813 году победоносное наступление Веллингтона и битва при Виттории вынудили Суше покинуть Валенсию. Падение Пампелуны вынудило его эвакуировать Арагон. Лишенный всех своих надежных войск, он все же своими смелыми контратаками задержал продвижение англичан и испанцев под командованием Бентинка, но к тому времени, когда Наполеон отрекся от престола, он был вынужден со своей горсткой людей отступить на французскую территорию.

При Реставрации маршал остался командовать десятой дивизией, но по возвращении Наполеона с Эльбы он снова воссоединился со своим старым командиром, которого не видел с 1808 года. Император приветствовал его самым сердечным образом. "Маршал Сюше, - сказал он, - ваша репутация значительно возросла с момента нашей последней встречи. Добро пожаловать; вы приносите с собой славу и все то очарование, которое герои дарят своим современникам на земле ". Маршал был немедленно отправлен в свой старый дом в Лионе, чтобы организовать там из ничего армию, которая должна была прикрывать Альпы. Людей там было предостаточно, но арсеналы были пусты; тем не менее маршал с десяти тысячным войском 15 июня разбил пьемонтцев, а через несколько дней разбил австрийцев. Но оккупация Женевы союзниками вынудила его эвакуироваться из Савойи и отступить в Лион, где его встретили известием о Ватерлоо. Во время второй реставрации маршал никогда не появлялся на публике и умер в замке Сен-Жозеф в Марселе 3 января 1826 года.

Разговаривая с О'Мирой на острове Святой Елены, Наполеон сказал: "Из генералов Франции я отдаю предпочтение Суше. До него первым был Массена". В другой раз он сказал о нем: "Жаль, что смертные не могут импровизировать с такими людьми, как он. Если бы у меня было два маршала, подобных Сюше, я бы не только завоевал Испанию, но и сохранил ее". Принимая во

внимание вероятности того, что на императора в этой речи повлиял тот факт, что Сюше один рассеял мрак неудачной войны в Испании, все же совершенно очевидно, что маршал был командиром недюжинных способностей, ибо, хотя он и не проявил развитости Мармона, все же, как сказал сам Наполеон, "Сюше был человеком, чей ум и характер чудесным образом выросли".

Как главнокомандующий, хотя и действовавший в небольшой сфере и никогда не имевший под своим командованием более пятидесяти тысяч солдат, он показал, что обладает решимостью, проницательностью и большими организаторскими способностями. С самого начала он понял, что единственный способ сломить сопротивление испанцев - это захватить крепости. Следовательно, его операции были двоякими — ведение осад и защита его конвоев от партизан. Он оправдал свои рассуждения: к 1812 году он взял в плен не менее семидесяти семи тысяч офицеров и рядовых и тысячу четыреста орудий и умиротворил Арагон, Валенсию и часть Каталонии. Другой великий секрет его успеха заключался в том факте, что он знал, как извлечь выгоду из победы; битва при Бельчите последовала за битвой при Марии; как только была взята Лерида, были составлены планы по взятию Меквиненцы, и еще до того, как эта крепость была взята, был подготовлен осадный обоз для Тортосы. Воспользовавшись подавленностью противника после падения Тортосы, он отправил колонны для захвата Сан-Фелипе и седловины Баланкер. Благодаря своей прежней подготовке в качестве начальника штаба маршал смог собственноручно составить все мельчайшие инструкции по осадным операциям, а также для правительств Арагона и Валенсии. Дар составлять четкие приказы и интуиция, с которой он выбирал командиров штаба и колонн, во многом объясняют причину, по которой его операциям в Каталонии, Арагоне и Валенсии так мало препятствовала постоянная партизанская война, парализовавшая других французских командиров в Испании. Неутомимая энергия, с которой он лично знакомился с каждым офицером, находившимся под его командованием, и его знание своих солдат, сочувствие к ним и забота о них всегда делали его популярным; в то время как горячий энтузиазм, который он знал, как донести до французов, немцев и итальянцев, так воодушевлял его войска, что он мог потребовать от них почти любых жертв. Таким образом, он сам создал боевой дух, который позволял ему снова и снова побеждать, несмотря на превосходящие силы противника.

В основе его характера лежали умеренность и справедливость, и они во многом объясняют его успех как государственного деятеля. На его плечи легла трудная задача управлять Арагоном и Валенсией на благо армии, находившейся под его командованием; однако жители этих стран вспоминали о нем не с ненавистью, а с любовью. Когда кто-нибудь спрашивал, каков характер французского генерала, испанцы отвечали: "Он справедливый человек". Та же самая умеренность, которая заставила его спасти Таррагону и Валенсию от ярости своих войск, научила его посвящать себя благополучию своих временных подданных и привела к тому, что испанское и английское командование воздало должное его устройству госпиталей. В Сарагосе его именем была названа одна из главных улиц, и после его смерти жители города оплатили мессы за упокой его души, в то время как король Испании всего лишь выражал чувства народа, когда писал вдове маршала, что все, что он слышал в Испании, доказывает, насколько заслуженно герцог Альбуфера завоевал расположение жителей Валенсии и Арагона.

ЛОРАН ГУВИОН СЕН-СИР, МАРШАЛ

Лоран Гувийон Сен-Сир, сын мелкого землевладельца из Туля, родился в этом городе 13 апреля 1764 года. Его отец, который был Гувийоном, женился на Сен-Сир, но брак оказался неудачным, и вскоре после рождения юного Лорана было решено разойтись. Следовательно, с раннего возраста мальчику не хватало материнской заботы. Его отец, многие из родственников которого служили в артиллерии, желал, чтобы его сын поступил в армию, и с этой целью отправил его в Артиллерийское училище в Туле. Но в возрасте восемнадцати лет будущий маршал решил отказаться от военной карьеры ради карьеры художника, предпочтя свободу жизни художника скучной рутине гарнизонной службы. Закусив удила в начале 1782 года, он отправился в Рим, который сделал своей штаб-квартирой на следующие два года, время от времени совершая поездки на Сицилию. В 1789 году Лоран Гувийон обосновался в Париже, обладая большими познаниями в искусстве и некоторыми значительными навыками в технике. Погруженный в классические знания, презиравший скучные авторитеты и полный юношеского энтузиазма, он с радостью приветствовал начало Революции. Но к концу 1792 года молодой художник был слишком проникновенным исследователем людей и дел, чтобы не заметить "опасности, которая угрожала Республике", и, как и все другие мыслящие люди, "был поражен не то чтобы неосторожностью, но безрассудством Конвента, который вместо того, чтобы стремиться уменьшить число своих врагов, казалось, решил увеличить их путем последовательных оскорблений не только в адрес всех королей, но и в адрес каждого существующего правительства". Несмотря на это, когда Европа угрожала Франции, Лоран Гувийон был одним из первых, кто записался в добровольцы. Его личность и прежняя подготовка сразу же дали о себе знать; через месяц после зачисления в армию он был избран капитаном, в звании которого вступил в Рейнскую армию под командованием генерала Кюстина. Попав на фронт, капитан-доброволец вскоре нашел применение своему карандашу. В полностью дезорганизованной армии хороший рисовальщик, знающий толк в стране, не был чем-то недостойным. Гувийон был прикреплен к топографическому отделу штаба. Он добавил к своей фамилии имя своей матери — Сен-Сир - из-за постоянной путаницы, возникающей из-за количества Гувийонов, служащих в армии. После года напряженной работы в штабе, в течение которого он досконально овладел искусством маневрирования в соответствии с местностью и хорошим практическим знанием армейской техники, Сен-Сир 5 июня 1794 года был повышен в звании до бригадного генерала, а шесть дней спустя - до дивизионного. Его продвижение по службе не было незаслуженным, поскольку именно его полное мастерство ведения войны в горах больше, чем что-либо другое, способствовало успеху дивизии Рейнской армии, к которой он был прикреплен. Солдаты давно осознали этот факт, и когда они слышали грохот орудий в ущельях Вогезов, они обычно кричали друг другу: "Там Сен-Сир играет в шахматы". Как и Бернадотт, сначала он отказался от этого быстрого продвижения по службе; он боялся, что это может привести к эшафоту, поскольку смерть в то время была наградой за неудачу, и, кроме того, Гувийоны относились к высшей знати. Как командир, новый генерал быстро доказал, что, как бы абстрактно он ни восхищался свободой, от своих людей он не добьется ничего, кроме повиновения. Высокого роста, больше похожий на профессора, чем на солдата, на протяжении всей своей карьеры носивший простое синее пальто, без мундира и эполет, которые носили генералы Рейнской армии, Сен-Сир вскоре стал одним из самых известных генералов Республиканской Франции. Как писал о нем

один из его самых злейших врагов, "Невозможно было найти более спокойного человека; величайшие опасности, разочарования, успехи, поражения одинаково не могли тронуть его. При любых непредвиденных обстоятельствах он был как лед. Легко понять, каким преимуществом для генерала был такой характер, подкрепленный вкусом к учебе и размышлениям ". В Рейнской армии Дезе и Сен-Сир считались людьми, чьим примерам следует следовать. Аскетизм их образа жизни, их искренний патриотизм и кропотливая настойчивость наложили неизгладимый отпечаток на всех, с кем они соприкасались. Но хотя у них было много общего, на самом деле они были очень непохожи, ибо Дезе был опьянен любовью к славе, полон жгучего энтузиазма, необычайно отзывчив, чрезвычайно восприимчив к влиянию момента, в то время как Сен-Сир любил долг как правило своей жизни, строил свои действия по строгим законам расчета, был абсолютно невосприимчив к внешнему влиянию и никогда не знал, что значит сомневаться в собственных силах. Но при всех его выдающихся способностях у него было много недостатков; он был чрезвычайно ревнив и, сам того не подозревая, позволял собственным интересам влиять на свои расчеты, вследствие чего в самом начале его карьеры его коллеги-генералы ненавидели необходимость сотрудничать с ним, и он получил прозвище "плохого постельничего". Кроме того, каким бы превосходным он ни был стратегом и тактиком, детали управления наводили на него скуку. Он никогда не проводил смотра, никогда не посещал госпитали и оставлял нити управления в руках своих подчиненных; следовательно, несмотря на то, что его войска доверяли ему на поле боя, они не любили его в казармах, потому что, несмотря на суровую дисциплину, он ничего не делал для удовлетворения их нужд или развлечений.

ГУВИОН СЕН-СИР, ГРАФ
С ГРАВЮРЫ По КАРТИНЕ Ж. ГЕРЕНА

С 1795 года до заключения Кампо-Формио мирного договора Сен-Сир разделял судьбу и превратности Рейнской армии, находясь в подчинении у Гоша, Журдана и Моро. Битва при Биберахе в 1796 году стала его личным триумфом. Одним-единственным корпусом он разгромил три четверти всей армии противника и обратил ее в бегство с потерей пяти тысяч пленных. Но, несмотря на эту победу и многочисленные упоминания в депешах, когда его представили директору Ребеллу после заключения Кампо-Формийского мирного договора, его действительно спросили: "В какой армии вы служили?" Потребовалось объяснение, после чего Директор, обнаружив, что генерал понимает по-итальянски и говорит по-итальянски, немедленно отправил его принять командование римской армией. 26 марта 1798 года он прибыл туда и приступил к своему первому самостоятельному командованию. Его задача была

трудной. Офицеры армии подняли восстание против Массены, который не пытался платить им или их войскам, а тратил свое время на то, чтобы сколотить состояние для себя. Новый генерал получил приказ арестовать некоторых офицеров и восстановить дисциплину. Это была задача, превосходно соответствующая его талантам, и в течение четырех дней после его прибытия недовольные были арестованы, а мятеж подавлен. Его следующей обязанностью, согласно приказу Директории, было выдворение папы из Рима; по странному совпадению офицером, которому было поручено сопровождать его Святейшество в Тоскану, был некий полковник Кальвин. До сих пор Сен-Сир, во многом против своего желания, выполнял приказы Директории, но его следующее действие было спонтанным и продиктовано его собственным представлением о справедливости. Это был час грабежа: комитет, назначенный Директорией, был занят транспортировкой во Францию всех шедевров итальянского искусства, а новоназначенные консулы Римской республики также были полностью вовлечены в акты вандализма. Когда генерал услышал, что великолепное пожертвование в виде бриллиантов, принадлежащее семье Дориа, было украдено из церкви Святой Агнессы, чтобы украсить шею незаконнорожденных консулов, он немедленно приказал вернуть остенсуар его владельцам. Консулы обратились к Директории; таким образом, после четырех коротких месяцев командования Сен-Сир был отозван, но сразу же отправлен на прежнюю должность командира дивизии в Рейнской армии.

Оттуда в июне 1799 года он был спешно отправлен в Италию на помощь Моро, который пытался остановить победоносное наступление австрийцев и русских. Он прибыл вовремя, чтобы принять участие в упорной битве при Нови и помочь организовать упорное сопротивление на склонах Апеннин. Перед битвой при Нови он действительно мельком видел самого грозного Суварова. Русский генерал, который больше доверял собственным глазам, чем донесениям своих разведчиков, однажды подъехал прямо к линии французских войск, одетый в свое обычное боевое снаряжение, рубашку и бриджи, и после поспешной рекогносцировки вернулся в свой лагерь и отдал свой знаменитый приказ: "Бог желает, император приказывает, Суворов командует, чтобы завтра враг был побежден". Нови добавил блеска репутации Сен-Сира; именно его упорное сопротивление на правом фланге и замечательное управление арьергардом помешали победоносным союзникам сбросить разбитых французов через перевалы в море. Но это была легкая задача по сравнению с тем, что должно было последовать. Нужно было удержать перевалы в Апеннинах, а Геную прикрыть горсткой людей, обескураженных поражением и наполовину взбунтовавшихся из-за нехватки необходимого продовольствия. Это был сброд, а не армия; не было ни комиссариата, ни кассы с деньгами, ни магазина одежды. Тем временем в Генуе у него в тылу тлел мятеж. Задача пришлась этому человеку по душе; с помощью серии хитроумных уловок и маневров в долине Бормиды он перехитрил врага и постепенно восстановил моральный дух своих войск, после чего смог поспешить обратно в Геную с тремя батальонами в тот психологический момент, когда мятежи набирали обороты. С абсолютным спокойствием он приказал гражданским властям подготовить помещения для восьми тысяч солдат, из которых те немногие, что были с ним, составляли авангард. Власти, ошеломленные его внезапным появлением, никогда не сомневались в прибытии этой баснословной силы, и впоследствии Сен-Сир смог занять все опорные пункты в городе с той горсткой войск, которая была у него с собой, а затем на досуге арестовать главарей восстания. Тем временем разумное учреждение бесплатных столовых на улицах облегчило нужды толпы. Едва Генуя была усмирена, как генерал столкнулся с гораздо более серьезными событиями. Голод довел солдат до мятежа, и даже самые передовые посты

прекратили соприкосновение с врагом и объявили о своем намерении вернуться во Францию. Только получив принудительный заем от правительства Лигурии и обратившись с самым трогательным призывом к их патриотизму, он смог убедить мятежников вернуться к своим обязанностям, сказав им, что, если они покинут знамена, он намерен "вместе с генералами, офицерами и унтер-офицерами удерживать позиции, занимаемые армией". Далее, чтобы ободрить их, он начал серию небольших сражений, которые восстановили их моральный дух и привели к битве при Альбано, где он нанес австрийцам столь серьезное поражение, что Генуя на значительное время была избавлена от всякой опасности. Первый консул, узнав о победе при Альбано, немедленно прислал Сен-Сиру почетный меч - дамаский клинок в богато украшенных гравировкой ножнах с навершием, инкрустированным бриллиантами, - который первоначально предназначался султану.

Но хотя таким образом он был награжден первым почетным мечом, когда-либо врученным Первым консулом, он никогда не был *персоной граа* у Наполеона. Соответственно, в начале 1800 года он был отозван из Итальянской армии и направлен лейтенантом к Моро, который должен был действовать в долине Дуная, в то время как Бонапарт приберег театр военных действий в Италии для себя. К величайшему несчастью для Сен-Сира, он, как предполагалось, принадлежал к фракции Моро, ибо день ото дня борьба между этим генералом и Первым консулом становилась все ожесточеннее. Моро не утруждал себя тем, чтобы скрывать свою неприязнь к Бонапарту, и, услышав слух о том, что Первый консул намеревался принять командование Рейнской армией и назначить его заместителем командующего, он вышел из себя и сказал своим подчиненным за обедом, "что ему не нужна маленькая банка "Людовик XIV". со своей армией, и что если придет Первый консул, он уйдет. Тем временем между генералом и его новым главнокомандующим возникли большие трения. Сен-Сир, гордившийся своими недавними достижениями, сурово раскритиковал планы и организацию своего начальника, который был крайне возмущен мыслью, что кто-то может сомневаться в его способности управлять армией численностью в сто тридцать тысяч человек и в то же время лично командовать резервным корпусом численностью в двадцать пять тысяч человек; таким образом, Моро приносил достижения Сен-Сира. Сен-Сир при Д'Энгене, Мосскирхе и Биберахе продемонстрировал свое обычное мастерство тактика, но не смог поддерживать контакт с колоннами справа и слева от себя и укрепил свою репутацию ревностного бойца. Вторая битва при Биберахе была шедевром дерзости, и до конца своих дней генерал, вспоминая о своем успехе, всегда повторял: "В тот день я был мужчиной". Во время операций вокруг Ульма отношения стали еще более напряженными, и Сен-Сир был рад воспользоваться предложением ранения, чтобы потребовать своего возвращения во Францию. Первый консул придерживался линии, которой он всегда придерживался по отношению к тем, кого не любил, но боялся. Он вознаграждал Сен-Сира, сделав его членом государственного совета, и в то же время убрал его с дороги, отправив с дипломатической миссией в Испанию. Генерал оставался в Мадриде до августа 1802 года, а затем, после короткого отпуска в Париже, в 1803 году был направлен командовать армией в Фаэнце, которая должна была оккупировать Неаполитанское королевство после разрыва Амьенского мирного договора. За два года, проведенных в командовании оккупационной армией, у него было много возможностей проявить свое терпение и дипломатическое мастерство. К неаполитанскому двору нужно было относиться со всем почетом, но следить за ним с величайшей осторожностью, нужно было прилагать все усилия, чтобы внешне сохранять видимость большой сердечности, в то время как требования Наполеона должны были выполняться буквально. Ситуация еще больше осложнялась

продолжающимся вмешательством Мюрата, командовавшего итальянской армией и желавшего иметь Неаполитанскую армию под своим контролем. В войсках должна была поддерживаться строжайшая дисциплина, чтобы неаполитанцы не имели возможности использовать оружие против оккупационной армии. Сен-Сир так успешно держал свои войска в узде, что неаполитанский министр написал в своем следующем послании королеве: "Мадам, мы ничего не можем с этим поделать; эти люди не солдаты, они монахи". Несмотря на множество тревожных моментов, эти два года в Неаполе были приятными годами для генерала, который наслаждался близким обществом многих литераторов, которые были прикреплены к его армии, поскольку, как писал о нем Поль Луи Корне, "Он достойный человек, образованный человек, возможно, самый образованный из людей в изящном искусстве резни, приятный человек в частной жизни, мой большой друг". Но с этим неаполитанским командованием было связано одно большое разочарование, поскольку в 1804 году Сен-Сир обнаружил, что его имя исключено из списка маршалов, и пустой титул генерал-полковника кирасирского полка и Большой орден Почетного легиона никоим образом не компенсировали это разочарование.

Начало войны с Австрией осенью 1805 года вынудило Наполеона вывести оккупационную армию из Неаполя, и Сен-Сир поспешил на север как раз вовремя, чтобы помочь Массене изгнать австрийцев из Штирии и Каринтии. Он сильно отличился при Кастель-Франко, где с меньшими силами захватил всю колонну противника под командованием принца де Рогана. Месяц спустя его в спешном порядке отправили обратно с тридцатью тысячами человек, чтобы повторно захватить Неаполь, который Наполеон отдал в качестве королевства своему брату Жозефу, но, услышав, что он должен действовать в качестве подчиненного Массены, он сложил командование и отступил в Париж. Это независимое поведение усилило неприязнь к нему Наполеона, и ему было безапелляционно приказано вернуться в Неаполь, где он оставался до августа 1806 года.

Только два года спустя император снова нанял Сен-Сира на действительную службу. Но задача, которую он затем возложил на него, была из тех, которые заставили бы колебаться любого генерала, заботящегося о своей репутации. Ибо Наполеон послал его с разношерстным войском примерно в сорок восемь тысяч швейцарцев, итальянцев и немцев восстанавливать престиж Франции в горной Каталонии и закончил свой приказ словами: "Сохрани для меня Барселону; если она будет потеряна, я не смогу отвоевать ее с восьмьюдесятью тысячами человек". В Барселоне покоем французский генерал Дюэсм, которого загнали в этот город испанские регулярные войска и партизаны после известия о великой французской катастрофе при Байлене. Французам было абсолютно необходимо освободить Дюэсма до того, как нехватка провизии вынудит его сдаться, но прежде чем можно было предпринять какое-либо продвижение, необходимо было захватить крепость Росас, которая находилась на фланге дороги из Франции в Барселону; этот пост Сен-Сир успешно занял штурмом под огнем самых орудий флота лорда Дандональда. Но все же проблема освобождения "Барселоны" была сложной. Существовало два альтернативных пути наступления: первый, более легкий, пролегал вдоль побережья, но был открыт для орудий английского флота; другой путь представлял собой простую тропинку через горы и, соответственно, был чрезвычайно труден из-за прекрасных возможностей, которые он предоставлял партизанам. Но Сен-Сир, хорошо контролируя свои семнадцать тысяч человек и принимая все меры предосторожности против засад, успешно прорвался через ряды регулярных войск и партизан, освободил Барселону и двинулся дальше по побережью к Таррагоне. Его дальнейшее продвижение было остановлено быстрой реорганизацией испанских армий в Каталонии, и стало ясно, что до тех пор, пока не будет взята

Жерона, которая контролировала горную дорогу во Францию, французским войскам на юге всегда будет угрожать перерезание коммуникаций. Соответственно, император приказал ему вернуться, чтобы помочь генералу Вердье захватить этот важный город. Когда-то Жерона была крепостью, но теперь она была просто прикрыта слабым валом. Но мужество горожан и их патриотизм были воспламенены примером Сарагосы, а их дух воодушевил губернатор Альварес, чей приказ "Всякий, кто заговорит о капитуляции или поражении, будет немедленно предан смерти" был встречен криками восторга. Из-за ссор между Сен-Сиром и Вердье, упорства обороны и, прежде всего, благодаря постоянному успеху испанского генерала Блейка в переброске провизии в город, осада, начавшаяся с обстрелов, постепенно перешла в обычную блокаду и продолжалась шесть с половиной месяцев. Наконец император, разгневанный постоянными препирательствами между командирами и затянувшейся осадой, заменил Сен-Сира маршалом Ожеро. Однако этому маршалу не хотелось принимать командование до тех пор, пока не появится разумная перспектива успеха, и поэтому он ждал в Перпиньяне известий о приближающемся окончании осады. Наконец Сен-Сир с отвращением бросил свою команду, не дожидаясь прибытия Ожеро. Император отметил этот акт неподчинения, отправив его под арест в его загородное поместье и лишив всех назначений. Соответственно, один из немногих французских генералов, не потерпев ни одного поражения в Испании, провел следующие два года своей жизни в позоре без работы, в то время как день за днем французское оружие терпело неудачи на полуострове.

Только в 1812 году император призвал Сен-Сира к активной деятельности и назначил его командующим шестым корпусом, который вместе со вторым корпусом под командованием маршала Удино был задействован на линии Двины для прикрытия коммуникаций войск, наступавших на Москву. Кампания в России показала генерала с лучшей и с худшей стороны. В операциях вокруг Полоцка его выдающиеся тактические способности позволили ему с небольшими силами под его командованием снова и снова срывать усилия русского командующего Витгенштейна, но из-за отсутствия у него надзора до наступления зимы шестой корпус, численностью в двадцать пять тысяч человек, вошедший в Россию, был сокращен до двух тысяч шестисот штыков. Только когда его корпус почти исчез, он оживился и заставил своих подчиненных позаботиться о благополучии и провизии своих людей. Более того, когда его поставили под командование маршала Удино, он, выполняя в точности все передаваемые ему приказы, неизменно отказывался помочь ему советом, и даже во время первой битвы при Полоцке, когда спросили его мнения, он просто поклонился и сказал: "Милорд маршал!", как будто хотел сказать: "Поскольку вас произвели в маршалы, вы должны знать об этом деле больше, чем простой генерал вроде меня; выкручивайтесь как можете". Но как только рана вынудила Удино удалиться с поля боя, он сразу же взял бразды командования в свои руки, и так велики были его влияние и доверие, которые он внушал, что через несколько часов армия, которую Удино оставил рассеянной и подавленной спиной к реке, победоносно продвигалась вперед, сметая все перед собой. Но, каким бы хорошим солдатом он ни был, когда его оставили верховным командующим, он, к сожалению, не захотел действовать в сотрудничестве с другими, и когда в конце октября Виктор с двадцатипяти тысячным войском прибыл к нему на подкрепление, он воспользовался случаем из-за ранения, чтобы оставить свое командование и вернуться во Францию. Как говорит один из его критиков, "Все, что требовалось Сен-Сиру, чтобы стать непревзойденным командиром, - это меньшая доля эгоизма и умение привязывать к себе солдат и офицеров, заботясь об их нуждах". Тем не менее, Наполеон признал его заслуги перед Витгенштейном, в конце концов произведя его в маршалы.

Приступ тифа и лопнувший кровеносный сосуд лишили императора помощи его нового маршала до окончания Дрезденского перемирия. Это был первый случай, когда эти двое действительно вступили в тесный контакт, и Наполеон быстро понял, что каким бы "трусливым" и ревнивым ни был Сен-Сир, его ясность ума придавала его совету первостепенное значение, в то время как Сен-Сир быстро подпал под обаяние великого императора. Соответственно, на протяжении всей кампании Наполеон постоянно обращался к нему за советом, в котором никогда не отказывал. Помня также о его высокой репутации мастера ведения войны в горах, император возложил на него обязанность удерживать горные перевалы, ведущие от Пирны к Дрездену, в то время как сам он поспешил в Силезию. В великой битве под Дрезденом двадцать тысяч необученных рекрутов маршала благородно сыграли свою роль. Наполеон, чтобы скрыть свои собственные ошибки, возложил вину за катастрофу Вандама на Сен-Сира и Мармона, но в своем частном письме маршалу он возложил вину на Вандама, написав: "У этого несчастного Вандама, который, кажется, покончил с собой, не было ни часового на горе, ни резерва где бы то ни было". Когда император отступил к Лейпцигу, он поручил оборону Дрездена Сен-Сиру, оставив ему двадцать две тысячи солдат и провизию на восемь дней. После месячной осады маршал был вынужден из-за нехватки пороха сдаться с военными почестями, но союзники после эвакуации города отказались выполнять условия капитуляции и оставили его и его войска в качестве военнопленных; следовательно, он не принимал участия в кампании 1814 года. В течение Ста дней он спокойно жил в своем загородном поместье, но после второй реставрации ему пришлось взять на себя обязанности военного министра, распустить старую армию и организовать новые силы Франции; его пребывание на этом посту было коротким, поскольку он отказался служить министерству, которое предлагало уступить французскую территорию врагу. В мае 1817 года, после прихода к власти Либерального министерства, он снова вступил в должность, и в течение этого периода он заложил основу Генерального штаба армии, но в ноябре 1819 года он подал в отставку и жил в отставке до своей смерти в Йере 17 марта 1830 года.

В часы досуга маршал писал свои мемуары, которые, по его замыслу, должны были помочь будущему историку французских войн. Эти мемуары показывают, насколько ясными и резкими были его суждения как о людях, так и о делах, а его критические замечания проливают много полезного света на характер Наполеона и его методы ведения войны, в то время как они также в значительной степени раскрывают его собственный характер. Никто из тех, кто читает их, не может усомниться в том, что Сен-Сир был великим стратегом, в то время как его способности тактика подтверждаются его неизменными успехами на поле боя. Но, несмотря на эти таланты, фактический послужной список маршала как солдата испорчен недостатками его характера. Будучи убежденным сторонником жизни по правилам, у него были две максимы, за которые он всегда цеплялся. Во-первых, что на войне добрые поступки слишком часто приносят вред; во-вторых, старая пословица Макиавелли гласит, что "Победа сводит на нет результаты самой худшей операции и что человеку, который знает, как вести бой, могут быть прощены все провинности, которые он, возможно, совершал до этого в своей военной карьере". Именно этим двум принципам мы должны приписать недостаток надзора, который он проявлял за своими войсками, и абсолютное отсутствие сердечности по отношению к своим коллегам-маршалам и генералам, из-за чего его прозвали "Плохим постельничим". О том, что у него не было недостатка в организаторских талантах, свидетельствует то, как, будучи воодушевленным, он обеспечивал свои войска в России, а также успех его усилий на посту военного министра. Но из всех его дарований, несомненно, самым полезным было его абсолютное хладнокровие:

независимо от того, насколько плохо складывался бой, независимо от того, увозили ли его в карете и везли прямо через отряд вражеской конницы, он никогда не терял самообладания, никогда не терял четкого контроля над ситуацией. Его злейший враг Макдональд хорошо охарактеризовал его характер, отвечая на вопросы Людовика XVIII о том, был ли он ленив. "Я не в курсе этого", - сказал герцог Тарентский. "Он человек с большими военными способностями, твердый, честный, но ревниво относящийся к заслугам других народов. В армии к нему относятся как к так называемому "плохому соседу по койке". С максимально возможной хладнокровностью он позволял избивать своих соседей, не пытаясь им помочь, а потом критиковал их. Но это мнение, нередкое среди солдат, возможно, преувеличено, и считается, что он обладает спокойствием и большими способностями".

XIII

БОН АДРИАН ЖАННО ДЕ МОНСИ, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ КОНЕЛЬЯНО

Очарование войны сильно привлекает большинство мужчин, у некоторых она вызывает непреодолимую потребность. Таким человеком был герцог Конельяно. Бон Адриан Жанно родился 31 июля 1754 года в Пализе, маленькой деревушке под Безансоном, в семье состоятельного юриста, ненавидел науку и любил приключения. Когда будущему маршалу было всего пятнадцать лет, он сбежал из школы и записался в пехотный полк Контти. После шести месяцев службы он неохотно согласился на то, чтобы отец выкупил его увольнение, но очень скоро снова сбежал, чтобы записаться в шампанский полк. Он служил в этом полку до 1773 года, когда, обнаружив, что его надежды получить офицерское звание не оправдались, он снова выкупил себя. Однако несколько месяцев, проведенных за изучением права, только усилили его ненависть к оседлому образу жизни и вновь разожгли его прежние амбиции, и он снова поступил рядовым, на этот раз в жандармерию. Но теперь фортуна была более благосклонна, и после четырех лет службы он исполнил свое желание и в 1779 году был зарегистрирован в газетах как младший лейтенант драгунского полка Нассау-Зиген. Однако только в апреле 1791 года он получил звание капитана, что стоило ему двадцати трех лет напряженной службы; но теперь продвижение по службе пришло быстро, и через три года он дослужился до звания дивизионного генерала.

В 1793 году драгунский полк Монси вошел в состав армии Западных Пиренеев. В первом же бою с врагом ему посчастливилось отличиться. Испанский главнокомандующий Бонавентура Каса возглавил конную атаку против недисциплинированных новобранцев и добровольцев, составлявших основную массу французской армии, прикрывавшей Сен-Жан-Пье-де-Порт. Жалкая французская пехота сломалась с криками "Нас предали!", и именно Монси, собрав несколько храбрецов, остановил атаку вражеской конницы. Энергичный, сообразительный и уверенный в себе, он вскоре стал заметным человеком. В феврале 1794 года он был произведен в бригадные генералы, а шесть месяцев спустя - в дивизионные генералы, в этом качестве в августе того же года он сыграл главную роль в форсировании линий Фонтарабии; по предложению Баррера он был несколько дней спустя назначен Конвентом главнокомандующим армией Западных Пиренеев. В октябре он полностью оправдал свой

выбор, форсировав знаменитый перевал Ронсеваль, столь тесно связанный с именами Карла Великого и Черного принца. Эта операция, укрепившая позиции в Испании, была чрезвычайно блестящей; позиция, сильная по своей природе, была сделана почти неприступной за месяцы тяжелого труда. Более того, французские войска сильно пострадали из-за трудностей с добычей продовольствия; но к настоящему времени они сильно отличались от плохо обученных новобранцев 1793 года. Поворотная колонна, которой предстоял четырехдневный трудный подъем в горы и бои на трех сухарях на человека, не нашла ничего съестного, когда перевал был форсирован, за исключением небольшого количества муки, так как испанцы сожгли их склады. Несмотря на это, ропота не было, и солдаты, как доложил их генерал, продолжали наступление с криками "Да здравствует Республика!". Монси, подобно Наполеону, знал, как использовать великую движущую силу голода. Он полностью заслужил благодарность, которую получил от Конвента, и сполна заслужил ее снова, когда в начале 1795 года обратил испанскую армию в бегство через Эбро, поскольку именно его великолепное движение вперед вынудило Испанию присоединиться к Базельскому мирному договору.

Из Испании генерал был переведен в армию Кот-де-Брест. Год спустя его назначили командовать одиннадцатой военной дивизией в Байонне, и он все еще находился там, когда в октябре 1799 года Бонапарт вернулся из Египта и сверг Директорию. Монси не был политиком, для него мало имело значения, кто управляет Францией, пока поддерживалась честь страны и он находился на действительной службе. Соответственно, он с радостью принял от нового правительства должность лейтенанта при Моро, главнокомандующем Рейнской армией. Но он недолго служил под началом своего нового начальника, будучи отправлен в мае во главе шестнадцати тысяч человек для перехода через Альпы через перевал Сен-Готард в рамках масштабного удара, направленного против австрийских линий коммуникаций в Италии. Его корпус составлял фланговое охранение главной армии Резерва, которая переправилась через Сен-Бернар под командованием самого Наполеона. В операциях, последовавших за битвой при Маренго, Первый консул в полной мере использовал огромный опыт Монси в ведении войны в горах и отправил его на Вальтеллин, чтобы присоединиться к Макдональду, который переходил Альпы через перевал Сплуген. После этого его дивизия сформировала левое крыло французской армии под командованием Брюна. После блестящей серии стычек в горах Монси загнал летящего врага в Трент, но полной победы у него лишил австрийский генерал Лаудон, который прислал сообщение о том, что Брюн и Бельгард заключили перемирие. К несчастью для французов, их генерал, душа чести, не заподозрил обмана, и таким образом австрийцы были спасены от уничтожения или полной капитуляции.

После заключения Люневильского мира генерал Монси был назначен генеральным инспектором жандармерии, а при восшествии Наполеона на престол в 1804 году был произведен в маршалы, великие офицеры ордена Почетного легиона, а в 1808 году - в герцоги Конельяно. Монси неизменно высказывал то, что думал, и по этой причине не был любимцем императора; кроме того, по сравнению со своими коллегами-маршалами он был стариком, поэтому с 1800 по 1808 год его не принимали на действительную службу. Но при вторжении в Испанию Наполеон решил воспользоваться знаниями герцога Конельяно об этой стране и приказал ему отправиться туда с армией наблюдения за океаном, которой он тогда командовал в Булони. Эта армия стала третьим корпусом новообразованной армии Испании. Он состоял почти полностью из новобранцев, и когда Мюрат вошел в Мадрид во главе третьего корпуса, плохое телосложение этих "слабых и тощих рядовых" очень плохо сказалось на ситуации, поскольку испанцы думали, что смогут легко победить такие войска. Из Мадрида маршала

послали захватить Валенсию, где вспыхнуло восстание против французов. Герцог Конельяно, несмотря на преклонный возраст, все еще был активен и энергичен. После месяца непрерывных боев на горных перевалах и реках он добрался до Валенсии, но обнаружил, что город находится в состоянии обороны. Как сказал Наполеон, услышав о своей проверке, "Город с восьмидесятитысячным населением, забаррикадированными улицами и артиллерией, укрепленной у ворот, нельзя взять за шиворот". Соответственно, ничего не оставалось, как отступить, и маршал сделал это так виртуозно, что неудача его экспедиции не оказала особого негативного воздействия на французское дело. Когда после Байлена Жозеф собрал свой военный совет в Мадриде, Монси один выступил за смелый курс на прекращение коммуникаций с Францией и сосредоточение сил вокруг столицы; но его решение было отклонено, и французы отступили на линию Эбро.

Как только Наполеон прибыл в Испанию, он выместил свой гнев без разбора на всех маршалах, служивших под началом Джозефа, но его наибольшее неудовольствие пало на Монси, поскольку герцог Конельяно не верил, что Испанию можно завоевать, повесив всех сопротивлявшихся, и фактически получил благодарность хунты Овьедо, которая считала его "справедливым и благородным человеком" и опубликовала манифест, в котором говорилось: "Мы знаем, что этот прославленный генерал ненавидит поведение своих товарищей". Соответственно, в глазах императора он был виновен в головотяпстве и расхлябанности, если не в чем-то похуже, и поэтому подвергся жестокому оскорблению, получив приказ Ланна, младшего маршала. Несмотря на сильное раздражение, как солдат, он мог только повиноваться, и решение императора было в какой-то степени оправданным, поскольку Ланн выиграл битву при Туделе с теми же войсками, которые Монси не осмелился повести против врага. Три месяца спустя маршала вновь сменил Ланн, и на этот раз его отозвали и отправили во Францию. Очевидной причиной этого было то, что, по мнению императора, он не предпринял осаду Сарагосы. Желая избежать кровопролития, он попытался склонить испанцев к капитуляции, вступив в переговоры, вместо того чтобы наступать на свои осадные батареи. Но его настоящее преступление заключалось в том, что он не скрывал своего неприязненного отношения к захвату Испании.

В 1812 году его позор усугубился, поскольку он с такой же откровенностью выразил свою ненависть к русской кампании. Хотя он больше никогда не служил на фронте, император использовал его в 1809 году в Голландии, а в 1812 и 1813 годах он возглавлял Резервную армию; в то время как в 1814 году он был назначен генерал-майором Национальной гвардии Парижа и назначен ответственным за оборону столицы. В последние мрачные дни перед капитуляцией города Монси с шестью тысячами гражданских солдат храбро сражался за воротами Клиши.

После реставрации маршал стал государственным министром и членом новой Палаты пэров, а также был утвержден в своем прежнем назначении инспектором жандармерии. Но по возвращении Наполеона он забыл обиды, которые причинил ему император; он думал только о славе, которую Наполеон когда-то завоевал для Франции; поэтому он присягнул на верность императорскому правительству и был произведен в пэры. Но из-за его возраста император не дал ему военного командования. Чтобы наказать его за дезертирство, Людовик XVIII при второй реставрации назначил его председателем военного совета для суда над Неем. Но герцог Конельяно написал королю, смело отказываясь иметь какое-либо отношение к суду над московским героем. Король был так разгневан его смелым поступком, что лишил ветерана звания маршала и герцогского титула и отправил его на три месяца в тюрьму в замке Хэм, ту

самую тюрьму, в которую позже должен был попасть будущий Наполеон III. Но время принесло прощение. В 1819 году маршалу вернули его почести, а в 1823 году он фактически снова был принят на действительную службу. Должно быть, это вызвало странные воспоминания о прошлом у ветерана, которого считали слишком старым, чтобы сражаться при Ватерлоо, и снова увидеть службу в Испании, где он снискал лавры в 1794 году и не нашел ничего, кроме позора в 1808 году. Итак, на семидесятом году жизни он совершил свою последнюю кампанию, но не командуя республиканской или имперской армией, а в качестве командира корпуса в королевской армии под командованием герцога Ангулемского. На этот раз, однако, его мужество и способности практически не требовались, поскольку кампания не привела к боевым действиям и была просто военным променадом. После падения династии Бурбонов маршал не принимал активного участия в делах, но в качестве губернатора дома инвалидов в декабре 1833 года он имел честь принять останки Наполеона, когда они были перевезены во Францию; и после его смерти девять лет спустя, в 1842 году, по его особой просьбе он был похоронен в "проходе храбрых", рядом с могилой великого императора.

XIV

ЖАН БАТИСТ ЖУРДЕН, МАРШАЛ

Среди новобранцев, зачисленных в полк Осерруа в 1778 году, был сын местного врача Лиможа Жан Батист Журден. Но шестнадцатилетнего Жан-Батиста, родившегося 29 апреля 1762 года, привлекло на службу желание увидеть Америку и помочь в благом деле борьбы с "вероломным Альбионом". Вернувшись во Францию в 1784 году, со всеми надеждами получить офицерский чин, разбитыми вдребезги указом Сегюра, который исключал из офицерского звания всех, кроме лиц благородного происхождения, Журден уволился. Бывший сержант женился на маршанке де Модес и открыл небольшую лавку по пошиву тканей, но это предприятие было настолько скромным, что будущему маршалу приходилось таскать свои товары в саквояже на спине и тащиться от ярмарки к ярмарке, чтобы продавать свой товар вразнос. Переходя из деревни в деревню, он рассказывал о своих приключениях и зажигал слушателей рассказом о великолепной свободе Нового Мира, сравнивая ее с ужасными ограничениями, которые изгнали из армии его самого и многих других прекрасных солдат. Когда осенью 1791 года поступил призыв в добровольцы, Жан Батист с радостью оставил свой прилавок и записался в батальон Верхней Вены. Его опыт и способности вскоре выделили его на командование, и товарищи присвоили ему звание подполковника. Возможность, о которой он так долго мечтал, наконец представилась, и он воспользовался ею по максимуму. Методичный и трудолюбивый, усвоивший уроки обращения с нерегулярными войсками и их оснащения, которые он получил в Америке, он сделал свой батальон образцом для других, и Лафайет похвалил его за замечательное состояние своего командования. Служа под командованием Дюмуре во время вторжения в Бельгию, он присутствовал при Джемаппе и там доказал, что, помимо организаторских способностей, он обладает способностью руководить на местах. Продвижение по службе произошло быстро, когда гильотина расчистила путь в высшие чины, убрав некомпетентных и неудачливых.

К маю 1793 года он получил звание бригадного генерала; два месяца спустя он стал дивизионным генералом. Его первая возможность отличиться на посту верховного командования представилась шесть недель спустя, когда Ушар доверил ему командование авангардом в операциях, которые закончились выбиванием англичан из осады Дюнкерка. Он так хорошо выполнял свои приказы в битве при Хандсхеттене, что Карно выбрал его преемником своего командира, когда Ушара поспешно отправили на гильотину за то, что он не смог в полной мере пожать плоды победы. Журдану повезло в том, что Карно, "организатор победы", отвечал за благополучие французского оружия, а не презренная Бушотт. Карно понял тот факт, что, если вы хотите победить своего врага, вы должны применить против него превосходящую моральную и физическую силу в решающем месте. Таким образом, благодаря ему Журдан смог сосредоточить превосходящие силы и при Мобеже броситься на разрозненные силы противника, которые прикрывали осаду Валансьена. Но победа Мобежа едва не стоила ему головы, как победа Хандшеттена его предшественнику. Комитет общественной безопасности с той некомпетентной опрометчивостью, которую те, кто меньше всего разбирается в войне, охотнее всего принимают за военную мудрость, приказал ему преследовать врага и завоевать Бельгию. Напрасно он указывал на силу союзников, на нехватку транспорта и припасов, а также на трудность проведения зимней кампании необработанными войсками: доводы рассудка были бесполезны; его отставка была с гневом принята, и ему было приказано отправиться в Париж для отчета в своих действиях. Лицом к лицу с Комитетом генерал возобновил свои аргументы, объяснил, что старые регулярные батальоны сократились примерно до двухсот мушкетов на каждого; что у новых рекрутов нет ни оружия, ни одежды; что некоторые батальоны вооружены пиками, а некоторые просто дубинками; и закончил, предложив в доказательство своего рвения к Республике отправиться в Вандею и сражаться против повстанцев. Правдивость его заявления и очевидная бескорыстность одержали победу, и, хотя на данный момент ему было отказано в новом командовании, его жизнь была спасена. Более того, Комитет безопасности воспользовался его советом, и в течение зимы армия Севера была заново одета и оснащена. Отчасти благодаря его предложению линейные батальоны были укомплектованы добровольцами, и в результате реорганизации появились великолепные полки, которые оказались под рукой у Наполеона, когда он начинал свою карьеру в Италии.

ЖАН БАТИСТ ЖУРДЕН
ПО РИСУНКУ АМБРУАЗА ТАРДЬЕ

Время бездействия Журдана было недолгим. Он доказал свою ценность на поле боя, и Франция нуждалась в каждом способном солдате. Более того, он открыто свидетельствовал о своем республиканстве в Якобинском клубе, поклявшись перед Трибуной, что "меч, который он носил, должен быть обнажен только для того, чтобы противостоять тиранам и защищать права народа". Итак, в марте 1794 года его послали принять командование новой армией, которую Карно собирал зимой. К июню эти новые стотысячные силы, известные в истории как

знаменитая армия Самбры Мааса, закрепились на Маасе и взяли Шарлеруа. Кобург, главнокомандующий союзниками, обеспокоенный состоянием своих коммуникаций, поспешил воспротивиться этому успешному наступлению, и 25 июня произошла битва при Флерюсе, которая вынудила союзников эвакуироваться из Франции, положила конец царству террора и стала отправной точкой для длительного периода наступательной войны, который, наконец, завершился двадцать один год спустя на поле Ватерлоо. При Флерюсе Журдан доказал свои способности тактика, и победа была одержана благодаря моральному мужеству, с которым он бросил в бой свой последний резерв. Поддержанный армией Севера под командованием Пишегрю, он затем захватил Бельгию, и к осени республиканские армии перешли Рейн.

В течение следующего года Журден был занят в долине Рейна. Но в 1796 году ему было приказано наступать через Шварцвальд на Ратисбон и там присоединиться к другой французской армии под командованием Моро, которая двигалась вниз по правому берегу Дуная. Против этой ошибочной стратегии он тщетно протестовал и, как и ожидал, был отброшен умелыми мерами австрийского генерала, эрцгерцога Карла. После этого несчастья он был внесен в список безработных, и в течение некоторого времени ему приходилось находить выход своей энергии в сфере политики. Войдя в Совет Пятисот в качестве представителя Верхней Вены, он был тепло принят республиканской партией и проголосовал против предлагаемого восстановления католической религии и поддержал государственный переворот 18 Фруктидора, в результате которого члены совета-роялисты были отправлены в изгнание. Полный пламенного рвения к Республике, оратор-ритор, готовый обратиться к галерке, приносящий на своей сабле клятву верности, он, тем не менее, хладнокровно относился к бизнесу, и именно по его предложению в сентябре 1798 года был принят знаменитый закон, согласно которому воинская повинность стала единственным методом набора в армию. Журден представил закон под звуки труб, заверив Совет, что "соглашаясь с ним, они провозгласили власть Республики нерушимой", в то время как на самом деле они ковали оружие, которое должно было отдать их страну на милость первого авантюриста, у которого хватило смелости и способностей стать диктатором. В 1799 году внешняя опасность вновь вынудила его принять военное командование, и снова ему противостоял его старый противник, эрцгерцог Карл, и он был отброшен при отступлении за Рейн. После этого Директория заменила его Массеной, и он вернулся в Совет Пятисот и в сентябре предложил свою памятную резолюцию, "что страна в опасности". "Италия под игом, северные варвары у самых наших границ, Голландия захвачена, флот предательски брошен, Гельвеция разорена, банды роялистов предаются всяческим излишествами, республиканцы объявлены вне закона под именем террористов и якобинцев". Таковы были очертания его картины. "Еще один разворот на нашей границе, - добавил он, - и тревожный колокол королевской власти зазвонит по всей Франции". Но Франция была сыта по горло Террором и знала, что она может обеспечить свою безопасность другими средствами, кроме гильотины. Шесть недель спустя Бонапарт вернулся из Египта.

С появлением консульства карьере Журдана пришел конец. Наполеон никогда не мог простить ему упорства, с которым тот выступил против него 18 Брюмера. Правда, в 1800 году он назначил его губернатором Пьемонта, а в 1804 году сделал маршалом. Он не мог лишить батона генерала, который в 1794 году изгнал врага со священной земли Франции, который чаще, чем какой-либо другой генерал, главнокомандовал армиями Республики и который, несмотря на многочисленные поражения, заслужил репутацию одного из самых блестящих генералов республиканской Франции. Но хотя он и подарил ему свой батон, Наполеон был невысокого мнения о его военных способностях и назвал его "плохим генералом"; ибо в его глазах успех, и

только успех, был проверкой заслуг, и он ничего не мог видеть в генерале, который из-за своей способности с честью выходить из поражения получил прозвище "Наковальня". Но не это заставило Наполеона пренебрежительно отнестись к доблестному маршалу: именно его яркий республиканизм и хорошо известные якобинские настроения сделали его таким ненавистным императору. Но хотя Наполеон обошелся с ним постыдно и сделал все возможное, чтобы создать ему дурную репутацию, маршал показал, что у него душа выше личных амбиций, и он верой и правдой служил Франции. На острове Святой Елены павший император признался: "Я, конечно, очень плохо обращался с этим человеком: он настоящий патриот, и это ответ на многие обвинения против него". С 1805 по 1815 год жизнь Журдана была полна унижений. Когда в 1805 году началась война против Австрии, он командовал армией в Италии, но был сразу же смещен под предлогом того, что у него было плохое здоровье и что он не знал театр военных действий так, как Массена. Как бы искусно ни была позолочена пиллюля, маршал знал, что именно недоверие императора лишило его командования. Но, хотя Наполеон недолюбливал его, Жозеф был его другом, и в 1806 году новый король Неаполя ходатайствовал о разрешении взять его с собой в Италию в качестве генерал-майора и начальника штаба. Когда в 1808 году Иосиф обменял корону Неаполя на корону Испании, маршал сопровождал его, а когда в 1809 году Наполеон поспешно покинул Испанию, чтобы вернуться в Париж, он назначил его начальником штаба короля Иосифа. Задача, стоявшая перед генерал-майором, была трудной. У него не было исполнительной власти: его обязанностью было просто давать советы королю и передавать такие приказы, какие он получал; но, к сожалению, ни Жозеф, ни он сам не имели полномочий приводить в исполнение однажды отданные приказы, поскольку, хотя определенные французские корпуса были предоставлены в распоряжение короля и должны были подчиняться его приказам, их командиры все еще должны были поддерживать связь с Бертье и получать через него указы императора. Отсюда возникло двоевластие, и, что еще хуже, Наполеон не пытался скрыть своего презрения к военным способностям Жозефа. В то же время он подверг сомнению мастерство Журдана и продемонстрировал свою открытую неприязнь к маршалу, исключив его имя из списка французских маршалов в "Альманахе" под предлогом того, что он был переведен в испанское ведомство и больше не был французом. Следовательно, другие маршалы почти не обращали внимания на короля или генерал-майора. В битве при Талавере советами Журдана совершенно пренебрегли, а его приказами полностью пренебрегли, и все же ему пришлось нести вину и вынести весь гнев Наполеона. В отчаянии, подорванный здоровьем, он подал прошение об освобождении от своих обязанностей и вернулся домой к частной жизни. Но в 1812 году, когда император собирал свою огромную армию для вторжения в Россию, испытывая нехватку офицеров, он отправил маршала обратно на его старый пост в Испании. Задача была трудной в 1809 году, она была еще тяжелее в 1812 году. Цвет французских войск теперь был отозван для участия в русской кампании. Власть короля была еще более слабой, чем когда-либо, а годы войн превратили английскую армию в совершенную боевую машину. Испанцы теперь были непревзойденными мастерами партизанской войны, в то время как незаконная схема превращения войны в вспомогательную войну подрывала дисциплину и моральный дух французской армии. С восхитительной ясностью маршал составил мемуары, показывающие положение дел в Испании и указывающие на то, в чем была ошибка; но мемуары, написанные для Жозефа, не могли изменить зла, которое непосредственно вытекало из нарушения Наполеоном золотого канона "единоначалия". С тремя практически независимыми главнокомандующими, которые отказывались признавать контрольную власть короля, которые были слишком ревнивы друг к другу, чтобы действовать в согласии, катастрофа неминуемо должна была последовать. Временное сотрудничество всех

троих отбросило англичан обратно в Португалию в конце 1812 года. Но в 1813 году катастрофа в России заставила императора еще больше увеличить численность вооруженных сил в Испании. Журден мог только посоветовать неуклонно отступать во Францию. Кульминационный удар по Виттории был нанесен не по его вине. За день до акции его свалила лихорадка, и в критический момент он не смог дать свой совет. Итак, Джозефу пришлось сражаться с Витторией без помощи начальника своего штаба и с подчиненными, которые не только презирали его, но и не повиновались ему в присутствии врага. Неудивительно, что поражение легко переросло в разгром. Весь французский багаж был захвачен, и во время бегства маршал имел несчастье потерять свой батист, который был подобран 87-м полком и отправлен в Англию.

После 1813 года карьера Журдана подошла к концу. Наполеон осыпал его упреками и отказал ему в дальнейшей работе, совершенно забыв о том факте, что именно он сам был ответственен за катастрофу в Испании и что маршал сделал все, что было возможно. После отречения императора старый якобинец принес присягу на верность королю Людовику и оставался верен своей верности в течение Ста дней. Время обуздало и смягчило его пламенный республиканизм, и, видя, что республика невозможна, он предпочел возможность конституционной свободы при монархии тирании Империи. В 1817 году в награду за свои заслуги он был произведен в пэры Франции. Но хотя он предпочел Реставрацию Империи, все его симпатии были либеральными, и никто не испытывал большей неприязни к реакционной политике Карла X. В 1830 году он с радостью принял новую либеральную конституцию Луи Филиппа, старого Филиппа Эгалитэ времен Жемаппа. Новый монарх назначил своего бывшего товарища управляющим госпиталем инвалидов, и там, среди своих старых соратников по революционным войнам, маршал испустил дух 23 ноября 1833 года, на семьдесят втором году жизни.

XV

ШАРЛЬ ПЬЕР ФРАНСУА ОЖЕРО, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ КАСТИЛЬОНЕ

Будущий герцог Кастильоне родился в Париже 11 ноября 1757 года. Его отец был каменщиком по профессии, а мать, уроженка Мюнхена, держала мебельный магазин в предместье Сен-Марсо. С самой ранней юности Пьер Франсуа, красивый и длинноногий, горячий и тщеславный, жаждал приключений. В возрасте семнадцати лет, после смерти матери, он записался в карабинеры. Опытный солдат и прекрасный наездник, он вскоре стал сержантом и в течение нескольких лет завоевал репутацию одного из лучших клинков в армии; но, поддерживая эту репутацию, сержант Ожеро постоянно попадал в немилость к властям. Хотя сержант по натуре был хвастуном и полон бравады, он определенно не был трусом. Однажды известный профессиональный дуэлянт подумал, что сможет запугать его. Соответственно, он с важным видом ввалился в кафе, где Ожеро беседовал с несколькими друзьями, плюхнулся за столик, за которым сидел сержант, и, откинувшись назад так, что почти прислонился к нему, начал хвастаться, как накануне он разделался с двумя сержантами Французской гвардии. Этого было достаточным оскорблением, чтобы вызвать вызов, но Ожеро предпочел, чтобы вызов исходил от его противника, и, соответственно, расстегнув кожаный ремень своего

потенциального противника, он спокойно вылил всю чашку обжигающего кофе на внутреннюю сторону своих бриджей. Взяв таким образом верх в ссоре, он настолько полностью овладел духом хулигана, что ему не составило труда избавиться от него в последовавшей дуэли. Досадный инцидент прервал его карьеру в карабинерах. Однажды молодой офицер, выйдя из себя из-за него на параде, пригрозил ударить его кнутом. После этого Ожеро в ярости выхватил кнут у офицера, который тут же выхватил шпагу и напал на него. Ожеро сначала ограничился парированием, но в конце концов, будучи ранен, нанес удар и убил своего противника. Полковник, прекрасно понимая, что сержант ни в чем не виноват, организовал его побег через границу. После скитаний по Константинополю и Леванту Ожеро провел несколько лет сержантом в русской армии и служил под командованием Суворова при взятии Исмaилии, но, устав от службы на Востоке, дезертировал и бежал в Пруссию. Там он поступил на военную службу и, благодаря своему росту и навыкам строевой подготовки, был переведен в гвардию. Его капитан возлагал надежды на офицерское звание, но они были разбиты, поскольку, когда он предстал перед королем, Фредерик спросил, кто он такой. "Француз, сир", - последовал ответ. "Тем хуже, - ответил король, - тем хуже. Если бы он был швейцарцем или немцем, мы могли бы что-нибудь для него сделать". Ожеро, услышав это, решил уволиться с прусской службы. Дезертирство было единственным способом бегства, но пруссаки, предложив большое вознаграждение за поимку, сделали дезертирство почти невозможным. К счастью, он был не единственным гвардейцем, недовольным прусской службой, и ему не составило труда собрать около шестидесяти самых храбрых бойцов полка, и, воспользовавшись благоприятной возможностью, он увел свое отделение с оружием и амуницией и, отбив все атаки крестьян и отрядов солдат, которые пытались их остановить, благополучно переправил своих товарищей через границу в Саксонию. После этой эскапады Ожеро устроился учителем танцев и фехтования в Дрездене, но по амнистии, при рождении дофина, он вернулся во Францию и восстановил свое звание в своем старом полку. Его полная приключений жизнь и естественные устремления вскоре утомили его от постоянного подчиненного положения, и в 1788 году он подал прошение о том, чтобы его направили в качестве одного из французских инструкторов помогать в реорганизации неаполитанской армии. Там он вскоре получил офицерский чин. В 1791 году он влюбился в дочь греческого купца, и, поскольку ее отец отказался его слушать, он тихо женился на ней и увез на корабле в Лиссабон. В Португалии его свобода слова и одобрение изменений, происходивших во Франции, привели к тому, что власти передали его инквизиции, откуда он был спасен французским шкипером и доставлен вместе со своей женой в Гавр.

ШАРЛЬ ПЬЕР ОЖЕРО, ГЕРЦОГ КАСТИЛЬОНЕ
С ГРАВЮРЫ РУОТТА

Ожеро вернулся во Францию готовым воспринять большинство республиканских доктрин. Его изгнание после убийства офицера всегда казалось несправедливым; долгое подчинение и суровость военной дисциплины терзали его душу; физически он знал, что превосходит большинство людей, и благодаря своему уму обнаружил, что способен постоять за себя и проложить себе дорогу почти в каждой стране Европы; до сих пор рождение казалось

единственным препятствием, которое отделяло его от успеха. Но теперь кастовость была отброшена в сторону, и Франция нуждалась в талантах; хороших солдат было мало: Ожеро увидел свою возможность и использовал ее в полной мере. Несколько месяцев, проведенных в боях в Вандее, научили его, что известности в гражданской войне не добьешься, и, соответственно, его перевели в Пиренейскую армию, где он за шесть месяцев прошел путь от простого капитана до дивизионного генерала. Из Пиренеев он был переведен со своей дивизией в Италию и покрыл себя славой при Лоано, Миллезимо и Лоди. Но именно его поведение при Кастильоне раз и навсегда создало ему репутацию; хотя это неправда, как он хвастался в 1814 году после дезертирства от императора, что только его непобедимая твердость заставила Бонапарта сражаться, а не отступать; ибо Бонапарт концентрировался для борьбы, и его отказ от осады Мантуи, против которой Ожеро так яростно протестовал, был лишь частью подготовки к победе. Хотя он и не прислушивался к стратегическим советам Ожеро, он был достаточно уверен в нем, чтобы полностью оставить первую атаку на Кастильоне в его руках. Согласно мемуарам маршала, Бонапарт боялся нападения. "Я умываю руки и ухожу", - сказал он. "А кто будет командовать, если ты уйдешь?" - спросил Ожеро. "Ты", - парировал Бонапарт. И он хорошо выполнил свою работу, ибо не только разгромил пятнадцать тысяч австрийцев при Кастильоне, но и восстановил упавшую уверенность своих солдат и освежил моральный дух всей армии. Наполеон никогда не забывал об этой услуге, и когда недоброжелатели сочли нужным выплеснуть свой яд на Ожеро, он ответил: "Давайте не будем забывать, что он спас нас при Кастильоне". Начиная с Кастильоне, солдаты дивизии Ожеро были готовы на все ради своего командира. Дело было не только в том, что они уважали его тактические способности и полностью доверяли ему в час битвы, но и в том, что они любили его за заботу о них. В мирное время суровый приверженец дисциплины, с оттенком сержанта-строевика, он всегда был готов выслушать их жалобы и никогда не жалел себя, заботясь об их благополучии, в то время как во время войны он всегда думал об их еде и одежде; но, прежде всего, он отдавал им добычу. Авантюрист по натуре и воспитанию, он сам любил военные трофеи, и, хотя "обоз Ожеро" был нарицательным в армии, он следил за тем, чтобы повозки его людей также были хорошо нагружены награбленным. Его храбрость вызывала восхищение; при Лоди он был одним из многочисленных генералов, штурмовавших мост; но при Арколе, один, со знаменем в руке, он стоял на мосту и осыпал насмешками и ободрениями свои сражающиеся войска, и в течение трех непрерывных дней выставлял себя напоказ, руководя каждой атакой и подавляя надежду. Укрепляя свою репутацию сурового и мужественного бойца, умного тактика и природного лидера, Ожеро рос о себе не по дням, а по часам. Он несколько не удивился, когда после Леобена Бонапарт доверил ему деликатную секретную миссию в Париже. По его собственному мнению, нельзя было найти лучшего агента на роль сурового, негибкого республиканца и пламенного якобинца. Бонапарт сказал ему, что он будет представлять чувства итальянской армии и поможет свести на нет козни роялистов. Итак, генерал прибыл в Париж, полный решимости выполнить свою миссию и осознания собственной значимости, к радости своего отца — старого масона, — который видел, как он въехал в город, украшенный золотым галуном, чтобы преподнести Директории шестьдесят стендов с захваченными цветами. Оказавшись в Париже, угрозы боевого генерала в адрес клишанцев были претворены в жизнь. Хотя он протестовал, что "Парижу нечего меня бояться: я сам парижанин", 4 сентября 1797 года он спокойно выставил кордон войск вокруг Тюильри, где заседали Советы, арестовал и сослал всех, чьи политические взгляды противоречили его собственным. Полагаясь на обещания Барраса, он теперь думал, что станет директором вместо Карно или Бартелеми, которые были свергнуты. Но вскоре он, к своему сожалению, обнаружил, что он не был великим политиком,

каким считал себя, а просто был одурачен Бонапартом и другими, которые позволили ему расчистить для них почву и навлечь на себя последующую ненависть. Его немедленной наградой стало командование Рейнской армией. Полный горечи, он прибыл в свою новую штаб-квартиру, "весь в золотом шитье, вплоть до коротких сапог", и думал развратить своих солдат и добиться признания себя диктатором, рассказав, что в Итальянской армии у каждого был полный карман золота. Но Директория, хотя и не могла обуздать Бонапарта, не боялась "генерала Фруктидора" и очень скоро лишила его командования и отправила на неважный пост в Перпиньян, на испанскую границу.

В течение двух лет Ожеро оставался в Перпиньяне, где у него было время разобраться в причинах своей неудачи. Хотя в его присутствии он был полностью во власти Бонапарта, у него не было бесхитростного сердца Лефевра, и он начал понимать, как коварный корсиканец использовал его и предал. Соответственно, когда Бонапарт вернулся из Египта, он прочитал о его намерении стать диктатором и, верный своим якобинским принципам, сначала решил сражаться с ним насмерть; однако, когда он увидел, что генералы, офицеры и рядовые переходят на сторону Бонапарта, он поспешил выразить свою покорность, сказав с упреком: "Когда вы собирались что-то сделать для нашей страны, как вы могли забыть своего маленького Ожеро?" Но хотя он и подчинился, снова и снова его якобинские принципы давали о себе знать. Вынужденный сопровождать Бонапарта на первую мессу, состоявшуюся в Париже после Конкордата, Ожеро попытался выскользнуть из кареты во время процессии к храму Богородицы, и был с позором отправлен обратно одним из адъютантов Первого консула; но он отомстил за себя, смеясь и разговаривая так громко во время службы, что священника едва было слышно. Но Наполеон знал себе цену: маршальский батист и княжеский доход во многом сдерживали его якобинские наклонности. Еще в 1801 году Ожеро вложил часть своих сбережений в прекрасное поместье Ла Уссе, где, когда не был активно занят, проводил время, оказывая щедрое гостеприимство и радуя своих друзей и домочадцев великолепными развлечениями, сам являясь жизнью и душой всей компании, наслаждаясь всеми забавами и розыгрышами не меньше, чем самый молодой субалтерн. Как бы он ни зарабатывал свои деньги, он тратил их свободно и неохотно. Когда Первый консул попытался поставить Ланна в неловкое положение, приказав ему немедленно возместить дефицит в триста тысяч франков, вызванный великолепными мундирами, которые он заказал для гвардии, Ожеро, как только услышал об этом, поспешил к своим поверенным и велел им перечислить эту сумму на счет генерала Ланна. Когда Бернадотт, которого он едва знал, попросил его одолжить ему двести тысяч франков для завершения покупки поместья, он сразу же согласился; а когда мадам Бернадотт спросила его, какие проценты он потребует, он ответил: "Мадам, банкиры и ростовщики, без сомнения, совершенно справедливо извлекают прибыль из денег, которые они ссужают, но когда маршалу посчастливилось оказать услугу товарищу, ему достаточно удовольствия оказать ему услугу".

В плане вторжения в Англию корпус маршала, дислоцированный вокруг Бреста, предназначался для захвата Ирландии, поэтому, когда Великая армия была повернута против Австрии, его дивизии последними прибыли на театр военных действий и были направлены в Тироль, где они вынудили генерала Еллачича и большую часть его армии сдаться. В следующем году маршал сильно отличился при Йене и Пултуске; но при Эйлау, хотя и не по своей вине, он потерпел поражение. Император поставил его в центр первой линии и приказал ему наступать на центр русских. Туман и снег были такими густыми, что французы не могли разглядеть противника, пока тот не приблизился к ним на расстояние двухсот ярдов; враг внезапно открыл

по ним огонь из массированных батарей; через мгновениестойкие дивизии Ожеро были разорваны в клочья градом картечи, и из-за дыма и снега они не могли видеть своих врагов; они пытались удержаться на своих позициях и отвечать на огонь, но в конце концов дрогнули и сломались. Маршал, настолько больной лихорадкой, что его пришлось привязать к лошади, делал все возможное, чтобы остановить разгром, но тщетно; в конце концов, раненый и с больным сердцем, он был вынужден вернуться и сообщить о своей неудаче. Император, желая скрыть свою собственную ошибку, возложил всю вину за неудачный исход дня на Ожеро и, разделив остатки своего корпуса среди других маршалов, отправил его домой. Опасаясь, однако, возбудить его вражду и помня о его прошлых заслугах, в следующем году он назначил его герцогом Кастильоне; но он больше никогда не доверял ему важного командования на поле боя. В 1809 году маршала отправили в Испанию, чтобы заменить Сен-Сира при осаде Жероны. Он утратил жажду сражаться и вскоре был отозван за то, что не проявил достаточной энергии. В 1812 году он командовал частью резерва Великой армии в Пруссии. В 1813 году он командовал корпусом новобранцев в Германии и присутствовал при Лейпциге, но на протяжении всей кампании роптал на свои войска. Когда его упрекнули в небрежности и сказали, что он не Ожеро Кастильоне, он набросился на Наполеона с криком: "Ах, верните мне старых солдат Италии, и я покажу вам, кто я такой!" Тем не менее, у него не было сердца к войне, и после катастрофы под Лейпцигом он поднял открытый бунт, проклиная императора и говоря Макдональду, что "этот идиот не понимает, что он делает ... трус, он бросил нас и был готов пожертвовать нами всеми, но не воображайте, что я был настолько глуп, чтобы позволить убить себя или взять в плен ради пригорода Лейпцига". Несмотря на это, в 1814 году Наполеон оказался в таком затруднительном положении, что был вынужден нанять его. Он отправил его в Лион с приказом не допустить выхода союзников из Швейцарии и, если возможно, напасть на линию коммуникаций армии Шварценберга, угрожавшей Парижу; и он умолял его "вспомнить свои прежние победы и забыть, что он был не на той стороне из пятидесяти". Но старость и роскошь сломили некогда знаменитый дух герцога Кастильоне, и его операции вокруг Лиона вызывали презрение. Как сказал Наполеон на острове Святой Елены, "Долгое время Ожеро уже не был солдатом; его храбрость, его ранние добродетели подняли его высоко над толпой, но честь, достоинство и удача вынудили его вернуться в бой". Соответственно, как только он услышал о капитуляции Парижа, он поднял белую кокарду и издал воззвание, в котором говорилось: "Солдаты, вы освобождены от ваших клятв; вы освобождены от них нацией, в которой находится суверенитет; вы еще более освобождены, если бы это было необходимо, отречением человека, который, пожертвовав миллионами ради своего жестокого честолюбия, не знал, как умереть солдатом". Вскоре после этого он встретил своего бывшего императора и благодетеля по пути в изгнание на Эльбу, и последовал горький разговор, в ходе которого маршал в ответ на упреки императора спросил: "На что вы жалуетесь: разве не ваше ненасытное честолюбие привело нас к этому?"

Однако, когда император вернулся в Париж, Ожеро отказался от своего командования в Нормандии и поспешил присягнуть на верность. Но Наполеон не желал ничего этого и отказал ему в месте или привилегии. После Ватерлоо бурбоны также оказали ему холодный прием; поэтому маршал удалился в свою загородную резиденцию Ла-Уссе, где и умер 11 июня 1816 года от грудной водянки. Родившийся и выросший парижским мальчиком, он жил как таковой, и таковы были его добродетели и пороки. Физически храбрый, но морально трусливый; тщеславный, буйный, но добросердечный; полный неистового духа, жадный, но щедрый; либерал по натуре, ненавидящий контроль, но суровый приверженец дисциплины; твердо

верящий в добродетель принципов, но всегда готовый пожертвовать своими принципами на алтарь возможностей, Ожеро, несмотря на свои многочисленные недостатки, знал, как завоевать и сохранить любовь своих солдат и друзей. Будучи скорее лидером, чем тактиком или стратегом, он играл на энтузиазме своих солдат своим примером, а не наставлениями. К несчастью для его репутации, моральное мужество изменило ему в конце карьеры, и он добавил к обвинению в непостоянстве преступление неблагодарности.

XVI

ГИЙОМ МАРИ АНН БРЮН, МАРШАЛ

Гийом Мари Анн Брюн, поэт и воин, родился 13 мая 1763 года в Брив-ла-Гайяр. Его отец, принадлежавший к юридической семье, предназначил сыну пойти по его стопам и, дав ему хорошее образование, отправил его заканчивать изучение права в Колледж Франции в Париже. Но вкус мальчика не лежал среди скучных юридических тонкостей. Артистичный и эмоциональный по темпераменту, он рано всей душой посвятил себя литературе. В возрасте восемнадцати лет он опубликовал свое первое произведение, наполовину в прозе, наполовину в стихах, в котором описал отпуск в Пуату и Ангума. Но его отец с подозрением относился к литературным устремлениям сына, и пропасть между ними усилилась, когда Гийом женился на молодой резнице по металлу Анжелике Николь Пьер, осиротевшей дочери мельника из Арпажона, которая пленила его своей красотой, а затем ухаживала за ним во время опасной болезни. Молодая пара была полностью предоставлена своим собственным ресурсам, и Анжелике пришлось продолжать полировать свои работы, в то время как Брюн, чтобы обеспечить публикацию своих работ, занялся ремеслом печатника. Но, несмотря на бедность и тяжелую работу, брак был счастливым, поскольку красота Анжелики, чистота ума и характера были необходимым дополнением к творческим устремлениям ее мужа. Занимаясь литературной деятельностью, Брюн познакомился со знаменитым Мирабо, который представил его своим друзьям, Камилле Демулен и Дантону. Щедрый по натуре и страдающий от социального позора, последовавшего за его женитьбой, поэт, ставший печатником, всей душой погрузился в философию того времени: когда разразилась Революция, он с восторгом приветствовал новую эру, но, как и многие другие провидцы, он не смог увидеть жестокую необходимость, которую несла с собой Революция. Следуя примеру своего друга Камилла Десмулена, 15 сентября 1789 года он основал газету, *Исторический журнал или журнал "Женераль"*, и продолжил это предположение, редактируя в сотрудничестве с Готье *Журнал суда*; но из-за жестокой политики Готье Брюн разорвал связь с газетой в августе 1790 года. Когда Революция переросла в насилие и слепой беспорядок, а ненависть заняла место его мечты о платонической справедливости, стремясь убежать от жестокости и похоти, печатник поспешил утешиться среди тех, кто спешил на границу, чтобы сразиться с врагом, как с единственным средством спастись от хаоса дома. В августе 1791 года он записался в добровольцы Сены и Уазы, и через несколько недель его активность, рвение и административный талант побудили товарищей избрать его майором-адъютантом. В начале 1792 года он поступил на службу в штаб армии в качестве помощника генерал-адъютанта и, благодаря влиянию Дантона и его политических друзей, был отозван из Тионвиля в Париж в сентябре 1792 года в качестве генерального комиссара для руководства и

организации недавно сформированных добровольческих батальонов. Но когда он прибыл в Париж 5 сентября и обнаружил, что улицы залиты кровью, а Дантон злорадствует над своей работой, испытывая отвращение к Парижу и его дикому населению, он сразу же подал заявление о поступлении на действительную службу и вернулся в лагерь Мо как раз вовремя, чтобы принять участие в кампании Дюмурье при Вальми. Хотя он отшатнулся от их методов, его дружба с Дантоном и Камиллой Демулен сослужила ему хорошую службу; в качестве генерал-адъютанта он служил в Неервиндене, а после этой битвы был одним из пяти генералов, выбранных для объединения разрозненных войск Армии Севера. В июле ему было приказано отправиться в Кальвадос для оказания помощи в разгроме жирондистов. После его успеха в Нормандии друзья предложили ему должность в министерстве в Париже, но "он любил свободу честной и раскрепощенной, какой она была в армии, но не такой, какой ее обожали в Париже, под звуки набата и ритма генерала, и свирепые песни смерти, которые распевали каннибалы". Соответственно, он вернулся в Армию Севера как раз вовремя, чтобы сражаться под командованием Хушара при Хандсхеттене. Но ему пришлось заплатить за свою дружбу с террористами, ибо как раз в тот момент, когда он, полный восторга, отправился сражаться с англичанами в Дюнкерке, из-за обострения политической борьбы его поспешно отозвали, чтобы нанести жирондистам государственный переворот в Бордо.

БРЮН
С ГРАВЮРЫ По МОТИВАМ КАРТИНЫ Ф. Дж. ХАРРИЕТ

Брюн вернулся в столицу в 1794 году как раз вовремя, чтобы стать свидетелем падения своего покровителя Дантона; но, к счастью для него, Баррас взял его под свою защиту, и в октябре, благодаря его влиянию, он стал комендантом Парижа. Целый год генерал занимал этот пост, а 5 октября командовал второй колонной, в то время как Бонапарт с первой колонной положил конец реакции Террора несколькими выстрелами картечью. Все еще находясь под покровительством Барраса, Брюн провел 1796 год, усмиряя Мидийцев, и его работа там была

превосходноизображена в романе Александра Дюма "Товарищи по оружию", где он фигурирует в роли генерала Роллана. После этой досадной и изнурительной борьбы с враждебно настроенными соотечественниками он был вызван в Италию в начале 1797 года и присутствовал с дивизией Массены в битве при Риволи. Под командованием Массены он прошел кампанию, закончившуюся при Леобене, и привлек внимание Бонапарта своим мужеством и доброй волей: в награду за свои заслуги он был произведен в дивизионные генералы. Из Италии генерал со своей дивизией был отправлен в октябре присоединиться к армии Англии; во время марша на север ему предложили занять пост посла в Берлине; но когда войска услышали об этом предложении, они попросили генерал-адъютанта написать своему командиру, сказав: "Послушайте, генерал: ваша дивизия поручает мне сказать вам, чтобы вы не прекращали сражаться; дивизия принесет вам честь, а это намного лучше, чем посольство". Однако о посольстве не могло быть и речи, поскольку 7 февраля 1798 года директора отправили его принять командование французскими войсками, в обязанность которых входило присоединить Швейцарию к Франции. Это было первое самостоятельное командование генерала; и хотя кампания укрепила его военную репутацию, к сожалению, она оставила пятно на его чести. Война была начата просто с целью захватить швейцарскую казну в Берне и таким образом обеспечить средствами египетскую экспедицию Бонапарта. Брюн усвоил свой урок в Италии, поэтому кампания была короткой, несмотря на трудности страны и патриотизм швейцарцев. В письме Бонапарту генерал объяснил причину своего успеха: "С того момента, как я оказался в ситуации, когда нужно было действовать, я собрал все свои силы, чтобы нанести молниеносный удар: ведь Швейцария - это огромная казарма, и у меня было все основания опасаться почтовой войны. Я избежал этого путем переговоров, которые, как я знал, не были искренними со стороны бернцев, и с тех пор я следовал плану, который я изложил вам. Я всегда думал, что остаюсь под вашим командованием ". За разгромом швейцарского крестьянства и взятиемерна последовал час грабежа; у несчастных швейцарцев было выжато не менее миллиона семисот тысяч фунтов стерлингов. Сам Брюн держал свои руки в чистоте и, как он писал, "постоянно подстригал ногти негодяям и отбирал у них общественные сокровища"; но тот факт, что он был официально ответственен за грабеж и что его собственная доля в награбленном составляла тридцать две тысячи фунтов стерлингов, вызвал отвращение к его имени по всей Швейцарии, а фраза "грабить, как Брюн" вошла в пословицу, за которую охотно ухватились его недоброжелатели.

Директора, довольные его операциями в Швейцарии, отправили Брюна 31 марта 1798 года принять командование армией Италии. Его задача была трудной, поскольку в Риме и Мантуе голодающие войска подняли мятеж, в то время как подрядчики и агенты Директоров сколачивали огромные состояния. Чтобы усложнить ситуацию, генералу поручили работу гражданской комиссии, в обязанности которой входил надзор за правительством Цизальпинской республики. У Труве, вдохновителя Комиссии, была только одна идея - обуздать растущий демократический дух пьемонтцев. Главнокомандующий, чья любовь к свободе еще не притупилась, яростно выступил против Труве и в конце концов навязал свои взгляды Директории, и Труве был заменен Фуше. Но было уже слишком поздно; зло было совершено. Пьемонтцы больше не хотели терпеть французского контроля: "Значит, - кричали они, - вот вера, братство и дружба, которые вы привезли нам из Франции!" Несмотря на усилия Брюна восстановить доверие, они потеряли всякую веру во французскую честь, и 6 декабря его преемник оказался вынужден изгнать под угрозой штыка всех сенаторов, выступающих против интересов Франции.

Покинув Италию в ноябре, Брюн оказался в начале 1799 года отправленным в Голландию, где ему угрожала опасность: было очевидно, что Англия собирается приложить усилия, чтобы вернуть принцу Оранскому его утраченные владения. Несмотря на это знание, еще в августе французское командование смогло сосредоточить только десять тысяч человек под командованием генерала Дандальса, чтобы противостоять равным силам англичан под командованием Аберкромби, когда они высадились на открытом пляже в Гроете-Кетене. Хотя генерал Дэндалс был столь же силен, как и противник, он предпринял самую слабую попытку воспрепятствовать высадке. День за днем в Голландию прибывали английские и русские подкрепления, пока, наконец, их численность не достигла сорока восьми тысяч человек. Но перед герцогом Йоркским, английским главнокомандующим, стояла безнадежная задача. Без транспортных средств, без штаба и армии, состоящей из наспех набранных рекрутов ополчения и непокорных пьяных русских, его единственный шанс на успех заключался во всеобщем восстании голландцев; ибо в начале сентября французские войска численно были такими же сильными, как и его собственные. Мнение Аберкромби заключалось в том, что поражение означало бы полную катастрофу: "Если бы мы выдержали суровую проверку, я сильно сомневаюсь, что дисциплины в войсках было бы достаточно, чтобы предотвратить полный роспуск армии": в то время как английское мнение о русских сводилось к тому, что они лучше разбирались в грабежах, чем в сражениях. Как писал ополченец, "Русские - это люди, у которых нет страха Божьего перед глазами, потому что я видел некоторых из них с сыром и горечью, и все они были тяжело ранены, и, в частности, у одного человека на спине были часы *et day*, и он все время показывал время, что заставило меня сделать вывод о его тщеславии и томлении духа". Несмотря на это, англичане добились значительного тактического успеха и отбросили французов обратно к Амстердаму; но нехватка провизии вынудила их в начале октября отступить на свои укрепленные позиции на Зайпе. К счастью, Брюн, на которого произвела большое впечатление боевая мощь врага, не понимал, насколько трудно им было бы перебросить свои силы, если бы он предпринял атаку. Он позволил некоторым офицерам своего штаба намекнуть на перемирие и конвенцию, которые были с готовностью приняты, поскольку 20 октября у англичан был запас хлеба только на три дня. С победой Массены при Цюрихе и высадкой союзников после Алкмарской конвенции кольцо врагов, которое так серьезно угрожало Франции, было разорвано, и Брюн, хотя он проявил мало ресурсов или инициативы во время боевых действий в Голландии и не смог распознать крайность противника, был провозглашен, наряду с Массеной, спасителем страны, а его тактические поражения были отмечены как победа при Бергене.

В начале 1800 года Первый консул отправил из Голландии победителя англичан для подавления восстания в Вандее, где его прежний опыт партизанской войны в Швейцарии сослужил ему хорошую службу, и вскоре он поставил повстанцев на колени. Во время кампании Маренго он командовал настоящей резервной армией в Дижоне, но в августе, когда Бонапарт счел необходимым заменить Массену, он отправил Брюна принять командование армией Италии. К сожалению, гений будущего маршала больше подходил для тонкостей управления и направления небольших колонн, чем для командования крупными силами в полевых условиях. Хотя во главе ста тысяч человек его превосходно поддерживали Мюрат, Мармон, Макдональд, Суше и Дюпон, он явно потерпел неудачу как главнокомандующий. Его движения при пересечении Минчо были неуверенными и медленными, и он не воспользовался возможностью, которую предоставили ему успешные движения Дюпона. В Тревизо, как и в Голландии, он слишком ясно продемонстрировал свою ограниченность: он держал врага в

ежовых рукавицах, но, не видя своего преимущества, он снова подписал перемирие, которое позволило врагу ускользнуть из его сетей.

По возвращении во Францию Первый консул отнесся к нему с подозрением. Его хорошо известные республиканские взгляды не согласовывались с планами самовозвеличивания Бонапарта. Первый консул очень плохо оценивал свои военные способности, но народ в целом по-прежнему приветствовал его как спасителя Голландии и Франции. Бонапарт обращался с ним так же, как со всеми теми, кого он подозревал, но кого не мог позволить себе презирать, и под предлогом дипломатического назначения практически сослал его в Константинополь. Дипломатия не была сильной стороной Брюна, и после восемнадцатимесячного пребывания в Турции он был вынужден покинуть Порту, которая полностью попала под влияние России.

Генерал все еще находился за границей, когда император учредил своих маршалов: назначение Брюна, как и назначение Лефевра, было частью его плана по привязке республиканских интересов к своей династии, поскольку его мнение о таланте маршала было таково, что он почти никогда не использовал его в полевых условиях. С 1805 по 1807 год Брюн был занят обучением войск, оставленных в Булони. В мае 1807 года он был назначен командовать резервным корпусом Великой армии, а когда в июле король Швеции объявил войну Наполеону, ему было поручено командовать операциями вокруг Штральзунда, и он захватил эту крепость и остров Рюген. Во время этой короткой кампании маршал имел беседу с Густавом Шведским и попытался указать ему на безрассудство войны против Франции. Искривленный отчет об этой беседе, полный несправедливых инсинуаций, дошел до ушей Наполеона. В гневе император послал за Брюном и обвинил его в ложных обвинениях. Маршал, взбешенный тем, что кто-то заподозрил его добросовестность, отказался от каких-либо объяснений и ограничился тем, что повторил: "Это ложь". Император, в равной степени взбешенный его упрямством, лишил его командования. Результатом этой ссоры стало то, что следующие пять лет Брюн жил дома в опале. После реставрации он подчинился Людовику XVIII и получил крест Святого Людовика. Но в 1815 году, вернувшись с Эльбы, он откликнулся на призыв императора, поскольку Наполеон больше не мог позволить себе роскошь ссориться с великодушными французами, которые были готовы служить ему. Помня о таланте маршала к администрированию и войне за посты, он предложил ему командование Миди. Брюн колебался; Наполеон обошелся с ним недостойно, но в своей великодушии он был готов не обращать на все это внимания; тем не менее, он хорошо знал, что Империя - это не Республика; и все же он предпочитал режим Наполеона режиму бурбонов и, в конце концов, согласился, но приступил к своим новым обязанностям подавленный и совсем не в себе. Трудности, с которыми ему приходилось бороться, были огромными; австрийцы и сардинцы сосредоточивались на границах, флот союзников господствовал в Средиземном море, в то время как Прованс был охвачен бандами разбойников, называвших себя роялистами. Марсель, непостоянный, подаривший Франции и Республике "Марсельезу", теперь был раскаленным легитимистом. Таким образом, известие о Ватерлоо и отречении Наполеона стало облегчением для измученного маршала, который был только рад 22 июля передать Тулон англичанам. После этого, повинаясь приказу короля, он отправился в Париж.

Хорошо зная о беспорядках на Миди, маршал попросил лорда Эксмута, командующего британской эскадрой, отвезти его морем в Италию, чтобы он мог избежать опасности, которая, как он знал, угрожала ему из-за ненависти роялистов. К несчастью для славы Англии, лорд Эксмут отказался в самых грубых выражениях, назвав его "принцем негодяев" и "мерзавцем".

Соответственно, он отправился по суше, получив обещание защиты от командира роялистов, но без сопровождения. Со своими двумя адъютантами он благополучно добрался до Авиньона, но там на него напала толпа, загнала в отель и хладнокровно застрелила, а его тело сбросили в Рону; ночью рыбак спас труп, и много лет теломаршала покоилось в скромной могиле, куда его поместил добросердечный рыбак. Тем временем правительство одобрило версию о том, что он покончил с собой. Но в конце концов настойчивость его вдовы вынудила провести расследование, когда правда открылась и было без сомнения доказано, что убийство было совершено при попустительстве властей. Расследование также показало, что истинной причиной смерти маршала были не столько меры, которые он предпринял для уничтожения банд роялистов во время своего командования в Миди, сколько его старые связи с Камилем Демуленом и Дантоном. Несмотря на то, что его не было в Париже во время сентябрьской резни и что он постоянно служил в армии, ходили слухи, что именно Брюн пронес по Парижу голову принцессы Ламбаль на пике, и хитрое воссоздание этой истории лидерами Белого террора побудило толпу совершить это злодеяние. История была абсурдной. Архивы Военного министерства неопровержимо доказали, что его не было в Париже во время казни принцессы. Странно, но сам маршал много лет назад, похоже, предсказал свою смерть, когда, рассказывая о террористах, сочинил следующие строки: —

"Против одного восстают двести человек,
Нападают и бьют его, пока он не умрет.
И все же, говорят они, мы щадим пролитую кровь,
И мы по-прежнему считаемся с ними как патриоты.
Подгоняемые боевым пылом,
На волне, отброшенной их жертвой, они
Возвращают свою неистовую радость, чтобы наполниться;
И все же эти люди по-прежнему патриоты".

Хотя его верная жена вынудила власти смыть пятно самоубийства с честной славы маршала, только в 1839 году, через год после ее смерти, в Брив-ла-Гайяр, наконец, был установлен достойный памятник в память маршала, который, какими бы ни были его недостатки как командира, прожил жизнь верного друга, истинного патриота, отважного солдата; и дважды получил благодарность правительства, и дважды был провозглашен спасителем своей страны.

XVII

АДОЛЬФ ЭДУАРД КАЗИМИР ЖОЗЕФ МОРТЬЕ, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ ТРЕВИЗО

Эдуард Мортье родился недалеко от Камбре 13 февраля 1768 года. Его отец, преуспевающий фермер, дал будущему маршалу хорошее образование. Став довольно важным человеком с началом революции, он смог в 1791 году добиться для своего сына зачисления в добровольческую кавалерию севера. Чрезвычайно высокий, крепко сложенный, с медлительной речью, "с глупым взглядом стража", капитан-йомен 1791 года почти не подавал

надежды случайному наблюдателю. Но, несмотря на эти довольно усталые глаза, молодой Мортье обладал жгучим энтузиазмом и бесстрашной отвагой. Начиная с его первого сражения при Кьеврене в апреле 1792 года, где под ним была убита лошадь, и до того дня, когда они с Мармоном сдали Париж в 1814 году, каждая стычка или сражение, в которых он принимал участие, свидетельствовали о его необычайной физической силе и храбрости. Природа также наделила его добрым характером, поэтому неудивительно, что его люди присягали ему и были готовы следовать за ним куда угодно. Но, несмотря на множество доблестных поступков и многочисленные упоминания в депешах, продвижение по службе шло медленно; ибо первые шесть лет своей службы Мортье провел в армиях Самбры, Мааса и Рейна, и ему приходилось соревноваться с такими людьми, как Сульт, Ней, Сен-Сир, Клебер и Десо, которые были на более высоком умственном уровне. Тем не менее, он был признан человеком, который должен был возвыситься, и был одним из тех, кого Клебер выделил для похвалы, написав в Директорию: "С такими начальниками генерал может не считаться с числом своих врагов"; и вполне мог, потому что на следующий день после того, как он написал свой отчет, Мортье с одним батальоном и четырьмя эскадронами кавалерии, получив приказ попытаться выбить две тысячи человек противника с укрепленной позиции на реке Визан, атаковал их с такой живостью, что, ко всеобщему удивлению, за час выбил их оттуда. в полете.

После кампании 1798 года Журден предложил свое имя для командования бригадой, но предпочел звание полковника двадцать первого кавалерийского полка. Однако несколько месяцев спустя, 22 февраля, он был произведен в бригадные генералы. Именно в этом качестве он служил под командованием Массены в знаменитой кампании в Швейцарии. Во второй битве при Цюрихе он нес службу йомена; энергичной демонстрацией он удерживал врага близ города, пока Массена завершал свой поворот; далее он отличился своей энергией и находчивостью во время преследования русских; таким образом, 25 сентября 1799 года он получил звание дивизионного генерала. Когда Бонапарт стал первым консулом, Мортье не нашел причин для недовольства сменой правительства; как политик, он был готов принять любое сильное правительство. К счастью для него, его упрямый характер и боевые заслуги привлекли внимание Первого консула. Бонапарт видел в нем человека без лукавства, солдата, который примет любой приказ своего начальника и выполнит его мгновенно, не задавая вопросов. И все же дивизионному генералу, который до сих пор не имел самостоятельного командования на поле боя, крупно повезло, что он находился со своими войсками близ Вааля в то время, когда Первый консул решил наказать Англию за ее подозрительность к нему, захватив Ганновер. С двадцатью тысячами человек генерал Мортье выступил из Голландии, внезапно напал на ганноверские войска при Борстеле на Везере и вынудил графа Вальмодена подписать конвенцию, по которой ганноверская армия должна была отступить за Эльбу и не поднимать оружия против французов, пока продолжалась война. Английское правительство отказалось ратифицировать его, поэтому Мортье немедленно призвал Вальмодена возобновить военные действия; но борьба была настолько неравной, что ганноверский генерал был вынужден принять измененную форму прежней конвенции. После этого Мортье поспешно занял Гамбург и Бремен и закрыл Эльбу для английской торговли. Но какими бы блестящими ни были его операции на местах, в качестве военного губернатора уступленных провинций он приобрел репутацию большого хищника, которая преследовала его на протяжении всей карьеры.

Наполеон, однако, не обращал внимания на казнокрадство своего генерала до тех пор, пока оно не затронуло его казну, и он продемонстрировал свое одобрение его успешной кампании, сделав его одним из четырех комендантов гвардии и включив его в 1804 году в число первых

маршалов. В следующем году Мортье отправился в Германию во главе гвардейской дивизии. Когда после Ульма армия была реорганизована для наступления на Вену, маршалу был вверен новый корпус, состоящий из дивизий Дюпона и Газана. Долг, который ему предстояло выполнить, был трудным; он должен был переправиться через Дунай в Линце и, без поддержки, кроме флотилии лодок, закрепиться в тылу русских, в то время как остальная армия двинется на Вену правым берегом реки. Император убедил его в необходимости осторожности и предупредил, что он должен окружить ведеттов и держаться несколько позади корпуса Ланна, который шел впереди него по другую сторону реки. К сожалению, маршал, в своем стремлении нанести урон русским, которые, как он полагал, потерпели полное поражение, пренебрег всеми предупреждениями и безрассудно рванулся вперед. В Дюрренштайне (недалеко от замка, где эрцгерцог Австрийский заточил Ричарда Львиного) он попал в ловушку. Противник позволил ему пройти дефиле Дюрренштайн вместе с дивизией Газана, зная, что Дюпон находится на много миль в тылу, а затем окружил его с фронта и тыла. Имея всего семь тысяч человек в окружении тридцати тысяч русских, маршал, казалось, погиб. Но он не растерялся и сразу же развернулся, чтобы попытаться прорваться назад и присоединиться к Дюпону, который, как он знал, поспешит ему на помощь. Ведя огонь в упор, сражаясь штык за штыком, небольшой французский отряд прокладывал себе путь к ущелью. Наступила темнота, но бой все еще продолжался, и наконец на другой стороне ущелья послышались выстрелы Дюпона. Но к тому времени две трети дивизии Газана пали, три орла были захвачены, а сам Мортье, бросающийся в глаза своим высоким ростом, был обязан своей безопасностью мастерству владения саблей. Его офицеры умоляли его переправиться через реку на лодке, чтобы маршал Франции не стал пленником в руках презираемых русских; он с негодованием отказался. "Нет, - сказал он, - поберегите это средство для раненых. Тот, кто имеет честь командовать такими храбрыми солдатами, должен считать себя счастливым разделить их судьбу и погибнуть вместе с ними. У нас еще есть два ружья и несколько ящиков с виноградом; давайте сомкнем наши ряды и сделаем последнее усилие". Но русские все еще теснили преданную колонну, и теперь все боеприпасы были израсходованы, а оставшиеся в живых готовились дорого продать свои жизни, когда люди Дюпона наконец отбросили врага в сторону, и под крики "Франция! Франция! вы спасли нас!" Неустрашимые остатки дивизии Газы бросились в объятия своих товарищей. На следующий день сильно потрепанный корпус был отозван за Дунай, но император не мог возложить всю вину на Мортье, поскольку настоящей причиной катастрофы была его собственная стратегическая ошибка, заключавшаяся в разделении своей армии широким Дунаем.

АДОЛЬФ ЭДУАРД МОРТЬЕ, ГЕРЦОГ ТРЕВИЗО
С ГРАВЮРЫ ПО МОТИВАМ КАРТИНЫ ЛАРИВЬЕРА

В 1806 году маршал действовал самостоятельно на левом фланге Великой армии, и после занятия Касселя и Гамбурга, где его жестокие поборы значительно повысили его репутацию

хищника, ему доверили операции против шведов. Однако в 1807 году он был призван на подкрепление Великой армии, чтобы вовремя принять участие в решающей битве при Фридланде. В июле 1808 года Наполеон вознаградил его, назначив герцогом Тревизо. Месяц спустя он отправил его в Испанию командовать пятым корпусом, который состоял из ветеранов австрийской и прусской кампаний, сильно отличавшихся от новобранцев третьего корпуса и других корпусов в Испании. Но, несмотря на этот великолепный материал, маршал ничем не отличился. Серьезный отпор, который он получил при Дюрренштайне, казалось, убил его напор. Его физическая храбрость осталась такой же, как всегда, но моральное мужество пошатнулось, и в Испании его маневры всегда были неуверенными. В Сарагосе он не вел осаду с той яростью, которую проявил Ланн, когда сменил его; но в битве при Оканье он показал, что во время боя его нервы были так же хороши, как и всегда. Первые шеренги французов, сломленные огнем испанской батареи, начали колебаться; маршал был легко ранен, но в критический момент он подъехал к дивизии Жирара, находившейся в резерве, и, проведя ее через промежутки первой линии, застал победоносного врага в невыгодном положении и полностью изменил исход дня. Оставшуюся часть службы герцога Тревизо на полуострове он провел под командованием маршала Сульта либо перед Кадисом, либо в качестве силы прикрытия войск, участвовавших в той осаде. Из Испании он был отозван в 1812 году, чтобы командовать Молодой гвардией в русской кампании. Когда французы эвакуировали Москву, маршалу по приказу императора выпала завидная обязанность взорвать Кремль. Во время своего отступления он показал себя достойным своего поста командующего Молодой гвардией, и в 1813 году в том же качестве сражался на протяжении всей кампании, приняв участие в сражениях при Лютцене, Бауцене, Дрездене, Лейпциге и Ханау. После Дрездена он вместе с Сен-Сиром навлек на себя гнев императора за то, что не помог Вандаму. Но факт остается фактом: вина за катастрофу при Кюльме полностью лежит на Наполеоне и Вандаме. Ни Мортье, ни Сен-Сиру не было послано никаких распоряжений до тех пор, пока не произошла катастрофа, и Вандамм не принял самых элементарных мер предосторожности на случай неожиданности. В 1814 году маршал доблестно сражался при Монмирайле и Труа, но, подобно Виктору и Ней, проявил мало изобретательности. Когда Наполеон совершил свой последний рывок на восток, он оставил Мортье и Мармона сдерживать наступление пруссаков на Париж. Герцог Тревизо, хотя и был намного старше герцога Рагузского, преклонился перед его гениальностью и в операциях, закончившихся сдачей Парижа, воплощал идеи своего подчиненного с большой щедростью и без малейшего проявления ревности.

Как и остальные маршалы, герцог Тревизо подчинился новому правительству. По возвращении Наполеона он какое-то время оставался верен своей присяге бурбонам. Когда герцог Орлеанский, который разделял с ним командование северными войсками, покидая Лилль, написал ему: "Я слишком хороший француз, чтобы жертвовать интересами Франции, потому что теперь несчастье вынуждает меня покинуть ее. Я ухожу, чтобы спрятаться в уединении и забвении. Мне остается только освободить вас от всех приказов, которые я вам отдал, и рекомендовать вам делать то, что, по вашему превосходному суждению и патриотизму, может подсказать как лучшее для интересов Франции", - маршал, несмотря на свой орден Людовика Святого и звание пэра Франции, снова вернулся к своей прежней преданности. Император тепло приветствовал его и сделал одним из своих новых пэров, а в июне отправил на границу командовать Молодой гвардией; но приступ ишиаса приковал его к постели, и он избежал катастрофы при Ватерлоо. При второй реставрации он на время потерял свои почести и звания,

но отказался вновь приобрести их ценой должности судьи маршала Нея; однако в 1819 году он был восстановлен во всех них.

Только после воцарения июльской монархии герцог Тревизо вновь сыграл заметную роль. В 1831 году его старый друг, герцог Орлеанский, ныне ставший королем, назначил его великим канцлером ордена Почетного легиона, а в ноябре 1834 года призвал его принять обременительную задачу главы правительства и военного министра. Чтобы помочь своему другу и государю, герцог взял на себя ответственность, но вскоре обнаружил, что не справляется с этой задачей. Честный и преданный солдат, с безупречной честью, неподкупностью и характером, он мог блистать на поле боя, но не на форуме. Его прекрасная, надменная фигура, властный вид, военная выправка и откровенность были бесполезны в Палате пэров, где требовался тонкий дух, способный различать направление партий и влиять на него, ясный, легкий язык и очевидное знакомство с любым предметом, который мог возникнуть для обсуждения. Это были те самые качества, которых маршалу не доставало больше всего. Тугодумный от природы, с ограниченным словарным запасом и плохой речью, он вскоре обнаружил, что не подходит для этой должности, и ушел в отставку в феврале 1835 года. Но, к несчастью для него, он все еще сохранял свой пост великого канцлера и в этом качестве сопровождал Луи Филиппа по пути на злополучный смотр 29 июля. Когда процессия прибыла на бульвар Темпл, маршал пожаловался на жару; его подчиненные пытались убедить старого солдата отправиться домой, но он отказался, сказав: "Мое место рядом с королем, среди маршалов, моих товарищей по оружию". Едва он успел произнести эти слова, как Фиески бросил роковую бомбу, которая не попала в короля и принцев, но убила маршала и многих других солдат.

Герцог Тревизо, выполняя свой долг перед своим государем, встретил свою смерть как солдат, хотя и не на поле боя. Как и в случае с Даву, ключом к его характеру была его упрямая решимость; но хотя на поле боя он напоминал принца Экмюля, у него не было ни его организаторских способностей, ни его ясного понимания вопросов политики. Но у него были и другие качества, которых не хватало Даву. Он был добросердечен и любим своими людьми. Его простота и верность понравились Наполеону и всем, кто соприкасался с ним, и именно по этой причине император доверил ему Молодую гвардию. Что отличало его от многих других маршалов, так это отсутствие ревности и щедрость, с которой он сотрудничал со своими товарищами по оружию. Когда похоронная процессия проезжала по улице Рояль по пути к церкви инвалидов в сопровождении четырех маршалов верхом на лошадях, придерживающих углы покрывала, люди чувствовали, и чувствовали справедливо, что Франция понесла потерю, ибо ушел тот, кто, будучи крестьянином по рождению, при своем высоком положении умел сохранять простые крестьянские добродетели, единственным пороком которого была крестьянская жадность, и кто, за этим исключением, никогда не позволял месту или власти вмешиваться в то, что он считал своим долгом.

ЖАН БАТИСТ БЕСЬЕР, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ ИСТРИИ

Верность и добросовестность - важнейшие качества в жизненной гонке, и к ним Жан Батист Бессьер добавил большое присутствие духа и значительный напор. Поэтому неудивительно, что в эпоху, когда бескорыстие и надежность заметно отсутствовали среди государственных деятелей, сила его характера выдвинула его над обычными авантюристами и сделала одним из самых доверенных помощников Наполеона. Маршал родился в Прейссаке в 1768 году. Его отец, хирург, воспитал сына в его профессии. Но начало Революции открыло перед дерзким молодым гасконцем более широкое поле деятельности. В начале 1792 года Жан Батист оставил Кагор и медицинскую профессию и отправился в Париж в качестве одного из недавно принятых в "конституционную гвардию". Его верность и мужество вскоре подверглись испытанию. Он помог королевской семье бежать в Варенн и, следовательно, был вынужден искать безопасности в отставке. Но жизнь солдата была подобна дыханию его ноздрей, и три месяца спустя ему удалось завербоваться в 22-й егерский корпус, входивший в состав Пиренейской армии. Там его мужество и способности сделали его заметным. Через три месяца после зачисления в армию он был произведен в младшие лейтенанты. 1793 год оказался катастрофическим для Франции. Поражение следовало за поражением. Но Жан Батист никогда не отчаивался, и когда успех в конечном счете улыбнулся французскому оружию, он завоевал репутацию смелого и способного командира эскадрильи. Тем не менее, как и многие другие успешные солдаты того времени, Бессьер был обязан своим быстрым продвижением по службе ранней дружбе с великим корсиканцем. Именно Мюрат обратил внимание Наполеона на будущего командующего императорской гвардией, и Бонапарт своим орлиным взором сразу оценил его качества. Когда молодой вождь сформировал свою особую охрану, названную Проводниками, он поставил его во главе ее. Новый корпус состоял из отборных войск и составлял ядро Императорской гвардии. Отныне Бессьер стал доверенным лицом своего шефа и неразлучным другом. Именно редкая верность, которую он проявлял своему хозяину, и его постоянное внимание к деталям, его интуитивное знание требований своего командира и его энергия в осуществлении его планов, а не великий военный гений, были причиной того, что император всю жизнь ценил командира своих Проводников.

В Лонато и Кастильоне Бессьер доказал правильность суждений молодого корсиканца. При Ровередо он прорвался через центр австрийской пехоты и вместе с шестью другими захватил два вражеских орудия. В первой битве при Риволи, в соответствии с приказом своего генерала, он устроил засаду в болоте слева от австрийцев, что оказалось решающим фактором в битве. В следующем году он снова отличился во второй битве при Риволи и при осаде Мантуи. В награду за его заслуги Бонапарт отправил его в Париж с официальными депешами и знаменами, отвоеванными у врага, а в конце кампании произвел его в полковники и в качестве еще одного знака своего доверия назначил его наставником своего пасынка Эжена. Бессьер сопровождал Бонапарта на Восток и служил рядом с ним в Египте и Сирии.

Командир Проводников был в числе избранных друзей, сопровождавших Бонапарта в его тайном возвращении во Францию, и в Париже он помог Мюрату, Ланну и Мармону привлечь армию на свою сторону и принял видное участие в государственном перевороте 18 Брюмера. Сразу после того, как Наполеон стал первым консулом, он создал консульскую гвардию,

состоящую из четырех батальонов пехоты и двух полков кавалерии. Он поставил во главе пехоты Ланна, а во главе кавалерии Бессьера. В составе гвардейской кавалерии Бессьер участвовал в знаменитом походе через Альпы и в ничьей битве при Маренго. Проявив себя верным на войне, он продемонстрировал свою верность в мирное время, разоблачив замысел художника Каракки, и таким образом узами благодарности сблизился с Первым консулом. Высокий, красивый, с изящной фигурой и обаятельной улыбкой, комендант гвардии пленил всех своим умом и выдающейся осанкой, которая имела пикантный привкус из-за его приверженности моде и пудре ушедшей эпохи.

Отвергнув блестящую партию, предложенную Первым консулом, он выбрал в качестве своей невесты мадемуазель Лапезриер, молодую леди из семьи роялистов. Молодоженов обвенчал неработающий священник, и они не только не вызвали неудовольствия, но и получили множество комплиментов, поскольку Бонапарт уже желал заключения Конкордата с папой и видел в невесте полезную сторонницу своего плана. Мадам Бессьер пользовалась большим успехом в обществе: была фавориткой Наполеона, близкой подругой и доверенным лицом Жозефины; ее везде принимали за красоту, силу характера и очарование манер.

В течение года мира и подготовки к вторжению в Англию Бессьер сопровождал первого консула во всех его многочисленных экспедициях. К его чести, он громко протестовал против необдуманной казни герцога Энгиенского. Когда Первый консул стал императором, он зачислил своего друга в число своих новых маршалов не за его военный гений, а в награду за его верность, поскольку никто лучше Наполеона не знал, насколько новому маршалу не хватало многих качеств великого полководца.

В 1805 году гвардейская кавалерия вошла в состав Великой армии, и их командующий, благодаря умелой поддержке Мюрата, внес свою лепту в победу в битве при Аустерлице. В промежуток между австрийской и прусской кампаниями маршал был занят в Париже реорганизацией и расширением гвардии и, как обычно, поддерживал тесные контакты с императором. Во время прусской кампании Бессьер впервые почувствовал вкус независимого командования и снискал большую славу за свои виртуозные маневры в Польше, где слабыми силами он держал противника в полном неведении о передвижениях французов и прикрывал соединение различных корпусов армии.

После заключения Тильзитского мира ему была доверена деликатная миссия по ведению переговоров о браке между принцессой Шарлоттой Вюртембургской и принцем Иеронимом, новым королем Вестфалии. Едва он вернулся в Париж, как его снова поспешно отправили на действительную службу, на этот раз в Испанию. Всего за неделю до катастрофы при Байлене маршал Бессьер столкнулся с серьезнейшей проблемой. Испанские новобранцы из Старой Кастилии под командованием Куэсты соединились с новобранцами Галисии под командованием Блейка и угрожали сокрушить слабые силы в десять тысяч человек, с помощью которых маршал пытался подавить партизанскую войну в северных провинциях. Бессьер не зря был доверенным лицом великого императора, и он сразу понял, что, если он не проявит инициативу, его войска обречены, поскольку враг превосходил их численностью и с каждым днем увеличивался. Он хорошо знал, насколько плохо дисциплинированы были их войска, и решил испытать эффект неожиданности. Все вышло так, как он хотел. 14 июля он обнаружил испанские войска на позициях за пределами Медина-дель-Рио-Секо, примерно в нескольких милях к востоку от Вальядолида. Испанцы, не зная, наступают ли французы со стороны

Вальядолида или Бургоса, разместили армию Блейка на Вальядолидской дороге, а армию Куэсты - на бургосской. Соответственно, Маршал смог застать Блейка врасплох и победить его, а затем развернуться и нанести аналогичное поражение Куэсте. До сих пор его диспозиция была превосходной, но, как сказал генерал Фой, "Он мог организовать победу, но не мог извлечь из нее выгоду", поскольку был парализован масштабами партизанской войны, с которой столкнулся, и после короткого, но кровопролитного преследования отозвал свои войска. Тем не менее, он многого добился; на тот момент он разогнал все организованное сопротивление в северных провинциях и открыл королю Иосифу дорогу на Мадрид.

Но Байлен и Вимейро доказали, что война на Пиренейском полуострове все еще находилась только в первой стадии. Жозефу пришлось спешно эвакуироваться из Мадрида, и, несмотря на то, что под его командованием находилось двенадцать тысяч французских солдат, Бессьер ничего не смог предпринять. Испанские армии Куэсты и Блейка снова обрели форму; и, как и другим французским генералам, маршалу пришлось отступить на линию Эбро. Такова была ситуация в октябре, когда на сцене появился сам император. Ситуация изменилась как по волшебству от прикосновения умелой руки. Французские войска, растянутые большим полукругом на Эбро, были быстро сосредоточены. Блейк и Куэста потерпели поражение от подавляющего сочетания различных французских армий. Тем временем император, признавая ограниченность своего верного друга, заменил его Сультом, но дал ему командование гвардией и резервной кавалерией под его непосредственным руководством и забрал его обратно во Францию, когда он прекратил преследование англичан.

Наполеон хотел взять гвардию с собой в австрийскую кампанию, и, поскольку несколько полков все еще находились в Испании, другие должны были быть зачислены на их место. Эти полки были полностью организованы Бессьером и составили ядро того, что позже было названо Молодой гвардией. Обязанности маршала во время австрийской кампании 1809 года были такими же, как и в Испании: командование гвардией и резервной кавалерией. Во время знаменитых Пятидневных боев он еще раз доказал, что ни одно войско в Европе не может противостоять атакам тяжелой гвардейской кавалерии, и что сам он почти так же хорошо владел техникой кавалерийской тактики, как его знаменитый друг и наставник, король Неаполя. При Асперне и Эсслинге кавалерия гвардии и резервная кавалерия покрыли себя славой своими лихими атаками. Снова и снова с криками "Да здравствует Имперец!" сверкающие массы кирасиров пытались сломить суровую горстку неукротимых венгров, охранявших австрийские батареи. Когда мосты были разрушены и отступление на остров Лобау стало единственной надеждой для армии, Бессьер с остатками кавалерии так жестоко наказал врага, что отступление было произведено в целостности и сохранности. При Ваграме, когда все казалось потерянным, Наполеон призвал своего старого товарища пожертвовать собой вместе со своей кавалерией. Когда гвардейские кирасиры пробежали мимо, чтобы приступить к выполнению своей героической миссии, император, размахивая мечом, крикнул: "Никаких сабель. Показывайте, показывайте!" Необходимое время было выиграно, и доблестный маршал был ранен. Но в конце дня, когда солдаты после огромных усилий больше не могли противостоять непрерывным рядам медленно отступающих австрийцев, Наполеон, огорченный своей неудачей, встретил свою кавалерию и их командира с упреком: "Видели ли вы когда-нибудь что-нибудь подобное? ни пленных, ни оружия! В этот день участие не принесет результата".

Дурное настроение императора было лишь временным. Когда его самые доверенные помощники ворчали и жаждали мира, чтобы насладиться добычей, которую они собрали на

войне, когда Бернадотт и Фуше открыто интриговали против него, Наполеон не мог позволить себе пренебречь своим самым верным другом. Соответственно, сразу после Ваграма он отправил новоиспеченного герцога Истрийского в Бельгию, чтобы тот принял командование французскими войсками, которые противостояли злополучной английской экспедиции на остров Вальхерен. Когда маршал вернулся из Бельгии в Париж, он обнаружил, что император принял все меры для развода Жозефины и для своего второго брака. Бессьер оказался в очень неловком положении. Принц Евгений был его самым большим другом. Жозефина всегда была очень добра к нему и герцогине, но он ничем не мог им помочь, и, что еще хуже, император настоял на том, чтобы приехать и погостить у него в его загородном доме в Гриньоне.

Тем временем война в Испании испортила многие великие репутации. Срочно требовалось подкрепление, поэтому император решил дать своей Молодой гвардии боевое крещение в Испании. Соответственно, в начале 1811 года он отправил их вместе с Бессьером, их командиром, действовать на северных линиях коммуникаций. Неудачи французов, очевидно, были вызваны двумя причинами. На месте не было главнокомандующего — император находился в Париже - и не было другого маршала, которому подчинялись бы все остальные. Во-вторых, нам очень не хватало концентрации; как писал Бессьер Бертье: "Весь мир знает о порочной системе наших операций, все видят, что мы слишком разбросаны. Мы занимаем слишком большую территорию страны: мы истощаем наши ресурсы без выгоды и без необходимости: мы цепляемся за мечты. Мы должны сосредоточить наши силы; удерживать определенные пункты Аппуи для защиты наших складов и госпиталей и рассматривать две трети Испании как обширное поле битвы, которое единственная победа может либо обеспечить, либо отнять у нас ". К сожалению, маршал был человеком, как и его товарищи, и вместо того, чтобы лояльно поддержать Массену, он пошел на открытый разрыв с ним по вопросу снабжения, и своим бездействием в Фуэнтес д'Оноро он привел к тому, что французы проиграли это сражение. Хотя он оправдался перед Наполеоном и навлек на себя немилость принца Эсслинга, по мнению герцога Веллингтона, именно отказ Бессьера оказать Массене помощь был полностью ответственен за поражение Франции. Более того, какими бы здоровыми ни были его взгляды на методы ведения войны, у него не было ни личности, чтобы внушить их другим, ни умения применять их на практике, и все его время было занято попытками противостоять партизанской войне. Его методы были грубыми и варварскими и были направлены против французов, поскольку он мстил за злодеяния партизан их семьям и женщинам и подвергал военной казни любую деревню, которая не соответствовала его обременительным требованиям. Поэтому испанцы ответили мстостью, оружием слабых, этим "диким видом правосудия". Промахи маршала были пресечены его отзывом в Париж в начале 1812 года для реорганизации гвардии перед русской кампанией.

Герцог Истрийский сопровождал императора на фронт. Его личное участие было ограничено тем фактом, что король Неаполя находился с армией. Но во время отступления он возглавлял фургон и нес службу йомена, восстанавливая порядок среди обескураженных войск.

В начале 1813 года он был отозван из Эблинга для реорганизации гвардии и резервной кавалерии. Эта задача в максимальной степени требовала огромных административных способностей маршала, поскольку речь шла не только о людях и снаряжении, но, прежде всего, он столкнулся с трудностью обеспечения ремонтных работ. Несмотря на все его усилия, так и не удалось найти сколько-нибудь достаточное количество лошадей для кавалерии, поскольку сначала нужно было доставить оружие.

Участие маршала в кампании было непродолжительным. В Лютцене, накануне первого сражения, он был сильно подавлен и охвачен предчувствием смерти, которое оказалось совершенно верным, поскольку едва началось сражение, как в него попала пуля, причинившая смертельную рану.

Герцог Истрийский всегда был одним из самых неизвестных маршалов. Причина этого ясна. Как командующий кавалерией гвардии и организатор "Молодой гвардии", его величайшая работа была проделана в офисе в Париже, где он дисциплинировал, организовывал, оснащал и контролировал обучение этих отборных войск. Его величайшими талантами были административные способности. Как полевой командир кавалерии он находился в тени блестящего и более поразительного короля Неаполя. Тем не менее, как подчиненный, он обладал некоторыми безупречными качествами, о чем свидетельствуют его действия во время Великих Пяти дней и ожесточенная битва при Асперн-Эсслинге. Как независимый командир он потерпел неудачу. Снова и снова казалось, что его моральное мужество покидает его в критический момент. В Испании, в Медина-дель-Рио-Секо, в Бургосе и в Фуэнтес-д'Оноро он не мог собраться с духом, чтобы взять на себя ответственность и вложить в бой весь свой вес. Как и многие другие генералы, он был здравомыслящим человеком, но не смог подняться до уровня тех великих командиров, которые интуитивно знают, когда нужно поставить на карту все. Следовательно, хотя он, несомненно, обладал истинным военным чутьем, о чем свидетельствует то, как чудесно он прикрывал стык французских корпусов вдоль Вислы, и его четко написанное донесение об ошибках войны в Испании, его военная репутация всегда страдала, когда рядом с ним не было его великого начальника, который укрепил бы его решимость. Наполеон прекрасно знал свою слабость, и упреки, которые он бросал ему в Ваграме, были не совсем беспочвенны. Тем не менее, император признавал, что советы Бессьера всегда были ценны из-за его ясности видения и абсолютного отсутствия всякой предвзятости и предвзятостей; и хотя он делал скидку на отсутствие у него морального мужества, он всегда внимательно слушал его. Армия считала, что именно его неистовый призыв: "Сир, вы находитесь в семистах лье от Парижа" - удержал императора в Москве от того, чтобы бросить гвардию в бой, и, таким образом, позволил русским избежать полного уничтожения. Как человек, маршал был любим и уважаем всеми за его абсолютную бескорыстность и прямоту. Его обожали его войска, в то время как он обладал качествами, которые позволили ему преуспеть в трудной задаче установления железной дисциплины в гвардии. Именно благодаря ему в Императорской гвардии не было того беззакония, которое делало римских преторианцев опасными для Империи. Когда маршал не нервничал из-за ответственности, он был до крайности мягкосердечен. В Москве он был первым, кто спас несчастных жителей из огня; во время ужасного отступления он бросился один в покинутый лагерь, услышав крики младенца. Но когда он был напуган, он мог быть самой жестокостью, как показано в его ужасных указах против испанских партизан. Тем не менее, даже в Испании его справедливость была оценена по достоинству, и во многих деревнях Кастилии после известия о его смерти были отслужены мессы за упокой его души. Хотя ему не хватало высочайшего морального мужества, его физическая храбрость была доказана на многих тяжелых полях сражений от Вальядолида до Варшавы. На острове Святой Елены великий император дал своему другу благородную эпитафию: "Он жил как Баярд, он умер как Тюренн".

КЛОД ВИКТОР ПЕРРЕН, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ БЕЛЛУНО

Герцог Беллуно, не наделенный удачей и талантами к войне, но обладающий решительным характером, высоким чувством чести, великой отвагой и той неустрашимостью, которая, по мнению Наполеона, была абсолютно необходима для высшего командования, является ярким примером того, насколько важным фактором является характер в жизненной борьбе, которая заканчивается выживанием сильнейшего. Виктор Перрен родился 7 декабря 1764 года в Ла-Марш, среди гор Вогезов, и в возрасте семнадцати лет был зачислен рядовым в артиллерийский полк Гренобля. Артиллерия была лучшим родом войск старой королевской армии, ибо там, и только там, заслуги, а не благосклонность были ключом к продвижению по службе. Соответственно, будущий маршал проходил обучение оружию под руководством офицеров, которые знали свою службу и любили ее. Десять лет, проведенных в строю под руководством тех, кто поддерживал строгую дисциплину и сами были пунктуальны в вопросах исполнения служебных обязанностей, кто осуществлял тщательный надзор за своими людьми и материальной частью и серьезно изучал свою профессию, военное искусство, — эти годы с их примером не прошли даром для молодого солдата. Когда в 1791 году потрясения Революции угрожали подорвать службу, Клод Виктор, ныне сержант, испытывая отвращение к распущенности, царящей в войсках, подал прошение об увольнении. Семи месяцев гражданской жизни оказалось достаточно для крепкого бывшего сержанта, и в октябре он записался в добровольцы Дрома, где через девять месяцев силой характера заставил себя командовать своим батальоном, ибо, как метко сказал Наполеон, "времена революций - это время для тех солдат, которые обладают проницательностью и мужеством". После шестимесячных тренировок под руководством бывшего артиллериста добровольцы Дрома смогли выстоять на плацу вместе с лучшими полками линии фронта. Их командир мог бы гордиться своим батальоном. В боях на реке Вар добровольцы Виктора сильно отличились, но именно в Тулоне они впервые показали свою настоящую ценность. Полковнику повезло, что он привел свои войска к высокому моральному духу, поскольку, когда они начали атаковать гору Фарон, генерал Дюгомье отозвал его в сторону. - Мы должны взять редут, - сказал он, - или... - и он многозначительно провел рукой по горлу. В этой атаке, единственной из всех участвовавших в сражении корпусов, солдаты Дрома удержали свои позиции, когда англичане предприняли контратаку; под крики "Sauve qui peut!" они одни уверенно отвечали на убийственный огонь противника, и так же тихо, как на параде, они прикрыли разгром и медленно отступили в хорошем порядке. Три недели спустя представилась возможность спасти Виктора при штурме "Малого Гибралтара", захват позиции которого вынудил англичан эвакуироваться из Тулона. Атака была спланирована Бонапартом, и Виктору посчастливилось быть выбранным в качестве одного из руководителей; он уже был верным другом корсиканского капитана артиллерии, и теперь он завоевал его безграничное восхищение своей безрассудной храбростью и способностью заставить свои войска следовать за ним. Две раны, которые он получил в атаке за частокол, были дешевой ценой за звание и славу, которые ему позже предстояло получить в награду за то, как он бросил свою разбитую колонну против второй линии обороны. Его непосредственной наградой стал пост бригадного генерала в армии Восточных Пиренеев.

Из испанской кампании Виктор вернулся в 1795 году в Италию с улучшенной репутацией и некоторыми знаниями о войне в горах, которые впоследствии сослужили ему хорошую службу.

Когда в 1796 году Бонапарт принял командование итальянской армией, он обнаружил, что Виктор все еще остается бригадным генералом, но слывет одним из самых храбрых людей в этой армии героев. Кампания 1796 года еще больше вывела его на фронт. Дего, Мондови, Пескьера, Сан-Марко, Цереа и бои вокруг Мантуи доказали его мужество и способность выжимать максимум из своих войск, но именно его маневр 16 января 1797 года при Сен-Жорже, недалеко от Мантуи, доказал его настоящие способности, поскольку там, имея всего два французских полка, он заставил сложить оружие всю семитысячную дивизию генерала Проверы. Бонапарт выбрал завоевателя Проверы, чтобы возглавить французскую армию для вторжения в Папскую область. Это было первое самостоятельное командование Виктора, но из-за плохого состояния папских войск это не было суровым испытанием его способностей; тем не менее, это обеспечило ему повышение в звании дивизионного генерала и подтвердило высокое мнение о нем его начальника.

В течение года, последовавшего за Кампо-Формийским миром, генерал Виктор занимал несколько постов во Франции, но в 1799 году снова вернулся в Италию, чтобы принять участие в катастрофической кампании против австрийцев и русских. Посланный генералом Моро на помощь Макдональду при Треббии, он впервые проявил ту ревность, которая была таким пороком в его характере, и во время отступления он уделял так мало внимания приказам, что был почти разбит врагом. Не из трусости, а из желания вырваться из-под контроля Макдональда, он бросил свое оружие и ушел в горы, чтобы попытаться присоединиться к Моро; но Макдональд спас оружие и саркастически написал своему непокорному лейтенанту, что захватил оружие, но не нашел ни друга, ни врага.

Виктор служил под началом Массены, когда Бонапарт вернулся из Египта. Суровый республиканец, вышедший из рядов, он ненавидел идею диктатуры и не скрывал ни от начальства, ни от подчиненных своей неприязни к государственному перевороту 18 Брюмера. Действительно, его поведение и речи перед солдатами настолько подрывали дисциплину, что Массена был вынужден отстранить его от командования и доложить о нем первому консулу. Находясь в отставке и с позором в Монако, он с ужасом наблюдал, как армии союзников приближаются к французской границе. Отбросив всякую личную неприязнь, он написал своему бывшему другу и командиру, не жалуясь и не умоляя восстановить его в должности, но ясно изложив положение дел в Италии и средства, необходимые для восстановления престижа французского оружия, и фактически предложив план, который уже был разработан Первым консулом, о переходе через Альпы и нападении на коммуникации противника. Бонапарт был сильно поражен этим письмом. Возможно, он также вспомнил о своей прежней дружбе, о тех днях, когда старый бывший сержант артиллерии обходил свои батареи в Тулоне, и, несомненно, он помнил его упрямую храбрость и упорство в боях под Мантуей; во всяком случае, он вызвал его в Париж, принял со знаками расположения и сразу отправил командовать дивизией Резервной армии. Но хотя внешне Бонапарт простил его, он слишком хорошо разбирался в людях, чтобы не видеть, что его старый товарищ всегда опасен, когда не занят. Занятый обучением и надзором за своими войсками, генерал не имел времени думать о политике и теориях правления. Итак, как первый консул и император, Наполеон позаботился о том, чтобы у бывшего артиллериста было много работы. Во время кампании при Маренго генерал получил новые почести. К счастью, это был его старый друг Ланн, с которым ему пришлось сотрудничать; и Ланн охотно признал его верную помощь в Монтебелло, поскольку в день получения герцогства он обнял Виктора, сказав: "Мой друг, именно тебе я обязан своим титулом!" При Маренго ему снова пришлось работать с Ланном, и именно благодаря их

замечательному сотрудничеству и упрямству отступление не превратилось в разгром, и у Дезе было время вернуться на поле боя, позволив Первому консулу провести еще одно сражение и превратить поражение в победу.

Но хотя Наполеон отдал ему причитающуюся ему долю славы при Маренго, первым упомянул его в депешах и вручил ему почетную шпагу, он все же помнил о своей прежней враждебности и, постоянно нанимая его, заботился о том, чтобы держать его как можно дальше от Франции. Таким образом, в течение двух лет после Маренго генерал Виктор занимал пост главнокомандующего армией Голландии. Затем в 1802 году он был назначен генерал-капитаном Луизианы. Но здесь фортуна опровергла намерения Первого консула, и экспедиция в Америку так и не состоялась. Виктора отправили обратно на его пост в Голландию, и он оставался там до февраля 1805 года, когда был назначен полномочным министром при датском дворе.

В эти годы всем было ясно, что он в опале, и именно благодаря смелости его друга, маршала Ланна, его отозвали на действительную службу и снова дали шанс отличиться. В сентябре 1806 года, в связи с повышением его начальника штаба, Ланну пришлось найти нового начальника штаба для своего корпуса, и он обратился к императору с просьбой разрешить назначить генерала Виктора. Наполеон на мгновение заколебался, затем, памятуя о количестве вооруженных сил и необходимости использовать в штабе действительно эффективных офицеров, он согласился с выбором маршала, сказав: "Он действительно здравый человек, которому я полностью доверяю, и я представлю ему доказательства этого, когда представится случай". Йена и Пултуск пополнили послужной список генерала, и император снова стал относиться к нему благосклонно, а в январе 1807 года доверил ему новый десятый корпус Великой армии. Вскоре после того, как он принял свое новое командование, ему не повезло: он был схвачен вражеским патрулем, когда ехал с единственным адъютантом близ Штеттина. К счастью для него, к этому времени он полностью вернул себе расположение императора. Наполеон немедленно приступил к осуществлению своего обмена, и через несколько дней он снова был со своим корпусом. В начале июня, когда Бернадотт заболел, император вызвал его на фронт, чтобы принять командование первым корпусом, и именно в этом качестве он присутствовал в битве при Фридланде, и в этой ужасной битве он завоевал свой батон. Награды теперь пришли быстро, поскольку после Тильзита ему было доверено управление Пруссией, а в 1808 году он был назначен герцогом Беллуно.

Осенью 1808 года маршал был вызван из Пруссии, чтобы принять командование первым корпусом армии Испании, и в течение следующих трех лет он непрерывно проходил службу на полуострове. В течение первых нескольких месяцев его карьеры там ему улыбнулась удача. При Эспинозе он нанес генералу Блейку сокрушительный удар; позже он возглавил авангард армии Наполеона в походе на Мадрид и атаковал окопавшиеся позиции противника в ущелье Сомосьерра силами своих польских улан. Из Мадрида его отправили на юг, чтобы держать врага на некотором расстоянии от столицы, и при Ульсесе и Медельине он доказал, что испанские генералы не могут сравниться с ним и его закаленными войсками. Но, к сожалению, он умалил славу этих побед вольностью, которую он позволил своим солдатам: при Ульчесе он позволил разграбить город и казнил шестьдесят девять самых выдающихся горожан, включая нескольких монахов, в то время как приказал расстрелять всех заключенных, которые не могли идти маршем. В Медельине французы закололи испанских раненых штыками. Кроме того, как и многие другие командиры, он не стеснялся максимально использовать свои успехи в своих отчетах, и испанцы утверждают, что он пополнил свои трофеи, сняв старые боевые знамена

рыцарей Сантьяго с церкви Ульчес. После Медельина его успехи закончились. Поставленный под командование Жозефа и Джордана, которых он презирал; испытывающий большие трудности с прокормлением своей армии в стране, которая на самом деле была дикой; обеспокоенный постоянными противоречивыми приказами, он был не в самом приятном настроении, когда, наконец, оказался под личным командованием короля Жозефа в Талавере. Стремясь сохранить свою независимость и продемонстрировать свое военное мастерство, он попытался в одиночку заставить врасплох английское крыло армии союзников. Следовательно, он ввел короля Жозефа и Журдана в действие, в котором они не хотели участвовать, и, отказавшись сотрудничать с другими командирами корпусов, он нанес поражение французской армии, ибо, как писал Наполеон Жозефу, "Пока вы атакуете хорошие войска, такие как английские, на хороших позициях, не разведывая их, вы будете вести своих людей на смерть "в чистом виде"".

После Талаверы независимая карьера Виктора подошла к концу; он был отдан в распоряжение маршала Сульта и отправлен осаждать Кадис, перед которым он пролежал до тех пор, пока его не призвали принять участие в русской кампании. Но прежде чем покинуть Кадис, он провел еще одно сражение против британцев, когда генерал Грэм воспользовался отсутствием Сульта, чтобы попытаться снять осаду; и ему пришлось еще раз признать поражение, когда при Бароссе маленькая колонна из четырех тысяч британцев повернула в сторону, смело атаковала и разгромила девять тысяч отборных французских пехотинцев под командованием самого маршала.

В России герцог Беллуно был избавлен от некоторых из величайших трудностей, поскольку его корпус находился на линии коммуникаций, и только за день до битвы при Березине он действительно присоединился к отступающей армии вовремя, чтобы заслужить дальнейшую славу, прикрывая переправу через реку, хотя и ценой гибели более половины своего корпуса. В течение 1813 года он сражался под Дрезденом и Лейпцигом, а в начале 1814 года ему была доверена оборона Вогезов; но вскоре ему пришлось отступить на Марну. При Сен-Дизье и Бриенне он держался храбро, но при Монтеро впал в немилость; он пренебрег удержанием моста через Сену и таким образом полностью испортил комбинацию Наполеона. Император пришел в ярость, лишил его командования корпусом и велел покинуть армию. Но маршал отказался ехать. "Я возьму на плечо свой мушкет, - сказал он, - Виктор не забыл своего старого занятия. Я займу свое место в гвардии". При такой преданности император смягчился. - Что ж, Виктор, - сказал он, протягивая руку, - оставайся с нами. Я не могу вернуть тебе твой корпус, который я выделил Жирару, но я даю тебе две гвардейские дивизии. Однако маршал недолго занимал свою новую должность, так как был тяжело ранен при Краонне и вынужден вернуться домой.

После отречения Наполеона герцог Беллуно поклялся в верности бурбонам и сдержал ее, поскольку по возвращении Наполеона с Эльбы он удалился в Гент вместе с Людовиком XVIII. После второй реставрации он был произведен в пэры Франции и назначен одним из четырех генерал-майоров королевской гвардии. Хотя он никогда не был империалистом и в душе республиканцем, именно обращение Наполеона с ним в Монтеро напомнило о старой обиде, вызванной его опалой в 1800 году, и превратило его в роялиста. Маршал заслужил неугасимую ненависть многих своих старых товарищей той суровостью, которую он проявил, когда "ему было поручено изучить поведение офицеров всех рангов, служивших при узурпации". Но, хотя герцог Беллуно был непоколебим в своей приверженности монархии, он все же придерживался

своих либеральных идеалов, и именно по этой причине в 1821 году Виллель пригласил его войти в Кабинет министров в качестве военного министра. Это была странная должность для бывшего сержанта артиллерии, но он превосходно ее занимал и придал министерству значительную силу, поскольку как солдат удачи, человек, сделавший все сам, он примирил либералов, а как решительный персонаж, твердый роялист и человек бесстрашия и чести пользовался доверием и уважением Консервативной партии. Именно во время его пребывания у власти французская армия в очередной раз вторглась в Испанию, и в немалой степени благодаря его знанию страны и его деловым способностям она не потерпела неудачи. Когда в июле 1830 года пала династия Бурбонов, герцог Беллуно принес присягу на верность новому правительству, но больше никогда не появлялся в общественной жизни, и 1 марта 1841 года он умер в Париже в возрасте семидесяти семи лет.

XX

ЭММАНУЭЛЬ ДЕ ГРУШИ, МАРШАЛ

Когда в 1789 году вспыхнула революция, молодой граф Эммануэль де Груши служил в звании подполковника в шотландской роте корпусной гвардии. Эммануэль де Груши, родившийся 23 октября 1766 года, единственный сын маркиза де Груши, представителя старинного нормандского рода, который вел свое происхождение еще до правления Вильгельма Завоевателя, вступил в армию в возрасте четырнадцати лет. После года службы в морской артиллерии он был переведен в линейный кавалерийский полк, а в день своего двадцатилетия был зачислен в гвардейский корпус. Увлеченный изучением военной истории и преданный своей профессии, молодой граф много читал и размышлял. Впечатлительный и восторженный, либерал-философ по натуре, он охотно впитывал учения энциклопедистов. По мере развития событий он обнаружил, что его положение в Корпусной гвардии противоречит его принципам, и, по его собственной просьбе, в конце 1791 года его перевели в двенадцатый егерский полк в звании подполковника, которым он командовал. После нескольких месяцев службы в этом полку он был произведен в бригадные генералы и последовательно служил под командованием генерала Монтескье в армии Миди и под командованием Келлермана в армии Альп. В начале 1793 года, находясь в отпуске в Нормандии, он был поспешно отправлен на запад, чтобы принять участие в гражданской войне в Вандее. Уже не граф де Груши, а простой гражданин-генерал Груши, в течение следующих трех лет он почти непрерывно участвовал в гражданской войне, за исключением нескольких месяцев, когда, как и все бывшие дворяне, он был уволен со службы указом некомпетентной Бушотты. Но Кланкло, командовавший Вандейской армией, нашел в нем самого полезного подчиненного и надежного советника; и соответственно, по его просьбе бывший дворянин был восстановлен в своем звании и отправлен обратно начальником штаба в Западную армию, а в апреле 1795 года произведен в дивизионные генералы. Трезвомыслящий, твердо убежденный в правильности своих взглядов, не будучи фанатичным или мстительным, Груши увидел, что жестокие методы многих генералов сделали больше для продолжения войны, чем политические принципы вандеи и шуанов, и он использовал свое влияние на Кланкло, а позже на Гоша, чтобы сдерживать бесполезные репрессии и подавить восстание, разгромив вооруженные силы повстанцев, а не оскорбляя женщин и расстреливая

пленных. Проблема, которую предстояло решить, была трудной, как он указал в мемуарах, написанных для Clanclaux. "В ваших руках население всей страны, население, которое внезапно объединяется для борьбы, если оно достаточно сильно, чтобы сокрушить вас; которое бросается на ваши фланги и тыл, а затем так же внезапно исчезает, когда недостаточно сильно, чтобы противостоять вам". Его решение проблемы состояло в том, чтобы ослабить сопротивление легкими мобильными колоннами и уморить врага голодом, опустошив страну. В сентябре 1795 года, после отставки Кланкло, комиссары, приданные Западной армии, хотели назначить Груши командующим, но генерал отказался от этого поста; поскольку, каким бы ясным и хорошим советчиком он ни был, ему не хватало уверенности в себе, и он знал, что не подходит для этой должности. Именно этот ужас перед принятием на себя ответственности тянул его вниз на протяжении всей его карьеры и который в тех двух случаях, когда фортуна давала ему шанс подняться, заставил его выбрать безопасную, но бесславную дорогу будничной посредственности. В 1796 году ему представился первый шанс: после короткого периода службы в Армии Севера в Голландии он снова был на своей старой работе под началом Гоша на западе, когда Директория решила попытаться отомстить за участие Англии в восстании Шуанов, разворошив осиное гнездо в Ирландии. В конце декабря пятнадцатитысячный отряд под командованием Гоша и Гроучи в качестве заместителя командира отплыл в Ирландию. К сожалению, экспедиция столкнулась с плохой погодой, корабль, на котором плыл Гош, отделился от остальной флотилии, и, когда Груши прибыл на место встречи в заливе Бантри, он обнаружил большую часть экспедиции, но без главнокомандующего. Несмотря на это, он справедливо решил осуществить высадку, но не обладал необходимой силой характера, чтобы обеспечить выполнение своих приказов, и после шестидневных проволочек адмирал Буве, сославшись на плохую погоду, отказался позволить своим кораблям оставаться у побережья, и экспедиция вернулась во Францию. Если бы Граучи смог добиться выполнения своих приказов, все было бы хорошо, потому что на следующий же день после того, как его эскадрилья покинула залив Бантри, Гош сам прибыл на место встречи. Как сказал Груши, если бы он только выбросил этого адмирала Буве в море, все было бы хорошо. Там, где Ворчун колебался и потерпел неудачу, Наполеон действовал бы и победил.

ЭММАНУЭЛЬ ДЕ ГРУШИ, МАРКИЗ
С ГРАВЮРЫ ПО МОТИВАМ КАРТИНЫ РУЙЯРА

Гош умер, и Груши, который под его влиянием не одобрял политику Франции по отношению к итальянским государствам, сразу же согласился работать в Италии. Вскоре ему пришлось

пожалеть о своем решении, поскольку ему было поручено тайными способами изгнать короля Сардинии из его страны. Тем не менее, он подчинился своим приказам в точности. Во время переговоров он тайно ввел французские войска в цитадель в Турине, а затем захватил крепости Новара, Алессандрия и Кьяссо. Тем временем он напугал несчастного монарха, объявив о прибытии воображаемых колонн войск, подкупил королевский совет и так подействовал на чувства сбитого с толку государя, что тот ночью сбежал из своего дворца и бежал за море. Но хотя их король покинул их, пьемонтцы не подчинились покорно, и в течение следующих нескольких месяцев генерал был занят отслеживанием и поимкой многочисленных членов тайных обществ, которые мстили за свою страну, перерезая глотки французам. Нанося удар тяжелой рукой по этим заговорщикам, Гручи был достаточно уравновешен, чтобы понимать, что правильный метод решения проблемы - это устранение недовольства. По его мнению, французам противостоял не столько народ, сколько Церковь, и, соответственно, он сделал все возможное, чтобы заставить Жубера издать прокламацию о недопустимости вмешательства в религию. Тем не менее, ситуация, должно быть, раздражала культурного человека и либерала-теоретика, поскольку, навязывая демократические институты сопротивляющемуся народу, он должен был в то же время лишить их столицу всех предметов искусства; и, издавая прокламации о свободе вероисповедания, он должен был организовать проход папы римского по пути в плен. В мае 1799 года генерал был отозван со своего поста губернатора Турина, поскольку австрийцы и русские вторглись в Ломбардию, а Жубер концентрировал свои силы. Кампания, по мнению Граучи, была короткой, поскольку при попытке остановить бегство левого крыла после битвы при Нови он был атакован союзниками и взят в плен. Четыре сабельных удара, одно пулевое ранение и несколько штыковых уколов продержали его некоторое время в госпитале; когда он поправился настолько, что его можно было перевозить, его отправили в Грац, и только год спустя — в июне 1800 года — его обмен был осуществлен. Но вскоре он отомстил австрийцам, потому что осенью его отправили присоединиться к армии Моро, действовавшей на Дунае, и он прибыл в штаб вовремя, чтобы принять участие в битве при Гогенлиндене. Перед лицом слепящей снежной бури дивизия Гручи отбросила назад основную колонну противника, и после нескольких часов кровопролитного рукопашного боя в лесу он поделил с Неем честь последней атаки, которая обратила врага в безнадёжное бегство.

Именно по возвращении из Гогенлиндена бывший граф встретился с Бонапартом. Первый консул, стремившийся примирить старую знать, придавал ему большое значение, отправил с конфиденциальной миссией в Италию и назначил генеральным инспектором кавалерии. Эта должность превосходно подходила Гручи, который был наездником по натуре и солдатом кавалерии по инстинкту. Позже, при формировании Армии океана, он был назначен командовать пехотной дивизией в корпусе Мармона в Голландии, и именно с Мармоном он участвовал в кампании 1805 года. В октябре 1806 года он был вызван из Италии для более важного командования. Великая армия наступала на Пруссию, и Наполеону нужны были способные лидеры, чтобы командовать его огромными массами кавалерии. Гручи был командиром второго драгунского дивизиона кавалерийского корпуса под командованием Мюрата и сыграл заметную роль в битве при Принцлове и преследовании Любека. В Эйлау ему едва удалось спастись: его боец был убит в разгар схватки, и его спасла только преданность его адъютанта; несмотря на сильное потрясение, он смог возобновить командование своей дивизией и отличился яростными атаками в слепящий снег. У Фридланда появился шанс, и его возможности оказались полностью равными. Мюрат отсутствовал в Кенигсберге, пытаясь проникнуть в тыл противника, а Гручи командовал всей резервной кавалерией в тот момент,

когда авангард прервал отступление русских. Именно его замечательное управление кавалерией под руководством Ланна сдерживало русских в течение шестнадцати часов, пока Наполеон не смог сосредоточить свои дивизии и нанести русским решающий удар. Император выразил свою благодарность, наградив генерала Большим Баденским крестом, наградив его орденом Почетного легиона и пожаловав ему владения Новавис в департаменте Познань.

В следующем, 1808 году Груши, ныне граф империи, вместе с Мюратом находился в Испании, исполняя обязанности губернатора Мадрида. Но когда осенью Джозеф эвакуировал все западные провинции, Груши, чье здоровье сильно пошатнулось из-за польской кампании, получил отпуск и позаботился о том, чтобы его не отправили обратно, поскольку он достаточно насмотрелся на испанцев, чтобы предвидеть ужасные трудности партизанской войны; более того, аннексия страны противоречила его представлениям о политической справедливости. Когда война с Австрией была неминуема, Наполеон отправил его в Италию командовать кавалерией армии вице-короля. Вместе с принцем Евгением он сражался в Штирии и Каринтии и сильно отличился в битве при Раабе. При Ваграме его кавалерия была присоединена к корпусу Даву, и его яростные атаки, которые помогли сломить австрийский левый фланг, снова привлекли к нему внимание императора, который выразил свою признательность, назначив его генерал-полковником егерей.

В 1812 году граф снова был вызван на поле боя, чтобы командовать третьим резервным кавалерийским корпусом Великой армии в России. Под Москвой его кирасиры с саблями в руках выбили русских из большого редута, но сам Груши был тяжело ранен. Во время отступления из Москвы он командовал одним из "Священных отрядов" офицеров, лично охранявших императора, но его здоровье, которое никогда не было хорошим, полностью подорвалось от перенапряжения, и ему разрешили вернуться домой прямо из Вильно. Прошел год, прежде чем он достаточно оправился, чтобы выйти на поле боя, и только в начале 1814 года он был пригоден к службе. Во время кампании во Франции, сначала под командованием Виктора, а затем под командованием Мармона, он командовал остатками резервной кавалерии; но 7 марта при Краонне он снова был так тяжело ранен, что вынужден был сложить командование.

Во время Реставрации Груши оставался в своем доме; его отношения с бурбонами не были сердечными, и он горько переживал потерю своего звания генерал-полковника егерей. Соответственно, когда Наполеон вернулся с Эльбы и Франция, казалось, встретила его с распростертыми объятиями, несмотря на то, что он принял Крест Святого Людовика, он без колебаний откликнулся на призыв императора. Ему поручили операции против герцога Ангулемского в окрестностях Лиона, но ему не нравилась эта задача, поскольку он помнил судьбу герцога Энгийенского, и, несмотря на протесты Наполеона о том, что он хотел захватить герцога только для того, чтобы заставить австрийцев отправить обратно императрицу, Груши решил, что, по возможности, делая все для победы над роялистами, он не будет захватывать Ангулем. К несчастью, герцог отказался от предложенной ему возможности сбежать, и Груши пришлось взять его в плен. Однако Наполеон, стремясь быть в ладах с европейскими державами, немедленно приказал освободить его. В то же время он отправил Груши командовать Альпийской армией, вручив ему свой маршальский батист. Новый маршал был в восторге от своего повышения; к этому времени он уже двадцать лет служил дивизионным генералом, и, хотя ему было всего сорок девять, он практически потерял всякую надежду на повышение. Но едва он достиг своего нового командования, как его отозвали в Париж.

Теперь, когда Мюрат был в опале, а Бессьер мертв, у императора не было выдающегося командира кавалерии, на которого он мог бы положиться, и, помня подвиги нового маршала при Фридланде и Ваграме и его стойкость в 1814 году, он решил доверить ему командование резервной кавалерией. К несчастью для Наполеона и Груши, неотложные обстоятельства кампании вынудили императора разделить свою армию; поэтому, поручив Нею часть своих войск, получив приказ преследовать англичан и держа гвардию и резервы под его непосредственным контролем, он передал Груши командование двумя пехотными корпусами и одним кавалерийским; всего около тридцати трех тысяч человек. Назначение было неудачным, поскольку маршал, хотя и был во многих отношениях хорошим кавалерийским командиром, никогда прежде не командовал большим отрядом смешанных войск, и даже его кавалерийские успехи были достигнуты по приказу вышестоящего начальства: при Фридланде он был под командованием Ланна; при Ваграме под командованием Даву; при Москве под командованием Эжена; а в 1814 году либо под командованием Виктора, либо под командованием Мармона. Но что было самым неудачным в отборе, так это то, что у Груши не было достаточно личного авторитета, чтобы навязывать свои приказы командирам корпусов, а вспыльчивый Вандамм не только презирал, но и ненавидел его за то, что он получил батон, который, как он надеялся, должен был принадлежать ему, в то время как Жирар был личным врагом. В Линьи, где сам Наполеон руководил атакой, все шло хорошо, но с того момента, как боевые действия прекратились, начались трудности. Сразу после битвы император поручил маршалу преследование пруссаков, но Пажоль, командовавший своей легкой кавалерией, провел рекогносцировку небрежным образом и доложил, что пруссаки отступили к Намюру. Граучи получил это известие в 4 часа утра 17 июня, но он не осмелился нарушить покой императора, и только в 8 часов утра он смог увидеться с ним и потребовать подробных распоряжений. Наполеон, доверяя докладу Пажоля, думал, что пруссаки абсолютно деморализованы и покидают театр военных действий, и поэтому он заставил маршала говорить о Париже и политике до 11 часов утра, следовательно, только в 11.30 он получил точные приказы, написанные Бертраном, в которых ему предписывалось двигаться к Жамблу, сохраняя сосредоточенность своих сил; разведать различные дороги, ведущие в Намюр и Местрихт, и сообщить императору о намерениях пруссаков, добавив: "Важно знать, что Блюхер и Веллингтон намерены делать, и что они должны предпринять". предпочтут ли они объединить свои армии, чтобы прикрыть Брюссель и Льеж, попытав счастья в другом сражении". Плохие указания штаба и проливные дожди замедлили продвижение, и войскам потребовалось шесть часов, чтобы преодолеть девять миль до Жамблу, где в восемь вечера Груши услышал, что часть пруссаков отступила к Вавру, а это означало, что они все еще могут объединиться с англичанами, чтобы прикрыть Брюссель. Он немедленно доложил об этом императору, добавив, что Блюхер отступил на Льеж, а артиллерия - на Намюр. Но, несмотря на то, что вечером семнадцатого Наполеон знал, что это была ошибка, и что пруссаки на самом деле сосредоточились вокруг Вавра, только в 10 часов утра в день Ватерлоо он послал маршалу сообщение о концентрации пруссаков и сказал ему, что "поэтому он должен двигаться туда (т.е. к Вавру), чтобы приблизиться к нам и оттеснить перед собой любых пруссаков, которые, возможно, остановились в Вавре". Это был именно тот курс, которого решил придерживаться Груши. Следовательно, совершенно ясно, что ни императору, ни маршалу и в голову не приходило, что Блюхер попытается оказать какую-либо помощь англичанам в их положении при Ватерлоо. В 11 часов утра, когда его колонны как раз подходили к Вавру, маршал услышал начало канонады при Ватерлоо. Жирар умолял его выступить на звук пушек, но Груши получил, как он считал, четкие приказы преследовать пруссаков; теперь он был в соприкосновении с

ними и с силами в тридцать три тысячи человек не осмеливался совершить фланговый марш перед лицом того, что, как он все больше убеждался, было всей прусской армией. В 17:00 он получил депешу Наполеона, наспех написанную в 13:00, в которой ему приказывалось повернуть на запад и разгромить прусский корпус, шедший в правом тылу императора, но к тому времени его основные силы были сильно задействованы при Вавре, и даже если бы он смог отправить часть своих сил, они не смогли бы прибыть к Мон-Сен-Жану задолго до окончания битвы.

Утром девятнадцатого маршал готовился преследовать корпус Тильмана, который накануне вечером он отбросил от Вавра, когда услышал о катастрофе при Ватерлоо. Он немедленно прекратил преследование и быстрым маршем достиг Намюра прежде, чем союзники смогли отрезать его, и умелым отступлением вернул свои тридцать три тысячи человек в Париж до того, как враг подошел к воротам. Но вместо благодарности, которой он ожидал, на него взвалили вину за поражение при Ватерлоо. Катастрофа, однако, явно зависела от императора, чьи приказы были расплывчатыми и который не осознавал необычайного морального мужества Блюхера и упрямства пруссаков, и если Наполеон не предвидел этого, он не мог винить Груши за то, что тот был столь же слеп. Маршал делал все, что мог сделать посредственный человек. Он тщательно выполнял данные ему приказы, без сомнения, слишком полагаясь на букву и слишком мало на дух. Но долгие годы, проведенные в подчиненном положении при военной иерархии, подобной иерархии Империи, неизбежно подавляли всякую инициативу, и не следовало предполагать, что человек, который двадцатью годами ранее не сумел оправдать ожиданий в Ирландии, получив, наконец, маршальский батон, рискнет своей репутацией, маршируя, подобно Дезэ при Маренго, под грохот пушек, через фронт врага, значительно превосходящего его по численности, по труднопроходимой местности, частично заболоченной и перехваченной глубокими широкими ручьями, вопреки тому, что казалось его четким приказам.

Карьера маршала действительно закончилась с отречением императора, хотя Временное правительство назначило его командовать остатками Северной армии и в этом качестве провозгласило сына императора Наполеоном II. Взяв Париж, он оказался в подчинении Даву, старого врага. Соответственно, он отказался от командования и удалился в частную жизнь. После своего поведения в течение Ста дней он не мог ожидать пощады от вернувшихся бурбонов и был рад сбежать за границу. Получив всеобщее помилование, он вернулся во Францию в 1818 году, но его звание маршала было аннулировано, и он так и не вернул себе свой батон, хотя после восшествия на престол Карла X. он действительно был принят при дворе. Но хотя король мог простить, его фавориты и министры не могли забыть, и в декабре 1824 года он был включен в число пятидесяти генералов Наполеона, внесенных в список ушедших в отставку, за действие, которое, по пронизательному замечанию генерала Фоя, было "пушечным выстрелом при Ватерлоо, произведенным через десять лет после битвы и направленным прямо в цель". Подобно многим другим маршалам, ветеран сохранил здоровье и способности на долгие годы, защищал свой характер и действия и критиковал своих врагов с той же ясной логикой, которая так сильно способствовала его раннему продвижению; ибо бывший маршал Фой был убит. Маршал орудовал пером так же легко, как и мечом. Только в 1847 году смерть унесла крепкого старого воина в возрасте восьмидесяти одного года.

ФРАНСУА КРИСТОФ КЕЛЛЕРМАН, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ ВАЛЬМИ

Когда старые институты внезапно с треском рушатся; когда все погружено в неразбериху и хаос, а пути восстановления еще неясны; когда люди подозревают своих старых правителей и стесняются тех, кто выдвинул бы себя в качестве их новых руководителей, наступает период, прежде чем гений и хитрость смогут организовать свои силы, когда характер, и только характер может пасти людей, рассеянных, как овцы в горах. Так было во Франции в сентябре 1792 года. Старая конституция потерпела крах, уничтожив порядок и дисциплину королевской армии. Офицеры либо бежали, либо были смещены своими подчиненными, а те немногие, что остались, считались "подозрительными". Новые офицеры, выбранные своими товарищами, имели лишь небольшой авторитет. Личный состав армии менялся еженедельно в соответствии с прихотью какого-нибудь гражданского или военного корыстолюбца в то время, когда Франция находилась в состоянии войны с великими военными державами Европы. Поэтому неудивительно, что пруссаки и австрийцы смотрели на кампанию 1792 года как на военный променад. Они знали даже лучше, чем военный министр в Париже, насколько распушенными были регулярные войска Франции, насколько ненадежными и презренными были несколько тысяч стариков и юношей, которые радовались имени добровольцев, и они ни на минуту не верили, что французские генералы смогут заставить своих людей встать и сражаться. Но они ошиблись в расчетах. Они не усвоили, что на войне человек - это все; они не поняли, насколько глубоко дух дисциплины укоренился в старой королевской армии. К счастью для Франции, у нее были два человека с характером, на которых можно было опереться; и, следуя их примеру, 20 сентября регулярные войска Франции стойко противостояли знаменитой прусской армии. Этими двумя мужчинами были Дюмуре и Келлерман. Дюмуре обладал умом и характером, Келлерман - характером и флегматичной невозмутимостью.

Происходящий из старинной саксонской семьи, долгое время проживавшей в Эльзасе, Франсуа Кристоф Келлерманн родился в Страсбурге 28 мая 1735 года. Вступив во французскую армию в возрасте пятнадцати лет, он шаг за шагом прокладывал себе путь наверх исключительно упорным трудом и заслугами. Награжденный Крестом Святого Людовика за выдающиеся кавалерийские заслуги в Семилетней войне, он был отправлен в 1766 году с миссией в Польшу и Россию, на основании которой французское правительство одолжило ему помощь барским конфедератам в организации их иррегулярной кавалерии. Вернувшись во Францию, он постепенно продвигался по службе и в 1788 году стал генерал-майором, а в марте 1792 года был произведен в генерал-лейтенанты, главным образом благодаря своему горячему принятию революционных принципов. Келлерман не обладал талантами великого командира, но у него было то, что иногда бывает лучше, - уверенность своих людей. Он был печально известен своей ненавистью к старому режиму и имел высокую репутацию командира кавалерии: вдобавок к этому, его твердая вера в себя вселяла уверенность в других. Независимый по натуре, амбициозный, сварливый, ревнивый и тщеславный, Келлерман не находил свою армейскую жизнь слишком приятной. За исключением военного времени, заслуги мало вознаграждались; продвижение по службе не шло ни с востока, ни с запада, а было результатом придворного фаворитизма. Так получилось, что грубый эльзасец всегда

оказывался в подчинении у людей, которые на самом деле были ниже его, но презирали его бескультурье и провинциальный акцент; Келлерман не знал грамматики, говорил в нос и произносил по буквам, как говорил, даже писал "debuté" вместо "député". Именно благодаря дружбе Сервана, военного министра, 25 августа его вызвали из небольшой колонны, которой он командовал на Лаутере, чтобы он сменил Лакнера на посту командующего армией Центра. Когда он прибыл в свою новую штаб-квартиру в Меце, то обнаружил плачевное положение дел. Пруссак и австрийцы сметали все перед собой, и в Меце он обнаружил крепость без запасов и армию без дисциплины. К счастью, у него было преимущество в лице Бертье, штабного офицера высшего ранга, будущего начальника штаба Наполеона. Солдаты приветствовали Келлермана, "этого храброго генерала, чей патриотизм равен его талантам", и чью гражданственность восхваляли по всему Эльзасу. Организация была его первой работой, и его прежний опыт ведения нерегулярных боевых действий в Польше сослужил ему хорошую службу. Он немедленно отправил домой батальоны добровольцев 1792 года, которые прибывали без оружия и в лохмотьях. Он оставил по несколько отборных людей из каждого батальона для использования в качестве легких войск и пионеров. Отсеяв нежелательных и направив подкрепление в свои самые надежные полки, он за три недели сформировал силы численностью в двадцать тысяч человек, способные выйти на поле боя. Во время этого сражения ему было приказано присоединиться к Дюмуре, который сдерживал пруссаков в ущельях Аргонны. Вечером 19 сентября Келлерман соединился с Дюмуре близ Сен-Менеуля и рано утром следующего дня был атакован противником под командованием герцога Брауншвейгского. Утро было сырым и туманным, и пруссаки застали французов врасплох и отрезали их от дороги на Париж. Но вместо того, чтобы отбить атаку, они думали напугать их простой канонадой. К счастью, артиллерия была наименее деморализованной частью французской армии, и под умелым командованием д'Аббевиля она не только отвечала прусским орудиям, но и оказала большое влияние на пехоту, когда, наконец, Брауншвейг отдал приказ атаковать. Келлерман тем временем сел на коня перед своей пехотой и своим примером и хладнокровием сумел удержать их в строю, хотя на самом деле они были настолько неустойчивы, что, когда взорвался фургон с боеприпасами, три полка пехоты и вся колонна с боеприпасами в беспорядке бежали с поля боя. Но Келлерман подскакал вовремя, чтобы предотвратить распространение паники. Тем временем Дюмуре поспешил подвести подкрепления, чтобы обезопасить фланги Келлермана, а герцог Брауншвейгский, видя, что французы стоят твердо, и не будучи уверен в своих людях, отказался допустить продолжения атаки. Такой была канонада Вальми; пруссаки имели в бою тридцать четыре тысячи человек и потеряли сто восемьдесят четыре человека; французы имели в бою тридцать шесть тысяч человек из общего числа в пятьдесят две тысячи и потеряли триста, и большая часть этих потерь была вызвана плохой тактикой Келлермана, сосредоточившего свою пехоту вплотную к своим орудиям.

ФРАНСУА КРИСТОФ КЕЛЛЕРМАН, ГЕРЦОГ ВАЛЬМИ
С ГРАВЮРЫ ПО МОТИВАМ КАРТИНЫ АНСИО

Тем не менее, Вальми была одной из самых важных битв в мировой истории, поскольку она научила Европу тому, что Франция все еще существует как политическая единица, и это

позволило ей осуществить свое возрождение по-своему . Ни Келлерман, ни Дюмуре сначала не поняли, что они сделали. Дюмуре отвел свою армию на более выгодную позицию, чтобы дожидаться развития событий. Но Вальми восстановил моральный дух французов и сломил дух пруссаков, которых болезни и плохая погода еще больше подорвали, и вскоре Брауншвейг был рад вести переговоры и отступить к Рейну. Роль Келлермана в этом великом событии легко определить. Он совершенно неохотно присоединился к Дюмуре, он позволил застать себя врасплох утром, и его тактика была настолько плохой, что его люди понесли большие потери, чем было необходимо; но хотя именно Дюмуре исправил тактическую ошибку и прикрыл фланги Келлермана, а д'Аббевиль, чья артиллерия привела к провалу пехотной атаки, именно репутация и пример Келлермана удержали действительно деморализованную пехоту в строю и не позволили ей в ужасе бежать с поля боя. Это было зрелище старого эльзасца, спокойно сажающегося на свежую лошадь, когда его прежняя была убита, не заботясь о том, что одна из фалд его мундира была оторвана пулей, которая вдохнула новую жизнь и мужество в массы ожидающих людей и научила их кричать: "Да здравствует нация! Vive la France! Vive notre général!" Поэтому, хотя люди могли улыбаться, когда слышали, как старый хвостун говорит о "Моей победе", все же в глубине души они знали, что он многое сделал для спасения Франции.

Пока пруссаки отступали, Дюмуре поручил Келлерману преследование; по возвращении в Париж его хвастовство привело к неприятностям. Террористы, слыша, как он постоянно говорит о "Моих людях", "Моей армии", испугались, что он становится слишком могущественным, и он чуть не вззошел на эшафот. Восстановленный в благосклонности, он служил в Альпийской армии и Армии Италии в 1794 и 1795 годах, где добился некоторого успеха, хотя в его планы постоянно вмешивался Комитет общественной безопасности. В 1796 году Альпийская армия была передана в подчинение Армии Италии под командованием Бонапарта, и Директория хотела связать Келлермана с Бонапартом, но будущий завоеватель Италии не потерпел бы равных, особенно сварливого хвостуна. Поэтому он написал Карно: "Если ты присоединишься ко мне и Келлерману в командовании в Италии, ты все испортишь. Генерал Келлерман более опытен, чем я, и знает, как вести войну, лучше, чем я; но оба мы вместе сделаем это плохо. Я не стану добровольно служить с человеком, который считает себя первым генералом в Европе". Однако, когда Бонапарт пришел к власти, он не забыл старого эльзасца: в 1800 году он сделал его одним из своих сенаторов, а в 1804 году произвел в маршалы, хотя и не включил в действующий список. Но военные обстоятельства требовали, чтобы Франция использовала все свои таланты, и в каждой кампании император поручал старому воину командование резервной армией. Иногда на Рейне, иногда на Эльбе, иногда в Испании старый солдат учил новобранцев Великой армии содержать себя и свои мушкеты в чистоте; и, несмотря на возраст и немощи, проявлял те организаторские способности, которым научился в Польше и еще раньше, во время Семилетней войны. В 1808 году, создавая свое новое дворянство, император умело умиротворил республиканскую партию, назначив маршалом герцога Вальми и подарив ему великолепные владения в Йоханнисберге, в Германии. Но когда в 1814 году пришел конец, герцог Вальми, как и другие маршалы, спокойно принял Реставрацию, и ветеран-республиканец, которому сейчас исполнилось восемьдесят лет, был произведен в пэры Франции и принял командование третьей военной дивизией. В течение Ста дней он не командовал, а после Реставрации удалился в частную жизнь и умер в Париже 23 сентября 1820 года. Его тело было похоронено в Париже, но его сердце, согласно его указаниям, было доставлено в Вальми и похоронено рядом с останками тех, кто там пал, а над этим местом был установлен простой памятник со следующими строками, написанными самим маршалом:

"Здесь покоятся солдаты, которые славно погибли и спасли Францию 20 сентября 1792 года. Маршал Келлерман, герцог Вальми, солдат, имевший честь командовать ими в тот памятный день двадцать восемь лет спустя, обращаясь со своей последней просьбой, пожелал, чтобы его сердце было отдано им".

XXII

ФРАНСУА ЖОЗЕФ ЛЕФЕВР, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ ДАНЦИГСКИЙ

Франсуа Жозеф Лефевр, маршал и пэр Франции, наиболее известен обычному читателю как муж герцогини Данцигской, которая была так несправедливо карикатурно изображена в знаменитой пьесе месье Сарду в роли мадам Без Жены. Соответственно, послужной список этого упорного солдата Империи был жестоко посмеян. Син старого рядового гусарского полка Бершени, ставшего впоследствии вахтмейстером маленького эльзасского городка Руффак, Франсуа Жозеф родился 26 октября 1755 года. После смерти отца в возрасте восьми лет он был доверен заботам своего дяди, аббата Жана Кристофа Лефевра. Аббат предназначал своего племянника для Церкви, но природа послала его в лагерь, и после жестокой схватки с добрым аббатом Жан Франсуа отправился с легким сердцем, легким кошельком, несколькими фразами на латыни, грубым эльзасским акцентом и прекрасным телосложением искать счастья в знаменитом Французском гарде в Париже. 1789 год застал его за шестнадцатилетней службой, одним из лучших старших сержантов полка, женатым с 1783 года на Екатерине Хюбшер, тоже из Эльзаса, по профессии прачка, по натуре филантроп. Стирка, служба в армии и филантропия были в целом небогатыми занятиями, и Лефеврам приходилось пополнять свой доход, и мадам отправилась стряпать, в то время как сержант обучал эльзасскому языку, который он называл немецким, а в свободные минуты обучал свою жену чтению и письму. Но Революция внезапно изменила их мировоззрение. 1 сентября 1789 года Лефевр получил звание лейтенанта во вновь зачисленной Национальной гвардии в качестве компенсации за преданность, проявленную офицерами во время мятежа гвардейцев. В течение следующих двух лет он еще раз продемонстрировал свою преданность законным властям и был дважды ранен, защищая королевскую семью. Но, несмотря на личную привязанность к бурбонам, прусское вторжение превратило его в республиканца, и Республика, идеализируемая добросердечными воинами армий Самбры, Мааса и Рейна, стала кумиром его сердца. С момента осады Тионвиля в 1792 году и до своего признания инвалидом в 1799 году Лефевр находился на постоянной действительной службе. Его необычайная храбрость, знание своей профессии и абсолютная преданность своему долгу принесли ему быстрое продвижение по службе, поскольку в июне 1792 года он стал капитаном, в сентябре 1793 года - подполковником, два месяца спустя - бригадиром, а 18 января 1794 года - дивизионным генералом. Суровое сражение при Флерюсе в июне 1794 года доказало, что дивизионный генерал был достоин своего звания, поскольку именно его контратака вечером решила судьбу дня. Первые годы республиканских войн были временами, когда личная храбрость, дерзость и преданность творили чудеса с натянутыми, полными энтузиазма республиканскими войсками, и Лефевр обладал этими необходимыми качествами, в то время как его эльзасский акцент и добросердечие завоевали преданность его людей. Он был высоко оценен своим главнокомандующим Журданом, который в своем

официальном отчете заявил, "что генерал добавил к величайшей храбрости все необходимые знания хорошего командира авангарда, поддерживая в своих войсках строжайшую дисциплину, неустанно работая над обеспечением их всем необходимым и всегда проявляя принципы хорошего республиканца". Непоколебимая преданность долгу — "Я солдат, я должен подчиняться" — была руководящим принципом его карьеры, и, соответственно, каждый командир, под началом которого он служил, заслуживал только похвалы за тщательность, с которой он выполнял свою работу, от выполнения мелких инструкций до прикрытия разбитых сил. Но, несмотря на это, бывший сержант знал себе цену и не боялся требовать по заслугам. Когда Гош в своем общем приказе после битвы при Невейде заявил, что "армия захватила семь знамен", Лефевр наивно написал ему: "Всего их, должно быть, четырнадцать, потому что я сам захватил семь". Но Гош обладал чувством юмора и такта и вполне исправился, ответив: "Там было всего семь стендов с цветами, поскольку здесь только один Лефевр".

К 1799 году семилетние непрерывные боевые действия начали сказываться на телосложении даже такого сильного, как у Лефевра, и генерал попросил более легкую работу в качестве командира гвардии Директории, а позже - отпуск по болезни; но начало кампании против эрцгерцога Карла в долине Дуная вновь пробудило его неутолимый аппетит к активной службе. Хотя он страдал от цинги и общего переутомления, он принял участие в тяжелых боях при Фельдкирхе и Острахе, но тяжелое ранение, полученное в последнем бою, в конце концов вынудило его покинуть поле боя и лечь в госпиталь.

По возвращении во Францию Директория поручила ему командование 17-м военным округом со штаб-квартирой в Париже. Задача была трудной, поскольку многочисленные государственные перевороты пошатнули как общественную мораль, так и военную дисциплину. Среди прочих неприятностей комендант Парижа однажды оказался вынужден поместить генерала в Аббай, гражданскую тюрьму, за категорический отказ подчиняться приказам. Но, какой бы трудной ни была его задача, ситуация значительно осложнилась из-за внезапного возвращения Бонапарта из Египта. Бонапарт прибыл в Париж с твердой решимостью взять бразды правления в свои руки. Такому убежденному республиканцу, как Лефевр, было ясно, что с республикой при Директории не все в порядке, и казалось, что Бонапарт, блиставший блеском Италии и Египта, был единственным человеком, способным примирить все партии и положить конец состоянию хронической революции. Как только он встретил знаменитого корсиканца, простой солдат стал легкой жертвой его личности; в то время как Бонапарт быстро понял, каким большим политическим преимуществом было бы, если бы Лефевр, республиканец из республиканцев, воплощение республиканских добродетелей, мог быть спутником в его свите. Утром 18 Брюмера командир Парижской дивизии прибыл первым из всех генералов, которых заговорщик вызвал к себе домой; он был озадачен, обнаружив, что войска движутся без его приказа, и вошел в сильном гневе. Бонапарт сразу же объяснил ситуацию. Страна была в опасности, враги стучались в дверь, а тем временем Республика стала добычей своры юристов, которые эксплуатировали ее в своих интересах, не думая о патриотизме. "Итак, Лефевр, - сказал он, - вы, один из столпов Республики, неужели вы позволите ей погибнуть в руках этих законников? Присоединяйтесь ко мне в помощи по спасению нашей любимой Республики. Смотрите, вот меч, который я держал в руке в битве при Пирамидах. Я дарю его вам в знак моего уважения и моего доверия ". Лефевр не смог устоять перед этим призывом; его теплая и великодушная натура откликнулась на искусное прикосновение; схватив драгоценный меч со слезами на глазах, он поклялся, что готов "сбросить юристов в реку". Со вздохом облегчения Бонапарт взял Лефевра под руку и повел его в свой кабинет, и в течение следующих четырнадцати лет он

оставался, как он думал, доверенным лицом, правой рукой великодушного патриота, но на самом деле был инструментом, одураченным и подстерегал коварного авантюриста.

Генерал сопровождал Наполеона в Тюильри и выслушал тщательно подобранные слова: "Граждане представители, Республика гибнет; вы это хорошо знаете, и ваш указ может спасти ее. Тысяча несчастий на всех, кто желает неприятностей и беспорядка. Я свергну их с помощью всех друзей свободы.... Я буду поддерживать свободу при поддержке генерала Лефевра и генерала Бертье, а также моих товарищей по оружию, которые разделяют мои чувства.... Мы желаем Республики, основанной на свободе, равенстве, надежных принципах национального представительства. Мы клянемся в этом: я клянусь в этом; Я клянусь своим собственным именем и именем моих товарищей по оружию". Позже в тот же день, во время драки в Оранжерее, именно Лефевр спас Люсьена Бонапарта и очистил зал с помощью нескольких grenadiers.

Начиная с 18 Брюмера, Наполеон, как первый консул, а затем и император, держал в руках Лефевра козырную карту, с помощью которой он мог разгромить любую попытку враждебной комбинации республиканцев. Поэтому во время провозглашения Империи он включил его в свой список маршалов, чтобы как бы доказать, что Империя была всего лишь еще одной формой Республики. Еще позже, по той же причине, когда он укрепил свою иерархию, он сделал его одним из своих новых герцогов.

Непосредственной наградой за поддержку Лефевра во время государственного переворота стала миссия на запад для прекращения гражданской войны в Вандее. Генералу повезло застать врасплох значительные силы повстанцев в Алансоне, и вскоре он выполнил свою работу и получил дополнительную награду в виде места сенатора, которое приносило доход в размере 35 000 франков в год. Когда был опубликован список маршалов, он был заключен в квадратные скобки вместе с Келлерманом, Периньоном и Серюрье как "Маршалы, сфера полномочий которых будет находиться в Сенате". Таким образом, на коронации императора в Соборе Парижской Богоматери он держал меч Карла Великого, в то время как Келлерман нес корону. Сильный в своем доверии к нему, Наполеон в 1803 году назначил его претором Сената. Но судьба не предопределила ему долго наслаждаться почестями в мире. Благодаря его великолепному телосложению несколько лет отдыха полностью восстановили его здоровье. Рана, которая в 1799 году грозила вывести его из строя навсегда, полностью зажила, и в 1806 году он снова оказался на действительной службе. Император хорошо знал, что маршал был скорее старшиной, чем стратегом, и соответственно поставил его во главе гвардии, где его дисциплинирующие способности могли быть использованы в полной мере, не требуя от него решения каких-либо сложных проблем. В Йене у гвардии было много тяжелых боев, которые так любил их командир. Несколько дней спустя маршал доказал, что гвардия может маршировать так же хорошо, как и сражаться, когда в девять часов вечера 24 октября полки вошли в Потсдам, преодолев с утра сорок две мили.

В начале 1807 года император доверил маршалу осаду Данцига, мощной крепости недалеко от устья Вислы, с хорошим четырнадцатитысячным прусским гарнизоном под командованием маршала Калькройта. Лефевр, сознавая отсутствие у себя инженерных навыков, боялся браться за эту задачу, но император пообещал прислать ему все необходимое и сам проводить его в лагерь Финкенштейна и в конце концов попрощался с ним со словами: "Мужайтесь, вам тоже должно быть о чем поговорить в Сенате, когда мы вернемся во Францию". Осада длилась пятьдесят один день, в течение которого маршал почти ни минуты не отдыхал: постоянно

находился в окопах, возглавляя все возможные атаки, крича солдатам: "Вперед, дети, сегодня наша очередь" или "Вперед, товарищи, у меня тоже будет очередь сражаться". Такое обращение творило чудеса с пылкими французами, но неповоротливые баденцы, составлявшие значительную часть его войск, не привыкли к такой суеде, и походные манеры маршала раздражали принца Баденского, который считал, что штаб маршала в основном состоял из малокультурных людей и что его сын занимал первое место среди тех, у кого не было манер". Императору пришлось написать своему вспыльчивому лейтенанту: "Вы обращаетесь с нашими союзниками без всякого такта; они не привыкли стрелять, но это придет. Считаете ли вы, что наши люди сейчас так же хороши, как в 1792 году, что мы можем быть такими же усердными сегодня, после пятнадцатилетней войны? Сделайте все возможные комплименты принцу Баденскому ... вы не можете разрушать стены грудью ваших гренадеров ... позвольте вашим инженерам выполнять свою работу и наберитесь терпения.... Ваша слава - взять Данциг; когда вы сделаете это, вы будете довольны мной ". Маршалу было трудно проявлять терпение, потому что он знал только один способ добиться чего-либо, и это было идти напролом изо всех сил. Как сказал один из рядовых: "Маршал - храбрый человек, только он принимает нас за лошадей". Когда Ланна и Мортье послали ему на подмогу, проявлять терпение было еще труднее. Но пришел конец, и на пятьдесят первый день осады маршал Калькройт сдался, а два других маршала проявили великодушие, позволив Лефевру в одиночку наслаждаться всеми почестями завоевания.

В следующем году император решил укрепить свой трон путем создания новой знати. Было важно увидеть, как республиканская Франция воспримет этот план, и, соответственно, Наполеон решил включить Лефевра в число своих новых герцогов. Однажды император послал ординарца с приказом сказать маршалу: "Господин герцог, император желает, чтобы вы позавтракали с ним, и просит вас прийти через четверть часа". Маршал не расслышал названия и просто сказал, что будет присутствовать. Когда он вошел в зал для завтраков, император подошел к нему, пожал руку и сказал: "Доброе утро, господин герцог; сядьте рядом со мной". Маршал, услышав титул, подумал, что он шутит. Император, чтобы еще больше озадачить его, спросил: "Вы любите шоколад, господин герцог?" "Да, сир", - ответил маршал, все еще озадаченный. После этого император подошел к ящику стола и достал упаковку с надписью "шоколад"; но когда маршал открыл коробку, он обнаружил, что в ней было сто тысяч экю банкнотами. В то время как в армии нового герцога тепло поздравляли с присвоением ему почестей, в Париже нарядные дамы и Талейран делали все возможное, чтобы досадить герцогине. Они распространяли множество жестоких историй о ее невоспитанности и повадках амазонки; о том, как, когда лошади понесли ее карету, она схватила кучера за шиворот, силой стащила его с сиденья и сама остановила беглецов. Но герцогиня, совершенно невозмутимая, продолжала идти своим путем, навещая больных, жертвуя большие суммы на благотворительность, протягивая руку помощи любому другу, попавшему в беду, и, как обычно, предваряя свои замечания словами "Когда я стирала".

Когда осенью 1808 года Наполеон понял, насколько серьезным было восстание в Испании, он отправил на полуостров свою гвардию под командованием герцога Данцигского. Но война принесла мало почестей кому-либо, и маршал еще раз доказал, что он не может ни действовать самостоятельно, ни оказывать помощь в сочетании с терпением. Он чуть не испортил весь план кампании Наполеона преждевременным выступлением против Блейка перед битвой при Эспинозе. Гвардия была поспешно отозвана из Испании в начале австрийской кампании 1809 года. Маршал, командовавший баварскими союзниками, служил йоменом под началом

Наполеона во время великих пятидневных боев. Он также присутствовал при Ваграме и сразу после этого сражения был отправлен подавлять восстание в Тироле. Во время русской кампании он снова командовал гвардией, принимая участие во всех тяжелых боях наступления, а также в ужасах отступления. Хотя в свои пятьдесят восемь лет суровый старый солдат прошел пешком каждую милю пути от Москвы до Вислы и разделял лишения своих людей, присматривая за своим любимым императором, его маленьким "тонду де капораль", под присмотром женщины, сам охраняя его по ночам и окружая отборными солдатами гвардии. Вдобавок к испытаниям той ужасной кампании герцог потерял под Вильно своего старшего сына, самого многообещающего молодого солдата, который уже дослужился до звания генерала. Этот удар и напряжение при отступлении были для него непосильны, и он не смог помочь императору в кампании 1813 года. Но когда союзники вторглись на священную землю Франции, старый воин снова надел доспехи и сражался при Монмирайле, Арси-сюр-Об и Шампобере, где под ним погибла его лошадь. В Монтеро он сражался с такой яростью, что "у него изо рта пошла пена".

В то время как маршал проливал свою кровь на поле боя, герцогиня в Париже боролась с интригами дам-роялисток. Когда был сделан намек на то, что герцога можно переманить на свою сторону у императора, герцогиня отправила друга в армию, приказав ему "вернуться в армию и сказать моему мужу, что если бы он был способен на такую низость, я бы схватила его за волосы и приволокла к ногам императора. А пока сообщи ему о происходящих здесь интригах". 4 апреля наступил конец. Маршалы отказались больше воевать, и после отречения Наполеона Лефевр вместе с остальными отправился в Париж, чтобы договориться с Александром. Император ушел, но Франция осталась, и именно благодаря Келлерману и Лефевру Эльзас не был отнят у нее, поскольку они произвели на Александра такое сильное впечатление своими аргументами, что он решил выступить против пруссаков, которые хотели лишить Францию ее восточных провинций.

Маршал присягнул на верность бурбонам и должным образом получил крест Людовика Святого и свое назначение паром Франции. С наступлением мирного года пришло время поразмыслить, и он начал понимать, что "сын моего отца", как он называл Наполеона, просто использовал его как политическую пешку в своих попытках привязать республиканцев к колесу императорской колесницы. Соответственно, когда император вернулся с Эльбы, его не было среди тех, кто бросился ему навстречу. Тем не менее, хотя у него не было личной беседы с императором в течение Ста Дней, он настолько скомпрометировал себя, что согласился на место в Сенате. За это поведение он был в тени в первые годы второй Реставрации, но в 1819 году был помилован и восстановлен в своем звании и должности.

С 1814 года и до дня своей смерти герцог Данцигский проводил большую часть своего времени в своем поместье в Комбо, в департаменте Сена и Марна, оказывая гостеприимство, которым он и его жена любили осыпать всех, кто столкнулся с несчастьем, и многие бедные солдаты и офицеры на половинном жалованье были обязаны своей жизнью и своим процветанием щедрой благотворительности герцога и герцогини Данцигских. Его смерть 14 сентября 1820 года, через два дня после смерти его старого друга Келлермана, наступила из-за водянки, возникшей в результате ревматической подагры, вызванной напряжением русской кампании.

Величие герцога Данцигского заключалось не столько в его воинских способностях, сколько в его личном характере. Его военная слава во многом основывалась на его способности без

колебаний и ревности выполнять приказы других. Благодаря своему характеру он был способен поддерживать строжайшую дисциплину и выжимать из своих войск все до последней капли, не поднимая шума. Еголюди любили его, потому что знали, что он разделял все их невзгоды и что его пальцы не были запачканы никакими привилегиями или тайной добычей. Это не было пустым хвастовством, когда он написал в Директорию, прося "хлеба для себя и наград для своих офицеров". Несмотря на то, что его возвели в герцогское звание, он никогда не терял чувства меры и с удовольствием делился своими воспоминаниями о том, "когда я был сержантом", со своими друзьями и офицерами своего штаба. Тем не менее, он безмерно гордился своим успехом, которого добился годами упорного труда, и знал, как поставить на место тех, чья слава основывалась исключительно на деяниях их предков, сказав молодому хвастуну: "Не гордись так своими предками; я сам предок". Хотя он всегда выглядел "мальчишкой из старого Эльзаса", даже в своих роскошных герцогских одеждах; хотя его манеры были грубыми, и он без колебаний отказался подвезти даму на смотр со словами: "Катайтесь ко всем чертям; мы приехали сюда не для того, чтобы катать вашу жену", — он был истинным примером лучшего типа солдата-республиканца, пылкого, полного театрального рвения, абсолютно бескорыстного и движимого исключительно любовью к Франции.

XXIII

НИКОЛЯ ШАРЛЬ УДИНО, МАРШАЛ, ГЕРЦОГ РЕДЖО

Николя Шарль Удино, сын пивовара из Бар-ле-Дюка, родился 23 апреля 1767 года. С самых ранних дней он проявлял тот дух бравады, который позже выделил его среди многих храбрецов, дослужившихся до звания маршала. Несмотря на добросердечие и привязчивость, его вспыльчивый характер приводил его к частому непослушанию, а его беспокойный характер доставлял много печальных часов его родителям. И все же, несмотря на их мольбы, они с болью в сердце смотрели, как он весело марширует в 1784 году, чтобы поступить на службу в Медокский полк. Но два года спустя он вернулся домой, устав от гарнизонной службы, и, к великой радости своих родителей, занялся ремеслом. Когда в 1789 году добрые люди Бар-ле-Дюка начали формировать роту Национальной гвардии, молодой Удино был выбран капитаном и в течение следующих двух лет всей душой посвятил себя политике, пренебрегая пивоварней. Но как бы он ни одобрял дух Революции, он не был сторонником правления толпы и использовал свою роту гражданских солдат для подавления всех беспорядков в городе. Еще позже, в 1794 году, вернувшись домой инвалидом с фронта, он применил короткий и резкий прием к восторженному стороннику Террора: в гневе он схватил большое блюдо с фасолью и, чтобы окончательно пресечь восхваления Эбера, швырнул его в лицо якобинцу. В сентябре 1791 года призыв к оружию вызвал пожирающего огонь капитана Национальной гвардии на более суровые сцены. Он сразу же записался в добровольцы и в звании подполковника третьего батальона на Маасе отправился на действительную службу, которая должна была длиться почти непрерывно в течение двадцати двух лет и из которой ему предстояло выйти с гордым званием маршала, титулом герцога и почетными шрамами от не менее чем тридцати четырех ранений.

НИКОЛЯ ШАРЛЬ УДИНО, ГЕРЦОГ РЕДЖО
С ГРАВЮРЫ ПО КАРТИНЕ РОБЕРА ЛЕ ФЕВРА

Его кампания началась благоприятно с сражения при Биче, когда со своим добровольческим батальоном он захватил в плен семьсот пруссаков и знамя. Тяжелые бои в долине Рейна в 1793 году значительно укрепили его репутацию; но именно при Морлантье в июне 1794 года его

доблестный поступок заставил его имя греметь во французских армиях. Дивизия генерала Амберта была атакована с обоих флангов. Удино со вторым линейным полком сформировал авангард, но, не замечая тяжелого положения основных сил, продолжал наступать. Враг окружил его шестью кавалерийскими полками. Построившись в каре, он отражал каждую атаку и в конце концов пробился обратно в лагерь с небольшими потерями и отбил восемь французских штандартов, захваченных врагом, когда они застали врасплох дивизию Амберта. Десять дней спустя он получил звание бригадного генерала. Но, несмотря на его славный подвиг, офицеры Пикардийского полка, старшего полка старой королевской армии, испытывали отвращение к тому, что ими командовал молодой бригадир, которому было всего двадцать семь лет, и были уволены из рядов. Собрав недовольных офицеров вместе, генерал обратился к ним следующим образом: "Джентльмены, это потому, что я не ношу исторического имени, что вы хотите заменить меня вашими старыми титулованными начальниками, или это потому, что вы считаете, что я слишком молод, чтобы командовать? Подождите до следующего боя, а потом судите сами. Если вы считаете, что я не выношу огня, я обещаю передать командование более достойному". После следующего сражения больше не было ропота на генерала, и офицеры и рядовые были готовы следовать за ним на смерть. Хотя Удино таким образом завоевал любовь и уважение своего командования, он отвечал им такой же любовью. Но его способ показать это был характерен для этого человека. Как он говорил позже: "Ах, как я любил их; я прекрасно знаю, что любил их! Я привел их всех к смерти". Ибо в его глазах славная смерть на поле боя была тем, чего истинный солдат желал превыше всего. В августе 1794 года из-за падения с лошади, в результате которого он сломал ногу, он на несколько месяцев попал в госпиталь, и вернуться на фронт смог только в сентябре 1795 года. Он прибыл вовремя, чтобы принять участие во взятии Мангейма, но месяц спустя под Неккерау он был сбит с ног атакой вражеской кавалерии, получил пять сабельных порезов и попал в плен. После трехмесячного плена в Ульме его обменяли. Кампании 1796 и 1797 годов на Дунае увеличили количество его ран. В 1799 году он служил под командованием Массены в Швейцарии и получил чин дивизионного генерала. Его новый командующий был настолько высокого мнения о его способностях, что назначил его начальником своего штаба и взял с собой, когда его перевели в Итальянскую армию. Это была новая роль для пылкого Удино, но он справился с ней хорошо, и Массена отдал ему должное, написав Директории: "Величайшей похвалой я обязан генералу Удино, моему начальнику штаба, чья пылкая натура, хотя и сдерживаемая для выполнения кропотливой работы в канцелярии, снова прорывается наружу, всегда готовая к бою; он помогал мне во всех моих передвижениях и в совершенстве сопровождал меня". Во время провальной кампании в Италии в 1800 году он заслужил дальнейшую благодарность своего начальника. Именно он прорвал блокаду Генуи и, прорвавшись сквозь английские крейсера, успешно доставил приказ Суше на Вар и вернулся в осажденный город, чтобы разделить лишения армии. К настоящему времени его имя было хорошо известно как друзьям, так и врагам, а его рыцарской натурой восхищались даже его враги. Но во время осады произошел эпизод, из-за которого австрийцы на некоторое время предали его имя проклятию. Французы захватили три тысячи пленных во время вылазок вокруг Генуи. По приказу Массены Удино написал генералу Отту, объясняя, что из-за голода невозможно обеспечить их продовольствием, и прося его принять меры для их обеспечения. Отт ответил, что осада закончится раньше, чем они успеют умереть с голоду. Поскольку их собственные солдаты умирали от голода на своих постах, французы могли выделить лишь немного еды для несчастных пленников, и когда город капитулировал, в живых почти никого не осталось. Но бремя этого бедствия ложится на генерала Отта и Массену, а не на Удино, который мог только выполнять полученные им приказы.

После капитуляции Удино отправился домой на больничный, но вернулся в Италию вовремя, чтобы принять участие в последнем этапе войны под командованием генерала Брюна. 26 декабря при Монзембано ему представился случай продемонстрировать свою лихую отвагу. Внезапно вступившая в бой австрийская батарея привела французов в замешательство. Удино бросился вперед, собрал несколько кавалеристов, галопом проскакал по мосту прямо на австрийские орудия и собственноручно захватил одно из них. Через несколько дней его отправили домой в Париж с копией соглашения о перемирии, подписанного 16 января 1801 года. Прибыв в Париж, генерал был с большой теплотой принят Первым консулом, который вручил ему почетную шпагу и пушку, захваченную им при Монзембано.

В годы мира, последовавшие за Люневильским мирным договором, генерал Удино полностью попал под влияние Наполеона. Его откровенная, рыцарская натура была очарована смелой личностью корсиканца, такого великого на войне, такого привлекательного в мирное время. Первый консул вознаградил его за привязанность, предоставив ему должность генерального инспектора пехоты и кавалерии. Будучи не занятым ни этими обязанностями, ни посещением парижского двора, генерал проводил часы досуга в своем доме в Бар-ле-Дюке. Там он был кумиром народа; его бюст украшал ратушу, и его сограждане никогда не уставали воспевать ему хвалу и повторять истории о его чудесных приключениях и дерзких выходах. Но никто из тех, кто впервые увидел его, не мог поверить, что это Удино, герой всех этих чудесных историй. В этом аристократического вида мужчине, худощавом, среднего роста, не было ничего от удалого головореза, чье бледное интеллигентное лицо, оттененное парой каштановых усов, выражало довольно мягкое, любезное выражение, на котором время от времени мелькала мимолетная улыбка. Только эти пронзительные, сверкающие глаза выдавали его настоящий характер. Тем не менее, было легко понять, как своими героическими подвигами он очаровал как друзей, так и врагов и снискал себе титул молодого Баярда. От первой жены у генерала было двое сыновей и две дочери. Дочери рано вышли замуж, генералы Пажоль и Лоренц, но именно сыновья были его гордостью. Он послал за своим старшим сыном в возрасте восьми лет, чтобы тот сопровождал его в Цюрихской кампании, и в этом возрасте юноша должен был выполнять все обязанности младшего офицера. В течение мирного года оба мальчика постоянно находились со своим отцом, который проводил свое время, наблюдая за их военной учебой и строя для себя дом в Бар-ле-Дюке. Из этой патриархальной жизни он был отозван в 1804 году, чтобы принять командование отборным дивизионом отборных гренадер, который был организован Жюно в Аррасе. Дивизия, столь хорошо известная в истории как "Гренадеры Удино", или "Адская колонна", состояла из отборных людей из каждого полка и после гвардии была лучшим подразделением императорской армии. В кампании 1805 года дивизия входила в состав корпуса Ланна и отличилась при Ульме, а затем при Аустерлице, где присутствовал Удино, хотя и не командовал им. Он был ранен при Холлабрунне и отправлен в госпиталь, а его дивизия была вверена Дюроку, великому маршалу дворца. Но когда пожирающий огонь солдат услышал о приближающемся сражении, он не смог сдержаться и накануне битвы прибыл в лагерь. Дюрок галантно предложил отказаться от командования, но Удино, который был доволен, пока видел боевые действия, и слышать об этом не хотел. "Мой дорогой маршал, - сказал он, - оставайтесь во главе моих храбрых гренадер; мы будем сражаться бок о бок". После Прессбургского мирного договора он был отправлен в Швейцарию, чтобы вступить во владение Невшателем, который был передан Франции Пруссией, чтобы сформировать феод маршала Бертье. Невшательцы были в ярости от того, что с ними обращались как с простыми пешками в игре, и ожидалась неприятности. К счастью, Удино обладал большим здравым смыслом. Он

видел, что своевременная уступка могла бы привязать гордых швейцарцев к их новому господину. Жители Невшателя почти полностью зависели от своей торговли с Англией, и он вырвал у Наполеона обещание, что в эту торговлю не будут вмешиваться. Швейцарцы были так благодарны, что приняли закон, делающий Удино гражданином Невшателя. Генерал вернулся после своего дипломатического триумфа как раз вовремя, чтобы командовать своими гренадерами в прусской кампании 1806 года, и снискал новые лавры при Йене, Остраленке, Данциге и Фридланде. В Данциге он собственноручно убил русского сержанта, который поймал французского кавалерийского полковника в засаду. Во Фридланде он был вместе с Ланном, когда маршал напал врасплох на русский тыл и удерживал их прижатыми к городу до тех пор, пока Наполеон не смог подтянуть свои войска и сокрушить их. С шести часов вечера до двенадцати часов следующего дня гренадеры сражались с упорным упорством. Наконец император прибыл на поле боя. Удино, с мундиром, обвисшим лентами от мушкетных выстрелов, с окровавленной лошадей, подбежал к императору: "Поторопитесь, сир!" - крикнул он. "Мои гренадеры почти выбились из сил; но дайте мне подкрепление, и я сброшу всех русских в реку". Наполеон ответил: "Генерал, вы превзошли самого себя: вы, кажется, везде; но вам больше не нужно беспокоиться. В мои обязанности входит довести это дело до конца".

После Фридланда наступил Тильзитский мир, но даже у мира есть свои опасности. Сульт, Мортье и мрачный Даву временами увлекались экстравагантным поведением Удино и развлекались после ужина тем, что гасили свечи на столе пистолетными выстрелами. Днем генерал проводил время за своим любимым занятием - верховой ездой. Его лошади всегда были чистокровными, и ничто не останавливало его, как только он решал избрать какой-то определенный путь. И вот однажды, когда он пытался перепрыгнуть ров форта, вместо того чтобы объехать его через ворота, его лошадь упала вместе с ним, он сломал ногу, и его пришлось отправить домой. Его офицеры и товарищи устроили для него прощальный ужин. На десерт подали паштет, из которого, когда генерал Рапп открыл его, выпорхнула стая птиц с воротничками из трехцветных лент с надписью "Во славу генерала Удино".

По возвращении домой император, помимо того, что подарил ему трубку Фридриха Великого, пожаловал ему графский титул и пожертвование в размере миллиона франков. На часть этой суммы Удино купил прекрасное поместье Жанд Хер. В 1808 году он был избран губернатором Эрфурта во время встречи царя и Наполеона и имел честь быть представленным Александру императором, который сказал: "Сир, я представляю вам Баярда французской армии; как и "бывший шевалье", он без страха и упрека". 1809 год принес более суровые перемены, и Удино присутствовал во главе своих гренадер во время Пятидневных боев и при Асперн-Эсслинге. После смерти Ланна он был назначен командующим вторым корпусом и в этом качестве сыграл свою роль при Ваграме. В начале сражения потребовалась вся его выдержка, чтобы стоять спокойно, пока Даву поворачивал австрийцев влево, но когда он увидел французов на Нойзиделе, он больше не мог сдерживать свое нетерпение и, не дожидаясь приказов, бросил свой корпус против центра противника, получив в атаке два легких ранения. На следующий день император послал за ним. "Знаете ли вы, что вы сделали вчера?" "Сир, надеюсь, я не слишком плохо исполнил свой долг". - Именно это ты и сделал — тебя следовало бы пристрелить. Но император не обратил внимания на его порывистость и неделю спустя вознаграждал его за службу, подарив ему свой батон, а месяц спустя провозгласил его герцогом Реджо.

Герцогу повезло, что его не выбрали для службы в Испании. Его следующая служба была в 1812 году, когда он командовал корпусом на линиях коммуникаций в России. Это было его первое самостоятельное командование, и оно доказало, что, хотя он был хорошим подчиненным, лихим солдатом и способным дипломатом, он не обладал качествами великого полководца. Под Полоцкомдень прошел против французов, но когда ранение вынудило маршала передать командование Сен-Сиру, этот способный офицер легко остановил наступление русских и превратил поражение в победу. Маршал, однако, восполнил рвением то, чего ему не хватало в способностях; несколько недель спустя, услышав, что Сен-Сир ранен, он поспешил обратно на фронт. Именно благодаря своей доблестной атаке на русских император смог преодолеть Березину. Но, отбиваясь от врага, пытавшегося помешать переправе, он снова был ранен. Благодаря преданности своих сотрудников он был благополучно доставлен обратно во Францию и избежал последних ужасов отступления. В 1813 году герцог сражался при Баутцене, а после Дрезденского перемирия был отправлен отбрасывать смешанные силы шведов и пруссаков, которые угрожали французам, оставленным под командованием Бернадотта. Действия при Гросберене еще раз доказали, что герцог Реджо не обладал талантом к самостоятельному командованию, и император заменил его маршалом Неем, которому он преданно служил. Выйдя невредимым из бойни под Лейпцигом, он сражался со своей обычной яростью на протяжении всей кампании 1814 года, не прибавив себе репутации солдата. После отречения Наполеона герцог поклялся в верности бурбонам, которые приняли его с теплотой, поскольку в первые годы революционных войн он проявил большую гуманность к захваченным эмигрантам. Louis XVIII. назначил его генерал-полковником королевского гренадерского корпуса и дал ему командование третьей военной дивизией со штаб-квартирой в Меце. Именно там маршал впервые услышал о возвращении императора с Эльбы. Он сразу же предпринял попытку перехватить его наступление на Париж, но его войска отказались действовать против своего бывшего лидера. После этого Удино отказался от своего командования и вернулся в Жандорс. По прибытии в Париж император приказал своему военному министру Даву вызвать герцога Реджо ко двору, полагая, что он, как и многие другие, забудет свою присягу бурбонам. Но герцог был из другого теста; он поклялся в верности Людовику XVIII. по приказу Наполеона, но он не мог нарушить свою клятву. По прибытии император приветствовал его вопросом: "Итак, герцог Реджо, что бурбоны сделали для вас больше, чем я, что вы попытались помешать моему возвращению?" Маршал ответил, что он принес присягу. Император велел ему нарушить ее и поступить к нему на службу, напомнив о прошлых милостях. Маршал был сильно взволнован, но тверд. "Я никому не буду служить, поскольку не могу служить вам, - сказал он, - но доверьтесь мне настолько, чтобы не шпионить за мной с помощью вашей полиции: избавьте меня от этого унижения. Я не мог этого вынести". На этом беседа закончилась, и маршал вернулся к Жану Херсу.

Во время второй Реставрации Удино стал большим любимцем бурбонов. Король произвел его в пэры Франции, наградил орденом Святого Людовика, произвел в чин одного из четырех генерал-майоров королевской гвардии и главнокомандующего Национальной гвардией. Когда наследник престола, герцог Беррийский, женился на неаполитанской принцессе, вторая жена маршала стала ее главной дамой, а Удино, муж и жена, служили королевской семье с величайшей преданностью. Маршал вновь оказался на службе, когда в 1823 году он командовал первым корпусом армии, вторгшейся в Испанию. Карл X лишился трона не по его вине, поскольку был достаточно патриотичен, чтобы сказать ему, насколько неудачным был роспуск Национальной гвардии и другие его опрометчивые действия.

После падения династии Бурбонов в 1830 году герцог Реджио больше никогда не появлялся на публике, хотя в 1839 году Луи Филипп назначил его великим канцлером ордена Почетного легиона, а в 1842 году губернатором дома инвалидов. Именно на этом почетном посту герцог испустил дух 13 сентября 1847 года, на своем восемьдесят первом году жизни.

Герцогу Реджо повезло в его карьере; он никогда не служил в Испании и редко командовал самостоятельно, для чего его вспыльчивый характер и порывистость не подходили. Именно благодаря своей галантности и бесстрашию он получил свой батон. На подчиненной должности он обычно мог достаточно контролировать себя, чтобы подчиняться приказам, на подчиненной должности он также мог хорошо выполнять штабную работу, и его быстрый порывистый мозг изобиловал идеями, которые были полезны его начальству. Но сам по себе он был потерян. Наполеон хорошо знал свои недостатки. В 1805 году император устраивал смотр; лошадь Удино была норовистой и отказалась пройти мимо, после чего он выхватил шпагу и вонзил ее в шею. В тот вечер за ужином император спросил: "Это тот способ, которым вы управляете своей лошадью?" "Сир, - ответил Удино, - когда я не могу добиться повиновения, это мой метод". Но его порывистость редко выливалась в жестокость, и у раненых во Фридланде и во многих других боях были причины благословлять его. Героя Фридланда, спасителя эмигрантов и администратора Невшателя любили не только во французской армии, но и среди врагов. В Эрфурте жил бедный саксонский садовник, которому доставляло удовольствие выращивать розу, которую он называл Удино; когда его спросили о причине, он ответил: "Генерал заставил меня полюбить войну, которая разорила меня". Герцог Реджо решительно отвернулся от грабежа и сделал бы выговор любому офицеру, который безрассудно проехал бы по пшеничному полю.

Старость не изменила его характера. Счастливый в семейных отношениях, обожаемый своей молодой женой, он был любим всеми, и 13 сентября 1847 года роялисты, орлеанисты, империалисты и республиканцы с большим горем узнали, что тот, кого солдаты называли "Маршалом тридцати четырех ран", скончался.

XXIV

DOMINIQUE CATHERINE DE PÉRIGNON, MARSHAL

Среди немногих людей умеренных взглядов, избранных в 1791 году представлять свою страну в Законодательном собрании, был Доминик Катрин де Периньон. Отпрыск хорошей семьи Гранат из Верхней Гаронны, не ультрароялист и не ультрареспубликанец, он был скорее человеком действия, чем болтуном. Одного года, проведенного среди эгоистов Парижа, было достаточно, чтобы доказать ему, что его роль не лежит на извилистых путях партийной государственной политики, и в 1792 году он с радостью услышал призыв к оружию и покинул форум ради лагеря. Сейчас ему тридцать восемь лет, он родился 31 мая 1754 года, и это был не первый его опыт военной службы; он несколько лет служил в старой королевской армии и служил в штабе. По этой причине он был сразу же избран подполковником Пиренейского добровольческого легиона. Его храбрость и прежняя военная подготовка вскоре привели к тому, что он поднялся

среди массы невежественных и необученных добровольцев, сформировавших Пиренейскую армию. К счастью для Франции, на ее западной границе ей противостояла армия, которая знала о войне так же мало, как и ее собственная, возглавляемая такими же невежественными офицерами, лишенными горячего энтузиазма и страшной силы гильотины; будь иначе, Перпиньян и крепости, прикрывающие Прованс, вскоре оказались бы в руках врага. В условиях, когда вся Европа угрожала восточной границе, а внутри страны шла гражданская война, правительство могло выделить лишь несколько войск, и то наименее подготовленных, для защиты запада. Соответственно, в первых боях кампании непродуманные планы и паника слишком часто приводили к поражению французов, и часто только личный пример отдельных людей спасал армию от полного уничтожения. С первого же боя Периньон выделился своим хладнокровием и отвагой. Атака французов на испанские позиции в Серре была остановлена яростным огнем противника, и, поскольку линия обороны дрогнула, своевременная атака испанской кавалерии привела ее в замешательство. Периньон, командовавший первой линией, подбежал и схватил мушкет и патроны раненого солдата, а затем, собрав нескольких неустрашимых рядовых, спокойно открыл огонь по испанской кавалерии и своим примером пристыдил беглецов, заставив их вернуться в атаку. За это 28 июля 1793 года он был назначен бригадным генералом. К сентябрю противник открыл свои окопы вокруг Перпиньяна, и Периньону было поручено совершить ночную вылазку. При приближении к линии испанцев мушкетный залп уничтожил пятьсот человек из его небольшого отряда, и его люди сразу же остановились и открыли огонь; но Периньон верил в штык. С язвительными упреками он снова заставил своих людей наступать и, пронесшись по вражеским окопам, обратил их в бегство и захватил их лагерь. Таким образом, он получил повышение в звании генерал-лейтенанта.

В ноябре 1794 года Дюгомье, французский главнокомандующий, был смертельно ранен в битве при Монтань-Нуар, и Периньон был немедленно назначен его преемником. Хотя он не был великим стратегом или тактиком, он был способным лидером людей и обладал способностью заставлять подчиняться своим приказам. Полностью полагаясь на штык, он форсировал укрепленные линии Эсколы, заставляя свои войска продвигаться вперед и врываться в окопы с оружием на плечах, без единого выстрела. Только крепости Фигерас и Росас остановили продвижение французов в Каталонию. Противник был настолько деморализован, что Фигерас со всеми своими огромными запасами, девятью тысячами солдат и двумя сотнями артиллерийских орудий капитулировал по простому приказу. Но Росас стоял твердо, прикрытый со стороны суши фортом Ле Бутон на вершине обрыва, а со стороны моря простреливаемый орудиями испанской эскадры, стоявшей на якоре на рейдах. Форт Ле Бутон назывался "неприступный". Но Периньон не испугался имен; несмотря на то, что гражданские комиссары армии сильно мешали ему и они считали его "подозреваемым", он решил захватить Ле Бутон и Росаса. Над Ле-Бутоном возвышалась отвесная скала высотой в две тысячи футов. Было ясно, что, если бы на этом обрыве удалось установить батареи, Ле-Бутон можно было бы взять. Но артиллеристы считали, что построить дорогу для подвоза орудий на такую высоту невозможно. "Очень хорошо, тогда я собираюсь сделать невозможное", - ответил упрямый маленький генерал, и после невероятных усилий была построена зигзагообразная дорога и орудия вручную доставлены на вершину; после жестокой бомбардировки Ле-Бутон был взят штурмом. Но Росас все же выстоял; погода была очень суровая, снег валил по пояс солдатам, и инженеры заявили, что невозможно построить осадные сооружения, если сначала не будет взят какой-нибудь отдаленный редут. "Очень хорошо, - сказал генерал, - готовьтесь. Завтра я возьму его во главе своих гренадер". Итак, в пять часов утра следующего дня, 1 февраля 1795 года, гренадеры

во главе со своим генералом выступили из лагеря и под убийственным огнем к восьми часам захватили внешний редут, так что после шестидесятидневной осады Росас был взят в плен. Именно личность их генерала научила французских солдат преодолевать все трудности. Сам абсолютно бесстрашный, полный мрачной решимости, он учил своих солдат приобретать эти добродетели на собственном примере, а не по наставлениям: постоянно подвергая себя опасности, проявляя абсолютную бессердечность, пока его люди не были пристыжены и не последовали его примеру. Однажды во время осады к его ногам упал снаряд с еще догорающей спичкой; в этот момент он руководил несколькими войсками, которые подверглись обстрелу. Солдаты крикнули ему, чтобы он убрался с пути взрыва и бросился плашмя, но он не обратил на бомбу никакого внимания и спокойно продолжал отдавать приказы, потому что знал, как его пример укрепит позиции его войск; тем временем кто-то подбежал и потушил спичку, прежде чем бомба успела взорваться.

Базельский мир помешал Периньяну добиться дальнейшего успеха в Испании, и Директоры из уважения к нему назначили его послом при Мадридском дворе, где его здравый смысл и умеренность во многом способствовали укреплению мира между двумя странами. В 1799 году он был отправлен командовать дивизией Итальянской армии и командовал левым крылом в битве при Нови. Пытаясь прикрыть разгром, он был переехан вражеской лошадью и взят в плен с восемью почетными сабельными ранами на руках и груди. Когда русский хирург собирался заняться его ранами, думая больше о других, чем о себе, он сказал ему: "Не беспокойся обо мне; сначала позаботься о тех храбрецах, которые находятся в худшем положении, чем я". Через несколько месяцев его обмен был осуществлен, и он вернулся во Францию, сильно пошатнувшийся здоровьем и непригодный для дальнейшей действительной службы, чтобы найти первого консула Бонапарта. Хотя Бонапарт и не был одним из его собственных последователей, он признал заслуги, которые тот оказал своей стране, и организовал его вступление в Сенат, а в 1802 году назначил его чрезвычайным комиссаром для организации переговоров с Испанией, что было деликатным комплиментом Периньяну, сделавшему себе имя на испанской земле. Далее, в память о его испанских победах, в 1804 году император присвоил ему звание почетного маршала, которого не было в действующем списке, а позже присвоил ему титул графа. Но хотя Наполеон не думал, что маршал физически готов снова командовать на поле боя, в 1801 году он доверил ему управление Пармой и Пьяченцей, а в 1808 году отправил его в Неаполь командовать французскими войсками, дислоцированными в королевстве его шурина Мюрат. Задача была трудной, поскольку с Мюратом было нелегко ладить, а Южная Италия со времен Ганнибала была трудным местом для сохранения воинских доблестей. Но маршал, обладавший здравым смыслом, доставил удовольствие и Наполеону, и королю Иоахиму и в то же время крепко держал в руках свои войска; однако, когда в 1814 году Мюрат дезертировал от императора, старый маршал в печали удалился во Францию, обнаружив, что Париж в руках врага. Как и другие маршалы, он принял Реставрацию и получил звание пэра Франции. Будучи сам благородного происхождения и бывшим офицером старой королевской армии Людовика XVIII, назначил его расследовать претензии и проверить заслуги офицеров старой армии, вернувшихся во Францию во время Реставрации. Когда в 1815 году Наполеон вернулся с Эльбы, маршал, находившийся в своем загородном доме близ Тулузы, приложил все усилия, чтобы организовать сопротивление против него на Юге. В течение Ста дней он спокойно жил в своем доме, а после второй реставрации был награжден командованием первой военной дивизией и произведен в маркизы и командоры ордена

Святого Людовика. Но ему недолго пришлось наслаждаться своими новыми почестями, ибо он умер в Париже 25 декабря 1818 года в возрасте шестидесяти четырех лет.

XXV

ЖАН МАТЬЕ ФИЛИБЕР СЕРЮРЬЕ, МАРШАЛ

После тридцати четырех лет службы все еще оставаться капитаном без малейших шансов на повышение: такова была участь Серюрье, когда в 1789 году разразилась Революция. Родившийся 8 декабря 1742 года, он получил свое первое назначение в ополчение в возрасте тринадцати лет, а оттуда был переведен на линию фронта. Его военная служба была немалой, включая три кампании в Ганновере, одну в Португалии и одну в Италии; он был ранен еще во время битвы при Вартбурге в 1760 году, но не было влияния двора, которое обеспечило бы ему совершеннолетие. Однако с Революцией судьба быстро изменилась. Годы неуклонного внимания к долгу, терпеливой преданности и любовной заботы о своих людях принесли свою награду, и когда продвижение по службе стало даром солдат, а не придворных, суровый старый сторонник дисциплины оказался во главе своего полка. В рукопашных схватках, которыми отличались первые кампании в Альпах, он вскоре приобрел репутацию храбреца и умного командира своих людей. К июню 1795 года он дослужился до дивизионного генерала, в этом качестве он отличился 7 июля тем, как руководил своей дивизией в битве за Коль де Тенда, и той скромностью, с которой он приписывал все свои успехи своим солдатам. Месяц спустя он спас всю армию при Коль-де-Пьер-Этро. Когда в полночь под прикрытием проливного дождя и тумана противник атаковал французскую линию пикетов и почти захватил позицию, именно Серюрье, собрав триста пятьдесят человек, бросился на вражескую колонну в полторы тысячи штыков и чисто рукопашным боем сдерживал их в течение шести часов и, наконец, отбил их, потеряв значительное количество пленных.

Когда ореол этого поступка все еще окружал его, в марте 1796 года он впервые вступил в непосредственную связь с Бонапартом. Новый главнокомандующий быстро оценил своего высокого, сурового подчиненного. Признавая в полной мере его храбрость, превосходную дисциплину, которую он умел поддерживать, и высокое уважение, которым он пользовался в своей дивизии, он видел, что железо многолетнего подчинения вошло в душу старого солдата, и что, хотя на него можно было положиться в беспрекословном выполнении приказов, ему никогда нельзя было доверить независимое командование. Тем не менее, чего Бонапарт больше всего требовал от своих подчиненных, так это немедленного повиновения и скорейшего выполнения приказов, и, следовательно, Серюрье сыграл немалую роль в славной кампании 1796 года. При Мондови он продемонстрировал свое упрямство, когда сардинский генерал обратился в бегство, и, как писал Бонапарт Директории, победой был полностью обязан Серюрье. Когда австрийцы были загнаны в Мантую, Бонапарт доверил ему руководство осадой. Австрийские силы в крепости насчитывали около четырнадцати тысяч человек; у Серюрье было всего десять тысяч для продолжения осады, хотя обычно считается, что силы осаждающих должны быть в три раза сильнее осажденных; но благодаря умелому использованию болот и мостов он смог сдержать врага и открыть его траншеи и осадные батареи. Он не был виноват в

том, что при наступлении на Вюрмзер ему пришлось бросить свои пушки и поспешить к Кастильоне, поскольку Бонапарт не предупредил его о внезапном продвижении австрийских подкрепляющих сил. После Кастильоне он вернулся к выполнению своей задачи в районе Мантуи и доблестно отразил все вылазки. Когда пришел конец, ему выпала честь руководить капитуляцией и получить условно-досрочное освобождение от доблестного старого маршала Вюрмзера и австрийских офицеров. В наступлении на Вену его дивизия отличилась в ужасном марше к Азоле; но, как сказал Бонапарт, "ветер и дождь всегда были венцом победы итальянской армии". При Градиске Серюрье захватил две тысячи пятьсот пленных, восемь знамен и десять артиллерийских орудий и снова увенчал себя славой при Коль де Тарви. В июне Бонапарт отправил старого воина в Париж, чтобы вручить Директории двадцать два захваченных трибуна, и в своих депешах, после перечисления своих триумфов от Мондови до Градиски, он закончил словами: "Генерал Серюрье чрезвычайно суров к себе, а иногда и к другим. Суровый блюститель дисциплины, порядка и самых необходимых добродетелей для поддержания общества, он презирает интриги и интриганок"; затем он потребовал для него командования войсками Цизальпинской республики. Но у директоров были другие планы, и они отправили генерала обратно командовать захваченной провинцией Венеция.

В 1799 году, когда австрийцы и русские вторглись в Северную Италию, Серюрье командовал дивизией оккупационной армии. Во время операций, которые закончились форсированием противником Адды, его дивизия оказалась изолированной от основных сил. Старый солдат, который хвастался тем, что никогда не поворачивался спиной к врагу, забыв о стратегии и думая только о чести, вместо того чтобы попытаться сбежать и присоединиться к остальной армии, овладел чрезвычайно сильной позицией в Вердерио и вскоре оказался в окружении; после доблестного боя с врагом, втрое превосходившим его по численности, он был вынужден сдаться с семью тысячами человек. Знаменитый Суворов, русский военачальник, отнесся к нему с большой добротой и пригласил отобедать. После того, как был устроен его условно-досрочный обмен, русский генерал спросил его, куда он направляется. "В Париж". - Тем лучше, - ответил Суворов. - Я рассчитываю вскоре увидеть вас там. "Я сам всегда надеялся увидеть вас там", - ответил Серюрье с немалым остроумием и достоинством.

Генерал все еще был условно-досрочно освобожденным заключенным, когда Бонапарт вернулся из Египта, и сразу же с радостью предоставил себя в его распоряжение и помог ему во время государственного переворота в Брюмере. Именно из-за этой службы и сильной привязанности, которую питал к нему старый воин, Бонапарт осыпал его почестями, ибо Серюрье, несомненно, сделал меньше, чем кто-либо другой, за исключением, возможно, Бессьера, чтобы заслужить свой батон. Тем не менее, Наполеон знал его преданность, его слепое подчинение приказам и его абсолютную честность. В декабре 1799 года он вызвал его в Сенат. В апреле 1804 года он назначил его губернатором дома инвалидов, а месяц спустя вручил ему маршальский жезл и наградил Большим Орлом ордена Почетного легиона и Большим крестом Железной короны. Но он никогда не использовал его в полевых условиях, хотя однажды на короткое время во время экспедиции Вальхерена назначил его командующим Национальной гвардией Парижа.

Старый маршал нашел подходящее занятие в уходе за ветеранами в доме инвалидов, в то время как в качестве вице-президента Сената он верно служил интересам своего любимого императора. Когда в 1814 году он услышал, что Париж собирается сдаться, а не что трофеи славы его господина должны попасть в руки врага, в ночь на 30 марта он собрал тысячу

восемьсот трофейных штандартов, украшавших собор Парижской Богоматери, и военные трофеи из часовни Инвалидов и сжег их, и он фактически бросил в огонь меч Великого Фридриха, захваченный в 1806 году в Потсдаме. Однако, несмотря на свою преданность императору, несколько дней спустя он принял участие в заседании Сената и проголосовал за свое низложение. При Реставрации он стал пэром Франции, но по возвращении Наполеона поспешил поприветствовать его. Но император не мог простить его дезертирства и, думая, что его услуги не принесут ему пользы, отказался от них. Когда бурбоны вернулись во второй раз, маршал был лишен своих титулов и, что причиняло ему еще большее горе, командования Инвалидами. Расставшись с ветеранами, за благополучием которых он так долго следил, старый воин удалился в частную жизнь и умер в Париже 21 декабря 1819 года в возрасте семидесяти семи лет.

XXVI

КНЯЗЬ ИОСИФ ПОНЯТОВСКИЙ, МАРШАЛ

Иосиф Понятовский, племянник короля Станислава (бывшего любовника Екатерины Второй в России), родился в 1762 году, еще до того, как его дядя был возведен в королевский сан. Как и все поляки благородного происхождения, война и только война могла предложить ему профессию, которой он мог или хотел заниматься, и, соответственно, в раннем возрасте он прошел обучение военному делу под знаменем Австрии. Вернувшись на родину в 1789 году, имея опыт нескольких кампаний против турок, его дядя доверил ему организацию польской армии. Ибо отвергнутый любовник великой Екатерины собирался предпринять последнее усилие, чтобы спасти свою страну от жадных рук Пруссии, России и Австрии. Великое королевство Польское переживало тяжелые дни; у него не было ни крепостей, ни флота, ни дорог, ни арсеналов, ни доходов, ни настоящей постоянной армии; в то время как король был избран сеймом дворян, которые больше думали о иностранном золоте, чем о патриотизме; единственный голос одного члена этого сейма мог остановить все дела. Реформы короля Станислава были мудрыми, но они пришли слишком поздно. Королевская власть должна была стать наследственной, "liberum veto", из-за которого был парализован бизнес, был отменен, и должна была быть создана постоянная армия. Но никому из ее великих соседей не нравилось видеть, как Польша превращается в современное государство, и прежде чем принц Джозеф успел собрать и тщательно обучить свою армию нового образца, Пруссия и Россия решили раз и навсегда стереть королевство с карты Европы. В 1792 году принц Джозеф оказался во главе своих новых рекрутов, которым противостояли обученные войска этих стран. Вдобавок к его трудностям приказы, которые он получал от своего дяди, были противоречивыми и нерешительными, поскольку король Станислав, хотя и был патриотом в душе, не обладал моральным мужеством для столь чрезвычайной ситуации. Новые польские войска добились некоторых незначительных успехов, но перед лицом огромного количества врагов сердце короля дрогнуло, и он подписал Тарговицкую конвенцию, которая предвещала расчленение его страны. Принц Джозеф, как и многие другие его храбрые товарищи, не в силах смириться с такой трусостью, отказался от своего звания и удалился в изгнание. В 1794 году Польша внезапно взялась за оружие по приказу великодушного Костюшко, и принц Иосиф, убежденный

солдат и патриот, с радостью подчинился приказам своего бывшего подчиненного и покрыл себя славой при осаде Варшавы. Однако снова польское сопротивление было сломлено численным превосходством, и принц, проигнорировав уговоры как императора, так и царицы, отошел от общественной жизни и поселился управлять своими поместьями недалеко от Варшавы. Одиннадцать долгих лет Польша лежала расчлененной, но национальный дух все еще тлел и вспыхнул ярким пламенем, когда в 1806 году победоносные французы прогнали потрепанные остатки прусских армий за Вислу. Но Польша была всего лишь пешкой в игре, которую можно было использовать как средство угрозы или умиротворения России, и, несмотря на большие надежды поляков, Тильзитский мирный договор, вместо того чтобы возродить древнее королевство, просто учредил Великое герцогство Варшавское. Император оставил Даву следить за распадом государства и назначил принца Жозефа организовать национальные силы, которые должны были дополнить французскую оккупационную армию. Лучшего выбора и быть не могло, поскольку принц обладал необходимым тактом, чтобы справиться с властным Даву, в то время как его рыцарский характер, его хорошо известный патриотизм, а также его опыт и способности позволили ему еще раз приучить польские войска к некоторой дисциплине. Когда в 1809 году великий европейский пожар вынудил Наполеона оставить Великое герцогство на произвол судьбы, принц Иосиф смог сдержать австрийцев и фактически проникнуть в Галицию до того, как битва при Ваграме положила конец войне.

Кампания Понятовского против Австрии, какой бы славной она ни была для поляков, на самом деле была предвестницей катастрофы. Во время кампании польские войска поддерживала русская дивизия. Для Понятовского русские, разорители его страны, были более ненавистны, чем враг, и он настолько не доверял им, что, рискуя вступить с ними в бой, отказался позволить им занять какую-либо из захваченных крепостей; это подозрение усилилось после того, как было захвачено секретное послание русского командующего австрийскому эрцгерцогу, поздравлявшее его с победой при Разине и выражавшее пожелание, чтобы к его штандартам вскоре присоединились австрийские орлы. Принц немедленно отправил перехваченную депешу Наполеону, который подытожил ситуацию словами: "Я вижу, что, в конце концов, я должен начать войну с Александром". Поэтому, когда Великая армия собралась для вторжения в Россию, князь Понятовский со своими поляками обрадовался призыву к оружию и привел тридцать шесть тысяч хорошо дисциплинированных и оснащенных солдат на место встречи, в то время как шестьдесят пять тысяч были оставлены для размещения гарнизонов в крепостях: мирные годы были потрачены им на напряженную работу в качестве военного министра, обеспечение армии всем необходимым, создание инженерных и артиллерийских училищ, оснащение госпиталей и совершенствование организации и дисциплины. Смоленск, Москва и многие другие стычки доказали, что организаторский труд не подорвал мужества принца Иосифа, а ужасы отступления в полной мере проявили его рыцарскую отвагу и решительность. Несмотря на ранение во время отступления, он был готов в следующем году помочь французам в Центральной Европе. Утром первого дня Лейпцигской битвы Наполеон, чтобы уволить поляков, послал их принцу своего батона в качестве маршала. Высоко оценивая оказанную честь, принц Джозеф не выказал чрезмерного восторга, поскольку, как бы он ни восхищался французами и какую бы благодарность ни испытывал, в глубине души он был поляком и, как он сказал своему товарищу: "Я горжусь тем, что являюсь лидером поляков. Когда у человека есть уникальный титул, превосходящий маршальский, титул генералиссимуса поляков, ничто другое не имеет значения. Кроме того, я собираюсь умереть, и я предпочитаю умереть как польский генерал, а не как маршал Франции". Но маршал не позволил своим мрачным предчувствиям

помешать исполнению долга и так яростно сражался с врагом, что после трехдневных боев его корпус сократился с семи тысяч до всего лишь двух тысяч человек. Утром рокового 19 октября император послал за ним и поручил ему оборону южного предместья Лейпцига. "Сир, - сказал принц, - у меня осталось совсем немного сторонников". "Что же тогда?" ответил император: "Вы будете защищать его тем, что у вас есть". "Ах, сир, - ответил принц-маршал, - мы все готовы умереть за ваше величество". Так говорил поляк, но многие французы думали иначе и поспешили покинуть поле боя. Окруженные своими ненавистными врагами, австрийцами, русскими и пруссаками, небольшая группа преданных поляков сражалась до последнего. Когда мост был взорван и приказ отступить стал невозможен, принц, обнажив меч, крикнул окружающим его: "Господа, мы должны умереть с честью". Тяжело раненный, с горсткой последователей, он пробился сквозь колонну противника и достиг берега Эльстера. Теряя сознание от потери крови, он направил свою лошадь в ручей, и с большим трудом добрался до другого берега; но животное, измученное долгими днями сражений, не смогло вскарабкаться на крутой, скользкий берег, а принц-маршал был настолько слаб, что больше не мог управлять своим скакуном; поэтому лошадь и всадник упали обратно в ручей, и их больше не видели живыми. Два дня спустя его тело было найдено и похоронено со всеми почестями, подобающими его рангу, в присутствии союзных государей, его бывших врагов. Так ушел из жизни князь Иосиф Понятовский, чья рыцарская отвага принесла ему титул польского баярда, чья жизнь была потрачена на благо своей страны, чья высокая военная репутация не была запятнана ни одним бесславным поступком, и кто в конце концов предпочел смерть капитуляции.

"Грэшем Пресс",
"АНВИН БРАЗЕРС ЛИМИТЕД",
УОКИНГ И ЛОНДОН.

Примечания переписчика:

Исправлены очевидные пунктуационные ошибки.

Доступ к изображениям фотографий в высоком разрешении можно получить, нажав на них.

Добавлены дефисы:

недобрая[-]воля (стр. 4, 214)
переворот[-]без[-]изящества (стр. 34, 309)
мастерский[-]удар (стр. 76)
тыловая[-]защита (стр. 94)
встречный[-]удар (стр. 108)
дальновидный (стр. 186)
первооружение[-]вооружения (стр. 216)
постельный[-]товарищ (стр. 233)

добрый[-]сердцем (стр. 287)

Добавлены диакритические знаки:

Жак Этьен (страница xix)

Рона (страница 68)

менаж (страница 141)

Пантеон (страница 175)

Люневиль (страница 184)

ОГЮСТ ФРЕДЕРИК (страница 200)

Пьер Этро (страница 349)

Кастаньос (страница 361)

Доннауверт (страница 363)

Оканья (страница 369)

Удалены диакритические знаки:

Лакнер (страница 318)

Дезэ (страница 363)

Страница viii: "ЭМАНУЭЛЬ ДЕ ГРУШИ" заменено на "ЭММАНУЭЛЬ ДЕ ГРУШИ".

Страница xix: Полное имя Маршалла Виктора фигурирует в разных источниках как Клод-Виктор Перрен и Claude Victor-Perrin. Его запись в этой таблице странная, но не была изменена.

Страница 118: "тупость" заменено на "тупость" (тупость ремесла красильщика).

Страница 157: "Д'Эрлон" заменено на "д'Эрлон" (корпус д'Эрлона).

Страница 157: "Quartre" заменено на "Quatre" (тридцать тысяч мужчин теперь носили Quatre Bras).

Страница 162: добавлено "от" (был уволен со службы).

Страница 300: "Луизиана" заменено на "Луизиана" (генерал-капитан Луизианы).

Страница 311: "был" заменено на "были" (не были сердечными).

Страница 360: Удалена ссылка на несуществующую страницу "387" для "Аустерлица".

Страница 368: Удалена ссылка на несуществующую страницу "xxiii" для "Moncey".

Страница 372: "Vendémaire" заменено на "Вандемский".